

# 1

# РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

RUSSKOE PROSHLOE **1**

РУССКОЕ  
ПРОШЛОЕ



1991

---

СВЕДЕНИЯ

1991

Учредитель — трудовой коллектив филиала «Свелен»  
совместного предприятия «Свенас».

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Г. БОРТНЕВСКИЙ (*главный редактор*)  
А. В. СМОЛИН  
В. Ю. ЧЕРНЯЕВ  
И. В. КАРАСЕВ (*ответственный секретарь*)

Материалы для издания получены при содействии Гув-  
веровского института войны, революции и мира (Стэнфорд,  
Калифорния), Университета Вашингтона и Ли (Лексинг-  
тон, Вирджиния), Русского центра (Сан-Франциско, Кали-  
форния), культурно-просветительного и благотворитель-  
ного общества «Родина» (Лейквуд, Нью-Джерси), Обще-  
ства ревнителей русской истории (Париж) и Централь-  
ного государственного архива Октябрьской революции,  
высших органов государственной власти и высших органов  
государственного управления СССР.

*Адрес редакции: 194156, Ленинград, ул. Сердоболь-  
ская, д. 1, СП «Свелен». Телефон —  
(812)-242-27-31, телефакс — (812)-  
242-13-85, телекс — 121340 Medin*

**СВЕЛЕН**





# РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

---

Книга 1

1991

---

## СОДЕРЖАНИЕ

Нашим читателям . . . . . 5

### АРХИВ ГУВЕРОВСКОГО ИНСТИТУТА ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И МИРА (США)

Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами  
градоначальника А. П. БАЛКА . . . . . 7

### КОЛЛЕКЦИЯ БЫВШЕГО РУССКОГО ЗАГРАНИЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА В ПРАГЕ

Э. Н. ГИАЦИНТОВ. Трагедия русской армии в 1917 году. . 73

А. А. БОРМАН. Москва — 1918 (из записок секретного агента  
в Кремле). . . . . 115

Из документов белогвардейской контрразведки 1919 г.. . . . 150

### ЛИЧНЫЕ АРХИВЫ

ПОССЕ В. А. От Февраля до Бреста (воспоминания). . . . 173

### ИЗ РАСКРЫТЫХ МАТЕРИАЛОВ АРХИВОВ КГБ СССР

Ленинградские масоны и ОГПУ (протоколы допросов, вещест-  
венные доказательства) . . . . . 252

---

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Н. П. ПОЛТОРАЦКИЙ</i> . «За Россию и свободу...»: идейно-политическая платформа Белого движения. . . . .	280
Краткие сведения о публикаторах . . . . .	309
Аннотация содержания на английском и французском языках	312

Обложка художника И. Д. ВИСОЦУКА

© «Русское прошлое». 1991

*Издательства и редакции средств массовой информации, желающие полностью или частично перепечатать какие-либо материалы «Русского прошлого», должны предварительно сообщить о своих намерениях редакции альманаха.*

---

## Нашим читателям

В ваших руках первый выпуск ежеквартального альманаха «Русское прошлое». Увидев его обложку, некоторые догадались, что это — возобновление и продолжение одноименных исторических сборников, которые выходили под редакцией С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Юлия Гессена. Изданные ими в 1923 г. пять томов включали как неизвестные ранее исторические документы, так и научные исследования. И хотя они были посвящены, в основном, истории политической, авторы и составители не ставили историю на службу политике, не подменяли исследование политизированной публицистикой. Твердость в отстаивании своих научных принципов позволила ученым этой школы сохранить свое человеческое и научное лицо в самых сложных обстоятельствах.

Научный поиск истины о прошлом нашей страны, взятый во всем его сложном и противоречивом многоцветии, археографически точное воспроизведение и обстоятельный комментарий исторических источников — таковы основные принципы нашего издания. Мы стремимся содействовать сохранению, развитию и распространению благородных традиций, культурно-нравственных ценностей Отечества, расширению источниковой базы для объективного изучения и преподавания истории России.

В альманахе читатель найдет исторические документы, письма, дневники, воспоминания участников событий, извлеченные из архивных фондов, рукописных собраний библиотек, частных коллекций нашей страны и зарубежья. На страницах «Русского прошлого» будут печататься *только ранее неопубликованные материалы*

с научным комментарием. Для иллюстраций привлекаются редкие фотографии, публикуемые, как правило, впервые.

Редакция выражает искреннюю благодарность совместному советско-американско-австрийскому предприятию «Свелен», нашим зарубежным соотечественникам, Русской Зарубежной Православной церкви, чья помощь и поддержка сделали возможным издание альманаха «Русское прошлое». В частности, мы признательны нашим американским коллегам-историкам; профессорам Ричарду Бидлаку (Университет Вашингтона и Ли, Лексингтон, Вирджиния), Арчу Гетти (Калифорнийский университет, Риверсайд), Дональду Раллей (Университет Северной Каролины, Чэплхилл).

Редакция надеется на плодотворное сотрудничество с читателями и будет благодарна за критические замечания, советы и пожелания и за присланные материалы для публикации.

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**

# Гибель царского Петрограда

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ  
ГЛАЗАМИ ГРАДОНАЧАЛЬНИКА  
А. П. БАЛКА

Уникальность данной публикации в том, что в ней впервые счастливо соединились ранее неизвестные и хранящиеся по разные стороны света документы последнего царского градоначальника А. П. Балка о Февральской революции. Это — написанные им в 1929 г. в эмиграции, в Белграде, воспоминания в форме дневника «Последние пять дней царского Петрограда», которые обнаружил в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США) Виктор Бортневский, а также первые собственноручные показания А. П. Балка Следственной комиссии Государственной думы, данные им в 1917 г. по горячим следам под арестом в Министерском павильоне Таврического дворца, и другие документы, выявленные Владимиром Черняевым в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда.

Исследования историков не содержат сведений о происхождении и жизненном пути А. П. Балка. Он принадлежал к старинному дворянскому роду Петербургской губернии. По одним сведениям, этот род происходил от лейтенанта шведской службы, чей сын Корнилиус в русском плену принял православие с именем Михаил<sup>1</sup>. По другим — родоначальник рода фон Балкен переселился из Вестфалии в Ливонию, а его сын, Николай Иванович

---

<sup>1</sup> Публикация В. Г. Бортневского и В. Ю. Черняева. Вступительная статья и комментарий В. Ю. Черняева.

фон-Балкен, майор шведской службы, в 1653 г. перешел в русскую армию, в новоформируемые регулярные полки и участвовал во взятии Смоленска, походах против Стеньки Разина и крымских татар. Его потомки носили фамилию Балк.<sup>2</sup> Самым известным в роду был герой Отечественной войны 1812 г. генерал-лейтенант Михаил Дмитриевич Балк.<sup>3</sup>

Подробные биографические сведения о А. П. Балке содержит хранящееся в ЦГИАЛ в фонде Канцелярии петроградского градоначальника дело «О службе Петроградского градоначальника генерал-майора Балка».<sup>1</sup> Оно включает его послужной список и разные документы.

Александр Павлович Балк родился 7 февраля 1866 г., православный. Окончил 1-й Кадетский корпус и 1-е Павловское училище. Военную службу начал в училище 31 августа 1884 г. юнкером рядового звания. В 1886 г. он произведен в поручики и направлен в 16-й Ладожский пехотный полк.

С 1887 г. А. П. Балк — в лейб-гвардии Волынском полку, где за 16 лет поднялся по служебной лестнице лишь до капитана, командира роты. При этом ему приходилось заведовать солдатским буфетом, быть ординарцем на самокате (так назывался велосипед) при командующем войсками на больших маневрах августа 1895 г., библиотекарем полковой офицерской библиотеки, делопроизводителем полкового суда и членом суда общества офицеров.

Гвардейская карьера А. П. Балка завершилась 12 марта 1903 г., когда высочайшим приказом по военному ведомству он был назначен помощником варшавского обер-полицмейстера, с зачислением по армейской пехоте и повышением в звание полковника. 13 лет он отслужил на этом посту, нередко сам выполняя обязанности обер-полицмейстера. Проезжая в октябре 1909 г. через Варшаву, император Николай II собственноручно пожаловал ему за усердие золотые часы. К этим годам относится публикуемая нами фотография А. П. Балка из Государственного архива кинофотодокументов Ленинграда, более поздней найти не удалось. 6 декабря 1912 г. А. П. Балка произвели в генерал-майоры.

На второй год первой мировой войны, 23 июля (5 августа н. ст.) 1915 г. германские войска взяли Варшаву. По обстоятельствам военного времени в июле 1915 г. А. П. Балк все в той же должности помощника варшавского обер-полицмейстера был переведен в Москву. В походах и боях против неприятеля ему так и не довелось



А. П. Балк. 1907.

участвовать, но грудь его украшали ордена Св. Владимира 3-й степени, Св. Станислава 2 и 3 степеней, серебряная медаль на ленте ордена Св. Александра Невского в память царствования Александра III и светло-бронзовые медали в память 300-летия царствующего дома Романовых и за труды по отменному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г.

Варшава оставалась в глубоком тылу германских войск, ее скорое освобождение не предвиделось и пребытие ее высших полицейских чинов в Москве теряло смысл. Поэтому последовали новые назначения. Варшавский обер-полицмейстер, генерал-майор П. П. Мейер 15 августа 1916 г. стал градоначальником Ростова-на-Дону. 1 ноября 1916 г. в Царской Ставке Николай II издал именной указ: «Помощнику Варшавского обер-полицмейстера, генерал-майору Балку Всемиловитейше повелеваем быть Петроградским градоначальником». <sup>5</sup> ¶ Александр Павлович, со своею второю супругой Верой Ипполитовной (которая была сестрою начальника Генерального штаба, генерал-майора М. И. Занкевича), сыном от первого брака Евгением и дочерью от второго брака Елизаветой перебрался в столицу. 9 ноября он вступил в свою последнюю должность, о чем сообщал его печатный приказ по Петроградскому градоначальству и столичной полиции № 246 от 10 ноября 1916 г.

Место петроградского градоначальника было вакантным после устранения с него генерал-майора, князя А. Н. Оболенского. Его не любили императрица Александра Федоровна и возглавлявший Министерство внутренних дел А. Д. Протопопов. Впавший в немилость князь ездил за помощью к Г. Распутину, но тот не заступился. Назначенный в свиту ЕИВ, князь А. Н. Оболенский отбыл на фронт и стал командиром пехотной бригады. А. Д. Протопопов предложил Николаю II и Александре Федоровне четыре кандидатуры градоначальника: ростовский градоначальник генерал-майор П. П. Мейер, градоначальник Ялты генерал-майор А. И. Спиридович, военный губернатор Амурской области и наказной атаман Амурского казачьего войска генерал-майор К. Н. Хогондоков и генерал-майор А. П. Балк. Николай II отклонил Мейера: «Немецкая фамилия, не надо». Хогондоков не приглянулся императрице Александре Федоровне, а о Спиридовиче она сказала: «Пусть остается, где он есть». После убийства в Киеве П. А. Столыпина, начальника Киевского Охранного отделения А. И. Спиридовича обвинили в неприятии надлежащих мер. И хотя дело

потом закрыли, при императорском дворе видеть его не желали.<sup>6</sup>

Так осталась одна кандидатура — А. П. Балк. Менее года спустя в Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства А. Д. Протопопов признался: «Он был мой товарищ по 1-му кадетскому корпусу, и я его считал наиболее подходящим кандидатом; за него просил П. А. Бадмаев; Распутин знал А. П. Балка. (...) Я сказал про А. П. Балка: «Он хороший человек и будет свой», и просил его назначить. Царь согласился; царица не возражала. Доклад мой царю произошел в этот день случайно: я был вызван к царице, разговаривал с нею в гостиной, куда пришел царь».<sup>7</sup>

О связи А. П. Балка с Г. Распутиным сообщил ЧСК и бывший директор Департамента полиции и товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий: «Относительно Балка Распутин сказал, что новый градоначальник был у него, что он человек хороший и что за него ручался Курлов».<sup>8</sup> Генерал-лейтенант П. Г. Курлов, бывший командир Отдельного корпуса жандармов, был в те дни товарищем министра внутренних дел, т. е. заместителем А. Д. Протопопова. На принадлежность А. П. Балка, как и А. Д. Протопопова, к кружку врача тибетской медицины Петра Бадмаева, близкого в те дни к Г. Распутину, указал ЧСК и другой бывший министр внутренних дел А. Н. Хвостов.<sup>9</sup> Свидетельство тому и уцелевшая в архиве П. А. Бадмаева записка Г. Распутина А. П. Балку:

*«Енисралу градоначальнику Балку.*

*Милой дорогой извиняюсь помоги бедному баньщику*

*Григорий»<sup>10</sup>.*

18 декабря, около 8 часов утра, А. П. Балк известил А. Д. Протопопова об исчезновении Г. Распутина. Подозревая в его убийстве князя Ф. Ф. Юсупова, императрица Александра Федоровна приказала А. П. Балку произвести обыск в Юсуповском дворце на Мойке. Прийдя на Гороховую, в Градоначальство к А. П. Балку, Ф. Ф. Юсупов застал там сильную суету. Балк озабоченно сидел в кабинете за письменным столом, не зная, что предпринять. Жена князя Ф. Ф. Юсупова, великая княгиня Ирина Александровна, была племянницей государя. Жилища лиц императорской фамилии были неприкосновенны. Меры против них могли быть приняты только по при-

казанию Николая II. Все взвесив, Балк предупредил Юсупова о распоряжении императрицы произвести обыск, а, после его энергичных возражений, сам по телефону отменил обыск и дал этим возможность уничтожить следы преступления.

Дипломатично вывернувшись из крайне щекотливого положения с Распутиным и Юсуповым, А. П. Балк, казалось бы, доказал проницательность А. Д. Протопопова в подборе столичного градоначальника. Наверно это и было бы так, если бы Петроград являлся лишь аристократическим городом и императорской резиденцией, а не центром жесткой политической борьбы, рабочего и революционного движения, городом с миллионом проблем. Они блекло отражены в личном деле А. П. Балка. По просьбе А. А. Риттиха, управляющего Министерством земледелия и председателя Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу, А. П. Балк в начале декабря стал уполномоченным председателем этого Особого совещания по Петрограду до назначения постоянного уполномоченного от Петроградского городского управления. (В феврале им стал В. К. Вейс). Совет Георгиевского комитета 28 января избрал А. П. Балка действительным членом своего комитета. Великий князь Александр Михайлович 10 февраля предложил А. П. Балку стать председателем Петроградского городского комитета по сбору пожертвований на военный воздушный флот. В ответном письме 18 февраля А. П. Балк сообщал, что «счастлив посвятить свои досуги делу усиления военного флота на добровольные пожертвования».<sup>11</sup>

Другую, секретную деятельность А. П. Балка показывают материалы ЧСК Временного правительства. Целя опыта борьбы Балка с революционным движением в Варшаве, А. Д. Протопопов сразу же поручил ему разработать план охраны столицы на случай серьезных беспорядков. Уже 10 ноября Балк доложил ему о начале выработки вместе с генерал-лейтенантом С. С. Хабаловым, начальником военного округа, совместных действий полиции и войск в трех вариантах: на случай забастовки, уличных демонстраций и «беспорядков, переходящих в бунт». Заседания об этом шли ежедневно в квартире Балка, в здании Градоначальства, пока в середине января он не представил Протопопову готовый план охраны столицы с дислокацией войсковых и полицейских частей. Он предусматривал сначала меры полицейские, затем войсковые. Город был разделен на участки по числу

запасных батальонов гвардии. Их начальнику, генерал-лейтенанту А. Н. Чебыкину поручили ведать охраной столицы.<sup>12</sup> Однако настроение войск было враждебным к правительству, особенно к Протопопову, и антидинастическим. Даже офицеры открыто ругали императрицу и пренебрежительно отзывались о государе.

С 1 декабря, для осведомления полиции, по распоряжению А. П. Балка издавались не подлежащие разглашению «Записки о происшествиях». Последний выпуск помечен 24 февраля и сообщал о событиях предшествующего дня.<sup>13</sup> В январе, в связи с ростом краж и грабежей, А. П. Балк обязал полицейских приставов лично контролировать смену городских, а полицейские роты высылать на рабочие окраины несколько раз в день, обновляя маршруты, конные дозоры. Особые меры он предпринял к открытию 14 февраля сессии Государственной думы, когда ожидалась демонстрация с требованием создания ответственного перед Думой правительства. 8 февраля Балк предписал полиции: «Малейшие подозрительные группировки на улицах и тротуарах должны быть тотчас же рассеиваемы. При появлении более значительных групп следует немедленно вызывать кавалерийские части».<sup>14</sup> У рабочих застав им были выставлены отряды конных стражников, соседние с Таврическим дворцом улицы патрулировались нарядами полиции, отряды жандармов и конной стражи разъезжали по всему городу. 14 февраля бастовало до 90 тыс. рабочих, но полиция сумела сорвать попытки демонстраций.<sup>15</sup>

В середине февраля газеты сообщили о намерении А. П. Балка и городского головы П. И. Лелянова ввести хлебные карточки. Это вызвало волнения среди рабочих. Депутация общества пекарей из мелочных лавочников жаловалась Балку на недостаток муки и просила вернуть из армии пекарей, т. к. оставшиеся пьянствуют и их не заставить работать. С. С. Хабалов приказал интенданту выдавать муку из военных запасов на фабрики и заводы через Общество заводчиков и фабрикантов, но положение с хлебом не улучшалось. Лавочники прятали муку, продавали ее в уезд, где она стоила втрое дороже, а население запасалось сухарями.<sup>16</sup> И даже в либеральных, кадетских кругах в нехватке хлеба видели злонамеренность правительства, стремящегося голодным бунтом оправдать желанный ему сепаратный мир. Рабочие начали громить булочные и хлебные лавки. Пристав второго участка Выборгской стороны докладывал о брожении среди рабочих из-за нехватки хлеба: «Приходится

ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по 2—3 дня и более и поэтому можно ожидать беспорядков». Это было 22 февраля.<sup>17</sup>

Несмотря на тревожные предчувствия и тщательные приготовления, первый день революции, четверг 23 февраля, застал Градоначальство врасплох. Демонстранты в центре столицы выкрикивали «Дайте хлеба!», «Долой войну!», пели Марсельезу и «Вставай, поднимайся рабочий народ». Нарядов полиции на улицах не оказалось. А. П. Балк вызвал конную полицию, жандармский дивизион и кавалерийские отряды, но их действия не достигали цели. Разогнанные демонстранты собирались в других местах, били зеркальные стекла витрин магазинов и растаскивали товары. По сведениям Охранки 24-го демонстрации не ожидалось. Рано утром А. П. Балк, в легковом автомобиле, под эскортом конной жандармерии, объехал центр столицы и Выборгскую сторону, где беседовал с забастовщиками. Движение разрасталось. Демонстранты кричали: «Долой царя, долой правительство, долой полицию!» В 11 часов утра Балк доложил С. С. Хабалову, что без войск полиции не справиться. Хабалов вызвал войска, но стремился избежать кровопролития. По словам А. Д. Протопопова, Балк «был серьезен, но спокоен», но 25 февраля начал терять самообладание. Движение росло и появились флаги «Долой самодержавие!» Поздним вечером в Градоначальство приехал Протопопов, заслушал донесения чинов полиции и выразил благодарность защитникам царя и Отечества. «Молитесь и надейтесь на победу», — напутствовал он и приказал А. П. Балку 26-го представить ему на утверждение приказ с благодарностью всем чинам полиции, особо отметив тех, кто кровью запечатлел верность долгу.<sup>18</sup>

Однако 26 февраля обоим было не до этого. Сослов С. С. Хабалова известно, что Николай II приказал стрелять по демонстрантам. Использование в полицейских целях унижало гвардию, а пролитая кровь несмываемым пятном ложилась на честь ее полков. Первыми днем 26-го восстали Павловцы,<sup>19</sup> утром 27-го Волынцы и другие полки, Рабочие и солдаты стекались к Таврическому дворцу, ставшему центром восстания: днем там образовался Временный комитет Государственной думы, зачаток либерально-буржуазного Временного правительства, а вечером начал работу Петроградский Совет — параллельная социалистическая власть. К ночи защитников самодержавия блокировали в правительственном

центре. По телефону А. П. Балк спрашивал у А. Д. Протопопова разрешение попытаться во главе отряда конных стражников пробиться в Царское Село. Протопопов возмутился: «Как же вы, градоначальник, думаете уйти из Петрограда? Что же это такое будет?».<sup>20</sup> По словам Протопопова это было 26-го, но могло быть лишь к ночи 27-го. Уже восстал 1-й запасной пулеметный полк (более 19 тыс. солдат вооруженных 1,5 тысячами пулеметов и несколькими тысячами винтовок). С другими частями Ораниенбаума ночью полк выступил в столицу присоединяя по пути войска Петергофа и 2-й пулеметный полк в Стрельне: всего не менее 60 тыс. человек, с более тысячи пулеметов, броневиками, тяжелой артиллерией — что окончательно решило судьбу революции.<sup>21</sup>

Нет нужды пересказывать события, отраженные в показаниях и воспоминаниях А. П. Балка и наших комментариев к ним. Отметим лишь два момента В показаниях Балк стремился придать невинность действиям полиции накануне и в дни революции, переложить всю ответственность на военное командование, хотя был главным разработчиком плана ее подавления. Второй момент — отрицание Балком своей причастности к стрельбе из пулеметов по демонстрантам и восставшим. В. Л. Бурцев, опросивший Балка еще в Таврическом дворце под арестом, категорично утверждал, что «Балк является здесь добросовестным свидетелем, человеком, который был устранен в последние дни от заведывания общей полицией, и что он, во всяком случае, о пулеметах ничего не знал».<sup>22</sup> Но так ли это?

Пулеметы давно уже стояли на крышах зданий центра столицы, между Невой и Обводным каналом, для отражения возможных налетов германских аэропланов. Уже при Балке, в ноябре 1916 г. товарищ министра внутренних дел, генерал-лейтенант П. Г. Курлов решил усилить полицию пулеметами. К открытию сессии Государственной думы из 1-го пулеметного полка доставили часть пулеметов и ночью 11 февраля полицейские резервные части расставили их на крышах и чердаках по заранее составленному плану, но неумело, что в дни восстания затрудняло стрельбу и уменьшило возможное число жертв. Совещание вечером 26 февраля у Балка в Градоначальстве под председательством возглавившего войсковую охрану столицу полковника Павленкова обсуждало возможность использования против восставших пулеметчиков Ораниенбаума, артиллерии, броневиков и аэ-

ропланов. В ночь на 27-е 1-й пулеметный полк прислал 18-ю отдельную роту с 24 пулеметами. Ее присоединили к войскам и полиции, защищавшим район Зимнего дворца и Адмиралтейства, последнюю царскую цитадель в Петрограде.<sup>23</sup> Эпизодическая стрельба из пулеметов стала массовой 28-го. Полиция не была ей обучена, стреляли солдаты. На допросе 8 марта в тюрьме Трубецкого бастиона Петропавловской крепости С. С. Хабалов признался А. Ф. Керенскому: «Если у меня откуда-нибудь появились [бы] лишние пулеметы, то я бы их отдал войскам, а не дворникам и городовым».<sup>24</sup> Однако в общественном мнении вину за это свалили полностью на полицию, арестованных на крышах солдат отпускали, а полицейских часто убивали на месте. Поползли слухи о переодетых в солдатские шинели городовых...

Карьера А. П. Балка и других царских защитников рухнула вместе с царским престолом. Под арестом в Министерском павильоне Таврического дворца написаны им публикуемые нами показания. Это — пять больших листов, исписанных чернилами с обеих сторон. На первом чистом листе (в деле он подшит шестым), в правом верхнем углу им же надписано: «Объяснения Ген. Майор. Балка». Кроме товарища прокурора Петроградского окружного суда Петра Григорьевича Костенко, его лично допрашивал во дворце А. Ф. Керенский. Затем Балка перевели в Петроградскую одиночную тюрьму «Кресты», а 24 апреля на Гауптвахту при управлении коменданта Таврического дворца, где режим был значительно легче.<sup>25</sup> Ранее там, на Фурштадтской улице, 40, помещались штаб Особого корпуса жандармов ( в нем был сосредоточен политический сыск) и квартиры высших чинов штаба. Утром 28 февраля восставшие разгромили дом, а затем там разместились Центральное бюро профсоюзов Петрограда, правления профсоюзов и редакции их журналов, Центральный совет фабзавкомов, а также штаб-квартира партии меньшевиков. Во дворе в флигеле сохранялось арестное помещение — эта самая гауптвахта, где сидели также переведенные из Петропавловской крепости С. С. Хабалов, военный министр М. А. Беляев, фрейлина А. А. Вырубова и др.<sup>26</sup>

31 мая Вера Ипполитовна Балк обратилась в ЧСК Временного правительства с прошением освободить мужа из-под стражи, председатель ЧСК Н. К. Муравьев дал согласие и 2 июня А. П. Балка освободили под подписку:

*«Я, нижеподписавшийся, даю настоящую подписку Прокурору Петроградской Судебной Палаты в том, что при каждой перемене своего адреса обязуюсь сообщать таковой Прокурору.*

*Петроград. 2 июня 1917 год.*

*Генерал Майор Балк.*

*Адрес. Суворовский проспект, дом 65, кв. 41»<sup>27</sup>.*

Согласно этой подписке А. П. Балк позднее сообщал прокурору:

*«Довожу до сведения канцелярии, что я переехал из Москвы на жительство в Новочеркасск, Воспитательная улица, дом. 20. А. Смирнова.*

*Генерал Майор в отставке Балк*

*11 августа 1917 года»<sup>28</sup>.*

Гражданская война забросила А. П. Балка в Югославию, где им написаны публикуемые нами воспоминания. Архивная рукопись представляет собою машинописный текст с чернильной авторской правкой. На первой странице, над заглавием, А. П. Балк написал: «Всего пронумеровано 23 страницы, из которых две неполные. 18/VII-29 г. Балк». И чуть ниже его же рукою — «Копия». Страницы скреплены нитями и сергучной печатью. На последней под текстом машинописи подпись: «А. Балк 17/VII-29 Белград». Листы большого формата, машинописный текст напечатан через интервал. В эмиграции А. П. Балк прожил долго и умер в весьма преклонном возрасте, в 1957 г.

Оставляем нашим читателям приятный и интересный труд самим сравнить показания 1917 г. и воспоминания А. П. Балка о последних днях царского Петрограда. Все публикуемые нами документы воспроизведены без купюр и изменений в тексте, как бы не резали порою глаз некоторые высказывания Балка. Ведь эти документы ценны тем, что говорят не только о трагических событиях февраля 1917 года, но и об авторе показаний и воспоминаний, чертах характера человека, игравшего весьма заметную роль накануне и в дни Февральской революции.

Публикация осуществлена в соответствии с нормами археографии. Реконструируемый текст взят в квадратные скобки, вычеркнутый — в угловые. Поскольку А. П.

Балк не всегда точен в написании фамилий, инициалов и должностей, к публикации приложен развернутый именной указатель упомянутых им лиц, который составлен по архивным документам и справочникам. Поэтому, в примечаниях эти ошибки А. П. Балка не оговариваются.

<sup>1</sup> Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. 4. СПб., б. г. С. 863.

<sup>2</sup> Русский биографический словарь, т. 2. СПб., 1900. С. 446.

<sup>3</sup> Там же. С. 449—450; Военная энциклопедия, т. 4. СПб., 1911. С. 366—367.

<sup>4</sup> ЦГИАЛ. Ф. 569. Оп. 27, Д. 58.

<sup>5</sup> Там же. Л. 19.

<sup>6</sup> Показания А. Д. Протопопова, 31 августа 1917 г. // Падение царского режима, т. 4. Л., 1926. С. 91.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Показания С. П. Белецкого, 24 июня 1917 г. // Падение царского режима, т. 4. С. 305.

<sup>9</sup> Допрос А. Н. Хвостова, 18 марта 1917 г. // Падение царского режима, т. 1. Л., 1924. С. 13.

<sup>10</sup> За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С. 44.

<sup>11</sup> ЦГИАЛ. Ф. 569. Оп. 27. Д. 58. Л. 21—22, 32, 36—38.

<sup>12</sup> Показания А. Д. Протопопова, 31 августа 1917 г. С. 45, 91; Допрос А. Д. Протопопова, 21 марта 1917 г. // Падение царского режима, т. 1. С. 155; Показания А. Д. Протопопова, 28 июля и 31 августа 1917 г. // Падение царского режима, т. 4. С. 46, 95.

<sup>13</sup> Акаемов Н. Ф. Агония старого режима: по приставским донесениям и показаниям свидетелей // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. IV.

<sup>14</sup> Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. Документы и материалы. Л., 1958. С. 535.

<sup>15</sup> Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 107—108; Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 634.

<sup>16</sup> Допрос ген. С. С. Хабалова, 22 марта 1917 г. // Падение царского режима, т. 1. С. 184; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, кн. I. Л., 1967. С. 49.

<sup>17</sup> Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция... С. 118.

<sup>18</sup> Там же. С. 127—134; Лейберов И. П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции. М., 1979. С. 132, 137; Показания А. Д. Протопопова, 11 сентября 1917 г. // Падение царского режима, т. 4. С. 98—99; Акаемов Н. Ф. Агония старого режима. С. XXII.

<sup>19</sup> Черняев В. Ю. Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г. // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Сб. научных трудов. Л., 1989. С. 152—177.

<sup>20</sup> Допрос А. Д. Протопопова, 14 апреля 1917 г. // Падение царского режима, т. 2. Л., 1925. С. 149—150; Показания А. Д. Протопопова, 11 сентября. С. 101.

<sup>21</sup> Черняев В. Ю. Ораниенбаумское восстание в феврале 1917 г. // Исторические записки. 1986, т. 114. С. 260—275.

<sup>22</sup> Показания В. Л. Бурцева, 1 апреля 1917 г. // Падение царского режима, т. 1. С. 295.

<sup>23</sup> Черняев В. Ю. Ораниенбаумское восстание... С. 262—263.

<sup>24</sup> ЦГАОР СССР. Ф. 1467. Оп. I. Д. 471. л. 155.

<sup>25</sup> ЦГИАЛ. Ф. 1695. Оп. I. Д. 47. Л. 7—8; Д. 521. Л. 18.

<sup>26</sup> Черняев В. Ю. Пять дней в Нейволе // Белые ночи: очерки, зарисовки, воспоминания, документы. Л., 1985. С. 49—51.

<sup>27</sup> ЦГИАЛ. Ф. 1695. Оп. I. Д. 47. Л. 10.

<sup>28</sup> Там же. Л. 11.

## **И. ПОКАЗАНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. П. БАЛКА ТОВАРИЩУ ПРОКУРОРА ПЕТРОГРАДСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА П. Г. КОСТЕНКО 9 АПРЕЛЯ 1917 г.**

Вследствие полученного мною предложения от товарища прокурора Костенко ответить на предложенные вопросы<sup>1</sup> объясняю: 1) Александр Павлович Балк. 2) От роду имею 51 год. 3) Генерал-майор. 4) Бывш[ий] петроградский градоначальник (с 9 ноября 1916 г.).. 5) Указаны во II Томе св[ода] Закон[ов] рос[сийской] импер[ии] в делах политических функции градонач[альника] самостоятельными не были. По указанию Департ[амента] Полиц[ии] и сведениям Охран[ного] Отдел[ения] действия градоначальника сводились к принятию мер по поддержанию порядка в городе во время демонстративных выступлений толпы. Кроме того, градоначальник, по докладу нач[альника] охран[ного] отд[еления], представлял команд[ующему] войск[ами] Петроградского военного округа) и Министру внутр[енних] дел переписки о воспрещении жительства в столице. 6) В 11 часов дня 27 с[его] февраля, находясь с высшими чинами полиции в здании Адмиралтейства, был опрошен вооруженной толпой и военными чинами: «где генерал Хабалов?» — Ответил: «был здесь, но ушел. Я градоначальник. Прошу препроводить меня и моих сослуживцев в Государствен[ную] Думу». — Под кон-

воем воинских чинов все мы были доставлены на двух автомобилях в Государствен[ную] Думу. 7) Активного участия в подавлении революции не принимал.

## 24 Февраля

В виду ненормального движения 23 февраля и стремления сосредоточиться на Невском, мною накануне были отданы приказания полицмейстерам на общем собрании принять меры наблюдения и выслать конные наряды жандармов, полиции и казаков преимущественно в отдаленные части города. Все мои распоряжения были занесены в журнал, который я и передал Управляющ[ему] моей канцелярии. Сведений от Охран[ного] Отд[еления] на этот день никаких ко мне не поступало. С утра почти все фабрики забастовали<sup>2</sup>. Невский стал наполняться густой толпой. По моему докладу по телефону в 11 час. дня Командующ[ему] войсками [округа], что на Невском ходят толпы и начались митинги, генер[ал] Хабалов сказал: «Сам вижу из своей квартиры, как с Выборгс[кой] стороны народ свободно переходит по льду<sup>3</sup>. Делаю распоряжение о немедленном вызове войск».— Между 11—12 час. дня в градоначальство ко мне в кабинет прибыл Преображенск[ого] полка полковник Павленко с адъютантом и заявил мне, что ему приказано Командующ[им] войсками [округа] вступить в распоряжение войсками и полицией для водворения порядка в городе. С этого момента я уже никаких распорядительных приказаний ни чинам полиции, ни тем более войскам не отдавал и занимался только текущими канцелярскими делами, <и> приемом просителей и своих служащих с очередными докладами и перепиской. Вскоре стали в градоначальство прибывать с докладами начальники воинских частей, коих выслушивал полк[овник] Павленко, а затем и прибывший генер[ал] Хабалов<sup>4</sup>. Вечером было назначено заседание в Штабе Округа в присутствии начальников отдельных[ых] воинских частей. Я и полицмейстеры тоже были приглашены. Полковник Павленко председательствовал и повторил, чтобы полицмейстеры давали все сведения о беспорядках немедленно начальн[икам] ответственных воен[ных] районов,— градоначальнику же доносить рапортами по окончании дня. Затем все мы были отпущены, а военные продолжали заседать<sup>5</sup>.

## 25-го Февраля

Сильно избит толпою полицеймейстер Выборгской стороны полковник Шалфеев и легко ранены камнями два кон [ных] городских. Убит между 4—5 час. дня на Знаменск [ой] площ [ади] пристав ротмистр Крылов. Картина, как и в предыдущий день, [—] стихийное стремление к Невскому, митинги, красные флаги, остановка трамваев и в отдален [ных] частях и извозчиков. Насколько помню, стрельбы и сегодня не было.— Неожиданно в 11 час. ночи я был вызван председат [елем] Совет [а] Министров к нему на квартиру. На квартире я застал весь совет министров. Мне было предложено князем Голицыным доложить о положении. Не успел я начать говорить, как прибыл генер [ал] Хабалов, который и доложил истекшие события. Положение дел было признано грозным и генерал Хабалов заявил, что им решено с завтрашнего дня приступить к действию оружием. Затем я был отпущен, а заседание продолжалось.

## 26 Февраля

С утра по городу появились объявления командующ [его] войсками, что в случае беспорядков таковые будут подавлены огнем. Войска в этот день стреляли на Знаменск [ой] площади <sup>6</sup>. В жандармский наряд на Невском были брошены петарды (ранены лошадь и жандарм). Рота Павловск [ого] полка отказалась идти на усмирение беспорядков, обстреляла конный дозор полиции (ранен городской и две лошади убиты). Командир батальона полковн [ик] Экстен тяжело ранен в голову <sup>7</sup>. Генерал Хабалов вызвал в градоначальство командиров отдельн [ых] частей на заседание. Я в заседании не участвовал.

## 27-го Февраля

В виду получения сведений, что некоторые части войск с утра начали присоединяться к революционерам, генерал Хабалов последовательно посылал несколько отрядов войск с пулеметами для подавления восставших. Какие были результаты мне было неизвестно. Чувствовалась общая подавленность. В 6 часов вечера я получил приказание от Команд [ующего] войсками

[округа] перейти в Адмиралтейство. Туда же переведены были войска, и мне приказано было также отвести в Адмиралт[ейство] и наряд полиции и жандармов. Всего: 6 взвод жанд[армов], 90 человек город [овых] резерва и 80 кон[ных] городских.— Этот наряд находился с утра в градоначальстве и до роспуска на другой день из Адмиралтейства никаких действий не производил и поручений не получал. Из Адмиралтейства часов в 12 ночи всех перевели в Зимний Дворец, а затем обратно в Адмиралт[ейство]. Часов в 8 утра 28-го Февраля начальник резерва доложил мне, что городовые заявили ему, что они слышали от воинских чинов, что те выйти выйдут, но действовать оружием не будут. Городовые опасаются, что их постигнет печальная участь. На это я ответил Начальн[ику] резерва, чтоб он передал от меня городовым приказание сложить оружие и кто желает идти домой, сам я остаюсь здесь. Через минут двадцать я вышел во двор и убедился, что оружие сложено, а из чинов полиции никого нет. Лошади кон [ных] городских тоже стояли одне. Вскоре войска постепенно с своими офицерами разошлись по казармам и сложили пулеметы, а артиллеристы замки от орудий на <лестнице> на площадке у главного входа в Адмиралтейство. Вместе со мной остались два моих помощника, команд[ир] жандармс[кого] дивизиона, штаб офицер для особых поручений ротмистр Игнациус (переведен в градоначальство из Москвы 5 дней тому назад) и начальник[ик] резерва подполковник Левисон. Через некоторое время появился генер[ал] Хабалов и генер[ал] Тяжельников. Мы перешли сидеть в чайную комнату, а ген[ералы] Хабалов и Тяжельников куда-то вышли. Вскоре появилась толпа разыскивавшая ген[ерала] Хабалова и по-моему заявлению мы были доставлены в Государств[енную] Думу.— Когда же нас выводили из комнаты, к нам незаметно присоединился и генер[ал] Хабалов. Толпа этого не заметила. При посадке на автомобили мы были обстреляны, как мне показалось, из пулемета. Толпа в панике стала стрелять в разные стороны. Из Гос[ударственной] Думы я был помещен в министерск[ий] павильон, где до меня немедленно же впервые дошли слухи, что чины полиции стреляют из пулеметов.— По этому поводу могу сказать только одно: в полиции пулеметов не было, по поводу пулеметов никто ничего мне не говорил и никаких сведений по этому вопросу, пока я был на свободе, до меня не доходило. Представить себе при каких обстоятельствах и

по чьему приказанию чины полиции могли бы быть вооружены и обучены стрелять из пулеметов — я не могу. Не сомневаюсь, что подробное расследование выяснит, что этим занимались не перепуганные уже с 26 Февраля чины полиции, а какая-либо организация, ничего общего с петроградской полицией не имеющая. Про переобразование чинов полиции в другую форму и выдачу им особых суточных в дни революции — ничего не знаю и по этому поводу никаких распоряжений я не отдавал. С утра 25-го Февраля мною было отдано приказание Управл[яющему] моей канцеляр[ией] поручить чиновнику Пилецкому ежедневно, на основании сведений, доставляемых приставами, составлять сводку всех происшествий дня, что и велось им все время до момента перевода моего в Адмиралтейство<sup>8</sup>. Таким образом, донесение приставов о их действиях во время революционных дней имеется в делах градоначальства. В заключение добавлю, что я уже давал показания в качестве свидетеля в Чрезв[ычайной] Следствен[ной] Комис[сии] 6-го с[его] Апреля, где мною были изложены и другие подробности пережитого времени. 8) Про мои действия могут дать указания лица каждый день по несколько раз бывавшие у меня в различное время дня и ночи, а именно: мои помощники, Управл[яющий] Канцеляр[ией] и мой секретарь Кутепов.

Генерал Майор Балк

9 Февраля<sup>9</sup> 1917 г.

г. Петроград

Государ[ственная] Дума. Министерск[ий] Павильон.

ЦГИА Ленинграда. Ф. 1695, Оп. 1. Д. 47. Л. 1—5.  
Подлинник, рукопись.

<sup>1</sup> Судя по ответам А. П. Балка, ему заданы вопросы: 1) ваше имя, 2) возраст, 3) воинское звание, 4) должность, 5) служебные обязанности, 6) обстоятельства ареста, 7) участие в подавлении революции.

<sup>2</sup> 24 февраля в Петрограде бастовали 224 предприятия с 214 тыс. рабочих, т. е. немногим более половины рабочих столицы (57%).— Лейберов И. П. На штурм самодержавия. С. 144.

<sup>3</sup> Квартира командующего войсками округа генерал-лейтенанта С. С. Хабалова была в здании л.-гв. Конно-артиллерийской бригады: Литейный проспект, 2,— окнами на Воскресенскую набережную. Из них были видны Нева и панорама Выборгской стороны от Александровского (Литейного) моста к тюрьме «Кресты» и далее. Поскольку мост охранялся, демонстранты с Вы-

боргской стороны по льду перешли Неву и по Литейному проспекту шествовали на Невский проспект.

<sup>4</sup> Чиновник особых поручений при градоначальнике Н. Ф. Акаемов писал, что А. П. Балк, ссылаясь на множество избитых в одиночку полицейских, уговаривал С. С. Хабалова снять полицейские посты, но тот позволил лишь сдвинуть: уменьшив вдвое число постов, выставить на каждом по двое городских.— Акаемов Н. Ф. Агония старого режима. С. XVI.

<sup>5</sup> Это совещание проходило на квартире С. С. Хабалова.— Допрос ген. С. С. Хабалова, 22 марта // Падение царского режима, т. I. Л., 1924. С. 186.

<sup>6</sup> Днем 26 февраля войска стреляли в демонстрантов на Знаменской площади, Лиговской улице, Суворовском проспекте, на пересечении Невского проспекта и Владимирского проспекта, Садовой улицы, набережной Мойки. «Убитых и раненых в этот день насчитывают сотнями. Обуховская, Маринская, Александровская, Петропавловская и др. больницы, а также лазареты завалены ранеными. В мертвецкие доставлено много трупов рабочих, учащихся, женщин».— Как русский народ завоевал свободу. Обзор революционных событий. Пг., 1917. С. 8.

<sup>7</sup> Речь идет о восстании 4-й роты запасного батальона л.-гв. Павловского полка, с которого началось восстание Петроградского гарнизона. Командир этого батальона полковник А. Н. Экстен был убит демонстрантами на Конюшенной площади. Подробнее см.: Черняев В. Ю. Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г. // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Л., 1989. С. 152—177.

<sup>8</sup> По свидетельству Н. Ф. Акамова, 25 февраля — последний день, за который к А. П. Балку поступили донесения приставов, да и то не из всех участков. Утром 26 февраля несколько участков управлений уже прекратили существование. Днем восставшие захватывали, громили и поджигали остальные полицейские участки.— Акаемов Н. Ф. Агония старого режима. С. XVII—XIX.

<sup>9</sup> Так в тексте: от волнения, А. П. Балк написал слово «февраль» вместо «апреля». Лист 7 этого дела представляет собою отпуск сопроводительного отношения в Чрезвычайную следственную комиссию от Следственной комиссии Гос. думы от 11 апреля 1917 г. и это позволяет уточнить дату написания показаний А. П. Балка.

**2. ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. П. БАЛКА  
ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ АРЕСТА ЕГО  
И НАХОДИВШИХСЯ С НИМ В  
АДМИРАЛТЕЙСТВЕ ЛИЦ.  
19 МАРТА 1917 г.**

К о п и я

**ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛА БАЛКА**

19.III—1917 г.

27-го Февраля 1917 г. генерал Балк, генерал Вендорф, камергер Лысогорский, генерал Казаков, шт. офицер при Градоначальстве для особых поручений ротмистр Игнациус и начальник резерва полиции Левисон находились после роспуска всех войск командующим войсками Хабаловым из адмиралтейства, в адмиралтействе же с целью выждать занятие его Временным Правительством и передаться ему. Когда в адмиралтейство явилась толпа, руководимая прапорщиком и солдатами, с целью арестовать генерала Хабалова, градоначальник генерал Балк и находящиеся с ним лица объявили, кто они. Градоначальник просил препроводить их в Государственную Думу, что и было выполнено на двух автомобилях, причем все оружие вышеуказанные лица заблаговременно передали сторожу в адмиралтействе, и оно было приобщено к оружию, сложенному раньше ушедшими войсками, жандармами и полицией.

Верно: Член Гос. Думы Н. Марков III

**ЦГИА Ленинграда. Ф. 1695, оп. 6, д. 27, л. 1. Копия, машинопись.**

**3. ВОСПОМИНАНИЯ А. П. БАЛКА  
ИЗ АРХИВА ГУВЕРОВСКОГО ИНСТИТУТА  
ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И МИРА  
(СТЭНФОРД, США), 1929 г.**

**ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ДНЕЙ  
ЦАРСКОГО ПЕТРОГРАДА  
(23—28 февраля 1917 г.)**

**Дневник последнего Петроградского Градоначальника**

**23 февраля 1917 г.**

На это число никаких зловещих указаний не было. Начался день нормально. Погода отличная — солнечная. Мороз при полном безветрии градусов 5—6.

В 10 ч. утра, принимая доклады у себя в кабинете, стал получать по телефону сведения об оживленном движении на Литейном и Троицком мостах, а также по Литейной ул. и Невскому проспекту. Быстро выяснилось, что движение это необычное — умышленное. Притягательные пункты: Знаменская площадь, Невский, Городская Дума. В публике много дам, еще больше баб, учащейся молодежи и сравнительно с прежними выступлениями мало рабочих. Колесное и трамвайное движение — нормальное. К 12 часам дня донесли о таком же движении на Петроградской Стороне по Большому и Каменноостровскому проспектам. Густая толпа медленно и спокойно двигалась по тротуарам, оживленно разговаривала, смеялась и часам к двум стали слышны заунывные подавленные голоса: хлеба, хлеба...

И так продолжалось весь день всюду. Толпа как бы стонала: «хлеба, хлеба». Причем лица оживленные, веселые и, по-видимому, довольные остроумной, как им казалось, выдумкой протеста. По докладу моему Командующ[ему] войсками Петроград[ского] военного округа Ген[ерал] — Лейт[енанту] Хабалову о создавшемся совершенно неожиданным положением, в мое распоряжение были даны: 9-ый запасн[ой] кавалерийский и 1-й донск[ой] казач[ий] Ермака полки. 9-ый полк помещался в казармах вблизи Таврического Дворца. Командир — полковн[ик] Мартынов. Донской казачий полк после пополнения только что прибыл в Петроград. Командовал полком полковник Троилин, впоследствии

бывший при Генер[але] Деникине ростовским градоначальником.

Дав маршруты 9-му зап[асному] к[авалерийскому] полку, я приказал крупным разъездами очищать от публики тротуары на Литейной и Невском. Казаки, при нарядах полиции, были поставлены в определенных пунктах города.

В 2 часа я поехал в объезд по городу. Кавалеристы действовали энергично и разумно: спокойно въезжали на тротуары и требовали от публики не останавливаться и расходиться в боковые улицы. Их слушались, но как только разъезд удалялся, сейчас же опять заполняли и сгущались на тротуарах, шли медленно, спокойно, тихо и заунывно повторяли: хлеба, хлеба. На Невском на моих глазах публика бросилась с тротуаров на середину улицы и стала группироваться против Городской Думы. Наряды полиции тщетно уговаривали разойтись. Толпа все больше росла и шумела. Увидав полусотню казаков во главе с офицером у Казанского собора, безучастно смотревшими по сторонам, я вылез из автомобиля, подошел к офицеру, назвал себя и показал немедленно карьером прибыть к месту сосредоточения и рассеять толпу, не употребляя в дело оружие. Офицер, совсем молодой, смущенно посмотрел на меня и вялым голосом подал команду. Казаки построили взводы и шагом, скользя по накатанной мостовой, двинулись вперед.

Пройдя несколько шагов рядом с ними, я крикнул: «карьер». Офицер перевел свою лошадь на «ходу», казаки тоже, но чем ближе приближались к толпе, тем медленнее был аллюр, и, наконец, совсем остановились.

Толпа заревела от восторга, но не надолго. Из Казанской улицы вылетел галопом разъезд конной полиции и устремился на толпу. Мгновение, и все разбежались.

По приезде в Градоначальство мне было доложено, что на отдаленных улицах кучки хулиганов и подростков останавливают извозчиков грузовиков, а на Выборгской стороне на Самсоньевском проспекте были задержаны два трамвайных вагона, причем два околоточных и два полицейских офицера, водворяя порядок, получили серьезные ранения.—Заводы работают...<sup>1</sup> Красных флагов нигде не замечалось; агитаторов и руководителей беспорядков тоже не видно. В итоге дня, причина народного движения — непонятна. Ни Департамент Полиции, ни Охранное Отделение на мои запро-

сы не могли указать мотивы выступления. При вечернем докладе Начал[ьник] Охран[ного] Отд[еления] Генерал—Майор Глобачев не имел сведений, объяснявших случившееся. Не исключалась случайность. Хорошая погода тоже сыграла роль. Голода не было. Достать можно было все. К хвостам привыкли. Хлеб, вкусный и питательный, выдавался по 1 1/2 ф. на человека, а рабочим и войскам по два. У многих была припасена мука, сухари. Волновали слухи, распространяемые паникерами, что скоро мука перестанет доставляться, а потому надо делать запасы сухарей. Во всяком случае, вопрос о наступающем голоде был раздут самой же публикой, к сожалению, не без участия интеллигенции, и получилась общая паника, вынесенная кем-то на улицу, а затем хождение и вопли: «хлеба, хлеба [!]», очевидно, всем нравилось: было приятное занятие ставить полицию в глупое и смешное положение. И таким образом многие, вполне лояльные люди, а в особенности молодежь, бессознательно подготовляли кровавые события, разыгравшиеся в последующие дни...

Продовольственный вопрос, по причине неполного количества доставляемой ежедневно в столицу муки, хотя и был немного обострен, но не представлял причин для беспокойства. В городских запасах находился недельный резерв муки для прокормления 3-х миллион[ного] населения<sup>2</sup>. Военные запасы в счет не шли и в крайнем случае можно было бы и ими воспользоваться. В очередях приходилось ждать, но не более того времени, к которому привыкло население. Все заботы продовольственного органа, во главе которого уже две недели находился не градоначальник, а по моей усиленной и упорной просьбе особое, вполне самостоятельное лицо, ничего общего с градоначальством не имеющее, Д[ействительный] С[татский] С[оветник] Вейс, назначенный Государем, по представлению Министра Земледелия Риттиха, сводились к получению наибольшего колличества вагонов с мукой, которая в изобилии находилась на узловых станциях — в заторе. Для этой цели были командированы Министром Земледелия особые лица — толкачи, с большими полномочиями. Ежедневно для нормального удовлетворения необходимо было получить 40 вагонов муки, но, несмотря на общий крик «давай вагоны», таковые, благодаря застопорке, прибывали с 14-го февраля не полным числом. Ввиду запасов муки являлась возможность не уменьшать количество пайка, расходуя из резерва и ожидая ежечасно, что Министр

Путей Сообщения наладит обещанную разгрузку узловых станций. Телеграммы получались со всех сторон, что мука идет в большом количестве и что вот-вот столица будет залита мукой.

По моей инициативе в 11 час[ов] ночи в большой зале Градоначальства собралось заседание под председательством Ген[ерал]—Лейт[енанта] Хабалова. Участвовали: Начальник Штаба Ген[ерал]—Майор Тяжелников, Полковник Павленко, как Командир Гвардейских частей (Генерал—Лейтенант Чебыкин, популярный среди гвардии, уехал незадолго на отдых в Kisловодск). Командиры: 9-го запас[ного] кавал[ерийского] полка Полков[ник] Мартынов, Командир казач[ьего] полка Полков[ник] Троилин, Начальники воен[ных] районов, адъютант Генерала Хабалова Л.-Гв. Финляндск[ого] полка Поручик Мацкевич, Начальн[ик] Охран[ного] Отдел[ения] Генер[ал]—Майор Глобачев, Команд[ир] Жандарм[ского] дивизиона Генерал—М[айор] Казак, Полицеймейстера: Действительный Статский Советник Значковский, Ген[ерал]—Майор Григорьев, Полков[ник] Спиридонов, Полков[ник] Шалфеев, Полк[овник] Пчелин, Д[ействительный] С[татский] С[оветник] Мороки, Нач[альник] резерва Полков[ник] Левисон, Нач[альник] Сыскн[ого] отделен[ия] Ст[атский] сов[етник] Кирпичников, Нач[альник] речн[ой] полиции Генер[ал]—Майор Наумов, мой секретарь А. А. Кутепов и все чины, состоящие для особых поручений при Градоначальнике.

В начале заседания я ознакомил присутствующих с событиями дня. Пострадавшие были только упомянутые выше чины полиции. Выяснилось, что казачий полк во всех случаях бездействовал. Полковник Троилин, очень симпатичный и выдержанный человек, заявил, что полк только что пополнен. Казаки не опытные в обращении с толпой и могут действовать только оружием, и что лошади у них не приучены к городу. На вопрос одного из военных начальников, почему казаки не разогнали толпу нагайками, получился для всех совершенно неожиданный ответ: «Нагаек в полку нет». Ген. Хабалов приказал из сумм, находящихся в его распоряжении, отпустить немедленно по 50 к. на казака на обзаведение нагаек.

Решено на завтра войскам быть готовыми по первому требованию стать в 3-ье положение, т. е. занять соответствующие городские районы. Охрана города оставалась на ответственности Градоначальника.

Я немедленно отдал приказание на завтра занять, согласно давно уже выработанному плану, все ответственные пункты города, мобилизовав всю полицию, усилив ее казач[ьими] и кавал[ерийскими] запас[ными] полками и жандармск[им] дивизионом. Речная полиция охраняла переходы через Неву. План охраны столицы, а также Инструкция совместных действий войск и чинов полиции были выработаны мною при полном согласии с военным начальством еще в Ноябре месяце<sup>3</sup>. Инструкция была отпечатана в типографии Градоначальства и всем, кого она касается, разослана. Министр Внутрен[них] Дел доложил об этом Государю. Государь заинтересовался и рассмотрел внимательно план Петрограда, на котором в красках были нанесены места расположения войск и чинов полиции, до вступления войск в третье положение. Остался вполне доволен, заметив, что в случае, если народ устремится по льду через Неву, то никакие наряды его не удержат.

По окончании заседания разошлись все в спокойном настроении. У военных была полная уверенность, что при вызове войск порядок будет немедленно водворен. При прощании Ген. Глобачев еще раз доложил мне, что для него совершенно непонятна сегодняшняя демонстрация и возможно, что завтра ничего и не будет.

Ночь прошла совершенно спокойно.

## 24 февраля

В 9-ом часу утра я с своим секретарем А. А. Кутеповым объезжал столицу.

Останавливаясь в местах сосредоточения нарядов, я выходил из автомобиля, кратко объяснял положение и обращался со словами уверенности, что чины столичной полиции, при свойственной им выдержке и умении нести службу, поработают даже сверх сил, но водворят порядок в столице, что так необходимо для спокойного настроения войск на фронте.

По ответам и глазам людей я убедился в сознании ими важности переживаемого момента, и что они всецело проникнуты чувством долга к службе, что и подтвердилось впоследствии на глазах у всего Петрограда.

Большой наряд находился во дворе Городской Думы. Здесь пришлось задержаться дольше. Классные чины полиции, городовые и жандармы с полным спокойствием и пониманием обстановки отвечали на мои вопросы и, когда я объявил, что распоряжением М.В.Д.

раненые вчера на Выборгской стороне чины полиции получили по 500 руб. пособия на лечение, — чувство благодарной удовлетворенности проявилось на их лицах.

Проезжая по Невскому и Литейной к Литейному мосту, хотя и было заметно усиленное движение, но скопления народа нигде не было. В конце моста на Выборгской стороне стоял большой полицейский наряд и не пропускал празднующихся на другую сторону реки. По Неве у спусков тоже видны были наряды. Движение через Неву нормальное.

Сойдя на мосту с автомобиля, я подошел в упор к толпе, большей частью состоявшей из простого народа, стоявшей и глазевшей на наряды полиции, и громко спросил: «Почему вы не работаете и стоите без дела [?]» На что, после некоторого колебания, четыре человека из впереди стоявших вступили со мной в разговор в вполне пристойном тоне. По их словам в столицу доходит мука в достаточном количестве, но ее населению не раздают, а продают спекулянтам, и вот народ голодает, а спекулянты наживаются. «Неправда», — ответил я и предложил им немедленно отправиться ко мне в Градоначальство, где им прикажу показать в Продовольственном Отделе книги и накладные прибывающего ежедневно хлеба. Один из них пусть хоть сейчас садится в автомобиль и поедет со мной в Градоначальство, где и будет ожидать прихода остальных. Они поблагодарили и сказали, что придут, но на поездку со мной, хотя и подталкивали друг друга, не решились. Я подождал автомобиль, сел, и, попросив дать дорогу, проехал через толпу на Выборгскую сторону. Некоторые поклонились. На Выборгской и Петроградской стороне было спокойно. Можно было думать, что предположение Нач[альника] Охр[анного] Отд[еления] сбудется и что прогулки со стенами, хлеба — населению, надоели. В Градоначальство тоже тревожных сведений не поступало, создалась возможность заняться текущими делами. Я приступил к приему просителей.

В 12 часу все телефоны зазвонили: через Неву по льду ниже Литейного моста гуськом, в нескольких местах протаривая дорогу в снегу, а затем и в других пунктах Невы — двигались непрерывные вереницы людей. Об этом звонили из разных мест и даже Генерал Хабалов передал мне, что он из окна своей квартиры на углу Литейн[ого] и Франц[узской] набережной видит непрестанные цепи людей, быстро идущих через Неву на Французскую набережную.

На Литейной, Знаменской площади, по Невскому от Николаевского вокзала до Полицейского моста и по Садовой улице — вскоре сосредоточились сплошные массы народа. Прекратилось движение трамваев и участились случаи ссаживания с извозчиков, а у Николаевского вокзала и на Лиговке хулиганы сворачивали кладь с ломовых. Движение через Неву увеличивалось с каждой минутой. На главных улицах массы плотнели, и наряды полиции потонули в толпе. В любой момент толпа могла начать выступление, но, как и вчера, руководителей не было, и пока все ограничивалось отдельными хулиганскими озорствами.

Медлить было рискованно. В 12.1/2 час. дня я доложил по телефону Ген. Хабалову, что полиция не в состоянии приостановить движение и скопление народа на главных улицах и что, если войска не возьмут правительственные и общественные учреждения под свою охрану, то я, в особенности с наступлением сумерек, не в состоянии поддерживать порядок в столице.

На это Ген. Хабалов сейчас же мне ответил: «Считайте, что войска немедленно вступают в 3-ье положение. Передайте подведомственным Вам чинам, что они подчиняются Начальникам соответственных военных районов: должны исполнять их приказания и оказывать им по размещению войск содействие. Через час я буду в Градоначальстве».

Я созвал лиц, состоящих непосредственно в моем расположении, разъяснил положение дел, послал телеграммы полицеймейстерам с требованием немедленно явиться Нач[альникам] воен[ных] районов. Съезжались все Нач[альники]ки воен[ных] районов на заседание ко мне в кабинет. В это время я имел возможность оставаясь тут же в кабинете принимать доклады по текущим делам. Кабинет большой, разделенный аркой, и мы друг другу не мешали. Если я находил нужным, что-либо заявить — подходил к столу и принимал участие в заседании. За все время никаких недоразумений у войск с чинами полиции не было. Отношения установились самые приятные и доверчивые. Моя просьба в отдаленные и глухие места города ставить военно-полицейские посты была принята сочувственно и постовые городские в одиночку не стояли, на главных же улицах продолжали стоять полицейские посты, но вздвоенные.

На ночлег все разъезжались по домам, наряды отпущались по казармам и в 1—2 часа ночи Градоначальство да и вся столица мирно отдыхала до утра,

По вступлении войск в городские районы и выставлении ими караулов, хотя движение народа и было велико, но за весь день особых выступлений больше уж не было.

Министру Внутренних Дел А. Д. Протопопову доложил по телефону. Министр выслушал спокойно и спросил мое мнение о создавшемся положении. Я ответил: «если войска сразу же проявят энергию и твердость, то их слишком достаточно для достижения положительных результатов».

Через несколько минут по окончании разговора с Министром мне доложили, что после моего отъезд[а] с Выборгской стороны толпа у моста настолько увеличилась, что проезд через мост стал затруднителен и можно было ожидать, что и сама толпа хлынет на другую сторону и прорвется на Литейный Проспект. Полицеймейстер Выборгской стороны, после долгих уговариваний приказал наряду Конной Полиции рассеять толпу, что и было мгновенно исполнено. Полк. Шалфеев, старик, всеми уважаемый и любимый населением шел за разъездом, и в это время сзади получил удар булыжником в голову настолько сильный, что потеряв сознание и обливаясь кровью, свалился на мостовую. Сейчас же его перенесли в клинику. Рана оказалась тяжелой. Этот случай еще больше укрепил сознание военного начальства, что положение создается серьезное.

По приезде Генерала Хабалова было решено ввиду налаженности доставки всех сведений в Градоначальство, обилия телефонов (при моем письменном столе было семь) и привычки обывателей со всеми насущными вопросами обращаться в Градоначальство, установить Штаб Командующего Войсками не в Окружном Штабе, как предполагалось раньше, а в Град[оначаль]стве. Для меня это было удобно в том отношении, что распоряжения военного начальства становились мне в большинстве случаев сейчас же известными, и я мог в каждом случае дать сведения и Генералу Хабалову и разъяснить многие вопросы своим подчиненным и встревоженным обывателям, обращающимся ко мне и лично, и по телефону. Что же касается канцелярских дел, их пришлось пока прекратить, т. к. Градоначальство, а в особенности мой кабинет, обратился в Штаб Командующего Войсками и заполнился лицами, состоящими при Генерале Хабалове, а также Начальниками и адъютантами, прибывающими с докладами, а столовая моей квартиры превратилась в столовую Штаба.

Во дворе Градоначальства, к сожалению маленький, был введен жандармский дивизион. Прибывающие войска располагались по Гороховой и Адмиралтейской площади — их долго не держали и отправляли по назначению. Порядок дня установился следующий: между 9—10 час. утра приезжал из своей квартиры Генерал Хабалов, в это же время собирались и члены его Штаба. Я делал доклад-сводку, происшествий. Генерал Хабалов давал распоряжения Начальникам районов, а затем до 12—1 часу ночи все оставались в Град[оначаль]стве. В 11—12 ч[асов] ночи стало заметно, что благомыслящая часть публики предпочла отправиться по домам, а не любоваться зрелищем, как то было в первый день. К 7 час[ам] вечера столица затихла.

Ежедневное донесение Государю, как в последующие дни до 26 включительно — состояло сегодня кроме сжатого доклада о случившемся, также и сообщения, что поддержание порядка в столице перешло в руки Командующего войсками. Ежедневный рапорт на Высочайшее имя писался по особому традиционному образцу, установленному еще Императором Николаем I: начинался с перечисления движения больных по госпиталям, указания несчастных случаев с воинскими чинами и уже под конец в краткой форме о событиях в столице. Писал рапорт особый чиновник, на удивление красиво пишущий, и подписывал я не ранее 12 час. ночи, причем чиновник искренне огорчался, когда я удлинял рапорт. Это вопреки традиции.

Несмотря на раннее окончание движения народа, прибывший с вечерним докладом Начальник Охранного Отделения сообщил мне малоутешительные сведения: в левых верхах было решено, если завтра опять соберутся толпы, использовать положение в смысле агитации, и, если заметно будет сочувствие улицы, произвести беспорядки, смотря по обстоятельствам, включительно до вооруженного выступления. Какие выбросят толпе лозунги — ясно не было — тоже смотря по обстоятельствам. Замечалось, что верхи сами не могли понять и разобратся в свалившейся совершенно неожиданно на их голову благоприятной обстановке.

Я передал об этом генералу Хабалову. Военное начальство все же решило пока воздерживаться от применения в дело оружия.

## 25 февраля

При утреннем объезде столицы впечатление получилось благоприятное. Уборка улиц идет вовсю. Магазины открыты, уличное движение нормальное. Трамваи ходят. Большая часть фабрик работают<sup>4</sup>. Сенная площадь переполнена продуктами. Колбасная—шатер, устроенная Принцем Ольденбургским, битком набита покупающими дешевые и вкусные колбасы (из гальо).

Постовые городовые держатся и отвечают бодро. Видна полная готовность служить не за страх, а за совесть.

При посещении в клинике старика полковника Шалфеева он глубоко тронул меня, заявив, чтобы я не терял времени с ним, что он скоро поправится и вновь будет нести службу на своем посту.

Часов около 10 дня, когда уже все военное начальство сидело у меня в кабинете, неожиданно без доклада отворилась дверь, и вошел М.В.Д. Протопопов. Со свойственной ему приветливостью приподнятым тоном обратился ко мне со словами сожаления о раненых чинах полиции и просил принять и передать столичной полиции благодарность за их тяжелую самоотверженную службу за последнее время, причем объявил, что как первое пособие при ранении, он из сумм Министерства еще вчера приказал отпускать в каждом случае по 500 рублей. Все сказанное предложил мне в срочном порядке объявить в приказе по Градоначальству.

Сегодня фабрики уже работали не так интенсивно, как в предыдущие дни. Рабочие уходили группами с занятий и по дороге митинговали. Полицеймистер II отдела [ия] генерал Григорьев докладывал, что в районе Путиловского завода толпы рабочих несколько раз расценивались нарядами конной полиции.

В час дня на Знаменской площади толпою были выкинута красные флаги.

Пристав Александровской части ротмистр Крылов, один из выдающихся по службе офицеров, с небольшим нарядом полиции пробился через толпу, захватил флагоносца, выхватил у него флаг и направился с задержанным к Николаевскому вокзалу. Толпа тесно их обступила и следовала за ними. Неизвестный выхватил сзади у ротмистра из ножен шашку и нанес ему смертельный удар в голову<sup>5</sup>. Хотя медицинская помощь была немедленно оказана на вокзале, но ротмистр Крылов, не приходя в сознание, скончался через несколько

минут. Значительный наряд казаков находился тут же, но не оказал никакого содействия даже и тогда, когда вызванная конная полиция рассеивала толпу на площади.

Во многих местах стали появляться ораторы с призывом низвергнуть преступное, предавшееся на сторону немцев правительство. Призывали войска обратить штыки на изменников и избивать чинов полиции.

Толпа уже не двигалась со стонами: хлеба, хлеба — и не проявляла свойственное ей в предыдущие дни веселое настроение, впрочем, и состав толпы был уже иной: преобладали подонки, интеллигентная молодежь с небольшим процентом молодых евреев. Многие поняли, что игра в прогулки превращается в торжество черни. Этот день был обилён происшествиями и явно носил бунтарский характер. Трамваи останавливались. Седоков с извозчиков ссаживали, причем по адресу прилично одетых сыпались остроты и ругань. В некоторых местах из лавок тащили съестные припасы, ну и конечно, били фонари и стекла в окнах. Появлялись и красные флаги, но все пока еще было разрозненно. Каждый руководитель действовал по своей инициативе, и общего определенного [плана] выступления не было.

Вообще же, несмотря на беспорядки, обыденная жизнь столицы продолжала идти своим чередом. Присутственные места работали нормально. Вечером театры, кинематографы и другие увеселительные места — были полны.

В 4 часа дня в разъезд жандармов на углу Невского и Литейной брошены две бомбы слабой разрушительности, но сильные по звуку. Лошади были ранены. Люди не пострадали. Около этого же времени у Городской Думы воинские чины дали несколько выстрелов по толпе, напиравшей с красным флагом к Думе. Убитых — 4, ранено — 12. Дежурным отрядом Красного Креста раненым была немедленно оказана помощь.

На Екатерининском канале вблизи церкви Спаса на крови команда эвакуированных Л.-Гв. Павловского полка, вызванная к [Городской] Думе на усиление, остановилась и начала митинговать. Когда появился разъезд конной полиции, солдаты обстреляли их, убили две лошади и ранили двух конных городских. Прибывшему командиру Запасного батальона Л.-Гв. Павловского полка полковнику Экстену солдаты кричали, что к Думе не пойдут и против народа выступать не желают. Полковник Экстен начал их уговаривать и в это

время кто-то из собравшейся толпы выстрелил в него сзади в упор из револьвера и тяжело ранил в шею. Полковника увезли в казармы полка, а команда долго еще митинговала и только прибывшему полковому священнику удалось уговорить их возвратиться в казармы <sup>6</sup>.

Теперь ясно. Этот безнаказанный выстрел имел большие последствия. Руководители поняли, в какую среду надо направить все свои усилия. Они использовали, как выяснилось впоследствии, все средства и силы вплоть до пропаганды думских депутатов в ночь на 27-ое февраля в казармах Волынского и Преображенского полков и достигли решительных результатов: штыками солдат завоевали так называемую великую, бескровную российскую революцию.

Тогда военное начальство говорило, что это только команда эвакуированных, подлежащая на днях возвращению на фронт, но что остальные части батальона, в особенности Учебная Команда <sup>7</sup>, — крепки, и надеялись, что, поступив с командой эвакуированных по всем условиям закона — другим будет неповедно.

По прибытии команды в казармы, она была выделена в особое помещение, а 11 человек особенно виновных отправлены в Петропавловскую крепость <sup>8</sup>. Было сделано распоряжение на другой же день назначить суд.

В штабе генерала Хабалова события принимались чересчур спокойно. Генерал Хабалов и генерал Тяжелников были молчаливы и замкнуты. Полковник Павленко — главный распорядитель — проявлял деятельность, но сильная контузия, а также слабое сердце, не давали ему возможности быстро разбираться в создавшейся обстановке, а когда он говорил по телефону, затягивал слова, и по временам понять его даже сидящим в той же комнате было затруднительно, да и манера выражаться не всегда была подходящая к случаю.

А в это время телефоны звонили, и требовалось немедленное решение и распорядительность. Полковник Павленко был верен своему долгу — заменить своего начальника ген.-л. Чебыкина, находящегося на отдыхе в Кисловодске, но он был явно болен. Болезнь за последние дни обострилась. Все это знали. Знал и генерал Хабалов, но к сожалению, своевременно не заменил его.

Кипучую деятельность, находчивость и способность быстро разбираться в затруднительных случаях — проявлял адъютант ген. Хабалова Л.-Гв. Финляндского полка поручик Мацкевич. Он сидел напротив моего стола и не отходил от главного телефона, передавая труб-

ку мне, когда дело касалось Градоначальства. Почти все военные вопросы разрешал немедленно сам, не смотря на присутствие старших, сидящих тут же. За все время я не слышал, чтобы кто-то ему сделал замечание. И надо отдать ему справедливость: шло все быстро и понятно. По временам он глазами спрашивал мое мнение, и я наклоном головы отвечал ему.

Генерал Хабалов за всю мою совместную службу производил на меня впечатление человека доступного, работающего, спокойного, не лишенного административного опыта, но тиходума и без всякой способности импонировать на своих подчиненных и, главное, распоряжаться войсками.

Отсутствие генерал—л[ейтенанта] Чебыкина, знающего отлично весь гвардейский офицерский состав Петроградского гарнизона, и до корней волос строевого офицера, умевшего говорить с солдатами и воздействовать на них,— давало себя чувствовать. Уезжая в отпуск в Кисловодск, генерал Чебыкин сам сознавал, что это как будто несвоевременно, и, прощаясь со мной, говорил, что по первой же телеграмме немедленно явится в строй и действительно явился, но уже не для дела, а лишь для заполнения, в качестве арестованного, и без того до отказа забитого Министерского Павильона Таврического Дворца.

Можно допустить, что день 25 февраля дал лицам, заинтересованным в разрастании беспорядков, убеждение, что отсутствие популярного, энергичного военного руководителя предоставляет им еще больше шансов рассчитывать на успех пропаганды в переутомленных войсках, тем более, что запасные батальоны, перегруженные людьми местного призыва, доходящими до 15 тысяч штыков в батальоне, возглавлялись больными, ранеными офицерами или малоопытными, только что окончившими ускоренные курсы военных училищ, молодыми людьми.

День 25 февраля был нами проигран во всех отношениях. Не только руководители выступлений убедились, что войска действуют вяло, как бы нехотя, но и толпа почувствовала слабость власти и обнаглела. Решение военного начальства импонировать силами, в исключительных случаях применять оружие не только подлило масло в огонь, но, заматавши войска, дало им возможным думать, что на хулиганские выступления начальство смотрит растерянно, как бы боится «народа», а помехой всему власть и ненавистная полиция.

На вечернем военном собрании по заслушиванию докладов Начальников военных районов все высказались за энергичное применение на завтра оружия на всякое малейшее выступление.

Генерал Хабалов без колебаний согласился и приступил к составлению воззвания к обывателям в самой решительной форме.

В 11 часов в Градоначальстве уже никого из военных не оставалось. Движение народа и сегодня окончилось рано. Доклад Начальника Охранного Отделения гласил, что руководители, ввиду удачи дня, решили продолжать свою тактику бунтарства, но определенного согласованного плана у них до сих пор еще все-таки выработано не было.

В 12 часов ночи я был вызван срочно к Председателю Совета Министров, к князю Голицыну. Быстро собравшись, отправился на Моховую. Город вымер. На улицах видны были военно-полицейские посты и разезды. Безветрие. Идет маленький снег. Всюду тишина.

Дежурный чиновник немедленно, без доклада провел меня в комнату, где за столом уже сидели все министры и Директор Департамента Полиции Действительный Статский Советник А. Т. Васильев. Отсутствовал по болезни Морской министр адмирал Григорович. Мне было предложено место между князем Голицыным и военным министром генералом Беляевым, и сейчас же князь Голицын обратился ко мне с предложением подробно доложить о текущих событиях.

За овальным столом, кто на диване, кто на мягких креслах сидели министры. Подавленности и растерянности — никакой, за исключением генерала Беляева, не было.

Доклады и обмен мнениями шли по очереди, начиная с меня, затем Беляев, Протопопов, Риттих, Покровский, Добровольский и далее. Князь Голицын руководил заседанием, преисполненный спокойствием и достоинством.

Я доложил подробно все сведения, имевшиеся у меня, причем все молчали и никаких вопросов мне не задавали. Я почти окончил доклад, как вошел генерал Хабалов, и князь Голицын, обращаясь к нему, сказал: «Градоначальник уже изложил нам положение дел в столице. Прошу Ваше Превосходительство со своей стороны ознакомить нас с имеющимися у Вас сведениями и высказать Ваш взгляд, что надо предпринять для водворения порядка».

Генерал Хабалов ничего нового не сказал, добавив, что он приказал на завтра принять решительные меры к подавлению беспорядков, пресекая таковые в корне оружием. Распоряжения войскам и предупреждение жителей столицы, что всякая попытка к беспорядкам будет беспощадно подавлена огнем, печатаются и до рассвета будут расклеены в большом количестве на улицах. Генерал Хабалов говорил по обыкновению спокойно, но подъема и уверенности в успехе дела в его словах не было.

Генерал Беляев говорил вяло, неуверенно, имел вид человека, боящегося ответственности, закончил словами: «Да, конечно, надо принять энергичные меры».

Министр внутренних дел Протопопов начал с характеристики существующих политических партий и их влияния на события. Он предложил вообразить круг, а в нем соответствующие по величине сегменты, окрашенные в политические цвета: красный, оранжевый, черный и т. д. Не думаю, чтобы политические сегменты заинтересовали присутствующих. Момент был неподходящий. Время не ждало. Заключение министра было: немедленно, пока еще не поздно, принять решительные меры к подавлению беспорядков в столице.

Министр земледелия Риттих со свойственным ему красноречием подавлять реальностью выводов высказал, что только несокрушимая энергия и решимость не оставившаяся не перед какими жертвами могут завтра установить расхлябанный организм, власть и порядок. Каждому необходимо проникнуться сознанием не оставившаяся перед ужасом пролития крови, т. к. упустив время теперь, в дальнейшем потребуются уже море крови. Министр Риттих сказал это таким непреклонным тоном, с таким подъемом, что невольно все притихли. Пауза длилась довольно долго и была тягостна.

Затем взял слово министр иностранных дел Покровский. До этого времени он безучастно сидел на диване, не проронив ни слова: вялый, часто закрывая глаза, производил впечатление переутомленного человека, еле борющегося со сном. При первых его словах почувствовалась искренность, отнюдь не растерянность, а глубокое убеждение, что другого исхода нет.

«Господа,— говорил министр,— по моему мнению нам остался единственный выход: немедленно же всем отправиться к Государю Императору и молить Его Величество заместить всех нас другими людьми. Мы не

снискали доверия страны, и, оставаясь на своих постах, ни в коем случае ничего не достигнем».

Голос его был спокоен. Глаза светились искренностью и добротой.

Заявление Покровского — была истина. Полагаю, что большинство сознавали это в тайнике души своей, но также понимали, что складывать портфели, когда в столице бунтует чернь, не своевременно и преступно.

Взгляды, высказанные прочими министрами, ничего особенного не представляли. Все, кроме Покровского, требовали решительных действий. Таким образом, робкому генералу Беляеву и нерешительному генералу Хабалову представилась возможность убедиться во всеобщей поддержке того образа действий, на котором они остановились к сожалению, только в ночь на 26 февраля.

Заседание министров в этом отношении принесло пользу: два генерала, далеко не воинственные, набрались энергии и освободились от страха ответственности перед Царем и обществом.

Заседание закончилось в 3 часа ночи.

Во время заседания два раза входил секретарь Председателя Совета Министров и докладывал князю, что Гучков по телефону хочет говорить с градоначальником, на что князь сказал: «Передайте Гучкову, что градоначальник занят в заседании и отлучиться не может».

Как выяснилось впоследствии, Гучков хотел говорить со мною по поводу произведенного этой ночью ареста некоторых членов военно-промышленного комитета<sup>9</sup>. Гучков приезжал для этой цели в Градоначальство, и, узнав, что я у князя Голицына, звонил несколько раз. Князь Голицын догадывался, с какой целью ищет меня Гучков, но, разделяя взгляд о необходимости ареста, не хотел по этому поводу допустить ходатайство Гучкова.

Военно-промышленные комитеты, руководимые Гучковым, за последнее время играли двойную роль. Снабжая войска снарядами, вели злостную пропаганду против существующего правительственного строя и стремились завоевать симпатию рабочих и улицы. Назначенный съезд представителей военно-промышленных комитетов в Москве на февраль месяц не был допущен. Гучков, надеясь добиться при посредстве давления Думы разрешения съезда в Петрограде, кинул клич, и представители собрались за несколько дней до беспорядков в Петрограде. Мною были получены сведения от Департамента Полиции и Охранного Отделения, что

съезд, собравшись, займется не только специальными делами, но и чисто политическими вопросами дня и выразит первым делом недоверие правительству. Съезд допущен не был. Гучков рвал и метал. Наконец, надежды, съехавшихся оправдались. Родзянко принял горячее участие и добился, что 25 февраля съезд был неожиданно разрешен, причем чины местного участка, не получив от меня уведомления о внезапном разрешении съезда, не допустили таковой открыть заседание в одном из домов Троицкого переуллка.

Пожаловались Родзянко, и тот ничего лучшего не нашел, как протелефонировать мне взбешенным голосом, что «я сейчас сам поеду в Троицкий переулок и за шиворот выброшу пристава из помещения».

Итак, съезд открылся. Что говорилось на съезде, не помню, но в ночь на 26-ое некоторые члены съезда по представленным данным Министру Внутренних Дел Департаментом Полиции были арестованы и съезд закрыт. Руководящую роль на съезде играл Гвоздев.

При обратном проезде по городу наблюдалась полная тишина.

В Градоначальстве рапорты полицмейстеров и сведения Начальников Охранного и Сыскного Отделений ничего нового не дали.

## 26 февраля

День начал по обыкновению с объезда. На улицах у объявлений генерала Хабалова, расклеенных в большом количестве, толпятся кучки<sup>10</sup>. Лица серьезные. Беспечно веселого настроения, как в первые дни, уже нет. Погода к сожалению продолжает быть прекрасной. Часов около десяти с окраин города пришли донесения о начавшейся стрельбе войск по толпам. В 12 часу части Л.-Гв. Волынского полка, находящиеся на Знаменской площади, открыли огонь по Новому Невскому, Гончарной и Лиговке.

Градоначальство стало заполняться встревоженной публикой. В этот день все приемные были забиты до отказа просителями. Некоторые напуганы, но большинство с чувством удовлетворения: наконец-то войска перестали быть только свидетелями уличных безобразий и перешли к активным действиям.

Принц Ольденбургский, бывш. премьер Трепов, министры, графиня Витте, Царское Село и проч. запраши-

вали и интересовались событиями. В числе других меня посетили бывш. Московский Градоначальник генерал Резвой-Ренбот и бывш. Варшавский Обер-Полицеймейстер генерал Мейер. Беседуя с ними о переживаемом, про государственный переворот не упоминалось. Беспорядки — да, но Россия их знала за последние годы немало, а мы, служащие в Министерстве Внутренних Дел, были далеко не истеричны: привыкли к ним и понимали, что без жертв с обеих сторон, конечно, не обойдется, но предположение, что войска в конце концов не подавят волнение, в мыслях не допускали.

Войска стреляли и в других пунктах, но в общем умеренно. Не было надобности — при первых выстрелах толпа разбежалась. Задолго до сумерек в столице наступила тишина и видимый порядок. Действиями Волынцев на Знаменской площади военное начальство осталось особенно довольным: стрельба произвела подавляющее действие на толпы.

За весь день, по сведениям, поступившим в Градоначальство, оказались убитые — 50, раненые около 100, в большинстве случаев, к сожалению, лица, случайно попавшие под выстрелы. На три миллиона жителей процент ничтожный <sup>11</sup>.

В 11 часу ночи, во время военного заседания неожиданно приехал Мин. Вн. Дел Протопопов. Я провел его в гостиную и доложил о событиях. Протопопов, удовлетворенный действиями войск и достигнутыми результатами, выразил удовольствие, что Градоначальство действует в полном согласии с военными властями, и что за все дни общей работы не случилось никаких недоразумений.

На заседании доклады начальников районов носили успокоительный характер, но общее мнение было: «войска устали», а некоторые части не получили совершенно горячей пищи, возвращались в казармы голодными.

Мой большой приятель боевой офицер, капитан Машкин, оставшийся за заболевшего полковника Весновского <sup>12</sup>, командира запасного батальона Л.-Гв. Волынского полка, на мои слова: «Волынцами сегодня все любовались», — с горькой улыбкой сказал: «Да, это правда, действовали отлично, но страшно измучились, а в 4 часа их надо опять поднимать. Это не легко». Тон его мне не понравился. Сам он тоже был изнурен донельзя.

Начальник Охранного Отделения по специальному телефону, испросив разрешения не приезжать с докла-

дом, передал, что действия войск произвели сегодня на выступавших угнетающее впечатление и можно ожидать, что завтра беспорядки пойдут на убыль. Он был прав. Когда мы были в заключении в Министерском павильоне, солдаты Преображенского полка рассказывали нам, что 26 вечером рабочие, возвращаясь по домам, говорили им: «Черт вас дерит. Мы за вас стараемся, а вы в нас стреляете. Пропади вы прахом. Завтра утром поспим, а после обеда встанем на работу».

Просидев до 2-х часов ночи за работой, я пошел спать. Проходя по приемному залу, я невольно залюбовался зимней царственной красотой Адмиралтейского сквера и опоэтизированного Адмиралтейского шпица. Столица спала. Казалось, отдыхала от безобразий последних дней, лишь у пылающих костров жались извозчики, а около них неподвижно стоял неизменный страж порядка — старый петербургский городской.

В 3 часа ночи над кроватью зазвонил телефон. Генерал Глобачев сообщил о полученных им сведениях про 2-ой флотский экипаж: [решено] перебить офицеров, когда они придут на занятия в казармы. Позвонил к Хабалову: гробовое молчание. Вызвал к телефону полицеймейстера и местного пристава, отдал распоряжения и немедленно приказал приставу ехать и доложить командиру экипажа. На другой день во 2-м флотском экипаже все было благополучно. Осуществилось нечто худшее в другой воинской команде, которая до того считалась образцовой в округе.

## 27 февраля

В 8-м часу утра зазвонил телефон. Был уверен услышать известия про 2-ой флотский экипаж. Ошеломляющее сообщение командира запасного батальона Л.-Гв. Вольнского полка, полковника Висковского. «Где генерал Хабалов[?]» — спросил меня взволнованный голос. — «Его здесь нет, он еще на квартире, а что случилось [?]»<sup>13</sup> — «Учебная команда не хочет выходить из казарм»<sup>14</sup>.

Затем пауза. Слышу, полковнику Висковскому что-то докладывают задыхающимся голосом. «А вот сейчас,— продолжал полковник,— мне доложили, что Зав. Учебной Командой капитан Лашкевич убит, а команда взбунтовалась...»

Я немедленно соединился и доложил Министру. «Ка-

ково Ваше мнение[?]» — спросил Протопопов. — «Дело совсем плохо, раз команда лучшего батальона взбунтовалась и убила образцового командира».

Министр некоторое время молчал. «Я по повелению Государя только что послал в Государственную Думу Высочайший указ о перерыве заседаний. Что вы на это скажете?» — «Если бы это было сделано значительно раньше. Теперь только повредит делу». — «Ну, посмотрим, что Бог даст, может к вечеру все и успокоится», — закончил А. Д. Протопопов.

К 9-ти часам приехал со Штабом генерал Хабалов. Был вызван находящийся в отпуску в Петрограде полковник Преображенского полка А. П. Кутепов, имя которого так прогремело в Добровольческой Армии. Он был популярен среди солдат-преображенцев, как храбрый, близко стоящий к ним офицер. В ожидании его прибытия сосредоточивали учебные команды Гвардейских полков в отряды, которым полковник Кутепов и должен был подавить взбунтовавшихся.

За это время сведения получались не утешительные. К Волынкам присоединилсь соседи по казармам: Литовцы, Преображенцы и 2-ой саперный батальон. Все высыпали на улицы: стреляли в воздух, в числе выкриков были также слышны: «Не хотим чечевницы». — Вся эта вооруженная орда слушалась каждого проходимца и, из боязни ответственности, жаждала только руководителя, за спиной которого можно было бы укрыться. Скоро таковой нашелся в лице унтер-офицера Волинского полка Кирпичникова, а затем с Выборгской стороны примчались на автомобилях товарищи-рабочие.

Тогда крики и стрельба прекратились, перешли к грабежам по квартирам и поджогам.

В 10-м часу жандармский дивизион, расположенный на пути движения взбунтовавшихся к Литейному мосту, во главе с поручиком Подобедовым и людьми, оставшимися свободными от нарядов, тоже присоединился к бунтарям. Окружной Суд пылал. Патронный завод захвачен и тоже подожжен.

Для меня стало ясно — мы теряли власть.

Вызвав к телефону Министра, я доложил ему, что военный бунт беспрепятственно и быстро разрастается. К вечеру в столице будет полная анархия, что возлагать надежды на одного полковника Кутепова, как бы он ни был храбр и популярен, — теперь уже поздно. Министр задал вопрос, что теперь по моему надо делать. — «Предупредить Государя и надежно охранить Царскую

семью, послал сейчас же в Царское Село Конную полицию, за стойкость и верность коей я ручаюсь». Министр ответил: «Это преждевременно, к вечеру подойдут с фронта свежие войска. Продержитесь ли Вы до вечера [?]» — «Да, продержимся». — «Да хранит Вас Господь Бог. Я рад, что Вы спокойны». Этот разговор был последний разговор мой с А. Д. Протопоповым, как с Министром.

Наконец, прибыл в Градоначальство полковник Кутепов. Генерал Хабалов обрисовал печальное положение, назначил в его распоряжение 4 учебные команды с 12 пулеметами и приказал подавить бунт. Полковник Кутепов выслушал молча. Затем сказал: «Слушаю» — и отправился к отряду. Внешность его и манера держать себя производила подкупающее впечатление — чувствовались сила и энергия.

После ухода полковника Кутепова настроение Штаба окрепло. Вскоре по телефону начали передавать о движении отряда, и к часу дня получились сведения, что отряд продвигается к Литейному мосту и перед ним отходят взбунтовавшиеся части, сосредоточиваясь у Государственной Думы. Затем сообщения прекратились, и, когда я в 2 часа обратился к поручику Мацкевичу с вопросом: «Что же Кутепов [?]» — получил ответ: «Постепенно продвигается». По тону ответа и опять понизившемуся настроению Штаба понял, что они сами не знают, где и что с Кутеповым.

С 2-х часов дня события протекали с подавляющей быстротой. Часов не помню. Помню только, что случилось в Градоначальстве до сумерек и что было после сумерек в Адмиралтействе, куда мы все по приказанию генерала Хабалова перешли, как к месту, где удобнее располагать отряды и защищаться в случае нападения; что такое произойдет, никто из нас не сомневался.

На отряд полковника Кутепова возлагались все надежды. Его неудача пришибла окончательно энергию Хабалова. Около 3-х часов дня появился в Градоначальстве совершенно растерянный генерал Беляев. Он удалился в отдельную комнату с генералом Хабаловым и там они совещались. Через некоторое время на место заболевшего полковника Павленко был назначен и вызван генерал Занкевич.

Генерала Занкевича я знал давно. Коренной офицер. Л.-Гв. Павловского полка, а на войне командир этого же полка, военный агент в Румынии и Австро-Венгрии, генерал-квартирмейстер, а в последние дни Начальник

Генерального Штаба — генерал Занкевич делал блестящую карьеру. Смелый, находчивый, умеющий быстро завоевывать общую симпатию, при сравнительной молодости и большой трудоспособности, он был к тому же и большой политик.

Его назначение на место больного полковника Павленко надо было только приветствовать, но... положение было настолько безнадежное, что генерал Занкевич, назначенный, как многие и понимали, не заместителем полковника Павленко, а руководителем всего дела, уже не мог спасти дело, а только более ловко выйти из создавшегося положения.

Не успели еще кончить совещаться генералы Беляев и Хабалов, как, проходя по приемной в кабинет, я к немалому удивлению, увидел поднимающегося по парадной лестнице моей квартиры Великого Князя Кирилла Владимировича. За ним шел растерявшийся швейцар. Увидев меня, Великий Князь поздоровался и выразил желание переговорить совершенно наедине. Я провел Его Высочество незаметно для других через зал моей квартиры в мою малую гостиную.

Великий Князь, сохраняя полное спокойствие, сел удобно в мягкое кресло, предложил мне сесть насупротив, и ровным, отчетливым, так хорошо всем известным голосом его покойного отца, спросил: «Каково по Вашему положение[?]» — «Военный бунт начался с 8 часов утра и до сих пор не только не подавлен, а с каждым часом увеличивается». — «Разве войска из окрестностей не прибыли[?]» — «Насколько мне известно, прибыло 2 эскадрона, но и они бездействуют.» — «Что же будет дальше[?]» — «Я полагаю, что ночью столица окажется в руках бунтовщиков».

Великий Князь задумался, а затем голосом, полным горечи, начал говорить:...<sup>15</sup>

Закончив разговор, спросил: «Не знаете ли, где генерал Беляев[?]» — «Здесь на совещании с генералом Хабаловым». — «Я хотел бы его повидать. Проводите меня...»

Я провел Великого Князя и минут через 10 он уехал.

Градоначальство бралось с бою напуганными обывателями. Мои два помощника и чиновники для особых поручений помогали мне удовлетворять просителей. Напрягая всю силу воли, приходилось, сохраняя спокойствие, говорить о пустяках, шутить и делать вид, что веришь в благоприятный результат миссии Кутепова, в приход свежих сил, свежих верных войск и проч...

Какая-то француженка со своей прислугой заявляла обиженным тоном, что сегодня не могла достать белого хлеба, а от черного хворает. Она была так назойлива и вместе с тем так несчастна, что, чтобы отделаться, я приказал принести ей на подносе французскую булку. Восторг был полный. Она ушла, расточая благодарности. Событиями она не интересовалась. Офицер, приехавший только что с фронта, убедительно доказывал мне, что толпу можно рассеивать, бросая бомбы, распространяющие дымовые завесы. Два офицера с преступными физиономиями нахально лезли, требуя автомобиль для уборки с улиц раненых, вид которых производит дурное впечатление на толпу. Цель была ясна: автомобиль им был нужен для агитации. Я направил их к генералу Хабалову, предупредив, что следует установить их личности. К сожалению, они не были арестованы и вновь появились уже победителями в Министерском Павильоне 29 февраля<sup>16</sup>. Графиня Витте звонила по телефону, опасаясь за свой особняк<sup>17</sup>. Графиня Игнатьева передавала, что молит бога послать мне силы.— Бывший премьер Трепов ободривал меня, говоря, что, зная мое спокойствие, он уверен, что в конце концов порядок будет восстановлен.

В то же время произошел курьезный разговор с Петроградским Городским Головой П. И. Леляновым. Явившись в Градоначальство в хорошем настроении, он в очень вежливом тоне извинился, что отрывает меня от дел, и заявил что только что на думском заседании решено все продовольственные комиссии передать [Городской] Думе, и он, как Председатель Продовольственной Комиссии, назначил заседание на завтра на 4 часа, так вот и спрашивает, удобно ли для меня это время. Я с удивлением посмотрел на него, но, не желая терять время, сказал, что назначенный час меня вполне устраивает. П. И., по-видимому, остался удовлетворенным и добавил, что завтра будут избраны представители городских районов от населения и что таким образом продовольственный вопрос облечется в более жизненную форму. Я и с этим согласился, и он, вполне довольный, сердечно распрощавшись, уехал. Я, хорошо зная его, не мог заподозрить в неискренности. Этот человек, как и многие в то время, несомненно верил в великую, бескровную...

Тут же надо было давать указания многочисленным своим подчиненным и принимать срочные доклады. За весь день у меня не хватило времени сделать

несколько шагов, зайти в столовую и чем-нибудь подкрепиться.

В кабинете моем прибывающие с делами были понуры и растеряны. Собиралось все большее и большее количество офицеров. Настроение сгушалось. Началась агония власти. Раздались рыдания. Истерично плакал капитан Кексгольмского полка: только что Учебная команда отказалась выполнить его приказание...

Генерал Хабалов отдал распоряжение всем до сумерек перейти в Адмиралтейство, где были бесконечные дворы и помещения, а также расположение зданий и коридоров давало возможность успешно выдержать осаду.

Я лично получил приказание распустить служащих при Управлении и Градоначальства и находиться при генерале Хабалове. Я пригласил Управляющего Канцелярией Д. С. С. Голованова, своих помощников и состоящих при мне чинов для особых поручений и передал приказание о прекращении занятий и о том, чтобы они шли по домам.— «Приходить ли, Ваше Превосходительство, завтра на занятия [?]» — спросил Управляющий.— «Только в том случае, если стрельба на улицах даст возможность безопасно перемещаться». Обращаясь к своим помощникам, добавил: «А Вас, господа, прошу находиться при мне; в случае несчастья со мной, старший из вас вступит в исполнение обязанностей Градоначальника. Генерал-лейт[енант] Вендорф и Камергер Лысогорский, не медля ни секунды, единодушно ответили: «Слушаем». Остальные чины, состоящие при мне: ст[атский] сов[етник] В. Н. Стобеус, Ст[атский] Сов[етник] Н. Ф. Акаемов, ротмистр Игнациус, барон Остен—Сакен, граф Ланской и Секретарь А. Н. Кутепов заявили, что в переживаемую минуту еще больше не жели когда-либо считают своим долгом оставаться при Градоначальнике.

Тронутый их благородным порывом, я опять повторил, что в случае нашего долгого вынужденного отсутствия градоначальство останется без руководителей, что конечно для всех нас нежелательно.

К этому времени картина падения власти уже вырисовывалась. Войска не противостояли бунтовщикам, переходили на их сторону, в лучшем случае бездействовали. С большинством участков телефонная связь прекратилась. Некоторые из них были разгромлены и подожжены. Чины полиции переодевались в штатское платье и разбегались, ища пристанища у знакомых.

Многие нашли приют в Государственной Думе. Толпа всюду преследовала их: издевалась, замучивала и тут же, натешившись, убивала. Кто распорядился широко открыть для несчастных страдальцев двери Государственной Думы — до сих пор не знаю, но память о благородстве этого человека навеки останется в сердцах наших.

Первым был разграблен и подожжен резерв и квартира Начальника резерва полковника Левисона, все это время состоящего при мне. Он застрелился через две недели на могиле своей матери на Смоленском кладбище. Работа и преданность долгу этого офицера были исключительны. К вечеру разграблено и сожжено Охранное Отделение. Телефонная станция осаждалась, но пока еще верная своему долгу Учебная команда Л.-Гв. Измайловского полка отстаивала здание.

Мы были хозяевами положения от Невы до Мойки. О событиях за этой чертой получались отрывочные, случайные сведения.

Распущенная Государственная Дума до 2-х часов дня была почти пуста. Затем растерянные депутаты в количестве 30—50 человек устроили заседание и тут на их глазах начали собираться понемногу субъекты, совершенно им неизвестные. Вначале они робко бродили и застенчиво смотрели по сторонам, а затем, освоившись и увеличившись числом, потребовали отвести им особое помещение для митинга, что оробевшие Думцы немедленно и исполнили. Так образовалось ядро и получил жизнь первый совет рабочих и солдатских депутатов.

Первая из воинских частей, прибежавшая в Думу и занявшая место разбежавшегося старого караула — была 4 рота Л. Гв. Преображенского полка под командой ст[аршего] ун[тер-офицера] Круглова. Она оставалась там более месяца, окарауливая арестованных в Министерском Павильоне Думы. Керенский всецело доверял ст[аршему] ун[тер-офицеру] Круглову и, являясь иногда в павильон, по пяти раз здоровался с товарищем Кругловым за руку и интимно беседовал с ним.

К вечеру войска и толпы считали Думу редюитом революции и непрерывно вливались в нее.

Итак, надо переходить в Адмиралтейство. Я открыл ящики своего стола с секретной перепиской и, не стесняясь посторонних, сжег все до последнего клочка бумаги.

Я потребовал смотрителя здания и своих ординарцев и приказал им после моего ухода запереть Градо-

начальство и доносить о всем случившемся напротив в Адмиралтейство. Затем одел пальто и, не заходя в свои комнаты, вместе со своими сослуживцами стал спускаться по парадной лестнице.

«Ваше Превосходительство, что делать с готовым обедом[?]» — спросил лакей. Мы были голодны. Я невольно призадумался, но полковник Левисон доложил, что генерал Хабалов со своим Штабом уже уехали и наряды ушли. Я посмотрел на голодные лица окружающих и, как не жаль мне было их, сел в автомобиль.

В городе слышна стрельба. Проезжая мимо памятника Петра, вблизи нас начал работать пулемет. Кто в кого стрелял — трудно было определить. Казалось, как будто с крыши Сената.

Прибыв в Адмиралтейство, мы были неприветливо встречены Помощником Начальника Морского Штаба. Он заявил неприязненным тоном, что обращаться Штаб в военный лагерь он без разрешения Начальника Штаба допустить не может, так как это повлечет приостановку текущих дел. По-видимому, и он, подобно Городскому Голове, не понимал, что мы переживаем, и что нас ожидает завтра.

Генерал Хабалов молчал. Наряды понуро стояли на дворе. Но тут вмешался генерал Занкевич и уладил дело: нам предоставили главный вестибюль и бесконечные коридоры 1 и 2 этажа здания, выходящего на Дворцовую площадь. Военное Начальство распорядилось ввести пехоту в коридоры, а конницу сосредоточить во дворе между сараями. В это время около 5 часов пополудни прибыла к нам из Павловска в полном порядке гвардейская запасная батарея с 52 боевыми снарядами. Командир батареи полковник ходил, прихрамывая, опираясь на костыль, и обращал на себя внимание, как кадровый офицер, имеющий, видимо, влияние на людей батареи. Казалось счастье нам улыбнулось. В руках бунтовщиков армии не было.

Генерал Хабалов в Адмиралтействе располагал нарядом в количестве:

4 учеб[ных] ком[анды] гвардейских частей . . .	800 шт[ыков] при
	пулемет[ах] при
резерв полиции . . . . .	100 шт[ыков]
2 запасн[ых] гвард[ейских] эскадрона,	
пришедш[их] из окрестностей . . . . .	200 сабель
конная полиция . . . . .	200 "
жандарм[ский] дивиз[ион] . . . . .	100 "
гвард[ейская] запасн[ая] батарея . . . . .	8 орудий

Итого: 900 шт[ыков], 500 сабель, 8 орудий

В городе находились в полной готовности к выступлению военные училища пехотные: Павловское, Владимирское, Николаевское инженерное, Морской и Пажеский корпуса; артиллерийские Михайловское и Константиновское и Николаевское кавалерийское. Всего приблизительно штыков 2000, орудий 16 и сабель 200. Кроме того, в военной школе шоферов находилось 8 броневых машин. Всего в Адмиралтействе и в городе было по меньшей мере: штыков 2900, орудий 24, сабель 730 и 8 броневых машин, не считая нескольких школ прапорщиков, расположенных в окрестностях.

Генерал Хабалов все это знал. Относительно училищ ему говорили. Почему он не воспользовался помощью юношей, рвавшихся принять участие в подавлении бунта, осталось для меня совершенно непонятным. Может быть, он боялся обвинения в привлечении учащихся к политике, чего действительно раньше история не знала. Невольно задаешь вопрос, что почувствовали бы митинговавшие в Думе, когда бы узнали, что Дума окружена кавалерией и 8 броневыми машинами с пушками и пулеметами...

Стали размещаться в Адмиралтействе. Штаб генерала Хабалова поместился в первом этаже налево от входа. Было достаточно мебели. Имелся тут же и телефон. Я с своими двумя помощниками, генералом Казаковым, полковником Левисоном и все-таки прибывшими ротмистром Игнациусом и Н. Ф. Акаемовым уселись в стороне группой. Н. В. Стобеус, опоздав на автомобиль, несмотря на простуду, тоже направился за нами, но, проблуждав долго по Адмиралтейству и не найдя нас, пошел домой. С нами же находился бывший полицеймейстер Васильевского острова генерал Галле, недавно назначенный Варшавским Обер-полицеймейстером. Хотя он никакого участия в деле не принимал, но, интересуясь событиями, держался при Штабе генерала Хабалова. Распоряжался генерал Занкевич. Генерал Хабалов был спокоен и по обыкновению молчалив.

По инициативе генерала Занкевича было отдано распоряжение построиться на Дворцовой площади ротам Л.-Гв. Преображенского полка, расположенным в казармах на Миллионной улице<sup>18</sup>. Генерал Занкевич, известный полку по войне, вышел к ротам, поздоровался и, сказав несколько слов о переживаемых событиях, обошел ряды, разговаривая с солдатами. Роты ответили на приветствие и вообще держали себя дисциплинированно... Генерал Занкевич все же так вынес впечат-

ление, что посылать их против бунтовщиков рискованно: как бы не увеличить ряды противников.

Немало прошло времени, пока налаживались сношения по новому телефону, хотя из Градоначальства дежурный околоточный Небраскин, не пожелавший оставить свой пост, все время указывал соединяющимся номер нашего нового телефона. Военное Начальство нашло в отдельной комнате еще один телефон, и с этого времени разговоры велись не в моем присутствии. Я только два раза был вызван к телефону: Начальник пожарной команды генерал Литвинов докладывал мне о размерах пожаров за день и в 12 часов ночи дежурный околоточный при телефоне докладывал, что в здании Градоначальства — благополучно. Около 7 часов вечера пришел в Адмиралтейство бывший Командир Гвардейского Корпуса Генерал Безобразов, подсел к общему столу и, обращаясь к ген. Хабалову, спросил: «Ваше Превосходительство, знаете ли Вы, где находится голова бунтовщической гидры [?]» Генерал Хабалов что-то невнятно ответил. — «Голова гидры на Таврической улице, в Государственной Думе. Отрубите ее и завтра в столице наступит спокойствие».

Генерал Хабалов ответил, что он знает и посылает отряды. Затем генерал Безобразов распрощался.

Часы тянулись. Отряд не посылался. Сидя в креслах, мы дремали. Генерал Хабалов со Штабом перешел в отдельную комнату. Часов около 10 Генерал Хабалов пригласил меня и сообщил, что Петроград объявлен на осадном положении. Бывший Главный Военный Прокурор генерал-лейт[енант] Макаренко назначен Министром Внутренних Дел, что об этом уже печатаются в Канцелярии Морского Штаба объявления и что надо их расклеить по городу. Я доложил, что расклеивать объявления в настоящее время можно только при охране расклейщиков особыми воинскими нарядами и что необходим клей и кисти. Людей же я немедленно назначу. Когда были готовы люди, генерал Хабалов сказал, что охранение дать не может, а также нет клея и кистей. — «Пусть Ваши люди разбросают, а где можно — нацепят на ограду сквера объявления в районе Адмиралтейства и Дворцовой площади». Я отдал соответствующие приказания.

Около 12.1/2 часов ночи генерал Хабалов неожиданно для меня отдал распоряжение перейти в Зимний Дворец и приготовить к защите его, приспособив пулеметы во втором этаже. Не скажу, чтобы это приказа-

ние кого-нибудь удивило или взволновало. Усталость, голод, сон, а главное сознание, хотя об этом вслух не говорилось, что войска не хотят активно выступать и что начальники, уже чувствуя свое бессилие, всеми мерами стараются отдалить решающий момент,— всех угнетало...

Ощущалась апатия и полное равнодушие даже к собственной участи. Поднялись. Начали пропускать команды. Загромыхала артиллерия. Ни команд, ни разговоров. Тягостное молчание. Морское начальство любезно провожало нас, очевидно, радуясь, что отделалось от опасных гостей.

Великолепная тихая ночь. На улицах редкая одиночная стрельба. Валяются объявления генерала Хабалова. Медленно идем, и невольно любимся красавицей Невой, Дворцом, Петропавловской крепостью. Прохожих и войск совершенно не видно. Около моста свернули направо по Дворцовой набережной. В это время, молча, не прощаясь отделился генерал Галле и пошел по мосту на Петербургскую сторону. Кто-то иронически заметил: «Спасает шкуру».

Во дворец вошли через подъезд Александра II и попали в лабиринт коридоров, где уже стояли, сидели, а кто и лежал, наши войска. Офицеры указывали места нарядам, часть подымалась с пулеметами на второй этаж. Все состоящие при генерале Хабалове, остались в первом этаже в двух больших комнатах, покрытых коврами и увешанных картинами. Мягкие диваны и удобные кресла манили к отдыху. Появилась надежда, что, наконец-то, передохнем и нас накормят. Но разочарование полное. Встречали нас приветливо только старые лакеи. Заведующий дворцом генерал категорически заявил, что без разрешения Министра Двора не пустит нас и требует, чтобы мы немедленно ушли из Дворца. Генерал Хабалов молчал. Генерал Занкевич стал убеждать и объяснять положение потревоженному от сна генералу. Наконец, было получено разрешение остаться на время, пока генерал снесется со своим начальством. Кто-то из служащих по своему почину прислал горячего чая с хлебом. Начался общий разговор. Было и горько и смешно: в Адмиралтействе и Дворце мы являемся помехой. По-видимому, на нас смотрят как на обреченных и нашей помощи не только не желают, а боятся нашего присутствия как повода к ответственности в будущем. Вследствие своего бессилия мы оказались для всех лишни[e] и даже опасны[e].

Меня вызвал к телефону из Царского Села Помощник Дворцового коменданта генерал Гротен.— «Что там у Вас происходит[?]» — послышался бодрый начальнический голос.— «Все уже произошло, а теперь генерал Хабалов с своими войсками не может найти места, где расположиться». — «Меня не это интересует. Я спрашиваю, наступил ли уже порядок в городе[?]» — Я удивился, что генерал Гротен не понимает серьезности событий. Я вкратце объяснил. Тон его переменялся.— «Я Вас попрошу,— продолжал он,— утром своевременно сообщить мне, если толпы направятся в Царское Село». — Я опять разъяснил генералу, что полиции на местах уже нет, участки разгромлены, телефонная связь отсутствует и что даже войсками, находящимися при генерале Хабалове, распорядиться он не решает.— «Что же дальше будет?», — обеспокоенным голосом спросил генерал.— «Если не придут к утру верные войска,— будет конец Царской России, таково мое мнение. Все-таки переговорите с генералом Хабаловым.»

Следствием разговора генерала Гротена с генералом Хабаловым было приказание Командиру жанд[армско-го] дивиз[иона] немедленно отправиться с дивизионом в Царское Село в распоряжение Дворцового Коменданта для несения разведывательной службы.

Генерал Казаков доложил, что люди и лошади сутки ничего не ели, так как казармы дивизиона из числа первых были заняты бунтовщиками. Кроме того, лошади не подкованы на острые шипы, и что в таком состоянии разведывательную службу, пройдя 25 верст, дивизион нести не может. Генерал Хабалов выслушал и не настаивал. Приблизительно через час нашего пребывания во Дворце было получено приказание от имени Великого Князя Михаила Александровича, прибывшего только что во Дворец, вывести из Дворца наряды.

Уныние полное. Куда идти. Я предложил занять Петропавловскую крепость и там отсиживаться, ожидая подхода войск.

Ответ: в крепости гарнизон тоже близок к бунту.

Решено опять возвращаться в Адмиралтейство. Шли тем же путем. Мороз крепчал. В Адмиралтействе, после хорошо натопленных дворцовых помещений, было холодно и неудобно. Зашли в какую-то маленькую комнату, уселись на стулья, склонили головы на столы и задремали. Генерал Хабалов со Штабом расположились отдельно.

Был в начале 5-ый час ночи.

28 февраля

В 8-ом часу утра полковник Левисон взволнованно доложил, что, выйдя проверять наряды, он к удивлению своему увидел, как воинские чины складывают в кучу оружие и затем строем при офицерах расходятся по казармам. Выйдя в коридор, я убедился от спешащих к своим частям офицеров, что они получили приказание сложить оружие и вестн свои части по казармам. В случае промедления гарнизон Петропавловской крепости откроет артиллерийский огонь по Адмиралтейству. Генерала Хабалова видно не было.

Я приказал Нач[альнику] рез[ерва] объявить чинам полиции, что, ввиду роспуска войск, они также свободны. Могут, присоединившись к войскам, идти в участки и по своим квартирам, это их дело. Все оружие должны сложить в те же места, где складывают воинские части. Я остаюсь здесь, но никого с собой не связываю, так как не сомневаюсь, что с минуты на минуту буду в лучшем случае арестован. Через 20 минут я спустился во двор. Лошади без людей стояли голодные, понуря головы. Две были убиты шальными пулями. Нарядов во дворе уже не было видно. В главном входе с Дворцовой площади артиллеристы тащили и сваливали в общую кучу последние орудийные замки. Полковник-артиллерист обратился к стоявшей тут же в строю, точно при погребении, команде с речью. Голосом с нарывом, опираясь на костыль, он старался что-то объяснить солдатам и выйти из тягостного положения. Я поспешил уйти подальше от этой ужасной сцены.

Кто-то сказал, что Заведующий помещением потребовал освободить все занимаемые нами комнаты; нам же предоставляется наверху чайная комната.

Подымаясь наверх, из окна увидел, как батарея в порядке, при офицерах, вытягивалась из ворот Адмиралтейства. Народа на площади было еще мало. Подошел Помощник начальника Штаба и любезным тоном передал мне и генералу Хабалову приглашение на чай к начальнику Штаба Адмиралу Стеценко. Посмотрев на совершенно изголодавшихся сослуживцев, я спросил: «А моих сотрудников приглашение касается?» — «К сожалению, столовая Н. Т. мала и не может всех вместить».

Идти пришлось на противоположный конец Адмиралтейства к памятнику Петра. Шли молча. Пока во дво-

рах еще был порядок. Адмирал Стеценко и его супруга приняли нас очень любезно и даже участливо. Наконец, нашлись люди, не боящиеся нашего присутствия. В маленькой комнате, выходящей окнами во двор, стоял маленький стол, накрытый на шесть приборов. Постоянной столовой воспользоваться было нельзя — залетали пули. Присутствовала еще одна дама — англичанка, жена морского офицера. Она все время очень подробно рассказывала с сильным акцентом, несколько не волнуясь, о нападении прошлой ночью на отель Асторию, где она проживала. Толпы вооруженных, большей частью пьяных солдат, матросов и евреев врываются в номера, проверяли документы, отбирали оружие у офицеров, попутно крали, что могли, и так продолжалось всю ночь.

Как ни приятно было гостеприимство добрых людей и как не своеобразен и интересен был рассказ англичанки, но надо было возвращаться на лобное место. Поблагодарив, я отправился обратно. Генерал Хабалов, молча, как автомат, не отставал от меня. Чувствовалось, что положение сильно ухудшилось: улица, узнав о роспуске войск, хозяйничала уже непосредственно у Адмиралтейства. Слышались радостные крики: «ура», — пальба шла повсю. Пули шелкали по крышам и по двору. Лошади все уже были выведены и на них гарцевали по площади какие-то чуйки. Из ворот бросился ко мне с искажившимся от страха лицом какой-то человек с криком: «спасите меня, Ваше Превосходительство». Ошеломленный и не понимая, в чем дело, спросил: «Кто Вы такой и кто Вам угрожает?..»

— «Я — жандармский офицер из наряда... спасаюсь от толпы... они едва не растерзали меня... я спрятался к дворнику... он дал мне шапку и пальто... они сейчас ворвутся и прикончат меня... спасите...» — «Если Вас увидят со мной в таком виде — будет плохо. Спасайтесь, пока свободен еще выход и затеряйтесь в толпе.» Перодецкий офицер, не говоря ни слова, бросился в ворота.

Сослуживцев своих застал в пустой чайной комнате, заведующий чайной еще не пришел, они сидели за пустыми столами и заглушали голод папиросами. Сознавая, что конец наш близок, я предложил им разоружиться, сложив в общую кучу оружие, и ожидать своей участи. Советовал также тем в особенности, кто не в полицейской форме, попытаться пробраться домой. Никто не пожелал. Все остались, и мы, сложив оружие,

опять уселись в чайной, на третьем этаже. За нами все время ходили, молча генерал Хабалов и Начальник его Штаба.

Н. Ф. Акаемов вышел с целью купить для нас продукты, но когда возвратился — нас уже не застал. Все остальные, а именно, генерал Вендорф и полковник Левисон, ген. Казаков, камергер Лысогорский, ротмистр Игнациус — остались в Адмиралтействе. Начались разговоры: добудет ли Акаемов еду и пропустят ли его к нам. Уныния не было: на людях и смерть красна.

Прошло минут 20 и вдруг... Шум толпы во дворе, топот многих ног по широким и отлогим лестницам и крики: «Дальше... выше... беги сюда... куда спрятались.» И толпа ворвалась и заполнила всю комнату. Мы встали. Из толпы выделились три фигуры: прапорщик в стрелковой форме: пьяное, сизое, одутловатое лицо, весь в прыщах, глаза, заплывшие в жиру. В руках держал большой маузер, который он поочередно наводил в упор на наши физиономии. Одет был по форме во все новое походное снаряжение. Другой — совсем молоденький солдатишка, белый, с прекрасным нежным цветом лица, тоже одет хорошо, но не по форме, в расстегнутом пальто с красными погонами и выпушками. Был пьян. В руках держал обнаженную офицерскую шашку с анненским темляком, страшно размахивал ею над нашими головами и по временам делал вид, что хочет заколоть нас. Кричал он больше всех и упивался ролью вождя восставшего народа. Между этими двумя стояла все время меланхолично, совсем смиренная с проседью баба. Была опоясана поверх длинного пальто шашкой на новом широком ремне.

«А дэжь тут промеж вас Хо-бааа-лов», — заорал солдатишко, размахивая шашкой.

«Где Хобалов?» — повторил прапорщик и навел на меня револьвер.

«Генерал Хабалов был с нами, но недавно ушел, а куда — не знаю», — ответил я. Действительно, Хабалов перед тем, как ворвалась толпа, исчез.

Пьяные солдатишко и прапорщик, вытаращив глаза, смотрели грозно на меня и не успели еще разинуть рты, как я громко, чтобы вся толпа услышала, сказал: «А вот я Градоначальник. Арестуйте меня и ведите в Думу», — и пошел вперед из комнаты. Мне дали дорогу, раздались крики радости, и вся толпа бросилась за мной. Кто-то крикнул: «Надо отобрать от них оружие». — «Вот

наше оружие»,— указал я на кучу винтовок, к счастью до сих пор еще лежавшую в коридоре.

Я быстро спускался по лестницам. Все сослуживцы мои, не отставая, держались вместе.

Генерал Хабалов в коридоре незаметно присоединился к нам. Большинство из толпы увлеклось разбором сваленного в нескольких местах оружия и начали отставать от нас.

Быстро пройдя к ближним воротам к стороне адмиралтейского сквера, что против Градоначальства, мы завернули налево и здесь нас остановили. Стояло два громадных грузовика-платформы. «Влезайте».— Задача не из легких. Напрягая усилия, я влез и сел рядом с шофером. Генерал-лейт. Вендорф почтенного возраста не мог взобраться. С руганью несколько дюжих парней швырнули его на мои колени. Остальные поместились кое-как на платформе сзади нас. Толпа гоготала, ругала нас, кричала: «ура».

Шофер дал ход. Грузовик рванул и сразу налетел на чугунную тумбу, выворотил ее, но сам испортился, и, несмотря на все усилия рассвирепевшего шофера, не двигался с места.

В это время мимо Градоначальства из Гороховой улицы выскочил автомобиль и открыл стрельбу из пулемета. Окружавшую нас толпу охватила паника. Все бросились на землю и началась беспорядочная стрельба во все стороны. Ясно и теперь помню почтенную фигуру мужика, старика в валенках, ставшего по правилам на одно колено и из всех сил старавшегося зарядить винтовку, но по-видимому, система оказалась ему знакомой и он вертел винтовку во все стороны,— так и не выстрелил. Вблизи меня, сзади раздался выстрел. Я почувствовал струю теплого воздуха справа. «Господи, хоть бы скорей прикончили»,— глубоко вздохнув, сказал полковник Левисон и крепко прижался ко мне. Были слышны стоны, ругательства.

Стрельба продолжалась минуты две. Наконец, стреляющий автомобиль проскочил дальше. Толпа сейчас же поуспокоилась.

«Убирайтесь к чертям, машина испортилась!»— крикнул шофер. С возможной быстротой, помогая друг другу, соскочили мы с грузовика.

На втором грузовике, где уже сидели ген. Хабалов, Тяжелников и Лысогорский, места хватило только ген. Вендорфу. Грузовик тронулся по Невскому, а мы

остались стоять. Положение неважное. К счастью толпа, еще ошалевшая от перестрелки, не особенно обращала на нас внимание. Я крикнул: «Ну, если нет автомобиля, ведите нас в Думу — пешим порядком». Я быстро пошел, желая избежать Невского, на Дворцовую площадь. Несколько вооруженных человек окружили нас, и мы вышли на поворот к Дворцовому мосту. Здесь на наше счастье наткнулись на автомобиль с частной публичкой. Наши конвоиры, которых не особенно радовала перспектива идти пешком далекий путь, быстро высадили пассажиров и крикнули нам: «Живо садись [!]». Я сел на главное место, рядом со мной поместился генерал Казаков, сиденье было испорчено, и мы сидели почти на дне кузова. Против, лицом к нам, на каких-то тюках, по-видимому, с продовольствием, уселись полк. Левисон и ротм. Игнациус. Автомобиль облепили солдаты и частные лица. Рядом со мной на подножке стоял солдат, высоко подымая и потрясая ружьем. Все стреляли вверх, кричали «ура» и махали оружием над нашими головами. Солдат, стоявший около меня, пытался все время взять на себя роль руководителя. Он неистово орал: «товарышы. Да нестырыляйтэж, нэ стырыляйтэ. Берегыты-ж патроны. Оны нам ешо прыходятся». Его мало слушали. Крики и стрельба продолжались все время. Выехали на Дворцовую Набережную, почти пустынную, и пошли быстрым ходом мимо грандиозно-строгой линии дворцов. Вахтеры и дворники, молча и сочувственно, как мне казалось, смотрели на нас. Я почти каждый день ездил набережной, и они знали меня в лицо. У Зимнего Дворца навстречу нам шли два английских офицера. Одного я знал хорошо в лицо, фамилию забыл, но фигуру его, необычно длинную и поджарую, знал каждый, кто бывал в Астории. Так вот этот офицер своеобразно приветствовал нас. Он остановился, повернулся к нам лицом, засунул руки в карманы, и пригibasь назад во все свое длинное туловище, разразился громким хохотом, а потом что-то кричал и указывал на нас пальцем. В это время ротмистр Игнациус, всего три дня назад назначенный из Москвы на должность Штаб-офицера при Градоначальнике, привстал во весь свой тоже большой рост на автомобиле, приложил руку к козырьку, и, обращаясь ко мне, сказал: «Ваше Превосходительство. Вам неудобно сидеть, позвольте, я передвину тюки». — Не знаю, подействовал ли этот красивый жест на просвещенного мореплавателя, но на конвоира подействовал, и он еще

громче заорал: «да не стырляйте-ж, по русски вам сказываю».

Перегруженный автомобиль скрипел, лязгал на су-гробах рессорами, два раза останавливался, но на наше счастье на пути публики было очень мало: все находились на Невском. Мы благополучно выехали на Таврическую улицу. Чем ближе к Думе, тем больше народу. Посреди улицы стояла без призору допотопная пушка. По-видимому ночью боялись нашего наступления.

Навстречу нам попалась кавалькада: группа молодых офицеров-артиллеристов, в сюртуках, с большими красными бантами на груди. Им доставляли большое удовольствие крики приветствия толпы. Они раскланивались на обе стороны.

У въезда в Государственную Думу и за решеткой стояла плотная масса народа. Автомобиль наш, заворачивая с улицы к подъезду, остановился. Опять что-то испортилось. Толпа ринулась к нам и облепила автомобиль со всех сторон. Раздалась ругательства. Вблизи меня очутился, судя по внешности, пьяный дворник. Он сделал из пальцев рога и старался ткнуть меня в глаза, причем, каждый раз мычал: «гы, гы, гы». Ему не удавалось меня достать, и он лез все ближе и ближе. Окружавшим это нравилось, они от души смеялись, и этим еще больше подзадоривали его. Шофер прилагал все усилия, но машина упрямылась. Положение стало совсем скверное. Я повернулся спиной к наступающему и был в положении человека, ожидающего, что вот-вот его ударят по голове. Слышу сзади голоса: «Это Градоначальник. Генерал Балк.» Поворачиваюсь и глазам не верю. Сзади, между толпой и нашим автомобилем спокойно, но настойчиво протискиваются студенты Военно-Медицинской Академии. Вот им-то мы и были обязаны избавлением от оскорблений, а может и смерти.

Наконец, автомобиль рванулся, сделал полукруг, остановился у главного входа в Думу, и мы без задержки быстро прошли внутрь, куда именно — не помню. Комната большая, заставленная столами, а за ними — победители — преимущественно еврейская молодежь. Два субъекта из молодежи устремились ко мне и стали задавать вопросы. Узнав, что я Градоначальник, один из них с негодованием сказал: «А вы бы, градоначальник, отдали бы сейчас же приказание Вашей полиции прекратить расстрелы из пулеметов безоружного народа». Я был так этим озадачен, что в первую минуту не понял в чем дело и переспросил: «Из каких пулеме-

тов?» — «Вам лучше это знать», — с ядовитой иронией вскричал юноша.

«Товарищ, товарищ, — остановил его другой еврей, — теперь полная свобода слова и действий. Не оказывайте давления на Градоначальника». И обращаясь ко мне, любезным тоном: «Генерал, Вы арестованы. Конвой доставит Вас к месту заключения».

Меня и генерала Казакова отделили от наших спутников. Мою просьбу не разъединять нас — не уважили и повели по длинному светлomu коридору в так называемый Министерский Павильон, а их — на второй этаж, где как оказалось, впоследствии, их постигла участь, несравненно лучшая нашей. Конвой наш, 8 человек, состоял частью из солдат с винтовками, а частью из евреев-юношей, делающих революцию. Только что выпущенные из тюрем, они с особенным увлечением, вместе с солдатами, отбивали шаг по узким коридорам. Опясаные патронными лентами, держа высоко в вытянутых руках револьверы самых ужасающих систем, они упивались своей великой исторической ролью идти во главе революции.

Итак, мы маршировали на славу. При входе в павильон у дверей сидел на стуле в коридоре бледный, изнеможенный в белом клобуке и панатии Петроградский митрополит Питирим<sup>19</sup>. Я неожиданно остановился против него и громко сказал: «Владыко, благословите меня». Еврейская молодежь, занятая маршировкой, не ожидала этого, изумленно поводила глазами. Один из них продолжал держать револьвер в вытянутой вверх руке.

Митрополит благословил меня и генерала Казакова. Затем открылась дверь в большую ярко освещенную солнцем комнату, где уже сидели за большим столом несколько арестованных министров<sup>20</sup>, мы переступили порог и попали в царство старшего унтер-офицера 4 роты Преображенского полка изверга Круглова.

<sup>1</sup> Иное писал А. П. Балк весной 1917 г. в показаниях ЧСК Временного правительства: «23 февраля с раннего утра началась совершенно неожиданная для меня забастовка половины фабрик и заводов». — Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция... С. 133. В тот день бастовало более 129 тыс. рабочих — примерно треть всех рабочих столицы. — Лейберов. И. П. Наштурм самодержавия. С. 189.

<sup>2</sup> Запасы ржаной и пшеничной муки в Петрограде покрывали потребность 10—12 дней. Мука имелась так-

же в пекарнях, еще на несколько дней, но лавочники ее припрятывали.

<sup>3</sup> Мартынов Е. И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927. С. 63—65 и карта вклейка.

<sup>4</sup> 25 февраля началась всеобщая политическая стачка: бастовали 421 предприятие с 305 тыс. рабочих. Бросили учебу студенты.— Лейберов И. П. На штурм самодержавия. С. 168, 189.

<sup>5</sup> Пристав, ротмистр Крылов во главе конных родовых пытался разогнать митинг рабочих у памятника Александру III на Знаменской площади и был убит ударами шашки подхорунжим 1-го Донского полка, полным георгиевским кавалером М. Г. Филатовым.

<sup>6</sup> А. П. Балк с чужих слов и весьма неточно описывает восстание Павловцев, ошибочно перенес его на сутки раньше.— См.: Документ 1 и примечание 7 к нему.

<sup>7</sup> Днем 26 февраля учебная команда запасного батальона л.-гв. Павловского полка была построена поперек Невского проспекта у Полицейского моста через Мойку и боевыми патронами стреляла в сторону Городской думы по демонстрантам, чем вызвала возмущение и восстание 4-й роты своего батальона.

<sup>8</sup> 19 солдат 4-й роты заключили ранним утром 27 февраля в тюрьму Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Их список см.: Черняев В. Ю. Восстание Павловского полка... С. 172—173. По требованию восставших их освободили днем 28 февраля и полевой суд, грозивший расстрелом, не состоялся.

<sup>9</sup> Рабочая группа при Центральном Военно-промышленном комитете, в которую входили Б. О. Богданов, Г. Е. Брейдо, К. А. Гвоздев и другие меньшевики-оборонцы, намеревалась 14 февраля, в день возобновления заседаний Гос. думы, устроить демонстрацию рабочих с требованием создания ответственного министерства. В этой связи в ночь на 27 января члены Рабочей группы были арестованы и заключены в тюрьму «Кресты». Освобожденные днем 27 февраля восставшими рабочими и солдатами, они вошли в руководство Петроградского Совета.

<sup>10</sup> Расклеенное утром 26 февраля по столице объявление генерала С. С. Хабалова предупреждало, что беспорядки будут подавляться силою оружия.

<sup>11</sup> См. документ 1 и примечание к нему 6.

<sup>12</sup> Описка: командиром был полковник Висковский.

<sup>13</sup> Во время восстания в запасном батальоне л.-гв. Волынского полка генерал С. С. Хабалов был занят допросом на батальонной гауптвахте л.-гв. Павловского полка 16 солдат участников восстания, которые вернулись в казарму утром 27 февраля из отлучки.

<sup>14</sup> Наиболее точное описание восстания волынцев см.: Ганелин Р. Ш., Соловьева З. П. Воспоминания Т. Кирпичникова как источник по истории февральских революционных дней 1917 г. в Петрограде // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. С. 178—195.

<sup>15</sup> Так в документе.

<sup>16</sup> В 1917 году в феврале было только 28 дней.

<sup>17</sup> Особняк графини М. И. Витте, вдовы премьер-министра графа С. Ю. Витте, был на Каменноостровском проспекте, 5. Сохранился в частично перестроенном виде, ныне Детская музыкальная школа.

<sup>18</sup> На Миллионной улице, 33, помещались казармы 1-й роты л.-гв. Преображенского полка, охранявшей Зимний дворец.

<sup>19</sup> Митрополит Петроградский и Ладужский Питирим был под конвоем доставлен в Таврический дворец 28 февраля в 10 часов утра. Комендант Таврического дворца полковник Г. Г. Перетц вспоминал: «В полуциркульном зале ноги его подкосились, ему поставили стул, на который митрополит упал; его понесли на этом стуле в общую комнату министерского павильона. Однако, в дверях стул застрял и пришлось оставить владыку в передней. И тут, сидя у дверей, в полубессознательном состоянии, он благословлял всех своих знакомых, которых следом за ним под конвоем доставляли в министерский павильон». — Перетц Г. Г. В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. Пг., 1917. С. 37—38. Выдвиженец и ставленник Г. Распутина, митрополит Питирим входил в окружение императрицы Александры Федоровны и был связан с темными финансовыми и биржевыми дельцами. Под давлением духовенства он сложил митрополитий сан и был отпущен «на покой» в Александр-Невскую лавру.

<sup>20</sup> К тому времени в Министерском павильоне Таврического дворца сидели под арестом Б. В. Штюрмер, Г. Е. Рейн, генерал А. А. Курлов. Поручения караула осуществляли студенты А. Барон, Москвин, курсистки Азначская, Бургина, Фитерман, Компанец. — Перетц Г. Г. В цитадели русской революции. С. 37, 39. Эти студенты и курсистки также заботились о еде и чае для арестованных.

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН УПОМЯНУТЫХ А. П. БАЛКОМ

**АКАЕЛОВ Николай Федорович** (р. 1869) — чиновник особых поручений в 1899—1916 при варшавском обер-полицеймейстере, 25 ноября 1916 — 1 марта 1917 при петроградском градоначальнике. Автор очерка «Агония старого режима: по приставским донесениям и показаниям свидетелей» — Исторический вестник. 1917. Апрель.

**БЕЗОБРАЗОВ Владимир Михайлович** — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, бывший командир Гвардейского корпуса.

**БЕЛЯЕВ Михаил Алексеевич** (1863—1918) — генерал-от-инфантерии по Ген. штабу. Пользовался расположением Г. Распутина. За канцеляризм имел у военных

прозвище «Мертвая голова». 3 января—27 февраля 1917 последний царский военный министр, 5 февраля вывел Петроградский военный округ из ведения командования Северного фронта в свое подчинения. 1 марта сам явился в Таврический дворец и был арестован. Расстрелян в 1918.

**ВАСИЛЬЕВ Алексей Тихонович** (р. 1869) — последний директор Департамента полиции с 28 сентября 1916.

**ВЕИС Владимир Карлович** (р. 1864) — действительный статский советник, уполномоченный по продовольствию Петрограда, член совета министра земледелия.

**ВЕНДОРФ Оскар Игнатович** (р. 1849) — генерал-лейтенант, 26 января 1904—27 февраля 1917 помощник петроградского градоначальника по наружной полиции.

**ВИСКОВСКИЙ** — полковник, командир запасного батальона л.-гв. Волынского полка.

**ВИТТЕ Матильда Ивановна**, графиня (урожденная Хотимская, в первом браке Лисаевич) — вдова премьер-министра графа Сергея Юльевича Витте.

**ГАЛЛЕ Владислав Францевич** (р. 1862) — генерал-майор, заведующий петроградской конно-полицейской стражей и полицмейстер IV отделения Петрограда (Васильевский остров, Петроградская сторона, Новая деревня).

**ГЛОБАЧЕВ Константин Иванович** (р. 1870) — генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, 11 февраля 1915—27 февраля 1917 последний начальник Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Петрограде («Охранки»).

**ГОЛИЦЫН Николай Дмитриевич**, князь (1850—1925) — член Гос. совета (правая группа), сенатор; по настоянию императрицы Александры Федоровны 27 декабря 1916 назначен последним царским председателем Совета министров, просил Николая II об уступках в духе программы Прогрессивного блока. Арестован 1 марта 1917.

**ГОЛОВАНОВ Вячеслав Иванович** — действительный статский советник, управляющий канцелярией градоначальства.

**ГРИГОРОВИЧ Иван Константинович** (1853—1930) — генерал-адъютант, адмирал, член Гос. совета, командир порта Порт-Артур в Русско-Японскую войну, с 19 марта

1911 последний царский морской министр, арестован не был, оставался в Главном Адмиралтействе и сотрудничал с Временным правительством. После октября 1917 служил в Морской исторической комиссии. В 1923 с разрешения правительства СССР выехал во Францию.

**ГРИГОРЬЕВ** **Георгий Николаевич** (р. 1868) — генерал-майор, полицмейстер 2 отделения (3-й участок Казанской части, Нарвская и Коломенская части, пригородный Петергофский участок), член Петроградского столичного присутствия по делам страхования рабочих.

**ГРОТЕН** **Павел Павлович** (р. 1870) — генерал-майор свиты ЕИВ, временно замещал в Царском Селе уехавшего в Ставку дворцового коменданта генерал-майора В. Н. Воейкова и являлся комендантом Александровского дворца, где жила императрица Александра Федоровна с дочерьми и сыном.

**ГУЧКОВ** **Александр Иванович** (1862—1936) — один из основателей партии октябристов, в 1916—1917 председатель Центрального Военно-промышленного комитета, сторонник дворцового переворота. Вместе с В. В. Шульгиным 2 марта 1917 принял отречение Николая II от престола. 2 марта—30 апреля первый военный и морской министр Временного правительства. В мае возглавил Общество экономического возрождения России, стремившееся к буржуазной военной диктатуре, причастен к попытке государственного переворота во главе с генералом Л. Г. Корниловым. С 1918 эмигрант.

**ЗАНКЕВИЧ** **Михаил Ипполитович** (р. 1872) — генерал-майор, брат жены А. П. Балка, начальник Ген. штаба. 27 февраля 1917 сменил болевшего полковника В.И. Павленкова на посту начальника войсковой охраны Петрограда. С мая 1917 вновь в Ген. штабе.

**ЗНАЧКОВСКИЙ** **Георгий Анатольевич** — действительный статский советник, полицмейстер 1 отделения Петрограда (Адмиралтейская и Спасская части, 1-й участок Литейной части, 1-я рота Столичной полиции), член Петроградского столичного присутствия по делам страхования рабочих и Петроградского по воинской повинности присутствия.

**ИГНАЦИУС** **Леонид Александрович** — ротмистр, штабс-офицер для особых поручений при петроградском градоначальнике, ранее служил в канцелярии варшавского генерал-губернатора.

**КАЗАКОВ Матвей Иванович** (р. 1858) — генерал-майор. С 1888 в отдельном корпусе жандармов, был начальником Тамбовского и Московского жандармских управлений, командиром Варшавского и Московского жандармских дивизионов. 19 марта 1910—27 февраля 1917 командир Петроградского жандармского дивизиона.

**КИРПИЧНИКОВ Аркадий Аркадьевич** — коллежский ассессор, начальник Петроградской сыскной полиции.

**КРУГЛОВ Федор** — старший унтер-офицер 4 роты запасного батальона л.-гв. Преображенского полка. Возглавлял караул в Министерском павильоне Таврического дворца, где содержались арестованные деятели царского времени.

**КРЫЛОВ** — ротмистр, участковый пристав. 25 февраля 1917 во главе конных городских пытался разогнать митинг рабочих на Знаменской площади и был зарублен казаком 1-го Донского полка.

**КУТЕПОВ Александр Павлович** (1882—1930) — полковник, участник Русско-Японской и первой мировой войн, командир полка, георгиевский кавалер, приехал в Петроград в отпуск с фронта, участвовал в попытке подавить Февральскую революцию. В гражданскую войну участник Ледового похода генерала Л. Г. Корнилова, черноморский военный губернатор, за взятие Новороссийска произведен в генерал-майоры, за взятие Харькова — в генерал-лейтенанты, в Крыму командовал 1-й армией, с 1920 генерал-от-инфантерии. Руководил внутренней линией Русского общевоинского союза, с 1928 его глава. 26 января 1930 похищен советскими разведчиками.

**КУТЕПОВ Николай Николаевич** — коллежский секретарь, секретарь петроградского градоначальника.

**ЛАНСКОЙ Сергей Михайлович**, граф — статский советник, чиновник особых поручений при петроградском градоначальнике.

**ЛАШКЕВИЧ Иван Степанович** (1891—1917) — штабс-капитан, потомственный дворянин Черниговской губернии. С 1911 в л.-гв. Волынском полку, после ранения в мае 1916 на фронте стал командиром учебной команды запасного батальона полка в Петрограде. Утром 27 февраля 1917 застрелен восставшими солдатами-волынцами.

**ЛЕВИСОН Вернер Вернерович** — подполковник, штабс-офицер для особых поручений при петроградском градоначальнике.

**ЛЕЛЯНОВ Павел Иванович** — действительный статский советник, купец 1-й гильдии (крупная меховая торговля); родственник, через жену, купцов Елисеевых; домовладелец. Городской голова Петрограда в 1908—1912, 1916—феврале 1917, редактор «Известий Петроградской городской думы», председатель Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов и Петроградского училищного совета, гласный губернского земского собрания, член Георгиевского комитета, правлений Русского для внешней торговли банка, «Русского Ллойда» и др.

**ЛИТВИНОВ Александр Владимирович** (1860—1925) — генерал-майор, с 1904 брант-майор Петрограда (начальник пожарной охраны). После октября 1917 брендмейстер Текстильной фабрики им. Свердлова.

**ЛЫСОГОРСКИЙ Владимир Владимирович** (1866—1924) — действительный статский советник, камергер, с 1890 в ведомстве МВД, с 1907 помощник петроградского градоначальника по административной части, член Петроградского столичного по фабричным и горнозаводским делам присутствия и Петроградского губернского распорядительного комитета.

**МАКАРЕНКО Александр Сергеевич** (р. 1861) — генерал-лейтенант, с 1908 помощник начальника, с 1911 начальник Главного военно-судебного управления и военный прокурор. 27 февраля 1917 назначен последним царским министром внутренних дел. В гражданскую войну постоянный член военного и военно-морского суда в Крыму.

**МАРТЫНОВ** — полковник, командир 9 запасного кавалерийского полка, 28 февраля 1917 смещен Военной комиссией Гос. думы.

**МАЦКЕВИЧ** — поручик запасного батальона л.-гв. Финляндского полка, адъютант генерал-лейтенант С. С. Хабалова.

**МЕЙЕР Петр Петрович** (р. 1860) — генерал-майор, в 1905—1916 варшавский обер-полицмейстер, с 15 августа 1916 последний царский градоначальник Ростова-на-Дону.

**МОРАКИ Владимир Николаевич** — действительный статский советник, полицмейстер 3 отделения Петрограда (Московская и Рождественская части, 2, 3, 4 участки Литейной части).

**НАУМОВ Александр Николаевич** — генерал-лейтенант флота, управляющий Петроградской речной полицией.

**ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ Александр Петрович**, принц (1844—1933) — правнук Павла I, генерал-адъютант и генерал-от-инфантерии, покровитель медицины. В 1914—феврале 1917 верховный начальник военно-санитарной и эвакуационной части. Эмигрант.

**ФОН-ДЕР-ОСТЕН-САКЕН ЭВАЛЬД ЭДУАРДОВИЧ**, барон — коллежский асессор, чиновник особых поручений при петроградском градоначальнике.

**ПАВЛЕНКОВ Владимир Иванович** (р. 1865) — полковник л.-гв. Преображенского полка, где служил с 1906, в 1916 стал помощником начальника запасного батальона. С 9 января 1917 замещал начальника запасных батальонов и войсковой охраны Петрограда генерал-лейтенанта А. Н. Чебыкина. 24—27 февраля командовал войсками подавлявшими революционные выступления и восстание. Из-за припадков «грудной жабы» отошел от дел.

**ПИЛЕЦКИЙ Моисей Исаевич** (р. 1874) — из мещан, 1893—1916 делопроизводитель канцелярии варшавского обер-полицмейстера, с 22 декабря 1916 управляющий канцелярией петроградского градоначальника, с марта 1917 служил в общественном градоначальстве.

**ПИТИРИМ**, в миру **Павел Окнов** (1858—1921) — митрополит Петроградский и Ладужский и архиепископ Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, ставленник Г. Распутина, устроившего его назначение в ноябре 1915. Арестован 28 февраля 1917 и под давлением духовенства сложил сан митрополита и отпущен «на покой» в лавру.

**ПОКРОВСКИЙ Николай Николаевич** (1865—1930) — тайный советник, член Гос. совета, землевладелец Ковенской губернии. 21 января—30 ноября 1916 государственный контролер, с 30 ноября последний царский министр иностранных дел, председатель на Петроградской конференции союзников в январе 1917. Пользовался доверием либеральной общественности, выступал за уступки ей правительства и за отстранение А. Д. Протопопова. Арестован не был. 3 марта 1917 пердал дела посетившему его П. Н. Милокову.

**ПРОТОПОПОВ Александр Дмитриевич** (1866—1918) — действительный статский советник, член III и

IV Гос. дум от Симбирской губернии (фракция земцев-октябристов), крупный землевладелец, заводчик и фабрикант. С 18 сентября 1916 управляющий МВД, с декабря министр внутренних дел и главноначальник Отдельного корпуса жандармов. Вечером 28 февраля 1917 в Таврическом дворце сдался под арест. Расстрелян по приговору ВЧК.

**ПЧЕЛИН Александр Борисович** — полковник, полицмейстер 6 отделения Петрограда (Александровская часть, Шлиссельбургский и Александровский участки).

**РЕЙНБОТ-РЕЗВОЙ Анатолий Анатольевич** (1868—1918) — генерал-майор по гвардейской легкой артиллерии, в 1906—1907 московский градоначальник, после ревизии уволен, разжалован, в 1911 приговорен Особым присутствием Сената к лишению всех основных прав и преимуществ и заключен на год в тюрьму, вскоре помилован. С 1914 восстановлен на службе в чине генерал-майора и с высочайшего соизволения сменил фамилию на Резвой, назначен начальником санитарной части в действующую армию.

**РИТТИХ Александр Александрович** (р. 1868) — гофмаршал высочайшего двора, сенатор, ученый-аграрник, один из главных организаторов Столыпинской реформы, с 1912 товарищ министра земледелия, с ноября 1916 по февраль 1917 управляющий Министерством земледелия и член Совета министров. Эмигрант.

#### **РОМАНОВЫ, великие князья:**

**Кирилл Владимирович** (1876—1938) — внук Александра II, старший сын великого князя Владимира Александровича, двоюродный брат Николая II, контр-адмирал свиты ЕИВ. В Русско-Японскую войну один из немногих спасшихся после гибели броненосца «Петропавловск». 1915—8 марта 1917 командир Гвардейского экипажа. Признал Временное правительство, 9 марта отказался от престола и уделных земель, в июне уехал с супругой в Финляндию. В 1922 объявил себя блюстителем императорского престола, в 1924 — императором Кириллом I, что не признала вдовствующая императрица Мария Федоровна. Выступал за соединение самодержавной власти с властью Советов и восстановление в СССР династии Романовых.

**Михаил Александрович** (1878—1918) — младший брат Николая II, генерал-майор свиты ЕИВ, член Гос. совета, в 1899—1904 наследник престола. В первую мировую

войну командир Кавказской туземной дивизии, затем 2-го Кавказского корпуса. 3 марта 1917 подписал манифест об отказе от престола. В 1918 г. выслан из Гатчины в Пермь, где в ночь на 13 июня был убит.

**РОДЗЯНКО Михаил Владимирович** (1859—1924) — действительный статский советник, камергер, крупный землевладелец, председатель III и IV Гос. дум, глава Временного комитета Гос. думы, созданного в дни Февральской революции, с 7 марта также почетный комиссар Главного управления Красного креста. Активный сторонник попытки государственного переворота во главе с генералом Л. Г. Корниловым. После октября 1917 сотрудничал с генералами Л. Г. Корниловым и А. И. Деникиным. Эмигрант.

**СПИРИДОНОВ Николай Петрович** — полковник, пристав 2 участка Спасской части Петербурга.

**СТЕЦЕНКО Константин Васильевич** — вице-адмирал.

**СТОБЕУС Николай Викторович** — статский советник, служил в ведомстве МВД, чиновник особых поручений при петроградском градоначальнике.

**ТРЕПОВ Александр Федорович** (1862—1928) — егермейстер, статс-секретарь, член Гос. совета (правая группа), член Александровского комитета, сенатор, младший сын петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. С 1915 управляющий Министерством путей сообщения. 19 ноября—26 декабря 1916 председатель Совета министров, отстранен за требования удаления из Петербурга Г. Распутина и увольнения А. Д. Протопопова. Не признал отречение Николая II и после октября 1917 стремился восстановить Романовых на престоле с финансовой и военной помощью Германии. С 1921 член Высшего монархического совета, спланировал белую эмиграцию вокруг великого князя Николая Николаевича.

**ТРОИЛИН А. А.** — полковник, командир 1-го Донского полка.

**ТЯЖЕЛЬНИКОВ Михаил Иванович** (р. 1866) — генерал-майор, в 1914—феврале 1917 начальник штаба Петроградского военного округа.

**ХАБАЛОВ Сергей Семенович** (1858—1924) — генерал-лейтенант по Уральскому казачьему войску, в 1914—1916 военный губернатор Уральской области и наказной атаман Уральского казачьего войска. С 1916 по февраль 1917 начальник Петроградского военного округа и с 5

февраля командующий войсками округа. 28 февраля 1917 арестован, заключен в Петропавловскую крепость, в октябре освобожден, в ноябре уволен из армии, в 1919 эмигрировал.

**ЧЕБЫКИН Александр Несторович** (1857—1920) — генерал-лейтенант по гвардейской пехоте, землевладелец Лужского уезда Петроградской губернии. В 1912 зачислен в свиту ЕИВ, с 1913 командир 1-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии, в 1916—феврале 1917 начальник запасных гвардейских батальонов и войсковой охраны Петрограда, с 9 января 1917 в отпуске по болезни, лечился в Кисловодске.

**ШАЛФЕЕВ Михаил Петрович** — полковник, с июля 1914 полицмейстер 5 отделения Петрограда (Выборгский, Охтенский, Палюстровский и Лесной участки, 5-я рота столичной полиции и 5-е отделение Конно-полицейской стражи), участник разгонов рабочих демонстраций в июле 1914 г. 25 февраля 1917 при попытке разгона революционных демонстрантов у Александровского (Литейного) моста на Выборгской стороне был ими тяжело ранен

**ЭКСТЕН Александр Николаевич** (1873—1917) — полковник, командир запасного батальона л.-гв. Павловского полка. Убит вечером 26 февраля 1917 на Конюшенной площади при выходе из казарм 4-й роты окружившими его участниками расстрелянной демонстрации.

---

Э. Н. ГИАЦИНТОВ

# Трагедия русской армии в 1917 году<sup>1</sup>

Публикуемые ниже воспоминания были специально написаны для Русского заграничного исторического архива в Праге и переданы туда в 1926 г. После второй мировой войны бесценные коллекции этого архива были вывезены в Советский Союз и вплоть до последних лет находились на особом режиме хранения. Не использовались исследователями и эта коленкорная ученическая тетрадка, меж тем как содержание ее имеет во многом уникальный характер. Но сначала об авторе этих воспоминаний...

Эраст Николаевич Гиацинтов (1894—1975) родился в многодетной дворянской семье, жившей на жалование чиновника-отца, дослужившегося до тайного советника, директора департамента железнодорожных дел министерства финансов Российской империи. Родня свято чтит память деда по материнской линии — генерала Владимира Ивановича Мазаракя, ветерана русско-турецкой и кавказских войн. Николаевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, производство в офицеры в августе 1914 г. Затем — фронт первой мировой, шесть боевых орденов, два досрочных повышения в чине за отличие. «По характеру сердечный, открытый и общительный, всегда весело и бодро настроенный юноша. Религиозный, к мерам нравственного воздействия восприимчив. С товарищами живет очень дружно», — читаем о нем в корпусном журнале. «В бою инициативен, прекрасно ориентируется, не уклоняется от

<sup>1</sup> Предисловие, подготовка текста и комментарий В. Г. Борневского.

опасности... Безукоризненно честен и правдив, хорошо воспитан, хороший товарищ», — отмечается в его служебной аттестации.<sup>1</sup>

Потом пришла гражданская война, служба в Добровольческой армии — в легендарной Марковской артиллерии. «За время службы в управлении дивизиона штабс-капитан Гиацинтов всегда отличался примерным исполнением возлагаемых на него поручений. Команда разведчиков управления дивизиона была поставлена им на должную высоту и исполняла не только чисто артиллерийские, но часто и кавалерийские задачи, до конных атак включительно, причем всегда с выдающимся успехом», — говорилось в одном из приказов по 2-му дивизиону Артиллерийской генерала Маркова бригады.<sup>2</sup> В ноябре 1920 г. 26-летний подполковник Гиацинтов вместе с остатками врангелевской армии покинул Россию и помимо своей воли навсегда стал эмигрантом. В 1921—1922 г. он в качестве рядового (затем — капрала) лигоне на Ближнем Востоке, находясь поистине в «добровольном рабстве». Некоторое время жил в Белграде, потом с отличием закончил Пражский политехнический институт, в качестве инженера-химика работал на заводах Франции и Австрии. Во время Второй мировой войны Э. Н. Гиацинтову чудом удалось избежать гитлеровского концентрационного лагеря за активное противодействие воинствующему русофобству нацистов. В начале 50-х годов он вместе с семьей переехал в Соединенные Штаты Америки, умер в январе 1975 г. в Нью-Йорке и был похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря Русской Зарубежной православной церкви в Джорданвилле.<sup>3</sup>

Народная артистка СССР Софья Владимировна Гиацинтова приходилась Эрасту Николаевичу двоюродной сестрой. В сентябре 1917 г. они обвенчались. Брак не оказался долгим и счастливым, но оба до конца дней своих сохранили друг к другу самые добрые и нежные чувства. «У него были темные блестящие глаза с японски поднятыми кверху уголками, красивые руки с тонкими пальцами, удивительно стройная для мужчины талия и длинные-предлинные ноги, за которые в детстве он получил кличку Баскервильская», — вспоминала С. В. Гиацинтова. — Эрик был умен и смешлив, трудолюбив и ко всему способен — к точным наукам и музыке, к иностранным языкам и спорту. При свойственной ему задумчивости он обладал не изменявшим ему никогда чувством



Э. Н. Гиацинтов и С. В. Гиацинтова

юмора. Но главным в Эрике были ответственность, смелость (все трудное он как бы между прочим всегда брал на себя) и понятие чести — Родины, полка, семьи, женщины. Я никогда не встречала менее эгоистичного и более мужественного человека, никогда не видела такого строгого подчинения высочайшим моральным устоям. И при этом какая скромность — я часто наблюдала, как люди поначалу не замечают его среди других, а потом выделяют и не могут от него оторваться. Его нельзя было обмануть, запутать — не потому, что он был пронзительнее остальных, просто всякая фальшь отторгалась от него не задевая.»<sup>4</sup>

Находясь в эмиграции, Э. Н. Гиацинтов всегда жил мыслями о России, мечтал о возможности возвращения на Родину, оставаясь в то же время верным своим идейным и нравственным принципам, чувству долга, моральной ответственности перед предками и потомками. На склоне лет он писал С. В. Гиацинтовой: «Если бы часовая стрелка передвинулась бы на 50 лет назад, я бы снова повторил то, что когда-то сделал, ничего не изменив в своей судьбе... Что касается меня, то, даже зная все катастрофы, я не мог и не смел поступить иначе. По крайней мере я уйду из этой жизни, а это, вероятно, будет скоро с чистой совестью. На мне нет никакого пятна...»<sup>5</sup>

Вторая жена Э. Н. Гиацинтова, Зоя Сергеевна (1903—1970), урожденная Мартынова, дочь полковника императорской армии, родила ему трех сыновей, проживающих ныне в штате Нью-Джерси. Старший — Кирилл, крупный бизнесмен, президент компании «ДРГ интернейшнл», ведущей уже более 20 лет совместно с советскими учеными важные работы в области медицинской и фармацевтической промышленности. <sup>6</sup>Средний — Николай, известный ученый-биохимик, профессор Нью-Йоркского университета. Младший сын — Сергей, по образованию антрополог. Все они родились на чужбине, но были воспитаны в духе любви и уважения к России, ее народу, истории, культуре и постарались в свою очередь привить это своим детям.

Мемуарное наследие Э. Н. Гиацинтова весьма обширно. Будучи пражским студентом, он написал и передал в архив рукописи общим объемом 6,5 авторских листа, <sup>7</sup> а в конце 60-х — начале 70-х годов продиктовал обстоятельные воспоминания того же объема — от первых впечатлений детства до Второй мировой войны. <sup>8</sup> Среди этих материалов, уже полностью подготовленных к изданию, особое место занимает одна из трех пражских тетрадок — посвященная событиям 1917 г. в России.

С самого начала Первой мировой войны Э. Н. Гиацинтов служил во 2-й батарее 3-й гренадерской бригады и к 1917 г. был штабс-капитаном, старшим офицером батареи. В своих воспоминаниях он глазами участника событий рассказывает о гибельных для русской армии процессах в период от Февраля к Октябрю, ярко передает настроения фронтовиков, прежде всего кадрового офицерства, значительная часть которого сыграла затем видную роль в гражданской войне — как на той, так и на другой стороне. Но не в этом, конечно, уникальность данных воспоминаний. Дело в том, что основное внимание в них уделено обстоятельствам подавления антиправительственных выступлений частей Юго-Западного фронта в июле 1917 г., в которых «волею судеб» довелось принять деятельное участие автору. «Дабы не навлечь ни на кого карающей десницы советской власти», Э. Н. Гиацинтов зашифровал записки, лишь буквами обозначив названия воинских частей и фамилии офицеров. Изучение и сопоставление материалов различных фондов ЦГВИА СССР позволило произвести полную дешифровку рукописи. В результате выяснилось, что речь идет о самовольном уходе с боевых позиций 46-й пехотной дивизии и особенно о выступлении входившего в

эту дивизию 181-го Остроленского полка. Именно этот полк в конце концов подвергся артиллерийскому обстрелу командуемой автором батареи. В необозримом море научной и мемуарной литературы о русской армии 1917 г. этот сюжет остался совершенно неосвещенным — меж тем как сообщаемые Э. Н. Гиацинтовым сведения о потерях «бунтовщиков» (154 человека, из коих 48 убито) свидетельствуют, что эта карательная операция значительно превосходит по своим трагическим результатам все, известные до настоящего времени.

Воспоминания публикуются по рукописи полностью, без каких-либо купюр.<sup>9</sup> Старая орфография заменена на современную. В квадратные скобки заключены дешифрованные названия воинских частей и фамилии военнослужащих. Заголовок дан публикатором. Подготовка комментария осуществлена главным образом на основе документов ЦГВИА СССР, а также различной военно-исторической и справочной литературы.

<sup>1</sup> Центральный государственный военно-исторический архив СССР (далее — ЦГВИА). Ф. 320. Оп. 1. Д. 2810. Л. 9; Ф. 3675. Оп. 2. Д. 426. Л. 911—913.

<sup>2</sup> Выписка из приказа № 21 (§2) по 2-му дивизиону Артиллерийской генерала Маркова бригады. 2 июля 1920 г., село Михайловка // Личный архив Кирилла Гиацинтова (г. Маунтэнсайд, Нью-Джерси, США).

<sup>3</sup> См.: Бортневский В. 1) Рабами не стали. Неизвестные страницы трагической истории русской эмиграции первой волны // Учительская газета. 1989. 5 октября; 2) Лики времени // Там же. 1989. 30 ноября.

<sup>4</sup> Гиацинтова Софья. С памятью наедине. М., 1989. С. 461—462.

<sup>5</sup> С Россией в сердце! Из писем Эраста Николаевича Гиацинтова Софье Владимировне Гиацинтовой / публикация и предисловие В. Бортневского // Ленинградский университет. 1990. 5 января.

<sup>6</sup> См. Поиск. 1989. № 26. С. 7.

<sup>7</sup> Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (далее — ЦГАОР СССР). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 309 («Воспоминания»), Д. 310—311 («Белые рабы. Воспоминания капрала о жизни русских в иностранном легионе»).

<sup>8</sup> Гиацинтова Э. Н. Воспоминания (оригинал магнитофонной записи) // Личный архив Кирилла Гиацинтова.

<sup>9</sup> ЦГАОР СССР. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 309. 75 лл.

## ВОСПОМИНАНИЯ

Последние годы унесли с собой много русских жизней. Пролилось целое море крови в междоусобной войне. Волею судеб, мне пришлось еще до начала гражданской войны, в то время, когда генерал Лавр Георгиевич Корнилов, будучи Верховным Главнокомандующим<sup>1</sup>, делал последние попытки спасти русскую честь, быть одним из главных действующих лиц кровавой драмы, происшедшей в районе Броды—Тарнополь.

Событие, которое я описываю ниже, до сих пор не предавалось огласке. Временное правительство, сидящее между двух стульев, по вполне понятным соображениям не могло огласить его, так как это бы вызвало большое неудовольствие Советов рабочих и солдатских депутатов. Единственная заметка, появившаяся в газете «Киевская мысль» в конце июля 1917 года, совершенно не давала ясного представления обо всем происшедшем. Там было сказано приблизительно следующее: 16 июля\* расположение... пехотной дивизии, отказавшейся выступить на позицию, было оцеплено отрядом кавалерии и артиллерии. Батарея... гренадерской артиллерийской бригады выпустила по дивизии три шрапнели на высоких разрывах, после чего все полки дивизии изъявили согласие на выполнение боевого приказа»<sup>2</sup>.

На самом деле было выпущено не три снаряда, а восемьдесят четыре, и не на высоких разрывах, о чем свидетельствуют потери бунтовщиков, сто пятьдесят четыре человека, из коих сорок восемь убитых. Обстреливалась не вся дивизия, а только О.(строленский) полк, при котором не было офицеров и который в этот период отличался наибольшим буйством<sup>3</sup>. Видя решительные меры правительственных войск, остальные полки взбунтовавшейся дивизии изъявили покорность, не желая подвергаться участи О.(строленского) полка.

В своих воспоминаниях я счел нужным раньше, чем перейти к описанию самого печального события, в общих чертах обрисовать состояние батареи, в которой я служил, и окружающих ее частей. Фамилии офицеров и названия частей не называю, дабы не навлечь ни на кого карающей десницы советской власти.

Всю зиму 1916—1917 года наша батарея<sup>4</sup> простояла на позиции в Шельвовском лесу Волынской губернии. Окопы нашей и немецкой пехоты находились очень близ-

---

\* Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

ко друг от друга. Местами сближение достигало восемнадцати шагов, так что проволочные заграждения были в этих местах общие. Позиция была не из спокойных. По ночам перебрасывались минами из минометов, которые разрываясь производили оглушающий грохот. Пехотные части, как наши, так и противника, благодаря сильному сближению очень нервничали и часто вызвали заградительный огонь артиллерии. Таким образом по ночам то тут, то там вспыхивала довольно оживленная перестрелка. Батареи наши были обильно снабжены снарядами и мы, не стесняясь, расходовали их. На наблюдательных пунктах выслеживали германские батареи, которые после пристрелки мы обстреливали удушливыми снарядами. Наша позиция была очень хорошо укрыта от взоров противника и нащупать нас немецкой тяжелой артиллерии не удавалось. Благодаря обилию лесного материала землянки солдат были отлично оборудованы. Лошади стояли под навесом; у передков была устроена прекрасная баня; словом устроились на славу со всем возможным комфортом. Солдаты были почти все старые и отношения между ними и офицерским составом были такие, лучше которых и желать было нельзя. С января месяца начали поговаривать о наступлении, готовящемся с нашей стороны. Все говорило за это, в особенности настоящая бомбардировка от разных тыловых учреждений различными запросами о состоянии боевых припасов, сапог, шинелей, сухарей и так далее. И обо всем надо было доносить «срочно», «секретно» и не менее чем в трех экземплярах. Младшие офицеры батарей не разгибаясь чертили разные кроки и схемы, а заведующий хозяйством составлял самые разнообразные ведомости. В феврале соседний с нашей дивизией участок посетил главнокомандующий юго-западного фронта генерал Брусилов<sup>5</sup> и долго осматривал подступы к позициям противника. Это последнее еще более укрепило нас всех в мысли, что готовится большое наступление.

Все мы верили, что результатом этого наступления будет победоносное окончание войны. Политикой никто из нас особенно не интересовался. Правда все были радостно взволнованы убийством Распутина<sup>6</sup>; вообще ругали тыл и в частности Протопопова<sup>7</sup>. В этом и выражалось все наше участие в политической жизни страны.

Первого марта вечером дошли до нас первые вести о событиях в Петрограде<sup>8</sup>. Впечатление было ошеломляющее. До сих пор верилось в здравый смысл руково-

дителей политической жизни, казалось, что у них хватит все-таки патриотизма для того, чтобы отложить свои партийные счета до окончания войны. Однако действительность показала противное. В первый момент на всех нас нашло самое мрачное отчаяние, так как никто не думал, что правительство без всякого сопротивления отдаст власть. Ясно было, что внутренние беспорядки отзовутся гибельно на состоянии фронта, значит сорвется наступление и еще затянется война. Никто, конечно, не мог себе представить иного окончания войны кроме победного.

Через два дня пришел Манифест Государя Императора об отречении от престола и манифест Великого князя Михаила Александровича<sup>9</sup>. Командир батареи<sup>10</sup>, не будучи в силах читать эти манифесты солдатам сам, поручил это сделать мне. Прочтя оба манифеста перед строем, я от себя добавил, что 304 года тому назад первый Царь из дома Романовых Михаил Федорович спас Россию<sup>11</sup>, и теперь спасет ее его правнук, тоже Михаил. Никаких сомнений в том, что Михаил Александрович будет просить Учредительное собрание взять власть в свои руки, у меня не было. Не только мы, однако, но и солдаты наши в то время не могли себе представить Россию республикой. Солдаты молча выслушали оба манифеста. Никто из них никаких восторгов не выражал. Первое время после переворота позиционная жизнь протекала как всегда без каких-либо изменений; только почту ожидали с еще большим нетерпением, чем обычно. Все с жадностью накидывались на газеты, которые каждый день приносили все более и более мрачные новости. С величайшим удивлением узнали мы о существовании Совета рабочих и солдатских депутатов<sup>12</sup>, но никакого значения ему не придали.

Отношения между нами и солдатами не изменились. Перемена была только внешняя: мы старались им говорить «вы», а они тоже старались вместо «Ваше благородие» называть нас по чину<sup>13</sup>.

Чтобы чем-нибудь оттенить революцию солдаты решили устроить общее собрание. Как первое собрание, так и все последующие проходили в полном порядке. Обычно председателем этих собраний бывал я, если же меня не было, то какой-нибудь младший офицер, старший из присутствовавших. Никто к этому солдат не принуждал, а они сами так решили. Если во время собраний приходил командир батареи, то председатель командовал «Встать, смирно». Командир здоровался с

«молодцами», которые как обычно отвечали: «Здравия желаем, господин полковник». Обыкновенно на собраниях читали газеты, иногда кто-нибудь из офицеров читал и разъяснял программу какой-либо партии, причем конечно все социалистические программы подвергались жесточайшей критике. Кое-кто из доморощенных, к тому времени уже объявившихся социалистов пытался возражать, но офицеру конечно не стоило особого труда разбить его. Это новоявленные «сознательные», по большей части мастеровые из обоза, все время пытались внести раздор в нашу тесную батарейную семью, но все их попытки ликвидировались самими же солдатами.

К сожалению, в эту зиму на нашем фронте было довольно много заболеваний цингой и потому у нас была сильная нехватка в людях. Со дня на день мы ожидали прибытия пополнения из тыла. Пополнение это прибыло приблизительно в середине марта. Новоприбывшие, за исключением двух бывших городских, сразу же произвели на нас очень неприятное впечатление. Их тон совершенно не подходил к нашей батарее. Городовых наши старые батарейцы приняли хорошо, и они быстро освоились со своим новым положением. Один из них был недели через две после прибытия убит при очередном обстреле участка, и солдаты искренне жалели его.

Дня через два после прибытия пополнения была назначена присяга временному правительству. Наша и третья батарея присягали вместе на нашей позиции. Начальство собралось в нашей землянке, когда по телефону доложили, что люди построены. Старший офицер третьей батареи, мой товарищ по училищу штабс-капитан Г. (альстер) <sup>14</sup> и я пошли осмотреть людей. Подходя к позиции, мы издали заметили сквозь деревья какие-то красные пятна. Подойдя ближе, мы увидели на флангах батарей красные знамена и у некоторых солдат прикрепленные к груди красные банты. Все это было сделано конечно под влиянием прибывшего пополнения. Подойдя к своим батареям, мы приказали убрать знамена, затем обошли фронт и собственноручно снимали со всех красные украшения.

Церемония присяги прошла совершенно гладко. Впечатления она однако ни на кого не произвела. Отсутствие креста и евангелия делали всю эту церемонию ненужной и бутафорской <sup>15</sup>. После прочтения текста присяги все расписались и на этом все было кончено. Вскоре после присяги я уехал в отпуск, оставив все наши боевые части в полном порядке. Чем дальше я отъ-

езжал от позиции, тем все более и более поражался распущенности тыла. Встречающиеся солдаты все реже и реже отдавали честь. Подъезжая к Луцку<sup>16</sup>, я встретил какую-то орду, не имеющую кроме одежды ничего общего с воинской частью. Солдаты шли, очевидно, на какую-то саперную работу, так как несли шанцевый инструмент — лопаты и кирки. На груди у каждого из них красовался красный бант, многие шли с папиросами в зубах. Я уже было собрался остановить их и подтянуть как следует, но с изумлением заметив понуро плетущегося около команды офицера, молча проехал мимо. По улицам Луцка бродило множество солдат самого гнусного вида. Почти никто из них не отдавал честь. Вначале я пробовал цукать их, но, видя всю бесполезность такого занятия, проходил мимо, не обращая внимания. На вокзале вместо расторопного, чистого и хорошо одетого жандарма, всегда идеально знающего расписание поездов не только своей ветки, но и соседних с ней, увидел какое-то недоразумение в обмотках, именуемое милиционером, которое ни на один из вопросов не ответило. Очевидно, этот сознательный гражданин прогуливался по платформе только ради собственного удовольствия. Картина развала армии по мере моего продвижения в тыл становилась все ярче и ярче.

Заплеванный семечками и загаженный Петроград, переполненный праздношатающимися солдатами и декортированными матросами, превзошел самые мрачные ожидания<sup>17</sup>. За время своего пребывания в отпуске я вполне наслаждался тыловыми картинами и возвращался обратно в батарею как к себе домой.

На позиции жизнь текла как и прежде без всяких перемен. Новым был только недавно образовавшийся батарейный комитет. Состав его был вполне хороший: председателем был избран прапорщик Л. (укьянов)<sup>18</sup> и секретарем вольноопределяющийся Ф. (укс)<sup>19</sup>. Естественно, что они направляли всю работу комитета, которая не выходила из рамок артельного хозяйства. Старый наш командир батареи уехал в другую бригаду, где он принял дивизион, а к нам был назначен капитан П. (розоровский)<sup>20</sup>. Он совершенно не знал людей батареи, так как до сего времени прокомандовал артиллерийским парком; в виду этого большей частью сталкиваться с солдатами по различным вопросам приходилось мне<sup>21</sup>.

Вскоре после моего приезда мы, посоветовавшись с

командиром батареи, отправили в бессрочный отпуск старого фельдфебеля батареи подпрапорщика Медведева. Многие солдаты имели зуб против него и началась травля старого, честного и заслуженного солдата. Для Медведева батарея была родным домом. Пятнадцать лет тому назад он начал в ней службу молодым солдатом, остался по окончании службы на сверхсрочную и весь отдался интересам батареи. Менялись командиры батареи, старшие и младшие офицеры, он же знал, что кончит службу в своей батарее. В 1915 году он был ранен в ногу с раздроблением кости. Батарея была в очень тяжелом положении и его надо было спешно эвакуировать. Несмотря на сильную боль, он ни разу даже не поморщился, но когда его усадили в командирскую коляску и мы все подошли попрощаться с ним, силы ему изменили и его усатое лицо залилось слезами. В первый раз за всю свою службу ему приходилось покинуть батарею, да еще в очень тяжелый момент ее существования. Через три месяца еще не вполне оправившийся от ранения он вернулся обратно, и снова на конюезы и у орудий раздавались его покрякивания и не было уголка, скрытого от его зоркого взгляда. Конечно он мог свободно остаться в тылу, так как нога плохо срослась и он навсегда остался хромым. Но никакая хромота не могла ему помешать вернуться обратно в батарею и снова приняться за работу. Можно смело сказать, что наибольшая часть черновой работы лежала на нем. Солдаты боялись его пуще огня и не любили. Самые лентяи и вообще никуда негодные солдаты, которым главным образом и доставалось от него в прежнее время, теперь вымещали свою злобу различными насмешками и издевательствами. Ничей авторитет не мог избавить Медведева от незаслуженных оскорблений, поэтому мы и решили расстаться с верным и ценным работником. Этим батарее наносился большой ущерб как боевой единице<sup>22</sup>. Насколько я знаю, и в других частях произошло приблизительно то же самое.

В то время как у нас в артиллерии положение еще сохранялось вполне терпимым, в пехотных частях положение шло усиленным темпом. Благодаря колоссальным потерям, понесенным на протяжении всей войны<sup>23</sup>, старых солдат и офицеров в полку почти не было; все же новые солдаты, прибывавшие из тыла, были возвращены агитаторами различных социалистических партий и были совершенно чужды славным традициям наших боевых полков.

Однажды, в то время как наша батарея вела огонь удушливыми снарядами по одной из батарей противника, на позицию явилась какая-то компания вооруженных пехотных солдат и потребовала прекращения огня. Фланговый наводчик моментально повернул орудие в сторону негодяев и пригрозил им картечью. Миротворцы немедленно смылись, и батарея продолжала вести огонь. В другой раз такая же команда явилась на наблюдательный пункт и поставила часового около трубы Цейса (наблюдательный прибор) с тем, чтобы он не подпускал к ней артиллерийских офицеров. Мотивировали они свой поступок тем, что теперь революционная демократия скоро заключит мир без аннексий и контрибуций, так что стрелять больше не надо, а так как все офицеры — контрреволюционеры, то они этого замирения не хотят и поэтому стреляют по немцам. Никакие доводы не могли разубедить их, и они продолжали стоять на своем. По счастью немецкая батарея вскоре после их прихода начала обстреливать район наблюдательного пункта. Один за одним они начали исчезать с пункта. Оставшись в одиночестве, поставленный часовой махнул рукой и, выругав немцев, поспешил нагнать своих товарищей. Подобные эпизоды все более и более обостряли отношения между артиллерией и пехотой, которые до революции были у нас отличными. Много раз мы выручали друг друга из тяжелого положения<sup>24</sup>.

Недалеко от нашей позиции, на опушке леса, помещался полковой резерв. Наш наблюдательный пункт находился в полуверсте впереди батареи. Подход к нему был открытый, и там был прорыт ход сообщения. Этим ходом сообщения мы почти никогда не пользовались, так как со стороны противника он был прикрыт гребнем. С некоторых пор по офицерам-артиллеристам, идущим на наблюдательный пункт на дежурство, из резерва с опушки леса стали постреливать. Наши же солдаты проходили совершенно спокойно; стоило только появиться офицеру, как начинали свистеть пули. Офицеров легко было узнать по темнозеленым брюкам, поэтому граждане-солдаты никогда не ошибались. Пришлось пользоваться ходами сообщений, но уберегая себя не от противника, а от своих же. Не думаю, что в какой-нибудь другой армии возможно было что-нибудь подобное. Зато мы могли похвастаться, что у нас солдаты — граждане, что наша армия — самая свободная из всех существующих.

Из тыла же тем временем приходили все более и бо-

лее мрачные новости. «Душка Керенский» продолжал сыпать цветами красноречия, покоряя сердца истеричных дам. Уже он был военным и морским министром<sup>25</sup>, а армия и флот, возглавляемые им, неудержимо катились в бездну. Это было ясно для всех нас, но бороться с этим мы не могли, так как всякая власть над солдатами у нас заблаговременно была изъята. Оставалось только моральное воздействие, которое всячески парализовывалось умелой агитацией с тыла при преступном попустительстве того, кто называл офицеров сердцем и мозгом армии и ничего не сумел сделать для поддержания их авторитета.

С течением времени и в нашей батарее все более и более начало сказываться влияние прибывшего пополнения и посещений различных делегаций из тыла для ознакомления с положением армии на местах и поддержания в ней угасающего духа. Всякое такое посещение почти тотчас же сказывалось на отношении к нам солдат. Они все больше и больше сторонились своих офицеров, появилась какая-то враждебность и недоверие.

В особенности испортилось их отношение ко мне, так как мне, исполнявшему в то время обязанности старшего офицера, приходилось поминутно сталкиваться с ними главным образом по различным хозяйственным вопросам. Вдохновителей и руководителей антиофицерского движения было трое. Один из них, бомбардир-наводчик Трубкин<sup>26</sup>, именовал себя старым партийным эс-эром. На солдат производил впечатление своими речами, которые уснащал различными иностранными словами, значение которых для него самого было абсолютно неизвестно. До революции был вполне исправным солдатом. Другой, поляк Мотыцкий<sup>27</sup>, был гораздо умнее, а потому и опаснее. В 1914 году он дезертировал. Вскоре его поймали и присудили к нескольким годам каторжных работ. До окончания войны его оставили в бригаде с тем, что отбывать наказание он будет после заключения мира. Командир батареи, видя его старание заслужить прощение, перевел его из команды нестроевых в строй. В конце 1915 года в одном из боев он был ранен, но до конца боя оставался при орудии, за что и получил Георгиевский крест. Как Георгиевский кавалер он автоматически переходил из разряда штрафованных и освобождался от несения наказания. С самого начала революции он принял деятельное участие во всех комитетах, но никогда лично не выступал против офицеров, предпочитая науськивать других. Тре-

тий — Харлашкин, с самого начала вел большевистскую пропаганду, но до поры до времени прodelьвал это тайно.

Офицерский состав всей бригады вел себя очень еди-  
нодушно. Никто с солдатами не заигрывал, и все стре-  
мились по возможности сохранить боеспособность части.  
Единственным печальным исключением был командир  
3 батареи полковник К. (аретин). Кадровый офицер,  
22 года прослуживший в бригаде, Георгиевский кавале-  
р, он со дня на день ожидал назначения к утвержде-  
нию в должности командира I дивизиона нашей брига-  
ды. Ожидая получения приказа, он оставался при своей  
батарее и своим поведением создал совершенно невы-  
носимое положение своим офицерам. Тогда как все офи-  
церы бригады совершенно не изменили своего отноше-  
ния к солдатам после революции, полковник К. (аретин)  
грубо заигрывал с ними. Никто из нас при обращении  
к солдатам не употреблял слова «товарищ», не здоро-  
вался с ними за руку и не украшал себя различными  
«эмблемами свободы». Все это прodelьвал полковник  
К. (аретин) и это страшно импонировало солдатам. Ре-  
зультаты сказались очень быстро: на одном из общих  
собраний 3 батареи была вынесена резолюция с требо-  
ванием удаления всех офицеров как контрреволюционе-  
ров и врагов народа. В постановлении этом была сдела-  
на оговорка, что это совершенно не касается истинного  
защитника свободы полковника К. (аретина). Такое на-  
строение могло перекинуться и в другие батареи, а по-  
этому нами и решено было принять самые решительные  
меры для ликвидации пагубного влияния революцион-  
но настроенного штаб-офицера. Взялись за это дело два  
самых старых офицера бригады, которые передали пол-  
ковнику К. (аретину) просьбу всех офицеров бригады  
не принимать дивизион у нас, а похлопотать в Ставке о  
назначении в какую-нибудь другую бригаду. На другой  
же день после этого он выехал в Ставку, и больше ни-  
кто у нас о нем ничего не слышал<sup>28</sup>. Вновь назначенно-  
му из другой батареи нашей же бригады командиру  
3 батареи<sup>29</sup> стоило больших трудов снова создать тер-  
пимое положение в своей батарее.

После знаменитого наступления 18-го июня<sup>30</sup> нашу  
дивизию сняли с позиции. Нас перекидывали на Юго-  
западный фронт не то для развития успеха, не то про-  
сто для усиления резерва армии<sup>31</sup>. Успех сразу же по-  
казался нам весьма сомнительным, ибо наряду с вос-  
торженными реалиями были сведения об отказе неко-

торых частей выступать на позиции. Во всяком случае мы должны были идти довольно спешно, так как для приведения в порядок всего обоза и отдыха частям было дано только три дня. Во время этой трехдневной стоянки ярко бросалось в глаза отсутствие недремлющего ока подпрапорщика Медведева. Все было не то: уборка лошадей делалась довольно небрежно, на водопое не было того идеального порядка какой был прежде, люди ходили без поясов и так далее. Вообще виделось отсутствие постоянного надзора и постоянного подтягивания солдат. Постоянное наблюдение осуществимо было только введением в армии сверхсрочнослужащих. Это был совершенно незаменимый элемент в армии, на который и обрушился первый шквал революции. Это относится только к артиллерии и кавалерии, так как в пехоте сверхсрочные были выбиты в начале войны, а уцелевшие к моменту революции были уже давно офицерами. У нас в батарее заменить Медведева было некем. Оставшийся вместо него был, во-первых, слишком молод, а, во-вторых, вступил в должность фельдфебеля во время революции и не чувствовал под ногами твердой почвы.

После трехдневной стоянки мы выступили в направлении на Тарнополь. Шли очень спешно, без дневок<sup>33</sup>. По дороге революционная армия совершенно разоряла мирное население. Солдаты ловили кур, разбирали на дрова заборы и форменным образом уничтожали встречавшиеся по пути фруктовые сады. При этом совершенно не принималось во внимание кому этот сад принадлежит: ненавистному буржую, помещику или бедному крестьянину. Никто при этом не давал себе труда обрывать плоды с веток, а просто обрубал целые ветви. Наши батарейцы в этом отношении вели себя безукоризненно. Один из молодых обрубил большую ветку черешни, но сейчас же был остановлен и сильно обруган старыми солдатами.

5-го июля мы заночевали в одном переходе от цели нашего движения — Тарнополя, верстах в 15-ти в тылу позиции<sup>33</sup>. На участке прямо перед нами стояла третья-очередная дивизия, сформированная только этой зимой<sup>34</sup>. «Солдатский вестник» сейчас же сообщил, что в одном из полков этой дивизии на днях был растоптан на митинге командир полка<sup>35</sup>. Пехотные полки нашей дивизии<sup>36</sup> ночевали в другой деревне. Около часа ночи на фронте прямо против нас начался сильный орудейный огонь. Стрельбу начали батареи противника. Около

трех часов утра огонь достиг апогея<sup>37</sup>. Стало очевидным, что на фронте происходит что-то серьезное. Представить себе, что революционные солдаты, толчущие на смерть своих командиров за призыв к наступлению, атакуют противника, было очень трудно. Значит это немцы предприняли наступление, и следовательно нам придется влезать в эту историю.

В ожидании получения приказа мы поседлали и заклунчили лошадей. Около четырех часов утра был получен приказ немедленно выступить, не ожидая подхода своих полков, на участки полков, занимающих позиции. Как оказалось впоследствии, двигаться без своих полков мы должны были в виду того, что они заминтовали идти им на позицию или нет; начальство в ожидании окончания митинга решило, не теряя времени, усилить по крайней мере артиллерию нашего участка, не зная того, что к этому времени позиция уже была брошена. По получении приказа все шесть батарей бригады вытянулись по своим направлениям<sup>38</sup>. Едва мы вышли из деревни, в которой ночевали<sup>39</sup>, как огонь на фронте сразу стих. Сильный гул сменился жуткой тишиной... Объяснение причин наступившей тишины не замедлило явиться перед нами в лице показавшихся беглецов. Вид у них был гнусный и отвратительный. Все конечно без винтовок, а некоторые и без сапог. Не обращая внимания на них и не расспрашивая, мы двигались дальше.

Уже было совершенно светло. Впереди над деревьями, к которым мы подходили, повалил дым. Кучка беглецов, встречавшихся нам, становилась все гуще и гуще. Вид у всех был растерзанный. Наконец, количество бегущих настолько возросло, что возникал уже вопрос, есть ли хоть какие-нибудь части впереди нас. На наши вопросы они только махали руками и говорили, что все погибли и все пропало. Втягиваясь в деревню, мы попали в самый центр паники. По улицам металась обозные солдаты и интендантские чиновники, пытаясь запрягать подводы и нагружать их всяким добром: сапогами, шинелями, банками с консервами и так далее. Не успевала такая подвода тронуться с места, как на нее налетала кучка бежавших с фронта, скидывала весь груз и, неистово нахлестывая лошадей, уносилась в тыл. Ругань и крик висели в воздухе. Бежавшие все прибывали и прибывали. Кое-где уже пылало пламя. Но вот над деревней появились два немецких аэроплана и начали обстреливать деревню пулеметным огнем. Сума-

тоха поднялась страшная. Теперь уже просто выпрягали лошадей из подвод и удирали верхом. Кто не успевал захватить лошадь скидывал сапоги, если они еще у него были, и бросался бежать босиком.

Положение нашей батареи было отвратительное, так как обезумевшая от страха толпа могла броситься на наших лошадей. Командир скомандовал рысью и мы, разгоняя все встречавшееся нам по пути, вышли из деревни. На краю деревни, где народу было гораздо меньше, к нам подбежал интендантский чиновник и просил взять у него из склада все, что нам нужно, так как все равно он все будет сжигать. Командир оставил подпрапорщика, строго-настрого приказав не очень перегружать повозки и взять только самое необходимое. Отъехав от деревни несколько саженей, мы встретили группу нескольких пехотных офицеров и солдат с винтовками в руках. Вид у них был донельзя измученный и понурый. Посмотрев на нас удивленными глазами, они предупредили, что никого впереди уже нет. Мы находились в это время примерно верстах в полутора от реки Серет.

Идти дальше было явным безумием, да и не имело никакого смысла, так как никакого боевого участка уже не было. В ожидании нашей пехоты мы решили встать на позицию.

Солдаты беспокойно посматривали назад, откуда должны были появиться цепи наших полков. Вот и последние отступающие скрылись из глаз, а нашей пехоты все нет и нет. Только вправо и влево видно, как становятся на позиции наши батареи. Я был вместе с командиром на наблюдательном пункте, находившемся несколько впереди и в стороне батареи. От нас был хорошо виден весь противоположный берег и мост, соединяющий оба берега. После получасового ожидания, в течение которого не было заметно никакого движения ни на берегу противника, ни на нашем из-за пригорка появилась голова колонны немцев, направляющаяся к мосту. Колонна шла имея перед собой головную заставу с дозорами не больше чем в полуверсте. Очевидно, аэропланы донесли, что все бежало за реку и переход свободен. наших батарей они не заметили, так как в момент ведения разведки мы были в деревне. По телефону с наблюдательного пункта командира дивизиона, с которым мы только что успели связаться, передали — открыт огонь по колонне в тот момент, когда она достигнет дороги, пересекающей главную. Этот рубеж от-

стоял от моста приблизительно на версту. На батарее взяли приблизительно направление и приготовились к немедленному открытию огня.

Мучительно проходили минуты ожидания. Я оглянулся еще раз назад в надежде увидеть наши цепи. Никого. Вот голова колонны противника уже подходит к намеченному рубежу. Мы даем пристрелочный выстрел. Облачко шрапнели поплыло немного вправо и не долетело до противника. Почти одновременно с нами дают пристрелочные выстрелы еще три батареи нашей бригады. Немцы остановились, и видно у них некоторое смещение. Очевидно, совершенно не ожидали такого приема. Не давая им опомниться, сделав поправку, мы открываем огонь почти всей батареей. Справа и слева. Грохочут другие батареи, и немецкая колонна застилается пылью и дымом. Немцы моментально рассыпались в цепи и залегли. Началось правильное продвижение цепей вперед, прерываемое нашим огнем. Конечно, совершенно остановить противника мы без пехоты бы не могли, а могли только временно задержать его, что и исполнили, не имея у орудий даже прикрытия. Что делалось вправо и влево мы совершенно не знали, так как ни с кем не были связаны. Минут через десять после открытия нами огня на горизонте сзади нас появились пехотные цепи. В первый момент невольно возник вопрос: наши или немцы?

Посмотрели в бинокль — слава Богу, наша пехота <sup>40</sup>. Солдаты наши заметно повеселели и посыпались обычные прибаутки как во время удачного боя. Цепи прошли мимо нас и залегли у берега реки. Оказалось, что наши пехотные полки, получив приказание выступить на позицию замитинговали и после ожесточенных дебатов постановили исполнить приказание. Приказ был исполнен очень несвоевременно, и если бы немцы были более энергичны и не наткнулись бы на наши батареи, переправы к моменту подхода нашей пехоты были бы уже заняты. Что бы из этого вышло гадать не приходится. Конечно, для революционной армии и то слава Богу, что хоть поздно, но все-таки постановили исполнить приказание. Другая же дивизия нашего корпуса митинговала до вечера и «постановила приказание не исполнять». Из одного полка этой дивизии офицерам удалось, захватив знамя, уйти от своих солдат-граждан. Этот «полк» в составе 60 офицеров и 12 унтер-офицеров вечером прошел мимо нас и занял участок, предназна-

ченный для полутора тысяч штыков<sup>41</sup>. В остальных полках этой дивизии офицеры были задержаны.

После этого для меня уже не было сомнений, что если не случится какого-нибудь переворота, который сметет революционных болтунов и демагогов, то война бесповоротно проиграна. Всем нам дивизия, отказавшаяся идти на позицию, была известна как очень хорошая, имевшая в течение этой войны много славных дел за собою. Сегодня она отказалась идти в бой, завтра откажется наша. Все зависит от ловкости и умелости агитаторов.

Таким образом пехоте нашей дивизии пришлось занять участок, предназначенный для целого корпуса. Немцы особенного стремления вперед не проявляли<sup>42</sup>. Несколько раз пытались как будто переходить реку, но встречаемые огнем пехоты и артиллерии быстро откатывались обратно. Видно было, что противник располагает ничтожными силами. Если бы на этом участке с нашей стороны стояли части менее разложившиеся, то с такой легкостью ему никогда бы не удалось сбить нас с позиции. Под вечер верстах в пяти от нашего расположения поднялся громадный столб дыма и раздался оглушительный взрыв. Это взорвали огромный склад огневых боеприпасов, боясь, что он попадает в руки противника. Склад этот был заготовлен в виду предполагавшегося наступления недалеко от основной позиции. Вместо наступления революционная армия, численностью превосходящая во много раз противника, снабженная всяким боевым матерьялом сверх всякой меры, постыдно бежала с фронта, предпочитая бесчинства и грабежи мирного населения защите пресловутой «свободы». Об родине демократические вожди ничего не говорили; зато много говорили о правах, совершенно умалчивая об обязанностях. Результат такого перевоспитания старых солдат и воспитания молодых оказался быстро и оказался вполне достойным нового неожиданного вождя армии — присяжного поверенного А. Ф. Керенского.

С наступлением сумерок нам пришлось переменить позицию, так как артиллерия противника хорошо пристрелялась по старой. Ночевали прямо под открытым небом все вместе, держа при себе передки и лошадей, ибо никакой уверенности в ближайшем будущем не было: подтянут немцы артиллерию и опять все может побегать в паническом ужасе. В этот день мы снова очень сблизились с солдатами. Они увидели в офицей-

рах своих боевых товарищей, подвергающихся тем же опасностям, что и они, и переносящим вместе с ними боевую страду. На ночлеге они окружили нас таким вниманием и заботливостью, к которой их никто никогда не принуждал, и которые мы всегда видели до революции. Каждое орудие звало к себе пить чай, открывали консервы, подстилали сиденья и так далее. После утоления голода начались обычные разговоры. Прежде всего ругнули все хором интендантство, так как сегодня в первый раз за всю войну мы ели великолепные рыбные консервы. Получили мы их только благодаря тому, что все склады бросались и сжигались. Очевидно до этого времени ими пользовались только избранные, к числу которых не принадлежали боевые части. Уж если не получала ничего подобного артиллерия, то о пехоте и говорить нечего.

Вспоминая события минувшего дня, солдаты с пеной у рта ругали: :. : (46-ю пехотную) дивизию, отказавшуюся выступить на позицию и с гордостью говорили, что наши не подкачали. Случай был очень удобный для прояснения солдатских мозгов, чем мы и воспользовались. Никто не возражал против того, что нельзя вести войну, если всякое приказание будет обсуждаться целым полком. Наиболее ярые последователи углубления революции глубокомысленно молчали.

Ближайшие за этим дни прошли спокойно, в обычных работах по устройению позиции<sup>43</sup>. Немцы вели себя тихо и никаких поползновений к дальнейшим активным действиям не проявляли. Большой неожиданностью для всех нас было известие об открытии нового фронта в нашем тылу. Известие это привезли из обоза второго разряда. Оказалось, что отказавшаяся исполнять приказание :. : (46-я пехотная) дивизия, расположенная в трех деревнях ни на какие уговоры и увещания не поддавалась. О.(строленский) полк, из которого офицерам удалось уйти, избрал новый командный состав и выставил самые разнообразные требования вплоть до заключения мира. Начальство решило принять все зависящие меры для их укрощения и перестало доставлять им провиант. После уничтожения всех запасов они начали грабить население и организовали целые отряды, которые захватывали проходящие мимо обозы чужих частей. Таким образом всем повозкам, подвозящим что-либо частям, находящимся на позициях, приходилось издали объезжать район, занятый мятежниками. Вскоре однако и эта мера оказалась недействитель-

ной, так как целые отряды отходили довольно далеко от своего расположения и нападали на отдельные повозки. Пришлось все обозы соединять вместе и отправлять под охраной кавалерии. Такое положение нарушало правильное питание фронта всем необходимым и отрывало от фронта целую дивизию кавалерии.

Неизвестно, как долго бы еще нянчился с бунтовщиками Керенский, но на счастье в это время главнокомандующим был назначен Корнилов, который сразу же отдал приказ о введении смертной казни в прифронтовой полосе<sup>44</sup>. Блеснул луч надежды на то, что еще не все пропало. Вслед за этим приказом был получен еще один — о необходимости вести занятия с солдатами на тех участках, где это позволяет боевая обстановка. Так как наша стоянка принимала характер позиционной войны, мы не замедлили этим воспользоваться и начали вести занятия пешим строем, что наиболее способствует подтягиванию солдат. Комитетчики наши очень неприятно были поражены таким оборотом дела, а солдаты, почуяв, что их вольнице приходит конец, заметно подтянулись.

12-го июля рано утром у нас была слышна орудийная стрельба с тыла. Приехавшие в тот же день обозные рассказали, что :. : (46-я пехотная) дивизия окружена кавалерией и утром по О.(строленскому) полку, расположившемуся в роще, стреляла гаубичная батарея<sup>45</sup>. После нескольких выстрелов, произведенных на высоких разрывах, батарея отказалась продолжать огонь. На бунтовщиков эта стрельба не произвела никакого впечатления, и грабежи и бесчинства продолжались. По-прежнему обозы сопровождалась кавалерией и позиционные части или получали все не вовремя или оставались долгое время без хлеба. Такое положение сильно возмущало солдат против мятежников<sup>46</sup>.

Около 12 часов 15-го июля из управления бригады было получено приказание немедленно выслать орудие при одном офицере в распоряжение командира бригады<sup>47</sup>. Как орудие, так и офицер должны были идти по жребию. Кроме командира батареи у нас было налицо три офицера. Я подошел тянуть жребий первым и сразу же вытянул бумажку с крестом. В орудии, вытянувшем жребий, наводчиком был эс-эр Трубкин. Через три часа я уже подвел орудие к управлению бригады, где увидел уже стоящие орудия двух других батарей. Оказалось, что все батареи получили такое же приказание и теперь ждут сбора всех шести орудий. Старший из при-

бывших офицеров<sup>48</sup> будет назначен командующим батареей и получит задание.

В ожидании прибытия остальных трех орудий мы строили различные предположения. Старались как-нибудь выведать у адъютанта<sup>49</sup>, но он сам ничего не знал. Наконец все шесть орудий были собраны. Старшим из офицеров оказался я. Адъютант доложил обо мне, и через минуту я стоял перед командиром бригады. Генерал был сильно взволнован. Прежде всего он меня предупредил, что задача, исполнение которой выпало на меня, необычайно трудная и щекотливая. Дело в том, что терпеть у себя в тылу взбунтовавшуюся дивизию совершенно невозможно, и поэтому решено ликвидировать мятеж вооруженной силой. Ни на какие уговоры и угрозы бунтовщики не поддаются. Стрельба гаубичной батареи благодаря тому, что велась неэнергично и на высоких разрывах, не произвела никакого впечатления. Поэтому вызвана легкая батарея от нашей бригады, которая должна поступить в распоряжение командующего карательным отрядом полковника Т.(опилина) (генерал Т.(опилин) зарублен большевиками в Крыму в 1920 году)<sup>50</sup>. Мне надлежало немедленно отправиться в район расположения отряда и явиться к полковнику Т.(опилину); ликвидация мятежа назначена на завтра.

Так как главные дороги заняты мятежниками, идти надо было в обход по боковым дорогам. По прямому направлению до деревни, в которую я должен был вести батарею было верст десять, но мне надо было сделать не меньше пятнадцати, чтобы обойти все описанные места. Пожелав мне удачи, командир бригады отпустил меня. Выйдя из избы, я рассказал офицерам все, что узнал сам, а затем, собрав людей, сказал им, что идем в карательный отряд и поэтому я их предупреждаю, что не только неисполнение приказа, но даже всякая заминка будет мною караться беспощадно.

Выступили мы из деревни, в которой собрались все орудия, около семи часов вечера. Идти пришлось очень осторожно, чтобы не встретиться с бунтовщиками, поэтому я выслал вперед и в сторону новоявленного противника разъезды. Уже стемнело, когда на дороге впереди нас показались всадники. Это были казаки, высланные командиром отряда для встречи батареи. Через полчаса я уже отрапортовал полковнику Т.(опилину) о прибытии. Нас ждали с большим интересом, так как все и офицеры, и казаки страшно томились несением такой странной службы.

Отряд состоял из двух конных казацких донских полков и С.(андомир)ского конно-пограничного полка<sup>51</sup>. Дисциплина во всем отряде была образцовая. Озлобление против бунтовщиков было большое. Кавалерии приходилось нести оцепление всего района и кроме того охранять обозы. И люди, и лошади были страшно измотаны; при этом каждый отлично сознавал всю уродливость и ненормальность создавшегося положения. К нам, артиллеристам, отношение на первых порах было определенно недоверчивое. Этому мы были обязаны своим предшественникам, после первого выстрела отказавшимся стрелять дальше.

Командир отряда просил меня действовать решительно, не стрелять на высоких разрывах, так как такое запугивание совершенно не ведет к цели. План ликвидации мятежа был таков: конница к рассвету должна закончить окружение тесным кольцом О.(стролен)ского полка, расположенного в небольшой роще. Батарея с рассветом открывает огонь по роще и ведет его до тех пор, пока мятежники не выйдут оттуда без оружия. О.(стролен)ский полк был избран как наиболее отличившийся за эти дни бесчинствами<sup>52</sup>. Кроме того, стреляя по роще, мы избегали неизбежных жертв среди мирного населения и ни в чем неповинного офицерского состава, так как во всех остальных полках дивизии офицеры были задержаны. Так как роща была расположена на виду всех остальных полков, то последним после ликвидации О.(стролен)ского полка будет предложено сдаться во избежании подобной же участи. Условившись о часе выступления, все легли спать.

Перед рассветом я в сопровождении молодого казацкого офицера выехал на рекогносцировку позиции. Мы подъехали почти вплотную к самой роще, не встретив никакого охранения. Это ясно показывало на то, что солдаты в полной мере наслаждались плодами достигнутой свободы, а кроме того совершенно не боялись возможного наказания и не верили в решительные действия правительства, которыми им угрожали столько раз. Пугание выстрелами гаубичной батареи только укрепило их в сознании своей безопасности.

Выбрав открытую позицию приблизительно в версте от рощи, я послал донесение командиру отряда и приказание старшему офицеру на рысях вести батарею. Светало. В роще не было заметно никакого шевеления. На лугу перед рощей мирно паслись спутанные лошади мятежного полка. Когда подошла батарея, было совсем

светло. Указав каждому оружию точку наводки, я приготовился к открытию огня. Минут через десять к позиции подъехал полковник Т.(опилин) в сопровождении сотни казаков и эскадрона кавалерии. Я доложил ему, что все готово. Мятежники нас еще не заметили и продолжали спать мирным сном. Было пять часов 20 минут, когда полковник Т.(опилин) приказал мне открыть огонь.

Подавая команды, я наблюдал за солдатами. Они работали как на учении, только лица у всех крайне напряженные. Я скомандовал правому оружию огонь. Наводчик зажмурил глаза и дернул за шнур. Почти вслед за выстрелом перед рошей поплыло белое облачко разрыва. Прибавив прицел, я дал выстрел вторым оружием. Снаряд разорвался на самой опушке. Не давая времени опомниться ни своим солдатам, ни мятежникам, я дал очередь (каждое оружие стреляет по одному разу одно за другим, начиная с какого-нибудь фланга). Разрывы пришили по палаткам. В один миг вся роша ожила. Суматоха поднялась невероятная; кто хватался за винтовку, кто просто под влиянием панического ужаса метался от одного дерева к другому без всякого толку. После первых выстрелов я уже не сомневался, что батарея будет стрелять до тех пор, пока я этого захочу. За первой очередью я начал обстреливать всю рошу, причем три орудия стреляли гранатами, а три — шрапнелями. Из роши начали доноситься ружейные выстрелы. В одном месте затарахтел пулемет. Над нами зазвистели пули. Я усилил огонь, начав стрелять беглым огнем (все орудия стреляют вместе). Огонь моментально стих. Из роши стали выбегать отдельные группы, но так как они были с винтовками, их загонял обратно пулеметный огонь спешенной кавалерии. Номера у орудий до того увлеклись стрельбой, что, как видно, совершенно позабыли по ком они стреляют. В человеческих фигурах, бегающих между деревьями, они видели только мишень для стрельбы. Предвидя это, я с тревогой ждал только первых выстрелов, отлично зная, что потом солдаты будут увлечены стрельбой с открытой позиции.

Минут через пять после открытия огня полковник Т.(опилин) приказал мне прекратить стрельбу. Он решил дать десятиминутную передышку. Если же в течение этих 10 минут не будет выкинут белый флаг или мятежники не выйдут из роши без оружия, то обстрел возобновится. В случае открытия второго обстрела решено было продолжать его без перерыва до сдачи. Не-

которое время после прекращения огня в роще не было заметно особого оживления. Люди стояли и лежали за теми прикрытиями, которые нашли во время огня. Чтобы дать им понять, что огонь на время прекращен, я отвел номеров от орудий, оставив у каждого орудия только наводчиков. Это было моментально замечено и бунтовщики стали собираться в кучки; через некоторое время эти кучки начали сплываться в двух определенных местах. Вскоре ясно обозначились две толпы, над которыми на каких-то возвышениях появились ораторы. Как видно, начались митинги. Командир отряда держал перед собой часы. Минутная стрелка медленно подвигалась к назначенной цифре. У моих солдат лица были оживленные, даже можно сказать веселые. Они с интересом ожидали исхода дела. До десяти минут оставалось только две. Я скомандовал — номера к орудиям. Со стороны рощи этот подход к орудиям был встречен гулом голосов. Раздалось несколько ружейных выстрелов. Три первых орудия я навел по правому митингу, а три левых — по левому. Все орудия на этот раз были заряжены гранатами. Из рощи не могли не видеть этих грозных приготовлений, однако они все еще не хотели сдаваться, хотя уже знали, что на этот раз их не пугают и не уговаривают. Десять минут, данных на размышление истекли. Шесть орудийных выстрелов слились в один, и район митингов окутался дымом и пылью. Мгновенно люди разбежались и стали прятаться за деревьями. Как уже было условлено раньше, батарея обстреливала рощу непрерывным беглым огнем. Только после седьмой очереди перед рощей появились первые выбежавшие без оружия. Я моментально скомандовал батарее — «стой».

Через минуту все поле было усеяно бегущими без оружия бунтовщиками. Со всех сторон на них галопом шла кавалерия и стала собирать их и строить в колонну. Из ближайшей деревни по направлению к роще на рысях выехал санитарный обоз. Я приказал сосчитать количество выпущенных снарядов. Оказалось, что мы выпустили восемьдесят четыре снаряда. Полковник Т. (опилин) послал в деревни, в которых расположились другие полки : : (46-й пехотной) дивизии, приказание всем полкам немедленно выстроиться на околице деревни без оружия. В случае неисполнения этого приказа они предупреждались, что с ними будет поступлено так же, как с О. (стролен)ским полком. Я поручил старшему офицеру отвести батарею в деревню и накормить

людей и лошадей; сам же поехал вместе с полковником Т. (опилиным) к выстроившемуся О. (стролен)скому полку. Солдаты О. (стролен)ского полка стояли, построены в две шеренги. Командиру отряда скомандовали смирно. Мы немедленно проехали по фронту. Вид у мятежников был очень испуганный и жалкий. Несколько человек стояло с перевязанными руками; это были легкораненые. Выхав перед серединой фронта, полковник Т. (опилин) приказал в течение трех минут выдать зачинщиков. Фронт зашевелился, послышались выкрики, и через минуту перед фронтом стояло уже человек пятнадцать вытолкнутых руками своих товарищей. Их сейчас же окружил взвод казаков и отвел в сторону. Среди зачинщиков не оказалось выбранного командира полка, так как он был убит одним из первых выстрелов<sup>53</sup>.

Дальнейший ход дела мне представлялся весьма просто: будет сейчас же составлен военно-полевой суд и дня через два самое позднее зачинщики будут расстреляны. Остальные же в зависимости от степени вины понесут различные наказания. Далее полк должен быть расформирован, и солдаты по частям вольются в другие полки, при чем их конечно надо как можно сильнее распылить. Того же, что случилось на самом деле предположить было совершенно невозможно.

А случилось вот что: только что были отделены зачинщики, как к фронту подъехал какой-то штатский господин верхом на сером коне в сопровождении целой свиты офицеров и солдат. Оказалось, что это армейский комиссар<sup>54</sup>. С нами он поздоровался очень угрюмо. Повидимому, он считал нас палачами. Узнав от командира отряда подробности подавления мятежа, он не счел даже нужным поблагодарить его. После этого полилась речь, в которой говорилось очень много о революционном правосудии, изменении революции, революционном долге и защите завоеваний революции, о том, что правительство с большою в сердце должно было отдать распоряжение о подавлении бунта вооруженной силой и наконец о надеждах на то, что теперь мятежники постараются загладить свою вину и исполнят долг до конца. Слушая эту речь, я тщетно ожидал услышать хоть что-нибудь о России и необходимости защищать ее, об этом не было сказано ни слова. Нужно все-таки заметить к чести комиссара, что он ни разу не назвал бунтовщиков своими товарищами. В конце концов он заявил им, что в самом ближайшем будущем вся . . . (46-я пехотная) дивизия будет послана на позиции. На-

до было быть совершенно безграмотным в военном деле, чтобы отважиться ставить мятежные части в полном составе на ответственные участки фронта. И вот такие невежды с легким сердцем взяли в свои руки управленческие армиями, считая, что опыт и знания — вещи второстепенные и могут быть вполне заменены тюремным стажем.

Так как остальные полки : : (46-й пехотной) дивизии безоговорочно исполнили все требования полковника Т. (опилина), то есть построились без оружия и моментально выдали зачинщиков, наша роль была закончена. Простившись самым сердечным образом с полковником Т. (опилиным) и его офицерами, я повел батарею обратно. Командир бригады поблагодарил весь личный состав за твердость и решительность, с которой батарея исполнила возложенную на нее задачу и приказал каждому орудью идти на присоединение к своей батарее<sup>55</sup>.

В ближайшие после этого дни меня вызывали несколько раз в суд для дачи показаний. Состав суда был не из революционной демократии, и в первые же дни было вынесено несколько смертных приговоров. Привести в исполнение, однако, удалось только два, так как самый демократичный во всем мире министр и чуть-чуть не президент республики А. Ф. Керенский поспешил для остальных прислать помилование. Смертная казнь была заменена каторгой, причем осужденные до окончания войны возвращались в строй<sup>56</sup>. Результат такого гуманного отношения к преступникам не мог не сказаться. Как только с должности главнокомандующего был смещен генерал Корнилов, и Керенский, выпустив свой знаменитый провокационный приказ об «изменнике» Корнилове, поспешил занять остававшееся свободным в течение почти двух месяцев место главнокомандующего армией<sup>57</sup>, : : (46-я пехотная) дивизия разложилась одной из первых. Остальные части тоже шли по наклонной плоскости, но все же не с такой головокружительной быстротой.

У нас в батарее разложение тоже шло полным ходом. Солдаты встали уже на явно враждебную позицию по отношению к офицерам. Всякие приказания исполнялись крайне неохотно. Все чаще и чаще приходилось подчеркивать комитету, что такое-то распоряжение боевое и обсуждение не входит в компетенцию комитета. У меня отношения с солдатами все ухудшались и ухудшались. Меня обвиняли в наложении позорного пятна на бригаду моими действиями в карательном отряде.

В середине сентября я уехал в отпуск и вернулся только через месяц. Командующий батареей капитан П. (розоровский) по моем возвращении сдал мне батарею и поехал в отпуск<sup>58</sup>. За время моего отсутствия солдаты еще более распустились, так что в распущенной банде, ничего не желающей делать, трудно было узнать когда-то дисциплинированную часть. Никакие усилия офицеров поддержать порядок и дисциплину не вели к желаемым результатам. Разложение дошло уже до кавалерии и артиллерии и шло быстро к неизбежному концу — гибели армии. Эксперимент демократизации армии заканчивался.

Старых солдат уже никого я не застал. Уезжая в отпуск, они обратно в батарею не возвращались. Не то было прежде. Не было случая, чтобы бывший в отпуску или на излечении солдат батареи не вернулся обратно. Даже тогда, когда их из госпиталей назначали в другие части, хотя бы и запасные, они всеми правдами и неправдами добивались возвращения обратно. Иногда приходилось им даже дезертировать из других частей, чтобы вернуться в свою родную батарею. Таких беженцев мы конечно всегда принимали и оставляли у себя. Теперь они просто не видели смысла в сидении на позиции, в то время как все ясно свидетельствовало о неминуемом крушении.

С молодыми солдатами, побывавшими в разных запасных частях, ладить было очень трудно. Большую часть дня они проводили за игрой в карты и никакими других занятий знать не желали. Караулы и дневальства неслись крайне небрежно. Однажды, прийдя на позицию, я не нашел ни одного дневального у орудий. Вызвав дежурного фейерверкера, я узнал, что двое дневальных ушли на заседание бригадного комитета, будучи его членами. Вызвав из землянок всех номеров и построив их, я объявил им, что впредь без разрешения дежурного офицера никто от орудий отлучаться не может. До революции мы никогда такого распоряжения не отдавали, так как никогда никто бы не отлучился не вовремя, а тем более во время несения службы. Теперь конечно все было возможно, и поэтому приходилось принимать весьма крутые меры. Отдав это распоряжение и не желая входить с кем бы то ни было в его обсуждение, я круто повернулся и пошел в офицерскую избу, расположенную от позиции саженьях в полтораста.

Вечером того же дня мне передали по телефону, что солдаты требуют меня на позицию. Такая форма «при-

глашения» меня страшно взорвала и я передал, что приду только в том случае, если вся батарея будет выстроена и старший из оружейных фейерверкеров, а не какой-нибудь член комитета, мне доложит, что батарея просит меня прийти на позицию. Минут через десять меня опять попросили к телефону, и подпрапорщик Сморкалов<sup>59</sup>, лихой старый фейерверкер, смущенным голосом доложил мне, что батарея готова.

Я пошел на позицию вместе с прапорщиком К. (ованько), только недавно приехавшим в бригаду из училища. Батарея была выстроена и при нашем приближении прапорщик Сморкалов подал команду «смирно». Не давая «вольно» — я совершенно спокойным голосом заявил солдатам, что распоряжение не уходить с позиции без разрешения дежурного офицера есть боевое, а поэтому по ныне действующим законам обсуждению не подлежит. Из задних рядов, очевидно, пользуясь уже наступившей темнотой, раздались крики: старый режим, монархист. Я крикнул «молчать» и все стихли, но очень ненадолго, так как крики опять повторились и в один момент я оказался окруженным со всех сторон протянутыми ко мне кулаками и разъяренными лицами. Все что-то кричали и кольцо сжималось, все теснее и теснее. Я уже решил, что настала моя последняя минута, как вдруг кольцо смыкавшее меня раздалось и чьи-то дружеские руки извлекли меня из толпы и втолкнули в землянку телефонистов. Оказалось, что прапорщик К. (ованько), увидя, что дело принимает очень скверный оборот, собрал фейерверкеров и нескольких старых солдат и с их помощью вытащил меня из толпы. Около землянки шла ожесточенная ругань между моими спасителями и наиболее агрессивно настроенной частью солдат. По моему адресу неслась площадная ругань вперемежку с эпитетами «монархиста» и «палача : : (46-й пехотной) дивизии». Когда все немного успокоилось, я, поблагодарив своих спасителей, вышел из землянки и без всяких столкновений дошел до офицерской халупы.

Прийдя домой, я позвонил по телефону командующему дивизионом подполковнику Р. (одзянко)<sup>60</sup> и просил его разрешения сдать командование батареей старшему из офицеров. Он попросил меня ничего не предпринимать до свидания с ним, обещав завтра утром заехать ко мне.

Рано утром он приехал ко мне и, выслушав всю историю, вполне согласился со мной в том, что после всего происшедшего не только командовать батареей,

но даже вообще оставаться в бригаде, хотя бы и в другой батарее, мне невозможно. Мы немедленно собрались и поехали к командиру бригады. Пока мы говорили с командиром бригады, происходило заседание бригадного комитета, на котором было постановлено, как я узнал позже, арестовать меня и отправить в армейский комитет. Обвинялся я в монархизме и в расстреле :. : (46-й пехотной) дивизии.

Постановление это, однако, меня уже в бригаде не застало, так как командир бригады, снабдив меня медицинским свидетельством о болезни, спешно на своем экипаже отправил в тыл. Ни в одном промежуточном госпитале я не задерживался, так как всюду заявлял докторам, что мне необходимо как можно скорее выбраться из расположения армии по политическим соображениям <sup>61</sup>.

К вечеру я уже добрался до станции железной дороги и сел в вагон с выбитыми стеклами. Спутниками моими оказались офицеры, в большинстве покидающими армию по тем же соображениям, что и я. После трехдневного путешествия мы прибыли в Киев, где узнали, что в Москве уже четвертый день идет бой между большевиками и белыми <sup>62</sup>. В свою батарею я больше никогда не возвращался. Впоследствии я узнал от одного из офицеров, встретившись с ним в добровольческой армии, что по введению большевиками выборного начала мало кто из офицеров был избран на командные должности. Бригада в январе попала в плен к немцам и бесславно закончила свое существование <sup>63</sup>.

## Штабс-капитан Эраст ГИАЦИНТОВ

Прага  
июль 1926 года

<sup>1</sup> **КОРНИЛОВ** Лавр Георгиевич (1870—1918) — генерал от инфантерии; один из наиболее авторитетных военачальников русской армии, из сибирских казаков, ветеран Русско-японской и Первой мировой войн. В 1914—1915 гг. командовал 48-й пехотной дивизией, был ранен и попал в плен. После побега из австрийского плена назначен в январе 1917 г. командиром 25-го армейского корпуса, в марте-апреле командовал Петроградским военным округом. С мая 1917 г. — командующий 8-й армией, которая под его началом добилась впечатляющих успехов в ходе Июньского наступления войск Юго-Западного фронта. С 8 июля — главнокомандующий Юго-Западным фронтом (вместо А. Е. Гутора), а с 19 июля — Верховный Главнокомандующий (вместо А. А. Бруслова). 27 августа в ре-

зультате конфликта с Временным правительством смещен с должности и заключен в Быховскую тюрьму по обвинению в попытке государственного переворота; 19 ноября вместе с группой арестованных генералов и офицеров совершил побег и добрался до Новочеркасска, где принял активнейшее участие в создании Добровольческой армии. Осуществлял военно-оперативное руководство Добровольческой армией в ходе ее Первого Кубанского (или Ледяного) похода; убит под Екатеринодаром 31 марта 1918 г.

<sup>2</sup> Речь идет о пространной статье в «Киевской мысли» от 5 августа 1917 г. под заголовком «Усмирение полка (от нашего корреспондента)». В ней говорилось, однако, что 16 июля было дано тринадцать штрафных очередей, от которых погибло 11, умерло от ран 4 и ранено 40 человек.

<sup>3</sup> Здесь и далее речь идет о 181-м пехотном Остроленском полку 46-й пехотной дивизии, в состав которой входили также 182-й Гроховский, 183-й Пултусский и 184-й Варшавский полки. Еще 27 марта 1917 г. командир Остроленского полка полковник М. Д. Райский сообщал по команде: «полк твердой боевой силы теперь в сущности не представляет и что при нынешнем его состоянии за добросовестное выполнение им боевых задач поручиться не могу». Однако в рапорте командира 25-го армейского корпуса генерала Болотова от 14 июня 1917 г. отмечалось, что «полк в отличном состоянии. Своим бодрым, молодецким видом полк произвел отличное впечатление... Любо было смотреть на доблестных остроленцев» (ЦГВИА СССР. Ф. 2375. Оп. 2. Д. 194. Л. 32 об.; Ф. 2228. Оп. 1. Д. 307. Л. 165). Кризис, как мы увидим позже, наступил в результате провала июньского наступления и успешного контрнаступления противника.

<sup>4</sup> Автор всю войну прослужил во 2-й батарее 3-й гренадерской артиллерийской бригады 3-й гренадерской дивизии. В описываемое время бригада входила в состав 25-го армейского корпуса Особой армии Румынского, а затем Юго-Западного фронта. Архивный фонд бригады сохранился (ЦГВИА СССР. Ф. 3675. Оп. 1—2).

<sup>5</sup> **БРУСИЛОВ** Алексей Алексеевич (1853—1926) — генерал от кавалерии, ветеран Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. С начала Первой мировой войны командовал 8-й армией, а с февраля 1916 г. стал Главнокомандующим Юго-Западного фронта, войска которого в мае-августе осуществили знаменитый прорыв австро-германского фронта, названный по справедливости его именем. С 22 мая по 19 июля 1917 г. — Верховный Главнокомандующий, затем советник при Временном правительстве. В мае 1920 г. возглавил Особое совещание при Главнокомандующем всеми вооруженными силами Советской республики, которое обратилось с воззванием к бывшим офицерам с призывом добровольно вступать в РККА для защиты Родины от польских интервентов. В дальнейшем — на военно-инспекционной и военно-педагогической работе.

<sup>6</sup> **РАСПУТИН (Новых) Григорий Ефимович** (1872—1916) — из крестьян Тобольской губернии, фаворит царской семьи (вопрос о степени его влияния на императора и императрицу дискуссионен). Убийство Распутина 17 декабря 1916 г. нашло широкий отклик в различных кругах общества, особенно кадровом офицерстве, справедливо считавшем, что он своими действиями компрометирует русскую государственность в разгар ожесточенной войны.

<sup>7</sup> **ПРОТОПОПОВ Александр Дмитриевич** (1866—1918) — симбирский помещик, октябрист, депутат III и IV Государственных дум. С 16 сентября 1916 г. министр внутренних дел, последний в императорской России. Позднее расстрелян по приговору ВЧК.

<sup>8</sup> Речь идет о событиях Февральской революции, начало которым было положено массовыми выступлениями петроградских рабочих 23 февраля, переросшими к 25-му во всеобщую политическую стачку. 27 февраля на сторону революции стали переходить солдаты Петроградского гарнизона, был образован Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов и Временный комитет Государственной думы.

<sup>9</sup> Манифест об отречении Николая II от престола был подписан в Пскове в 3 часа дня 2 марта 1917 г. Его текст гласил: «В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину. Господу Богу угодно было ниспослать России новые тяжкие испытания. Начавшиеся внутри народа волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, Честь Геройской нашей Армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напугав последние усилия, и уже близок час, когда блестящая армия наша совместно с славными нашими союзниками может окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть.

Не желая расстаться с любимым сыном нашим Мы передали наследие наше брату нашему Великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Засоветуем брату нашему править делами государственным в полном и нераздельном единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, которые будут ими установлены, принося в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой Родины. Призываю всех сынов верных Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями на-

рода вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

Подписал: Николай».

В Манифесте великого князя Михаила Александровича, подписанном 3 марта в Петрограде, подчеркивалась особая роль будущего Учредительного собрания в определении формы государственной власти в России: «Обуреваемый со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительное собрание установить образ правления и новые основные законы Государства Российского. Призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание, своим решением об образе правления выразит волю народа.

Подписал: Михаил».

<sup>10</sup> **СМИРНОВ (Смирнов-Угрюмов) Виктор Алексеевич** (1884—?) — полковник, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия. «Характера горячего, но сдержанного. Очень нескретен и заискивающе держит себя с нужными людьми. Медлителен, а потому не сразу принимает должное решение. В боевой обстановке несколько преувеличивает события. Стрельбой руководит хорошо», — отмечалось в его служебной аттестации (ЦГВИА СССР. Ф. 2158. Оп. 2. Д. 197. Л. 97).

<sup>11</sup> **МИХАИЛ I (Михаил Федорович Романов)** (1596—1645) — первый царь династии Романовых; избран на престол Земским собором 1613 г. в тяжелую для России годину Смутного времени после трехлетнего правления бояр. Воцарение Михаила объективно во многом способствовало консолидации национальных сил и постепенному возрождению Российского государства. Великий князь Михаил Александрович (1878—1918), родной брат императора Николая II, был прямым потомком Михаила Федоровича в девятом колене.

<sup>12</sup> 27 февраля 1917 г. было объявлено об образовании Петроградского совета рабочих депутатов (фактически его исполкома) во главе с лидером меньшевистской фракции Государственной Думы Н. С. Чхеидзе. В число 15 членов исполкома вошли, в основном, эсеры и меньшевики, а также два большевика — А. Г. Шляпников и П. А. Залуцкий. 1 марта в испол-

ком было избрано 10 представителей от солдат и матросов — таким образом образовался Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. 2 марта Петросовет одобрил решение исполкома о предоставлении права формирования правительства Временному комитету Государственной думы.

<sup>13</sup> 1 марта 1917 г. был принят знаменитый Приказ № 1 Петросовета по Петроградскому гарнизону, но на практике имевший всероссийское значение. В соответствии с ним узаконивались самочинно возникавшие в армии солдатские комитеты, нижние чины наделялись гражданскими правами, ставились в равное с офицерами положение вне службы и строя. Кроме того отменялось вставание во фронт и отдавание чести вне службы, а также титулование офицеров.

<sup>14</sup> **ГАЛЬСТЕР** Карл-Люциан (Георгий Александрович) (1895 г. р.) — штабс-капитан, кавалер пяти босвых орденов, однокашник автора по Константиновскому артиллерийскому училищу в Петербурге. В декабре 1917 г. в ходе выборов командного состава бригады был избран командиром 3-й батареи, по сведениям на июнь 1918 г. проживал в Киеве.

<sup>15</sup> Трудно сказать, почему в 3-й гренадерской артиллерийской бригаде во время церемонии присяги отсутствовали крест и евангелие — соответствующих распоряжений командования на этот счет никаких не было. Текст принимаемой присяги гласил: «Клянусь честью офицера (солдата и гражданина) и обещаю перед Богом и своею совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству как своему Отечеству. Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию Российского Государства. Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного Собрания. Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах исключительно интерес Государства и не щадя жизни ради блага Отечества. Клянусь повиноваться всем постановленным надо мною начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда это потребует мой долг (офицера, солдата, гражданина) перед Отечеством. Клянусь быть честным, добросовестным, храбрым офицером (солдатом): не нарушать своей клятвы из-за корысти, родства, дружбы и вражды. В заключении данной мною клятвы **осеняя себя крестным знаменем** и нижеподписываюсь». (подчеркнуто мною — В. Б.).

<sup>16</sup> В г. Луцке Волынской губернии располагался штаб Особой армии.

<sup>17</sup> Весьма сходную картину российской столицы того времени рисует И. А. Бунин в «Окаянных днях»: «Последний раз я был в Петербурге в начале апреля 17 года. В мире тогда уже произошло нечто необразимое: брошена была на полный произвол судьбы —

и не когда-нибудь, а во время величайшей мировой войны — величайшая на земле страна... Невский был затоплен серой толпой, солдатней в шинелях внакидку, неработающими рабочими, гуляющей прислугой и всякими рыгами, торговавшими с лотков и папиросами, и красными бантами, и похабными карточками, и сладями, и всем, чего просишь. А на тротуарах был сор, шелуха подсолнухов, а на мостовой лежал невозный лед, были горбы и ухабы» (Даугава. 1989. № 4. С. 81).

<sup>18</sup> **ЛУКЬЯНОВ Григорий Григорьевич** (1894 г.р.) — прапорщик, впоследствии (здесь и далее — до 25 октября 1917 г.) подпоручик, из мещан; кавалер ордена Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Входил позднее в состав бригадного комитета, в декабре 1917 г. в результате выборов командного состава был избран командиром 2-й батареи. В июне 1918 г. проживал в Москве.

<sup>19</sup> **ФУКС Яков Альбертович** — младший фейерверкер из вольноопределяющихся, впоследствии прапорщик. Входил и во второй состав батарейного комитета, избранный в мае 1917 г., в декабре избран взводным командиром 2-й батареи. В июне 1918 г. проживал в Москве.

<sup>20</sup> **ПРОЗОРОВСКИЙ Леонид Георгиевич** — капитан, бывший командир 2-го парка 3-й гренадерской парковой бригады; прибыл в батарею 8 марта 1917 г. Он так и оставался командующим батареей (то есть не был утвержден в должности командира) вплоть до 26 октября 1917 г., когда убыл в отпуск, из которого «по состоянию здоровья» в бригаду более не возвращался.

<sup>21</sup> Автор являлся старшим офицером батареи, имевшим по уставу весьма широкий круг обязанностей, приходилось ему нередко и временно командовать батареей. Он пользовался в описываемое время несомненным авторитетом среди нижних чинов, о чем говорит его избрание в мае 1917 г. товарищем председателя батарейного комитета. Кроме того он был избран членом Бригадного суда, рассматривавшего различные дисциплинарные проступки и конфликты между начальниками и подчиненными.

<sup>22</sup> Дело подпрапорщика Михаила Медведева рассматривалось бригадным комитетом 30 апреля 1917 г., принявшим решение отстранить его от должности и произвести дознание, так как он «по своим нравственным качествам не может занимать должность фельдфебеля». Временно командовавший бригадой полковник К. Н. Гринев утвердил отстранение «по болезни», распорядившись провести дознание штабс-капитану В. С. Карабуту. В июне 1917 г. Медведев был отправлен в командировку по хозяйственной надобности, в августе его дело было возвращено в бригадный суд, но никакого нового решения принято не бы-

ло (ЦГВИА СССР. Ф. 3675. Оп. I. Д. 2. Л. 5, 97—97 об.).

<sup>23</sup> С начала Мировой войны офицерский корпус русской армии за счет потерь сменился на 7/8! В пехотных частях сменилось от 300 до 500% офицеров, в кавалерии и артиллерии — от 15 до 40%.

<sup>24</sup> 11 мая 1917 г. бригадный комитет принял постановление: «Всех солдат, появляющихся на позиции батарей с просьбой или требованием прекратить огонь, задерживать и по выяснению личности передавать в полковые комитеты» (ЦГВИА СССР. Ф. 3675. Оп. I. Д. 2. Л. 101 об.).

<sup>25</sup> **КЕРЕНСКИЙ Александр Федорович** (1881—1970) — присяжный поверенный, трудовик (с марта 1917 г.— эсер), депутат IV Государственной думы, масон. В первом составе Временного правительства — министр юстиции В мае—сентябре 1917 г.— военный и морской министр, с 8 июля — министр-председатель, а с 30 августа еще и Верховный главнокомандующий. В конце 1917 — первой половине 1918 гг. на нелегальном положении, затем в эмиграции. Имя Керенского было чрезвычайно непопулярно среди значительной части командного состава армии, особенно офицеров-фронтовиков. Именно ненависть к Керенскому была основной причиной помощи, оказанной Советскому правительству многими офицерами в ликвидации контрреволюционного мятежа Керенского-Краснова в ноябре 1917 г.

<sup>26</sup> **ТРУБКИН Иван** — рядовой; осенью 1917 г. вошел в состав бригадного комитета от 2-й батареи, был делегирован в дивизионный комитет. 4 декабря 1917 г. бригадный комитет вынес «порицание» Трубкину, который ввел в заблуждение своих товарищей, инспирировав заявление за 120 подписями с необоснованными обвинениями офицеров бригады «в контрреволюционности» и требованиями отстранения их от должности (ЦГВИА СССР. Ф. 3675. Оп. I. Д. 2. Л. 37—38).

<sup>27</sup> **МОТЫЦКИЙ Иосиф Томашевич** (1891 г. р.) — рядовой, бомбардир-наводчик. Впоследствии вошел в состав бригадного комитета, 23 сентября 1917 г. был командирован на двухнедельные курсы по подготовке инструкторов к выборам в Учредительное собрание.

<sup>28</sup> **КАРЕТИН Алексей Никанорович** (1874 г. р.) — полковник; служил в бригаде с 12 июля 1895 г., а 3-й батареей командовал с 18 июля 1914 г. Был награжден семью орденами, в том числе четырьмя боевыми, включая орден Св. Георгия 4-й степени. «Характера спокойного, мягок. Очень доверчив к подчиненным. Действует в бое решительно, хорошо разбирается в обстановке», — говорилось в его служебной аттестации. Ходатайство о назначении Каретина командиром дивизиона было отправлено 4 марта 1917 г., затем он был командирован в ставку «по делам службы»; 29

июня он был назначен дивизионным командиром 53-й артиллерийской бригады, а затем командиром тяжелого дивизиона Киевской офицерской артиллерийской школы. По данным на 18 июня 1918 г. проживал в Архангельске. Тот факт, что Каретин лишился уважения офицеров бригады, подтверждается пометкой ветерана бригады полковника А. М. Вейсбаха на составленном им в Москве в июне 1918 г. предполагаемом списке офицеров, предназначенных для приглашения на формирование бригады для Красной Армии: «Вполне желателен для службы в другой бригаде» (ЦГВИА СССР. Ф. 2158. Оп. 2. Д. 197. Л. 93; Ф. 3675. Оп. 2. Д. 447. Л. 4).

<sup>29</sup> **ШУВАЛИКОВ Владимир Васильевич** — штабс-капитан; был официально утвержден в должности командира батареи лишь 17 октября 1917 г. Входил в состав дивизионного комитета от бригады. Не был избран на командную должность в декабре 1917 г. и с января 1918 г. находился в отпуске «по болезни»; в апреле 1918 г. проживал в Ростове-Ярославском.

<sup>30</sup> В июньском наступлении русской армии основную роль должны были сыграть войска Юго-Западного фронта под командованием генерала А. Е. Гутора (затем — Л. Г. Корнилова), наступая силами 11-й и 7-й армий в направлении на Львов, а 8-й армии — на Калуш и Болехов. Войска Северного, Румынского и Западного фронтов осуществляли вспомогательные удары. Наступление 11-й и 7-й армий, начавшееся 18—19 июня успеха не имело и к 20 июня было прекращено. Наступление 8-й армии Л. Г. Корнилова было успешным и привело к занятию Станислава, Галича и Калуша, выходу на р. Ломница. Потери во всех трех армиях от этого наступления к концу июня составили 1222 офицера и 37500 солдат, то есть 14% всего личного состава.

<sup>31</sup> Особая армия должна была сковать действия противника и не допустить переброски его сил на Львовское направление.

<sup>32</sup> В начале июня 2-я батарея 3-й гренадерской артиллерийской бригады обстреливала противника химическими снарядами в районе д. Шельвов. Как отмечалось в журнале военных действий, 10 июня батареи 1 дивизиона прибыли в с. Белосток, где расположились по квартирам и находились до 18 июня. В ночь на 19 июня перешли в лес и стали биваком, 22—23-го вели обстрел аэропланов противника, а затем располагались в местечке Михайловка, деревнях Курсына-Середине и Ледухове. (ЦГВИА СССР. Ф. 3675. Оп. 2. Д. 364. Л. 1—1 об.).

<sup>33</sup> 3 июля 2-я батарея выступила из Ледухова и перешла в дер. Подлипки, где стояла биваком до 6 июля (Там же. Д. 370. Л. 1).

<sup>34</sup> Речь идет о 6-й гренадерской дивизии, включавшей 21-й гренадерский Румянцевский, 22-й гренадерский Суворовский, 607-й пехотный Млыновский и 608-й пехотный Олыкский полки.

<sup>35</sup> 4 июля 1917 г. толпой солдат был убит командующий 22-м гренадерским Суворовским полком подполковник Рыков, уговаривавший полк идти на позицию.

<sup>36</sup> 9-й гренадерский Сибирский, 10-й гренадерский Малороссийский, 11-й гренадерский Фанагорийский и 12-й гренадерский Астраханский полки.

<sup>37</sup> В журнале военных действий Управления бригады отмечается, что артиллерийский огонь противника начался в 2 часа ночи (ЦГВИА СССР. Ф. 3675. Оп. 2. Д. 355. Л. 1).

<sup>38</sup> В штабе армии приказ идти на помощь 6-й гренадерской дивизии 5-го Сибирского корпуса был получен в 9 часов утра, а в 12.30 батареи выступили в поход. 1-й дивизион (1-я, 2-я и 3-я батареи) получил задачу сохранять переправу у д. Ратыниче, Чистопады и Заложнице, а 2-й дивизион — у д. Подбережице и Колтуны.

<sup>39</sup> Дер. Подлипки.

<sup>40</sup> 9-й Сибирский гренадерский полк.

<sup>41</sup> Речь идет о 46-й пехотной дивизии и 181-м пехотном Остроленском полку.

<sup>42</sup> Вот как описываются эти события в журнале военных действий батарей: «В 18 ч. батарея под огнем противника встала на позицию к северу от Гае за Рудом, выдвигая вперед для обстрела переправ взвод, связавшись с подходящим к тому времени Сибирским полком и выслав двух офицеров передовых наблюдений, батарея открыла огонь по переправам у д. Заложцы, а также по д. Чистопады и Дзичка. Как батарейные, так и отдельный взвод вели огонь под огнем противника. Передовым наблюдателям приходилось корректировать огонь из наших пехотных цепей. Противнику не удалось переправиться на левый берег р. Серет» (ЦГВИА СССР. Ф. 3675. Оп. 2. Д. 370. Л. 2).

<sup>43</sup> Эти работы 8 — 11 июля сопровождался взаимным обстрелом позиций (Там же. Л. 3).

<sup>44</sup> Уже в день своего назначения Главнокомандующим Юго-Западным фронтом Л. Г. Корнилов отправил телеграмму командующим корпусов и армий: «Самовольный уход частей я считаю равносильным с изменой и предательством, поэтому категорически требую, чтобы все строевые начальники в таких случаях, не колеблясь, применяли против изменников огонь пулеметов и артиллерии. Всю ответственность за жертвы принимаю на себя, бездействие и колебание со стороны начальников буду считать неисполнением их служебного долга и буду таковых немедленно отрешать от командования и предавать суду. 8 июля 1917 г.» Через три дня Л. Г. Корниловым был подписан приказ, который, учитывая традиционно искаженное его толкование в литературе, необходимо привести полностью:

«Получив донесение командарма 11 о том, что солдаты вверенной ему армии позволили себе при оставлении нами Тарнополя грабить имущество, насиловать женщин и детей, убивать мирных жителей и друг

друга, я отдал приказ расстреливать подобных негодьяв без суда. Во исполнение этого моего приказа 9-го сего июля назначенными для сего командами расстреляно 14 подлецов на месте совершения ими преступления. Объявляя об этом армиям вверенного мне фронта, добавлю, что мною отдан приказ без суда расстреливать тех, которые будут грабить, насиловать и убивать как мирных жителей, так и своих боевых соратников, и всех, кто посмеет не исполнять боевых приказов в те минуты, когда решается вопрос существования Отечества, свободы и революции. Я не остановлюсь ни перед чем во имя спасения Родины от гибели, причиной которой является подлое поведение предателей, изменников и трусов. Настоящий приказ прочесть во всех ротах и батареях. Генерал Корнилов». (ЦГВИА СССР. Ф. 2228. Оп. 2. Д. 307. Л. 222—223.

<sup>45</sup> Речь идет о действиях батареи 25-го мортирного артиллерийского дивизиона в роще у д. Мильно. В публикации «Киевской мысли» 5 августа 1917 г. эти события отнесены к 14 июля.

<sup>46</sup> «Не признавая никого и ничего, они в течение нескольких дней массами бродили по окрестным деревням, воровали, грабили, насилывали, возбуждая к себе странное озлобление как со стороны охваченных анархическими настроениями солдат, так и со стороны местных жителей» (Киевская мысль. 1917. 5 авг.).

<sup>47</sup> Командиром бригады был генерал-майор Николай Валентинович Орловский (1872 г. р.). Управление бригады получило около 18 часов 15 июля из штаба корпуса «приказание выделить батарею для усмирения 46-й дивизии. Была выделена сводная батарея по I орудию от каждой батареи». В журнале военных действий 1-го дивизиона подчеркивается, что сводная батарея выделена была «в карательный отряд для усмирения взбунтовавшейся пехотной дивизии» (ЦГВИА СССР. Ф. 3675. Оп. 2. Д. 355. Л. 3; Д. 362. Л. 4).

<sup>48</sup> В соответствии с порядком старшинства старшим при равенстве в чине считался офицер, который более длительное время пребывал в настоящем чине, а если и здесь было равенство — в предыдущем чине и так далее.

<sup>49</sup> **РАЙНЕ Павел Адольфович** — поручик, впоследствии штабс-капитан; инженер по образованию, призван на фронт из запаса. В сентябре 1917 г., как специалист, был откомандирован в распоряжение заведующего автомобильной частью Северного фронта. По сведениям на 18 июня 1918 г. проживал в Ярославле.

<sup>50</sup> Полковник Владимир Иванович Топилин в 1917 г. был командиром 29-го Донского казачьего полка. В середине октября 1920 г. в результате рейда 5-й кавалерийской дивизии красных по тылам врангелевской армии генерал-майор Топилин был захвачен в плен на станции Большой Токмак, а затем «зарублен на дороге» при возвращении красной конницы (см.:

М. В. Фрунзе на Южном фронте (сентябрь-ноябрь 1920 г.). Сборник документов. Фрунзе. 1988. С. 137, 145).

<sup>51</sup> 29-й и 33-й Донской казачьи полки и 15-й Сандомирский конно-пограничный полк.

<sup>52</sup> Остальная часть полка с 11 июля находилась на позиции во временном подчинении командующего 6-й Финляндской стрелковой дивизии генерал-майора Бредова. Однако на 17 июля в ротах полка налицо было лишь 562 человека... (ЦГВИА СССР. Ф. 2795. Оп. 2. Д. 74. Л. 33—34).

<sup>53</sup> Иное описание событий дает газета «Киевская мысль» от 5 августа 1917 г.: «В 10 часов утра по роще была открыта стрельба очередями на высоких разрывах. Стрельба велась следующим образом. После первой очереди пауза в 20 минут, потом сразу две очереди и опять пауза в 20 минут, затем с небольшими перерывами еще девять очередей. По сведениям, поступившим позднее... [остролен]цы после первой очереди пытались собрать митинг, но следующая очередь его разогнала. После третьей попытки они хотели скрыться в большой лес, расположенный южнее дер. Мильно, но были немедленно остановлены заградительным пулеметным огнем со стороны пулеметчиков...ского полка... После двенадцатой шрапнели...цы сдались. Всех арестованных собрали в одно место и около 2 часов дня послали ультиматум в...ский и...ский полки с требованием построиться без оружия. Требование было немедленно исполнено...». В архивных фондах удалось разыскать лишь крайне лаконичное описание карательной акции: «В 46-й дивизии полки отказались выполнять боевые приказания, а затем Гроховский и Пултусский полки повиновались и выдали главных зачинщиков, к другим двум полкам было применено вооруженное воздействие. После обстрела части сдались, главные виновники выделены и преданы военно-полевому суду»,— говорилось в сводке о настроениях в армии, направленной в Ставку, (ЦГВИА СССР. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 411. Л. 105).

<sup>54</sup> Речь идет о помощнике армейского комиссара Николаеве.

<sup>55</sup> «16 июля. Около 20 часов батарея из карательной экспедиции вернулась. Дивизия усилена. Положение тревожное,—верстах в 20 правее нас идет бой»,— записано в журнале военных действий бригады (ЦГВИА СССР. Ф. 3675. Оп. 2. Д. 355. Л. 3).

<sup>56</sup> Первоначально в соответствии с распоряжением Временного правительства был учрежден Военно-революционный суд 46-й пехотной дивизии под председательством штабс-капитана Попова. Число арестованных только в Остроленском полку доходило до 700 человек, к суду, однако, привлечено было 69. 29 июля из 24 подсудимых 184-го Варшавского полка трое были приговорены к смертной казни, 8—к бессрочной каторге, 13—к 15-ти, а 1—к 20-ти годам каторжных работ. А тремя днями ранее был расстрелян «за преступную деятельность» рядовой того же

полка П. П. Ударцев. Вскоре, тем не менее, выяснилось, что совершенные преступления не подлежат компетенции Военно-революционных судов, так как приказ об их создании был получен в 46-й дивизии лишь 17 июля утром. Поэтому дела были переданы в Соединенный суд корпусов Особой армии для рассмотрения в ускоренном порядке. Осужденные ранее к смертной казни П. Емельянов, П. Конашенков и М. Кук по ходатайству комиссара Верховного Главнокомандующего М. М. Филоненко были помилованы. Дела Соединенного суда корпусов за соответствующий период не сохранились (ЦГВИА СССР. Ф. 2376. Оп. 2. Д. 643).

<sup>57</sup> 26 августа А. Ф. Керенскому через беседовавшего с Л. Г. Корниловым в Ставке в Могилеве В. Н. Львова, члена IV Государственной думы, передано было требование передачи ему «всей военной и гражданской власти». На следующий день в Ставку была отправлена телеграмма Корнилову с требованием немедленно сдать должность генералу Лукомскому и немедленно прибыть в Петроград. 28 августа в телеграмме губернским и областным комиссарам Корнилов был объявлен мятежником и изменником, а 29 августа объявлено об отчислении от должности и предании суду за мятеж генералов Корнилова, Деникина, Лукомского, Маркова и Кислякова. А 30 августа Керенский стал Верховным главнокомандующим, начальником штаба при нем был назначен генерал от инфантерии М. В. Алексеев.

<sup>58</sup> 15 сентября 1917 г. в управление бригады поступил запрос о командировании Э. Н. Гиацинтова в Петроград в качестве кандидата на должность младшего строевого офицера Константиновского артиллерийского училища. 17 сентября он выехал в отпуск, а 26 октября в связи с убытием командующего батареёй вступил во временное командование (ЦГВИА СССР. Ф. 3675. Оп. 2. Д. 132. Л. 362, 366; Д. 426. Л. 911—913).

<sup>59</sup> Подпрапорщик Сморгалов в декабре 1917 г. был избран взводным командиром 2-й батареи.

<sup>60</sup> **РОДЗЯНКО Владимир Андреевич** — подполковник, командир 1-й батареи и временно командующий 1-м дивизионом. Входил в состав бригадного комитета, однако в ходе выборов в декабре 1917 г. не был избран на должность командира дивизиона, уступив после второго тура голосования капитану В. В. Шуваликову. По сведениям на 18 июня 1918 г. проживал в Архангельске.

<sup>61</sup> Бурные события во 2-й батарее происходили 30 октября 1917 г. в м. Подбережье. 31 октября в рапорте по команде Э. Н. Гиацинтова писал: «Сего числа я заболел и отправился на излечение в перевязочный пункт». В медицинском свидетельстве, подписанном врачом Н. А. Галашинным, отмечалось, что «штабс-капитан Гиацинтов вследствие болезни катора толстых кишек сего числа отправлен в Перевязочный отряд».

А 2 ноября он, судя по документу 54-го тылового эвакуопункта, «был эвакуирован в город Киев... для дальнейшего лечения» (ЦГВИА СССР. Ф. 3675. Оп. 2. Д. 132. Л. 366—385).

<sup>62</sup> Речь идет об установлении Советской власти в Москве, вооруженные столкновения в которой происходили с 27 октября по 3 ноября 1917 г. Уже в эти дни по отношению к противникам красногвардейцев и перешедших на сторону революции войск стал употребляться термин «белая гвардия» (так назывался отряд полковника Трескина).

<sup>63</sup> Товарищ автора по Добровольческой армии явно ввел его в заблуждение. В ходе выборов 14 и 24 декабря 1917 г. действительно офицеры-командиры не сохранили свои прежние должности, однако избранные на них были, в основном, также офицеры, а на должности командиров батарей и выше — один офицеры. Судя по делопроизводственной переписке, датированной апрелем, бригада вовсе не закончила своего существования в январе 1918 г., а дислоцировалась в месте своего довоенного квартирования — в Ростове-Ярославском. 18 июня 1918 г. А. М. Вейсбахом, выборным командиром бригады, (а в то время — председателем ее Военно-исторической комиссии), был подготовлен «Именной список воинов 3-й гренадерской артиллерийской бригады, предназначенных к приглашению на формирование бригады (в первую, вторую и третью очередь)». Среди первоочередников значился и штабс-капитан Э. Н. Гиацинтов, проживавший тогда в Москве (ЦГВИА СССР. Ф. 3675. Оп. 2. Д. 447. Л. 2). Как известно, регистрация бывших офицеров была организована там из рук вон плохо, выливалась нередко в оскорбление и унижение дорожащих своей честью людей (см.: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Советского государства 1917—1920 гг. М., 1988. С. 98—99). Это, а также усиление репрессивных тенденций Советской власти не могло не вызывать известного оттока потенциальных военспецов в различные белые армии.

---

# Москва—1918

(ИЗ ЗАПИСОК  
СЕКРЕТНОГО АГЕНТА  
В КРЕМЛЕ)

Аркадий Альфредович Борман родился в 1891 г. в Петербурге в семье инженера из обрусевших немцев. Мать его, Ариадна Владимировна Тыркова (во втором браке — Вильямс), была известным литературным и общественным деятелем, членом ЦК кадетской партии и, кстати, гимназической подругой Н. К. Крупской.<sup>1</sup>

Весной 1918 г. Борман по секретному заданию контрразведки Добровольческой армии поступил на советскую службу в Москве и вскоре благодаря своим личным качествам и старым связям достиг ответственных постов, близко сошелся с большевистским руководством, участвовал в заседаниях Совнаркома, входил в состав советской делегации на переговорах о границе между РСФСР и Украиной...

Записки «В стране врагов. Воспоминания о Советской стране в период 1918 года» были подготовлены А. А. Борманом в 20-х гг. в Париже. Автор, конечно, не мог быть вполне объективен, эмоции и ненависть к большевизму запечатлелись на оценке событий. Однако надо иметь в виду, что записки эти не представляли какого-либо пропагандистского значения и вовсе не предназначались для публикации, прочно осев в закрытых для исследователей фондах Русского заграничного исторического архива в Праге. Не раскрываются автором и технические секреты работы белогвардейского подполья.

Значительно, что в своих печатных работах, в том

---

Подготовка текста В. Г. Бортневского и Е. Л. Варустиной.  
Предисловие и комментарий В. Г. Бортневского.

числе и в книге воспоминаний, вышедшей в Вашингтоне в 1964 г., А. А. Борман опускает столь яркий эпизод своей жизни, сообщая лаконично лишь о нелегальном переходе финской границы в декабре 1918 г.<sup>2</sup> Между тем как выявленные в архиве делопроизводственные документы подтверждают его службу в Наркомторгпроме.<sup>3</sup> Советские публикации скромно умалчивают об удачливом «кремлевском агенте». Пожалуй, лишь в вышедшей в 1920 г. (и переизданной в 1989-м!) «Красной книге ВЧК» можно отыскать весьма глухое упоминание об этом: «...они (контрреволюционеры.— В. Б.) приобретают осведомителя в Кремле, в кругу Совнаркома, из близко ему стоявших лиц» — отмечал один из составителей книги чекист М. Я. Лацис.<sup>4</sup>

Впервые отрывки из воспоминаний А. А. Бормана были опубликованы совсем недавно.<sup>5</sup> Настоящая публикация дает читателю значительно более развернутое представление об этом важном источнике и является ступенью на пути к его полному научному изданию.<sup>6</sup>

<sup>1</sup> Борман А. А. А. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям ее сына. Вашингтон. 1964. С. 29, 56.

<sup>2</sup> Там же. С. 190.

<sup>3</sup> ЦГАНХ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 466.

<sup>4</sup> Красная книга ВЧК / Науч. ред. А. С. Велидова. Т. I. М., 1989. С. 120.

<sup>5</sup> В стане врагов. Москва, 1918 года, глазами белогвардейского агента (публ. подг. В. Бортневский и Е. Варустина) // Единство (региональная газета ленинградских профессиональных союзов). 1990. № 1. (17 мая). С. 8.

<sup>6</sup> ЦГАОР СССР. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 81.

## ПРИЕЗД В МОСКВУ

Во второй половине марта 1918 года я приехал в Москву с юга, где потерял в степях след Добровольческой армии<sup>1</sup>. Шел пятый месяц большевистской власти. Уже был подписан Брест—Литовский мир. Советские центральные учреждения переехали из Петрограда в Москву. Забыть существование Советской власти было невозможно — город окружен кольцом продовольственных отрядов, по улицам то и дело проходят взводы молодцеватых латышей. Кремль для обывателей уже почти недоступен. Большевики в своих газетах упорно твердят об осуществлении всех своих программ. Не только

твердят, но и осуществляют. Банки были национализированы еще в начале декабря<sup>2</sup>. Все время происходят конфискации товарных складов и магазинов. Кажется достаточно фактов, чтобы убедиться, что большевики действуют всерьез. Но широкий обыватель это понимает очень плохо. Он только недоволен — ругает большевиков за предательство, ужасается росту цен, но совершенно не ощущает, что наступают времена антихристовы. Он не собирается изменять свою жизнь, а только старается несколько приспособиться к обстоятельствам. В этом отношении какую-то особую слепоту проявляет деловой элемент.

Национализация банков не явилась достаточным предупреждением. Купцы смиренно сидели в своих лавках и складах, с какой-то непонятной покорностью ожидая, когда коммунистическая власть отберет от них имущество. Интеллигенция еще читала свободные газеты — когда были закрыты московские, еще несколько недель приходили петроградские — и ограничивалась руганью большевиков. Никто не сомневался, что это не надолго. Настроение было выжидательное. Тысячи офицеров сидели в Москве, никуда не собираясь ехать. Лиц, активно работавших против большевиков, в Москве было, может быть, несколько десятков.

В те времена большевики держались, несомненно, только благодаря этому неопределенно рассеянному настроению общества, благодаря непонятно откуда пришедшей уверенности, что большевистская власть без всяких воздействий скоро падет, исчезнет сама собой. Советская власть еще была плохо организована. Чека еще не являлась могущественным аппаратом, пустившим щупальца во все поры общества. В те времена Чека была направо и налево еще в значительной степени вслепую. Если бы тогда в Москве существовала организованная группа людей, то можно было бы извне, а главное, проникнув в советские учреждения, изнутри взорвать большевиков. Но русские люди этого не понимали.

У большевиков не хватало своих людей для заполнения всех мест в комиссариатах, они даже не могли производить строгую проверку всех лиц, поступивших к ним на службу. Все учреждения были заполнены контрреволюционерами. Большая часть этих противников советского строя честно служила своим новым хозяевам и их руками большевики закрепляли свое дело... (при помощи А. И. Ашуба—Ильзена, бывшего члена

Земского союза, автор был устроен на службу в Наркомат торговли и промышленности — ред.).

Я не думаю, что он (Ашуб—Ильзен — ред.) исполнял какие-то контрреволюционные поручения, то есть был шпионом. Но по своей культуре был иностранцем, для которого Россия, взбаламученная большевиками, оказалась наиболее подходящим местом для собственного устройства. Ашуб—Ильзен был очень типичен для тех нерусских элементов, в которых большевики сразу нашли опору.

Комиссариат Торговли помещался в те времена на Ильинке. Незадолго до моего поступления он был переведен в Москву из Петрограда<sup>3</sup>. От старого министерства не осталось почти никакого следа. С вагонами, в которые были погружены министерские архивы, вышло какое-то недоразумение, и их загнал чуть ли не в Оренбург.

Почти никто из старых чиновников не остался служить большевикам. Все в комиссариате строилось по-новому, пожалуй, ни в одном ведомстве не было такой ломки. Это обстоятельство и дало мне возможность быстро сделать карьеру, впрочем, этому способствовало то, что я был во вражеском лагере и совершенно не стеснялся в средствах для достижения своих целей.

Ашуб меня сразу повел к исполняющему обязанности комиссара Бронскому<sup>4</sup>. Это был человек средних лет, одетый по-европейски. На первый взгляд его трудно было принять за революционера, за друга Ленина. Он был еврей, но ни в его внешности, ни в говоре ничего специфически еврейского не было. Зато польская культура сказывалась во всем, да и говорить он предпочитал по-польски. Сын лодзинского фабриканта, он учился за границей и получил доктора в Цюрихском университете. Не знаю, где и когда он встретился с Лениным, но был с ним очень дружен, считал за учителя и даже, кажется, в Россию приехал в запломбированном вагоне. Я до сих пор не понимаю, почему Ленин его выдвинул и поставил, правда временно, но все же во главе одного из центральных ведомств. В нем не было никаких административных способностей и, к счастью для меня, он совершенно не разбирался в людях. Бронский все принимал за чистую монету и был очень доверчив и благодушен.

Со вновь поступающими чиновниками министр сразу начинал разговор о Марксе. Я заявил, что вообще согласен с учением Маркса, но не разделяю его взгляды на некоторые вопросы. Завязался спор (все это проис-

ходило в служебном кабинете Бронского часов в 11 утра), комиссар сказал, что я когда-нибудь пойму свои ошибки. Я не возражал, чем, вероятно, и понравился Бронскому и был сразу же назначен секретарем отдела внешней торговли. Управляющего отделом не существовало. Бронский и Ашуб лично наблюдали за его работой, если то шуршание бумаг, которым мы занимались, можно назвать работой. В те времена еще не существовало Комиссариата Внешней торговли, и большевики еще обсуждали вопрос о роли государственной власти во внешней торговле.

В комиссариате тогда было около ста служащих, по большей части это были люди совершенно невежественные, за исключением старых чиновников из различных ведомств. Организовывалась коммунистическая ячейка, в нее в начале записалось, кажется, только четыре или пять человек, но ее секретарем с самого начала был заведующий личным составом... Двое или трое с задорным видом заявляли, что они анархисты, но на анархистов они были также похожи как я на негра. В общем, никто ничего не делал, не говоря, впрочем, о кассире, тогда еще платившем аккуратно служащим деньги. Да и трудно было что-либо делать, когда между отдельными ведомствами все время шли переговоры и споры о разграничении функций. Наш комиссариат вел препирательства главным образом с В.С.Н.Х. (...).

Трудно сказать, чем я занимался — собственно говоря ничем. Я сразу же понял, что могу войти в доверие к Бронскому и с первых же дней стал все чаще и чаще посещать его кабинет и очень быстро сделался завсегдаем не только его служебного кабинета, но и номера в гостинице «Метрополь», где он жил. Это, конечно, упрочило мое положение и совершенно легализовало мое ничегонеделание (...).

Чем больше я прислушивался к разговорам Бронского с Ашубом, тем яснее я понимал, что все решения Совнаркома и ЦК партии определяются Лениным. Довольно быстро понятие «верхи» мне пришлось заменить понятием «Ленин». Что бы не происходило и о чем бы ни шла речь, принципиальный вопрос или назначение, в первую очередь выяснялось, что по этому поводу думает Ленин. Все большевики, занимавшие высокие посты, делились на две категории — личные ставленники Ленина и остальные. Первые чувствовали себя прочно и уверенно и в междуведомственных спорах всегда имели перевес.

Два учреждения хотели захватить тогда в свое ведение внешнюю торговлю — ВСНХ<sup>5</sup> и Комиссариат торговли. Бронский первый успел забежать к Ленину и ему было поручено составить проект декрета о монополии внешней торговли. Первое заседание по этому вопросу происходило в номере Бронского в гостинице «Метрополь». Присутствовали на нем кроме Бронского Ашуб, я и еще человека четыре из комиссариата и сам комиссар. Это совещание Бронский открыл торжественною речью на тему о том, что собравшимся предстоит нанести сокрушительный удар буржуазии и осуществить одну из главных задач коммунизма — внешняя торговля должна быть передана в руки пролетарской власти.

Трудно сказать кому это говорил Бронский. Из присутствовавших партийным был только он один. Но все же Ашуб после его речи, вероятно, желая подладиться к начальству, заметил: «Как приятно работать в такой революционной атмосфере».

Мы, конечно, быстро составили проект, ломавший весь существующий порядок вещей. Он был краток. Внешняя торговля объявлялась государственной монополией, и ее управление сосредоточивалось в отделе внешней торговли комиссариата торговли. При этом отделе открывался Совет внешней торговли, куда должны были войти представители советских ведомств, а также «буржуазных торговых организаций». Этот проект был утвержден СНК. Совет внешней торговли был образован, но, повторяю, ввиду отсутствия торговли никакой работы не было, а позже уже после меня вся организация была переформирована в Комиссариат внешней торговли, во главе которого с самого начала встал Красин.

Я продолжал оставаться секретарем отдела. Шуршал бумагами и делал вид, что работаю. Главное же внимание сосредоточил на захвате в свое ведение печатью комиссариата, но это оказалось нелегкой задачей.

— У меня знаете ли, — как-то сказал он (Бронский — ред.) мне, — все народ в политическом отношении ненадежный, все правые, но я их держу в кулаке. Вот переходите ко мне. Вам можно верить. У Радека в номере я встретил Воровского, холеного и франтоватого субъекта, о котором сразу можно было сказать — шулер.

Большинство коммунистов, которых я встречал в «Метрополе», ни к Москве, ни к России никакого отношения не имели. Они приехали в чужую страну, или во всяком случае в страну, которую они не любили, для

того, чтобы произвести свой опыт. Они имели дело не с людьми, а с материалом, с кроликами, которым нужно произвести вивисекцию. Чувствовалась какая-то полная оторванность от жизни. В те времена главные деятели коммунизма не были уверены в долговечности того, что они производят. Неоднократно я слышал как у них прорывалось: «Это надо попробовать, пока мы сидим. Буржуи не забудут, как мы распорядились и что сделала Советская власть».

Рядом с этими руководителями новой власти, людьми, которые мало интересовались подробностями жизни, в огромном «Метрополе» ютились людишки, прилипшие к этой власти только из-за материальных благ. В этой большой московской гостинице начинал создаваться новый служилый класс, на котором до сих пор держатся большевики. Привлекали дешевые комнаты, внизу была дешевая столовая, где кормились, хотя и плохо, но все-таки лучше, чем в городе. Перепадали иногда какие-то продукты, а то и конфискованные материя и обувь. Разговоры в этих комнатах велись самые обывательские — о том, как получить прибавку и где добыть подешевле провизию. Первыми испытателями коммунистических программ были люди, против которых эти программы были направлены. По своему составу эти лица были довольно разнообразны. Но во всяком случае они были менее определены, чем комиссары в соседних номерах. Мелкие чиновники, торговые служащие, евреи, приехавшие из черты оседлости. Надо сказать, что эти пиявки в большинстве случаев были противнее демонов-коммунистов. Им до России тоже не было дела, но у комиссаров по крайней мере была какая-то дьявольская идея, а у этой шушеры только собственная утроба.

## ЖИЗНЬ КОММУНИСТОВ В МОСКВЕ

Довольно скоро после своего поступления в комиссариат я стал бывать в номере 405 Метрополя, в котором помещался мой комиссариат — номер этот состоял из двух комнат с ванной.

Вся Гостиница была наполнена коммунистами и советскими служащими. Вероятно, если бы я настаивал, то тоже получил бы там комнату, но я предпочитал жить в контрреволюционной квартире. Комнаты получше были распределены между различными большевиками, занимавшими руководящие места на различных ко-

миссариатах, но главных лидеров тут не было, они жили в Кремле. В «Метрополе» тогда стояли такие лица как Бронский, Ларин, Радек, Раковский, Гуковский<sup>6</sup> и другие. Почему-то крайние номера левого крыла здания были заняты различными комиссарами хозяйственных ведомств. Под Бронским номер 305 занимал Ларин со своими девицами. Жили по-разному. Бронский так и остался студентом, довольствуясь плохоньким обедом в советской столовой и вишнями с лотка. А у Ларина полная противоположность. Обильная и изысканная пища. Две черноглазые девицы внимательно и преданно ухаживают за этим отвратительным уродом с паралитическими руками и каким-то страшным искривлением рта. Но если некоторые коммунисты и пользовались только немногим, то не потому, что не могли чего-либо получить, а просто потому, что были заняты другим. У комиссаров в номерах было довольно много книг. В этом отношении обращала на себя комната Радека, заваленная книгами и немецкими и австрийскими газетами. По вечерам обычно комиссарские комнаты были пусты, так как их обитатели отправлялись в Кремль на заседание малого или большого совнаркома. Днем комиссары уезжали в учреждения, а по утрам сидели друг у друга и обсуждали события. Чаще всего собирались у Ларина, занимавшего тогда какой-то высокий пост в Высшем Совете Народного Хозяйства. Присутствуя при этих беседах, я понял, что нахожусь в обществе людей совершенно отличного от меня измерения. Позже, когда я стал бывать в Кремле, и особенно в разговорах с Лениным это ощущение во мне упрочилось еще более. Я находился среди людей, которые считали, что черное есть зеленое, а красное — синее. Как и при разговорах с Бронским, при разговорах с остальными коммунистами я сразу понял, что для них прежде всего существует Ленин, а уже затем ЦК, СНК и другие учреждения. Все начиналось Лениным: «Ильич сказал, Ильич решил, Ильич считает», а кончалось жуткой и для самих коммунистов тенью Дзержинского. Часто я слышал от них: «Феликс во имя революции не пожалеет и своей матери». Только эти два имени выделялись. Об остальных, в том числе и о Троцком, говорили как о равных.

У Ларина в комнате довольно много беседовали об организации внешней торговли. Завсегдателями у него были Милютин и Ломов<sup>7</sup>. Много споров вызывал вопрос об участии во внешней торговле частных лиц и организаций. По-видимому к апрелю (1918 г.— ред.) у

большевиков еще не сформировалось решения окончательно и радикально расправиться с частной торговлей. В беседе с Ломовым Ленин много говорил об участии частных лиц во внешней торговле. Постоянно спорили также о функциях отдельных учреждений. Каждый хотел оттягать себе побольше.

С Радеком Бронский был старый приятель, на ты. Говорили они друг с другом по-польски. По-видимому в жизни их не малое связывало — они всегда вспоминали прошлое. Радеку я почему-то понравился, и он почти жаловался, что у Бронского хорошие служащие, а он не может подыскать для себя (в комиссариат иностранных дел) верных людей.

Коммунисты расселялись по городу по частным квартирам довольно медленно. Подобно чинам, вторгнувшейся армии, они предпочитали держаться вместе и не распыхаться. Многие частные особняки уже были заняты под советские учреждения, но квартиры для частного жилья захватывали очень медленно. Но когда уже захватывались, то прочно, и захватчики сразу же налагали свою руку на имущество владельцев, превращая его в свою собственность. Так, например, Ашуб, стремившийся иногда в разговорах со мной либеральничать и даже критиковать большевиков (конечно только в качестве оппозиции его величества) занял какую-то богатую квартиру и без всяких колебаний через некоторое время вывез из нее мебель в другую квартиру. На частные квартиры советская мелкота бросилась позже, а те что стояли повыше продолжали оставаться в больших гостиницах, чувствуя себя подобно завоевателям на бивуаках.

В столовой «Метрополя» я как-то встретился с Раковским, которого знал с детства. В начале столетия он около года прожил в Петрограде и вращался в либеральных кругах. Бывал у Милюкова и у Струве<sup>8</sup>. После смерти своей жены Раковский уехал из России и вернулся только в мае 1917 года. Уже тогда о нем ходили различные слухи. Говорили, что он на службе у австрийцев. Кажется румыны тоже предъявляли ему подобное обвинение, но по приезде в Россию у него все же хватило наглости досетить лиц, которых он знал семнадцать лет тому назад.

Когда мы встретились в столовой, то я первый момент струхнул. Однако Раковскому видимо не пришлось в голову какую-либо роль, и он ограничился только одним вопросом.

— Значит Вы гораздо левее кадетов.

Я конечно это подтвердил. Мы разговорились. Раковский рассказал мне, что он подготавливает поездку в Курск для мирных переговоров с Украиной и совершенно неожиданно предложил мне ехать с ним и пригласил принять участие в совещании по организации делегации...

## ПОЕЗДКА С РАКОВСКИМ В КУРСК

Заседание по организации делегации происходили в одном из залов «Метрополя». Помимо Раковского, Мануильского (второй делегат)<sup>9</sup> и еще двух-трех коммунистов на них присутствовали главным образом бывшие чиновники и военные, представлявшие разные ведомства. Находился там также и представитель торгово-промышленного союза или какой-то другой центральной буржуазной организации Лурье, являвшийся всегда с секретарем и большим количеством бумаг и книг. Разговоры шли об экономическом разграничении Великороссии и Украины — Раковский делил Россию. Пожалуй, больше всех говорил Лурье...

Выехали мы в Курск в двадцатых числах апреля. Туда же должна была приехать делегация Украинской рады.

Ленин, а вслед за ним конечно и остальные большевики, придавали большое значение мирным переговорам с украинцами. Переговоры эти, впрочем, должны были происходить не столько с украинцами, сколько с немцами.

Сбор был назначен в 10 часов вечера на Курском вокзале, конечно, в парадных комнатах. К началу одиннадцатого уже все съехались. Три делегата — Раковский, Мануильский и Сталин держатся особо поодаль.

У Сталина какое-то совсем незаметное лицо. Неприятные, злые глаза. Щеки изрыты оспой. Под пиджаком темно-синяя бархатная рубаша. Он молча, неподвижно сидит на кресле. Мануильский, черный, подвижный маленький человечек. Он — русский, уверял меня, что из крестьян Киевской губернии. Судя по его матери, приезжавшей к нему в Киев, это похоже на правду. Эксперты имеют довольно растерянный вид. Не знают как себя держать. Кое-кто друг с другом знаком. Много пожилых лиц. Около Раковского вертится молодой еврей, во френче, галифе и высоких сапогах. Это чекист Зай-

цев, секретарь делегации. В углу сидят две сестры милосердия и какой-то мужчина с повязкой красного креста.

Время идет, мы чего-то ждем. Оказывается, железнодорожная администрация не была предупреждена о нашей поездке, и отдельный поезд не составлен...

Уже когда было за полночь, я заинтересовался, зачем в зале сидят сестры и доктор. Оказывается, что кто-то позаботился прикомандировать их к делегации «на всякий случай». Я предложил немедленно отпустить их, указав Раковскому в присутствии Сталина, что они придают (далее авторский пропуск — ред.).

Я предложил Раковскому их отпустить за полной необходимостью. Раковский и Сталин со мной сразу согласились. Сталин только кивнул головой, он не любил напрасно тратить свои слова. Комиссары попросили какое-то скромное вознаграждение, а сестры раз в пять больше его. У меня денег не было, и я пошел к Раковскому. Когда Сталин услышал сколько хотят получить сестры, то он коротко бросил мне, произнося слова с сильным кавказским акцентом.

— Скажите, чтобы их сейчас же арестовали, надо чтобы они поняли с кем имеют дело.

Не сразу удалось мне уговорить Сталина отпустить сестер на все четыре стороны... (Далее А. Борман описывает других членов делегации — генерала Генерального штаба Сергея Ивановича Одинцова л. 18—21; юрисконсультов А. А. Немировского и Ждана Пушкина, приглашенных Мануильским, л. 21—22 — ред.).

Полномочными делегатами, как я уже сказал, были Сталин, Раковский и Мануильский. Несмотря на то, что жили все в одном помещении и ели вместе, я почти не видел Сталина. Он держался очень обособленно. Всегда молчал и даже на совещаниях говорил мало. Видно было, что в большевистской иерархии он выше Раковского и Мануильского. Главным двигателем всех этих переговоров был Раковский. Без него двое других были бы совершенно беспомощны. У него был план государственного раздела России. Осуществление и выработку технических подробностей он предпочитал передавать другим. Для этой цели и был послан Мануильский. Сталин же по-видимому был только наблюдателем.

Когда Раковский решал что-нибудь, то препятствия для осуществления его решения должны были быть уничтожены. Никакой жалости в этом человеке не было, люди для него были просто пешками. В этом отноше-

нии он был очень типичен для большевистской верхушки. В Раковском меня всегда поражало жуткое соединение ощущения действительности и правильной оценки обстановки с безумством коммунистических замыслов. Впрочем, может быть, никакого безумства и не было, а только холодный расчет, направленный на разрушение России — революция необходима, чтобы разрушить или во всяком случае ослабить Россию, а когда речь касалась родной ему Добруджи, то неожиданно появлялись какие-то теплые нотки.

Мануильский был типичный революционер — горячая голова. Он кажется лет за десять до революции был приговорен к смертной казни, которую ему заменили каторгой, и он бежал за границу. Он всегда был готов в бой и не расставался с маузером, кладя его ночью под подушку. Но в нем были какие-то человеческие чувства. Может быть, даже сострадание. Он скорее был похож на эсера, чем на большевика, хотя был верным марксистом. Но доктринером он был не очень сильным, и сбить его с рассуждения было не очень трудно. Мануильский не сомневался, что правление большевиков будет кратковременным.

— Нас перережут, — неоднократно говорил он мне, — но перед уходом мы здорово хлопнем дверью и буржуям не поздоровится.

На мой вопрос, почему надо уничтожать перед «уходом» буржуев, он как-то сказал:

— Чтобы потом легче было опять захватить власть и вообще, чем меньше будет буржуев на свете, тем лучше.

## В КУРСКЕ

(заглавие зачеркнуто автором — ред.)

В Курске на вокзале к нам в поезд явился Подвойский<sup>10</sup>, который был «командующим» местного участка «фронта» против «немцев и гайдамаков». Он рассказал нам как ему пришлось прибегнуть к расстрелам, чтобы восстановить дисциплину в своих частях... (Далее автор рассказывает о конкретной подготовке к переговорам — л. 24—26 — ред.).

Курск переживал неопределенное время. Власть в городе конечно была советская, но советчики были местные, и потому жизнь города еще изменилась очень мало. Чека вероятно уже существовала, но она еще не

принялась за систематическое искоренение буржуазии и интеллигенции. Больше всего неприятности доставляли горожанам матросские отряды, но и они не очень досаждали. В городе находилось много помещиков, съехавших из уездов. Все были разгромлены. Мне пришлось бывать в частных домах. Обычная картина. Ругают большевиков, ждут у моря погоды. Полная неосведомленность. Не знают не только что происходит в Малороссии, но даже и в Москве. Не только буржуазия и помещики были настроены против большевиков, но даже и сельские учителя.

Как раз во время нашего пребывания в городе происходил губернский учительский съезд, созданный конечно большевиками. На открытии осветившийся священник (кажется Ионин) произнес речь о том, как земство тормозило дело народного образования и в частности как кн. Павел Долгоруков<sup>11</sup> препятствовал просвещению народа. Учителя молчали. Долго молчали они также когда на трибуне появился Раковский, но наконец не выдержали и после какой-то революционной фразы, произнесенной с резким акцентом, со всех сторон послышались крики:

— Отправляйтесь к себе в Румынию.

Раковский не ожидал таких реплик и обозвавши курских народных учителей контрреволюционерами быстро ушел из зала заседаний... (Далее о роспуске старой армии — л. 27—28 — ред.).

В Курске впервые мне пришлось увидеть русские части Красной армии. Кажется их формировал Подвойский. Это был уже не сброд красной армии, а настоящие воинские части. Одинцов<sup>12</sup> ими остался доволен...

(Далее конфликт между матросами и делегацией, охрана делегации латышскими частями — л. 28—29; Поездка в Киев — л. 29—42; поездка по Украине — л. 42—46 — ред.).

Чека еще не оплела всю Россию своей сетью и действовала ощупью, работать было не только возможно, но даже не очень трудно. Чекисты были заняты главным образом ловлей невинных людей, а лица, стремящиеся работать против большевиков, разъезжали в комиссарских вагонах, сидели на видных местах в комиссариатах и в крупных штабах. Однако (Чека — ред.) не сумела сделать того, что хотела. Чего-то не хватало. Не доставало центрального штаба действия. Было слышно много мудрствований и обсуждений. Все примеряли

и прикидывали, а когда собирались резать, то наступал какой-то паралич рук...

(Далее л. 46—50 — Управляющий Отделом Внешней Торговли — ред.).

## УПРАВЛЯЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

...Мне кажется, что эта моя карьера объяснялась абсолютным цинизмом моего поведения в Комиссариа-те. Я врал направо и налево, ни с кем не церемонился, расталкивал окружающих, слегка и не часто, чтобы не бросалось в глаза, льстил Бронскому, а главное держал себя с ним за панибрата. Он был мягок (это свойство может быть даже у чекистов), совершенно не понимал людей, я его взял за горло, правда тоже мягко, но решительно.

...Бронский считал меня совсем своим человеком. У меня сохранилась его записка к тогдашнему народному комиссару продовольствия Цюрупе<sup>13</sup>: «Посылаю вам товарища такого-то, верьте ему как мне»...

## В СОВНАРКОМЕ

Вскоре после приезда из Киева Бронский заявил мне, что я должен сделать доклад Ленину о происходящих мирных переговорах и о перспективах торговли с Украиной. Он сказал, что возьмет меня на заседание совнаркома, где от меня тоже может быть потребуют доклада.

Очень было интересно повидать Ленина, но перспектива этого свидания мне не улыбалась, потому что моя фамилия могла вызвать в нем очень неприятные для меня ассоциации. Но делать было нечего. Кремль уже был превращен в осажденную крепость. Все ворота, кроме Троицких, не только были закрыты, но наглухо чем-то завалены.

Едем на комиссарском автомобиле. Первая проверка документов внизу при въезде. Видно однако, что публика малограмотная. Документов не разбирают, но вид автомобиля внушает полное доверие. Нас обгоняет в открытом автомобиле Троцкий<sup>14</sup>. У него вид хозяина — уверенный и спокойный. Вторая проверка наверху под башней уже более тщательная. Мы в Кремле. После шумных и модных улиц поражает тишина и пустота.

Точно все вымерло. Только провода полевого телефона напоминают, что в центре Москвы не только есть обитатели, но, что они готовы к осаде. Большая площадь перед зданием судебных установлений завалена ящиками со снарядами. Они лежат в беспорядке. Кое-где стоят пушки без передков. Между ними бродят военнопленные в немецкой и австрийской форме. Как потом я узнал, в Кремле формировались коммунистические германские и мадьярские части. Ни орудия, ни они никем не охраняются. Надеются на внешнюю охрану Кремля, которую несет латышский батальон.

Внизу, в здании судебных установлений, новая проверка документов. Идем по пустым, совершенно пустым коридорам. Гулко и жутко раздается звон наших шагов. Поднимаемся наверх. Первый этаж, второй. При переходе из этажа в этаж в площадках лестницы стоят латыши и проверяют документы. Только на самом верху в третьем этаже чувствуется жизнь. За стеной быстро стучат машинки и, точно сердясь на их быстроту, медленно, но четко отбивает свои точки телеграф. Мы в широком коридоре — прихожей. Отворяем дверь и за ней дальневидны телеграфные аппараты. Входим в пустую комнату с двумя или тремя столами, но без стульев. Несколько человек сидят на столах и в полголоса разговаривают друг с другом. Это комната, в которой чиновники ждут вызова на заседание совнаркома. Из нее две двери. Одна — в канцелярию, другая — в зал заседаний. Из канцелярии то и дело выходят барышни, почти все еврейки. Самоуверенные довольные лица.

Нам с Ашубом недолго пришлось ждать, из комнаты заседаний вышел Бронский и потребовал нас туда.

Посередине комнаты стоит стол, покрытый зеленым сукном. За ним сидело человек 15—20. Вдоль стен на стульях и скамейках тоже какие-то люди. Нас посадили около окна. Во главе стола сидел Ленин, рядом никого. Сзади у стены Троцкий. На подоконнике полулежал, смотря на залитые вечерним солнцем маковки кремлевских церквей, Чичерин<sup>15</sup>. У него, как всегда, какой-то отсутствующий вид. За столом сидели народные комиссары. Многих из них я знал уже в лицо. Гуковский, Томский<sup>16</sup>, Ларин, Ногин<sup>17</sup>, Бухарин<sup>18</sup>, Бронский. Я ни разу не видел на заседании Совнаркома Дзержинского.

В комнате был большой беспорядок или вернее какая-то неряшливость. На стенах булавками приколоты какие-то циркуляры. За спиной Ленина около двери, ведущей в его кабинет, большой плакат с Советской

Конституцией. Сверху приколот перьями, снизу — булавками. На столе около комиссаров бумага разных размеров. Карандаши тоже разнообразны. Видимо, еще не существует курьера, который следил бы за порядком.

Ленин очень похож на свои многочисленные портреты, выставленные по всему городу. Взгляд человека, который твердо знает, что делает и чего хочет. Хитрые смеющиеся глаза. Он чем-то похож на нашего северного торговца. Скупщика телят или лесного приказчика. От этого сравнения я не мог отделаться всякий раз, что встречался с ним.

Ленин ведет заседание очень уверенно. Докладывает повестку, спрашивает мнения присутствующих, а затем, «вняв мнению», диктует секретарю свою формулировку постановления. Рассматривается вопрос о национализации волжского флота. Ленин в курсе всех мелочей управления и взаимоотношения ведомств. По какому-то частному вопросу он спрашивает мнение каждого из членов заседания. Взгляды разделяются. Одни предлагают одно, другие — другое. Внимательно выслушав всех присутствующих, Ленин спокойно диктует секретарю свою резолюцию, совершенно отличную от обоих выслушанных мнений. Никто этому не удивляется. По-видимому, это обычный порядок.

С комиссарами Ленин обращается бесцеремонно, недослушивает, обрывает, а иногда еще и прибавляет: «Ну, вы говорите глупости». Никто не думает обижаться. Властование Ленина признано всеми.

Мне пришлось бывать на заседании Совнаркома раза четыре. На одном из заседаний я заметил какую-то новую фигуру за отдельным столиком в углу. Это был «товарищ координатор». Выходившие тогда еще свободные газеты постоянно издевались над тем, что большевики издают декреты, противоречащие их же распоряжениям. «Товарищ координатор» должен был помнить все декреты и предупреждать Совнарком в том смысле, когда постановление противоречит предыдущим.

«Товарищ координатор,— коротко бросает Ленин,— нет ли у вас чего-нибудь, идущего вразрез с принимаемым сейчас декретом?»

На заседании Совнаркома мирно обсуждались по преимуществу вопросы текущего управления, а иногда события, прошедшие за день. Насколько я мог понять и поскольку мне рассказывал Бронский принципиальных политических вопросов там не обсуждалось. Они

рассматривались в партийном комитете. Нет основания предполагать, что Ленин держал себя на заседаниях ЦК партии менее властно, чем в Совнаркоме.

Я не знаю, изменились ли позже отношения между Лениным и комиссарами, но для меня нет никакого сомнения, что в те времена Ленин единолично правил Россией. Комиссарам он только сообщал свои решения. Вероятно, он знал насквозь своих подручных и умел подносить им свое мнение так, что оно сразу же радостно принималось как единственно возможное. Он располагал какой-то силой внушения по отношению к остальным лидерам коммунизма. Надо было видеть с каким обожанием они произносили слово «Ильич». Да, это было настоящее обожание. По-видимому, и абсолютное зло можно обожать.

Я уже упомянул... Большевики, которых мне пришлось видеть конечно были просто сумасшедшими (я это говорю отнюдь не для их оправдания). Вероятно есть такая форма болезни, когда заскакивает только один винтик, но этого дефекта достаточно, чтобы изменились все логические и нравственные соотношения и ощущения.

Меня не заставили делать доклада Совнаркому, а в перерыв Бронский представил меня Ленину.

— Вот товарищ, который приехал из Киева и привез с собой немецкую торговую делегацию,— сказал он, не называя фамилии. Ленин внимательно выслушал мое формальное сообщение о ходе переговоров. Потом задал несколько вопросов об экономическом положении на Украине. Большевиков в первую очередь интересовал хлеб. Я рассказал, что вдоль всей границы, там где нету военных действий, существует тайный товарообмен. Туда везут мануфактуру, оттуда хлеб.

— Нам следует заняться этой контрабандой в государственном масштабе, заметил кто-то из стоявших рядом комиссаров, кажется Бухарин.

Ленин пристально посмотрел на него своим лукавым взглядом и не то с презрением, не то думая о другом, бросил:

— Таковую вещь можно делать только сильно подумавши.

Комиссар замолчал.

Я стал рассказывать о том, что Киев наводнен фальшивыми десятирублевками германского производства. К моему рассказу прислушивались несколько комиссаров.

— Что же мы зееаем, нам это еще легче устроить,— раздался голоса.

Ленин опять оборвал их:

— Не горячитесь, не горячитесь. Ничего нельзя делать не обдумавши,— заметил он.

Поздно ночью мы выехали на пустую и точно застывшую Кремлевскую площадь. Кругом тишина и спокойствие. Возвышаются громады соборов. Не видно внешних признаков происходящего. Только давит воспоминание о столе, покрытом зеленым сукном, вокруг которого сидят люди четвертого измерения (оно, по-видимому, дьявольское) и решают судьбы нашего Отечества. Под рукой у них провода, связывающие их со всеми концами великого государства. Бегут по этим проводам их дьявольские решения.

## ПОЕЗДКА В БЕРЛИН

...Надо было получить валюту или сторублевые кредитки. Я отправился к комиссару финансов Гуковскому, который лежал больной в своем номере в «Метрополе». Я попросил выдать мне записку к комиссару государственного банка. Не знаю откуда большевики достали того Попова<sup>19</sup>, но он кажется долго заворачивал у них банковскими делами. Кто был этот маленький мужичок с бородой, закрывавшей всю его грудь? По-видимому, он пользовался неограниченным доверием Ленина. Во всяком случае деньги в его кабинете лежали без счета и деньги немалые. Несмотря на записку Гуковского Попов отказался выдать мне сторублевки. Так я и не понял почему советские финансисты ценили сто и пятисотрублевки больше валюты. Я получил от Попова германские марки.

Уезжал я из Москвы в Берлин около 25-го июня. На Волге уже вспыхнуло восстание чехословаков<sup>20</sup>. Со всех концов России сообщалось о крестьянских беспорядках, вызываемых отобранием хлеба. Даже с некоторых заводов большевики получили тревожные для себя сведения о настроениях рабочих. Мои друзья самым серьезным образом предупреждали меня, что я рискую попасть в германскую тюрьму в случае, если переворот застанет меня в Берлине. Это говорили мне лица, стоявшие во главе контрреволюционного движения.

Но не только друзья, а и многие из недругов думали

также. Накануне моего отъезда нас с Бронским встретил на лестнице «Метрополя» Радек. Вид у него был воинственный. Из-под кожаной куртки торчало дуло маузера.

— Вот товарищ едет в Берлин, не надо ли чего-нибудь передать Иоффе,— сказал Бронский.

— Скажите Иоффе <sup>21</sup>,— заявил Радек, зловеще отчеканивая слова,— что на мой взгляд положение наше безнадежно и наши дни сочтены.

Я выразил удивление.

— Я не вижу как мы одновременно справимся с чехословаками, крестьянскими восстаниями и растущим недовольством рабочих,— добавил Радек, разъяря свое первое заявление...

(Далее А. Борман повествует о своей поездке в Берлин: Смоленск, Орша, граница, немецкая оккупационная зона, на немецкой территории, Берлин, обстановка в Берлине — л. 58—64 — ред.).

Для меня не нашлось места в здании советского посольства, где я только столовался, а жил рядом в гостинице. Тогда еще все советские учреждения — посольство и консульство помещались в одном и том же здании бывшего российского посольства. Торгпредства еще не существовало. Полпредом был Иоффе. Консулом Менжинский <sup>22</sup> — будущий глава ГПУ. При Иоффе состояла бойкая девица, снимавшаяся с ним чуть ли не на всех фотографиях и не скрывавшая своей связи с первым советским дипломатом. Газеты иногда острили по поводу этой девицы — Иоффе держал себя очень важно. У него был нарядный и холеный вид, впрочем также как и у всех чинов посольства. Еще в Москве мне рассказывали, что он не хотел выезжать в Берлин, пока все чины не приобретут полный дипломатический гардероб. С подчиненными Иоффе держал себя тоже очень важно. Мне была назначена «аудиенция» дня два спустя после приезда. Я заявил ему, что прислан для выяснения торговых возможностей и должен из Берлина на короткий срок проехать в Берн. О торговле он со мной не стал говорить, сказал, что на днях из Скандинавии приезжает Красин, который и даст мне необходимые справки и указания. Когда же Иоффе узнал, что я хочу ехать в Швейцарию, где находилась советская миссия во главе с неким Берзиным <sup>23</sup>, то прежде всего спросил меня состою ли я в партии. После же моего отрицательного ответа он довольно кисло сказал, что мне долго придется ждать швейцарской визы, так как швейцарское пра-

вительство разрешает въезжать каждую неделю только двум-трем советчикам и уже многие ждут виз. Я просил записать меня в очередь и сказал, что буду тоже ждать, так как должен исполнить поручение данное мне Бронским. Поскольку я мог понять из разговоров с разными людьми, находящимися в полпредстве, большевики предполагали организовать в Швейцарии центр пропаганды на союзнические страны и потому пускали туда только людей, которых считали совсем своими.

Секретарями у Иоффе были Якубовский и Лоренц, последнего я встречал на семинарах по гражданскому праву в Петроградском университете. Он меня тоже помнил и был со мной более откровенен, чем остальная публика. Он рассказал мне, что Иоффе поддерживает связь с независимыми социал-демократами, которые бывают у полпреда. Лоренц с гордостью заявил (хотя тогда он еще не был большевиком), что через независимых Иоффе может влиять на Рейхстаг. По-видимому, в то время прямая революционная пропаганда только еще налаживалась и полпред был доволен хотя бы влиянием на политические круги через независимых. Довольно неожиданно для себя в задних комнатах посольства я обнаружил некоторых жителей московского «Метрополя» — Ларина, Бухарина и некоего Миллера, немца из колонистов, который, по-видимому, впоследствии играл видную роль в деле коммунистической пропаганды в Германии. Они постоянно бывали с Менжинским, но с Иоффе я их никогда не видал. Менжинский производил какое-то совершенно незаметное впечатление. Разговоры обычно происходили в комнате, где жил Ларин, это пожалуй была спальня посла. Две черноглазые девушки приехали в Берлин с уродливым советским экономистом. Ларин с Бухариным были завалены книгами и брошюрами. Миллер завязывал связи с левыми политиками. Бухарин мне сразу напомнил разговор в комнате заседаний Совнаркома об распространении фальшивых денег на Украине.

— Ведь и здесь это невредно сделать,— сказал он мне с усмешкой. Коммунисты посмеивались над многочисленными портретами Вильгельма<sup>24</sup> и генералов, выставленными по городу.

— Недолго это продлится, придется выставлять другие портреты,— как-то заметил мне Бухарин.

Вся эта компания нескрывала своего презрительного отношения к существующему германскому правительству. Если Ларин и Бухарин приехали в Берлин

только еще для изучения существующего положения, то несомненно, что Миллер уже пробовал наладить какую-то работу. По обрывкам разговоров я понял, что он все время видится с лидерами немецких рабочих, только не с. д., а независимыми.

Во время моего пребывания в Берлине в полпредстве находился еще один субъект, роль которого осталась для меня не ясной. Это был левый эсер старик Натансон<sup>25</sup>. Он как и я ехал в Швейцарию. Окружающих он уверял, что едет лечиться, но не было никакого сомнения, что он послан с какой-то миссией. Слишком внимательно к нему относились видные большевики, и он часто виделся с Иоффе. Раза два он поднимал вопрос о необходимости революционной работы среди французских рабочих. Не этим ли объясняется его поездка в Швейцарию...

(Далее А. Борман ожидает Красина, описывает Берлин — л. 67—68 — ред.).

Приехал Красин<sup>26</sup> и с ним Воровский<sup>27</sup>. Красин сразу вызвал меня. Он полон торговых планов. Ведет переговоры с торговыми фирмами. Он оказался первым большевиком сразу определившим, что я ничего не понимаю в торговых делах. Заговорил со мной о возможности вывоза льна и обнаружил мое полное незнание. Но вероятно он уже встречал немало советских служащих незнающих свое дело, и потому я не вызвал в нем подозрения...

(Не дождавшись швейцарской визы А. Борман возвращается в Москву: Александрово, Варшава, Скерневиц, Равка, Орша, — л. 68—69 — ред.).

## МОСКВА В ИЮЛЕ 1918 Г.

Я возвратился в Москву пятого или шестого июля. За десять дней моего отсутствия положение стало гораздо тревожнее. Точно начинало сбываться предсказание Радека. В Кремле нервничали. Под Самарой образовался настоящий фронт. Ярославль был захвачен восставшими. Появились сведения, что корниловцы (тогда большевики так называли всех добровольцев) развивают наступление на юге. Со всех концов России поступали сведения о росте крестьянского недовольства. В самой Москве кажется в день моего приезда распространились слухи о брожении среди левых эсеров, которых поддерживает отряд чеки. А затем был убит гер-

манский посол Мирбах<sup>28</sup>. Большевики чувствовали, что враги наступают на них со всех сторон и совершенно не были уверены, что справятся с положением. Наиболее видные из них уже обеспечили себе тайные квартиры на случай переворота.

В июле и в самом начале августа Москва бурлила какими-то стихийными протестами против большевиков. Чека все еще не приступила к работе в широком масштабе, еще не была по-настоящему налажена система сыска. Члены контрреволюционной организации почти открыто ходили по Москве, а разъезжать по России могли с хорошими советскими документами, выправляемыми лицами, служившими у большевиков подобно мне.

Кроме организации, поставившей себе задачей освобождение Царской семьи, большевики за эти полтора месяца не раскрыли ни одного сколько-нибудь значительного антисоветского сообщества. Аресты происходили, но арестовывали или наобум или же прежних общественных и политических деятелей. Часть этих арестованных была расстреляна в порядке массового террора, который начался в августе. Несмотря на то, что по улицам все время разъезжала чекистская автомашина и каждую ночь происходили расстрелы, русский культурный класс все еще не мог понять, на что способны большевики и что такое Советская власть. Темп жизни менялся очень медленно. Частные магазины еще были открыты, и только в июле прекратилось существование последней несоветской газеты. Широкая публика, во всяком случае до 18 июля, когда пришло известие об екатеринбургском злодеянии, не ощущала антихристовой природы Советской власти. Из Москвы уезжали тогда сравнительно немногие, хотя уехать было очень легко. Большинство не хотело расставаться со своими насиженными углами, не понимая, что оно будет выгнано из этих углов. Среди самых ярких противников Советской власти можно было встретить почти джентльменское отношение к большевикам. Так, например, известно, что у Виленкина, арестованного по делу об организации побега екатеринбургских узников, во время личного допроса его Дзержинским был револьвер. Виленкин знал, что он обречен. Держал себя на допросе с большим достоинством, сказал Дзержинскому, что большевики мерзавцы, но почему-то не нашел возможности пустить пулю в лоб главному вдохновителю Чеки.

У культурного класса общества продолжала существовать какая-то странная уверенность, что Совет-

ская власть падет сама собой. Этот ложный оптимизм верхушки русского общества, конечно, и спас большевиков. Если бы все эти обыватели знали, что с ними будет сделано через полгода, то вряд ли они оставались в такой беспечности. После убийства Мирбаха Ленин поручил Бронскому уладить конфликт с немцами. Он три дня это делал. Затем добился того, чтобы немцы не вводили батальон пехоты в штатском. (...)

Город затаил и принял осадный вид (во время мятежа левых эсеров — ред.). Большие улицы были перерезаны поперек, чтобы помешать циркулированию блиндированных автомобилей, которыми по слухам располагали восставшие. По улицам расхаживали латышские патрули и разъезжали какие-то конники. Взбунтовавшийся отряд засел в казармах. У него были пушки. Все время ожидали, что начнется обстрел Кремля. На несколько часов был захвачен главный телеграф. Передавали даже, что в некоторые губернские города было сообщено: Советская власть пала.

Но почему же эсеры, поднявшие шум, не произвели никаких действий. Почему не произошло ни одного столкновения и все выступление было ликвидировано путем переговоров, и восставшие сдали оружие. Уже тогда нам было ясно, почему не могли эсеры, да к тому же их левая фракция, начинать борьбу с большевиками. Они отлично понимали, что не могут предложить низам большего, чем дала или обещала дать Советская власть, а верхи они совершенно справедливо считали гораздо более враждебными для себя, чем коммунистов.

(Далее автор рассказывает о проведенной вскоре после мятежа регистрации офицеров, на которую явилось 10 тыс. человек, их охраняли две роты китайцев,— ред.).

Мне известно, что 80 револьверов было роздано лицам, отправившимся на регистрацию и хороших револьверов. Задачку, по-видимому, можно было разрешить очень просто. При соответствующем настроении ничего бы не стоило отнять от китайцев винтовки. Но настроения не было. А главное не было того центра, в пользу которого, ради которого каждый офицер ощущал бы необходимость рисковать и действовать. Не было вождя здесь поблизости. Все, что было на периферии России, являлось для среднего офицера слишком отвлеченным и далеким. Просидели 10000 офицеров три дня без еды в казармах и затем были отпущены домой.

На меня это событие произвело особо тяжкое впечатление, так как я видел, как в большевиках росла уверенность. Офицеры показали им, что население Москвы против них не восстанет. (...)

В Кремле не верили до последнего момента, что англичане займут Архангельск<sup>29</sup>. Уже когда они были в Белом море, и я знал, что город будет на днях занят, в комиссариате торговли обсуждался вопрос, как лучше через Архангельск наладить экспорт. Было решено двигать туда товары, главным образом лен и пеньку, находившиеся в пути...

До самых последних дней большевики не допускали мысли, что Архангельск будет занят. Еще за 4 дня до прихода англичан туда можно было приезжать без всяких разрешений. Десант на Мурмане и захватие Кеми комиссары объясняли желанием «попользоваться» богатствами Севера. Поэтому так ошеломляюще подействовало на большевиков сообщение комиссара Кедрова<sup>30</sup> о появлении англичан в Архангельске.

В Кремле поднялась суматоха. Заработали телеграфные аппараты, особенно усиленно с Берлином. Усилили проверку документов при входе в комнаты 40 и 41 — кабинет Ленина и комната заседаний Совнаркома. 2-го и 3-го августа на заседании Совнаркома обсуждалось создавшееся положение. Мне об этом заседании рассказывали Бронский и Ашуб на следующий же день. Бронский меня все тянул в верхи и накануне звал отправиться с ним в Кремль. Возможно, что если бы я находился на этом заседании, Ленин вспомнил бы меня и я из Кремля попал бы прямо в Чеку.

Бронский заявил мне, что Ленин был очень мрачен и не скрывал тревоги. Передав собравшимся сообщение Кедрова, он заявил, что по его мнению положение Советской власти безнадежное. Да, это слово было на том заседании произнесено Лениным. Мне его повторили Бронский и Ашуб. Комиссары не сомневались, что англичане сразу же в поездах двинутся дальше. Через несколько дней займут Вологду, а недели через две могут оказаться под Москвой. В Москве были получены сведения, что на линии железной дороги полная паника. Фактически было некому оказывать сопротивление. Все архангельские советские власти бежали в Вологду. Двинский речной «военный» флот на всех парах уходил вверх по реке и остановился только где-то за Тотьмой. Войск для оказания сопротивления совершенно не было. Во всех городах вплоть до Вологды поднялась эвакуа-

ционная сутолока. В СНК обсуждался, между прочим, вопрос о необходимости сразу же приступить к эвакуации товарных складов из Вологды. Но не на это было, конечно, обращено главное внимание комиссаров. Были сразу же намечены чрезвычайные меры политического характера.

Ашуб мне заявил, что жутко было слышать Ленина, когда он говорил о необходимости усиления террора. По мнению Ленина это надо было сделать хотя бы для того, чтобы буржуазия видела как пролетарская власть умеет хлопать дверью перед своим уходом. Ленин повторил соображения, уже неоднократно слышанные мною от разных большевиков, что «что бы не было, не мешает уменьшить количество буржуев».

Кроме этой основной политики, которую с чрезвычайным рвением принялись осуществлять на следующий же день, был поднят вопрос о предоставлении населению некоторых поблажек в продовольственном отношении. Было решено разрешить свободный ввоз продовольствия в Москву и другие города. Но этот вопрос однако большевики не дерзнули разрешить радикальным способом. Ведь на экономических запрещениях покоилась вся их система. Рассказ о заседании СНК привел меня к мысли о необходимости немедленного бегства. (...)

А в это время большевистская петля быстро затягивалась. В городе хватали людей направо и налево. Еще до покушения на Ленина были сотни арестованных. Комиссары, увидав, что англичане медлят с продвижением на юг, несколько приободрились. Выбатывались планы защиты РСФСР, составлялись кадры Красной Армии. Дней через десять после занятия Архангельска, когда на линии уже улеглась первая паника, туда двинули матросские отряды.

Страшно становилось в Москве. Из нас никто не сомневался, что большевики обречены. Кольцо вокруг Советской власти стягивалось, и мы были уверены, что большевикам из него не выскочить. Казалось, что подходят сроки, но внутри этого кольца было просто страшно оставаться. Я уже хорошо знал большевиков и чувствовал, что существа четвертого измерения собираются устроить кровавую свистопляску. Но далеко не все это понимали. Многие, очень многие москвичи все еще думали, что смогут отсидеться в своих углах... Но все только ждали.

Уже тогда при мне начал создаваться тот советский служилый класс, благодаря которому большевики су-

шествуют более 12 лет. Большая часть советских служащих относилась к большевикам отрицательно, критиковала и осуждала их. Русские культурные верхи тогда еще были полны военного патриотизма. Но, попав на службу и «устроившись», обыватель довольно быстро менялся и начинал опасаться как бы не было хуже в случае новых перемен. Эту психологию мне пришлось наблюдать как у штатских, так и у военных. Офицеры Генерального штаба старались выслужиться в погоне за прибавками. Хорошие старые судейские чиновники убеждали себя, что они должны служить честно новой власти. Рассуждение было самое примитивное: лучше пусть остается то, что есть, а то и этого не будет. Продо­вольственные подачки действовали далеко не только на одних рабочих. Сколько этих спецов было потом перебито большевиками.

## БЕГСТВО

Зажиточным северным мужичкам, особенно в таких богатых уездах как Никольский Вологодской губернии или некоторые уезды Вятской губернии, были сильно не по нутру большевистские мероприятия. Сплошь и рядом они брались за оружие и изгоняли большевиков из своих деревень и даже волостей, за что потом над ними производилась жестокая расправа. Мне пришлось побывать во многих таких «замиренных» деревнях. В большинстве случаев восстания вспыхивали вследствие слухов...

Население северных губерний приблизительно к северу от линии железной дороги было убеждено, что в скором времени оно окажется под покровительством иностранных войск. Городская интеллигенция боялась говорить о своих надеждах, крестьяне совершенно не скрывали своей радости. Распространялись самые невероятные слухи...

Да и советские военные власти были совершенно уверены, что они придут. Каждое передвижение под Архангельском вызывало панику в Вологде.

В сентябре или октябре союзники заняли какую-то деревню в устье реки Ваги, впадающей в Северную Двину верстах в 200 от Архангельска и в 500 от Вологды. Телеграф каким-то образом перепутал и сообщил, что занята Усть Вологда в 50 верстах от Вологды. Вологодские большевики, не проверив даже этого сооб-

щения, быстро стали складывать свои пожитки и уди- рать из города.

В некоторых местах крестьяне отправляли своих сы- нов на север. Мне пришлось встречать таких странни- ков и даже видеть их проводы. По большей части это были офицеры из крестьян или brave унтеры. С ко- томками за плечами через лес пробирались они за сот- ни верст к белым. Дома перед уходом глава семьи бла- гославлял такого странника на доброе дело.

— Скоро к нам вернешься. Нас от этой сволочи освободишь.

Большевики напрягли большие усилия, чтобы пода- вить в населении это настроение, и в конце концов они добились своего. Почти повсюду к северу от железной дороги было введено «осадное положение», другими словами все и каждый были объявлены вне закона. Всякий советский чин получил право распоряжаться жизнью и смертью «граждан». Часто на стенах были расклеены приказы приблизительно такого содержания: «Контрреволюционные выступления, агитация против со- ветской власти, грабежи, разбои и тому подобное ка- ратаются расстрелом на месте».

Сплошь и рядом «тому подобным» оказывался бур- жуазный вид, подозрительная внешность, перепутанное имя, старые счета.

Много за эту осень в северных городах и деревнях пролилось крови. Ежедневно в вологодских, велико- устюжских и ялоторовских газетах печатались списки расстрелянных местными чрезвычайками.

В Вологде свирепствовал комиссар Кедров<sup>31</sup>, гово- рили, что уже тогда он был сумасшедший, и усмири- тель Ярославля штабс-капитан Геккер<sup>32</sup>. В течение марта и апреля в Вологде находились посольства союз- ных держав. Местные жители и особенно жительницы перезнакомились с чинами посольств. Устраивались тан- цевальные вечера. Вот за эти-то вечера в сентябре и октяб- ре и расстреливали их мужей и братьев. Вылав- ливали всех, кого только можно было обвинить в устройстве заговоров и быстро «ликвидировали преступ- ников». В Вологде списки расстрелянных печатались каждый день, все же, по-видимому, вологодские совет- чики уничтожили меньше народу, чем их соседи.

В Вятке, например, действовала Уральская област- ная чрезвычайка, имевшая какое-то отношение к екате- ринбургскому злодеянию<sup>33</sup>. Она решила выместить на вятчичах досаду своего бегства с Урала. Каждую ночь

расстреливалось 15—20 очередных буржуев. Так продолжалось месяца два пока даже большевики не нашли необходимым раскассировать эту чрезвычайку, почти сплошь состоящую из уголовных преступников.

В уездах дело происходило еще проще. Расстреливали под любым предлогом. Людей ставили к стенке за взятки красноармейцам и за то, что они эти взятки не давали. За утайку хлеба и за продажу его по новым ценам. В городе Орлове Вятской губернии была расстреляна учительница французского языка, так как у нее был найден какой-то старый журнал с карикатурами на Ленина. На следующий день в платке этой несчастной ходила спутница красных палачей. В Тотьме было расстреляно много учителей, так как комиссарами оказались выгнанные когда-то из реального училища два ученика. В одном монастыре около Сольвычегодска была расстреляна вся братия, так как местный комиссар вспомнил, что все монахи — агенты контрреволюции.

В городах было жутко. Никто не был уверен в своей судьбе. В 9 часов вечера замирала жизнь. Нельзя было появиться на улице и зажечь свет, не опустив занавески. На окраине раздавались залпы. Жители думали — кого сегодня. Пошли мобилизации. Началось конечно с буржуазии. Перехватывали всех кого только было возможно — офицеров, купцов, городскую интеллигенцию. Часть мобилизованной буржуазии была отправлена на «фронт» рыть окопы, а другая оставлена на городах для чистки казарм.

Крестьян еще в начале осени очень трудно было мобилизовать. Они не имели ни малейшей охоты идти. Не обращали внимания на расклеенные листки, или же являлись, а потом расходились по домам. Но избавитель не приходил, советская власть начала стягивать кое-какие войска, и в населении произошел перелом. Стала исчезать вера в близкий конец Советской власти. «Неприятель» своим нежеланием наступать укреплял большевиков, создавал представление (тогда еще совершенно ложное) о том, что у Советской власти есть какие-то силы. К ноябрю изменилось и отношение к мобилизации. Призываемые начали являться на сборные пункты. Советская власть в сознании населения стала превращаться в власть государственную.

Большевики своими мероприятиями военного характера совершенно приостановили жизнь во всем крае. Было запрещено передвигаться по железным дорогам и перевозить товары без особого разрешения. Поезда

были пусты, особенно шедшие на восток от Вологды. Но по какой-то странной инерции движение еще не было сокращению. До самого ноября между Петроградом и Вяткой курсировал сибирский экспресс. Однако как обычно бывает, как раз те лица, против которых были направлены все запреты, находили возможность передвигаться...

(Далее автор рассказывает о переходе по р. Шексне к Белоозеру — л. 85—89— ред.).

Торговая река, по которой бывало караван шел за караваном, уже замирала. Везде чувствовалась мертвящая рука большевиков. Судов почти не видно, пустые пристани, голодные города. Кирилов и Белоозерск — они не на Шексне, но живут ею. Рассказы о расстрелах и погромах монастырей. Только пассажирские пароходы стараются сохранить свой старый вид. Кормят еще хорошо, в каютах чисто. Повсюду проверка документов, но ведь я важный советский чиновник в отпуску. Когда я возвращался назад, то на какой-то пристани сел местный комиссар, не то из унтеров, не то из учителей. Мне успели шепнуть, что на его душе уже много расстрелов. Особенно свирепо он расправился с кирилловским духовенством... Комиссар важен и самоуверен. ...Комиссар конечно ничего не знает и ничего не понимает. ... (Далее автор вступает в разговор с комиссаром, представляется). Он не спрашивал даже документов. Сконфужен и чувствует присутствие кого-то, кто выше его. Куда девалась его самоуверенность и важность. Он пробует продолжать разговор, но уже обращаясь исключительно ко мне. ... Нет еще у этих местных властей уверенности. Достаточно хорошего окрика, чтобы все эти местные деятели советской власти разбежались или же покорно сдали свою власть. ...

(Далее путь автора лежал через Вятку в Котлас — л. 90 — ред.).

До Вятки едем в международном вагоне. Приезжаем после девяти часов вечера и выясняем, что по городу нельзя ходить без особых пропусков после восьми часов. Пропуска же эти выдаются не на вокзале, а в центре города, значит их нельзя уже достать. Но и на вокзале запрещено оставаться. Приезжающие в Вятку (утреннего поезда нет) до утра как скот должны стоять на путях, в отведенном для этого месте. Стоят покорно и уныло под осенним морозящим дождем. Стоят все приехавшие с нашим поездом, за исключением нас двоих. А в то время мой компаньон уже кажется был при-

говорен в Москве к расстрелу и объявлен вне закона. Вокзал переполнен серыми шинелями. Какие-то части отправляющиеся против Колчака<sup>34</sup>. Расхлябанный революционный вид. Их еще нельзя принять за части регулярной армии...

Город вымер точно по нему прошла чума. Нет, это хуже чумы. Повсюду чувствуется сознательное разрушение издавна налаженной жизни.

Я два раза ездил в Котлас. У котласской ветки уже в сентябре был военный вид. Неподалеку к западу в Николаевском уезде недавно было подавлено крестьянское восстание. Отзвуки этой жесточайшей расправы все время слышатся в разговорах пассажиров. Надо сказать, что простые люди очень неосторожны в разговорах. Как-то мой сосед по виду лавочник начал яростно ругать большевиков. ... (Далее описание обысков в поездах — л. 91—92 — ред.).

Котлас совсем пуст. Расхаживают матросы. Город охраняют латыши. Строгий просмотр пропусков, но кого они ловят. ...

Где-то верстах в 150—200 к северу фронт. Но на реке совершенно пусто. Нам пришлось (плыть — ред.) до Великого Устюга, ни одной барки, ни одного парохода. Устюг такой же мертвый как и остальные северные города...

(Автор добрался до Сольвычегодска и намеревался там дожидаться союзников, но ожидания были напрасны, и поэтому пришлось ехать в Петроград, чтобы отсюда через Финляндию бежать из страны — л. 92—94 — ред.).

В Петроград попадали к концу ноября. Еще три месяца тому назад жизнь чувствовалась в северной столице, а теперь уже мерзость запустения. За это время Зиновьев<sup>35</sup> превратил его в кладбище, населенное живыми мертвецами. На лица легла какая-то особая тень. Только в Совдепии я видел на лицах эти тени. На войне на лицах обреченных есть что-то спокойное и даже скорее светлое. А здесь заживо погребенные. Какая-то понурость. Из людей выбит человеческий дух. Почему они позволили большевикам так издеваться над собой, позволили морить себя голодом? Почему на вокзалах ни разу не были перебиты продовольственные заставы? Почему только маленькая кучка лиц занята антисоветской работой, а остальные покорно жуют мякинный хлеб и чего-то ждут? Не большевизм сам по себе, а эта

полная покорность всех слоев населения была для меня самым тяжелым в Совдепии.

Последний раз в Питере видел друзей, через 8 месяцев они были замучены в Чека. Среди павшей ниц толпы они стояли прямо, напряженно работали, спокойно смотря смерти в глаза. Точно светлые маяки среди безбрежной темной ночи. Если бы не было их, душу охватило бы полное и окончательное отчаяние. Чека к тому времени уже систематизировала свою работу, но мы жили довольно открыто. Надо было торопиться, а переход все не налаживался. Только что переправили генерала Юденича<sup>36</sup>, и на этой линии надо было подождать. Решили действовать самостоятельно. ...

Было 8 декабря 1918 года. Нас вели ночью вместо обещанных двух семь часов... Уже когда начало светать, проводники, их было трое — двое военных и мальчик — заявили нам, что мы уже пересекли границу и они не пойдут дальше, опасаясь быть арестованными финнами.

Финские солдаты повезли нас верст за 20 в штаб пограничного отряда. Еще в Петрограде нам говорили, что на границе английские войска. Сведения эти были получены из красного штаба.

Велико поэтому было наше удивление встретить офицера в полунемецкой форме с ленточкой железного креста. Его первый вопрос был:

— Sprechen sie Deutsch?

В тот же день нас доставили в Териокский карантин. Впервые за все последнее время ночью у меня был страшный кошмар: мне снилось, что меня поймали, и я в Чеке».

<sup>1</sup> Начало Добровольческой армии положила так называемая «Алексеевская организация», основанная генералом М. В. Алексеевым 2(15) ноября 1917 г. в Новочеркасске. В нее на принципе добровольчества входили бежавшие на Дон для борьбы с большевиками офицеры, юнкера, студенты, гимназисты и т. д. 25 декабря (7 января) она получила официальное наименование «Добровольческая армия», в командование вступил генерал Л. Г. Корнилов. В феврале-апреле 1918 г. Добровольческая армия совершила свой Первый Кубанский (Ледяной) поход, который не принес военных успехов, но способствовал формированию сплоченного ядра для будущей борьбы с большевиками на Юге России.

<sup>2</sup> Декрет о национализации крупных акционерных банков был принят 14(27) декабря 1917 г., а 23 января (5 февраля) 1918 г. были конфискованы капиталы бывших частных банков.

<sup>3</sup> Переезд Советского правительства из Петрограда в Москву происходил 10—11 марта 1918 г.

<sup>4</sup> **БРОНСКИЙ М. Г.** (Браун, М. И. Варшавский) (1882—1941) — польский социал-демократ, участник Циммервальдской конференции и член образованной В. И. Лениным группы «Циммервальдская левая», выступившей против Первой мировой войны; с апреля 1917 г. в Петрограде, член большевистской партии, после Октября — замнаркома Торговли и промышленности.

<sup>5</sup> Высший Совет народного хозяйства был образован 2(15) декабря 1917 г. на основе экономического отдела ВЦИК как центральный орган руководства экономикой страны. Наркомторгпром передал в ВСНХ отраслевые отделы бывшего Министерства торговли и промышленности.

<sup>6</sup> **ЛАРИН Юрий** (Лурье Михаил Зальманович) (1882—1932) — до августа 1917 г. — меньшевик, был членом исполкома Петросовета; в описываемое время — член ВЦИК, сотрудник ВСНХ;

**РАДЕК Карл Бернгардович** (1885—1939) — бывший член СДПГ, с 1917 г. в партии большевиков, после Октября на ответственных постах в Советской России; репрессирован (ныне — реабилитирован);

**РАКОВСКИЙ Христиан Георгиевич** (1873—1941) — член партии большевиков с 1917 г., в описываемое время — председатель СНК Украины; репрессирован (ныне — реабилитирован);

**ГУКОВСКИЙ Исидор Эммануилович** (1871—1921) — член РСДРП с 1898 г., в 1917 г. — казначей ЦК большевиков, в описываемое время — замнаркома финансов.

<sup>7</sup> **МИЛЮТИН Владимир Павлович** (1884—1937) — член партии большевиков с 1910 г., в описываемое время — зампред ВСНХ; репрессирован (ныне — реабилитирован).

**ЛОМОВ (Оппков) Георгий Ипполитович** (1888—1938) — член партии большевиков с 1903 г.; в описываемое время — зампред ВСНХ; репрессирован, (ныне — реабилитирован).

<sup>8</sup> **МИЛЮКОВ Павел Николаевич** (1859—1943) — с 1907 г. — председатель ЦК партии кадетов и редактор ее центрального органа — газеты «Речь»;

**СТРУВЕ Петр Бернгардович** (1870—1944) — в 90-е гг. — «легальный марксист», в 1905—1915 гг. — член ЦК кадетов.

<sup>9</sup> **МАНУИЛЬСКИЙ Дмитрий Захарович** (1883—1959) — член партии большевиков с 1903 г., в описываемое время — замнаркомпрода.

<sup>10</sup> **ПОДВОЙСКИЙ Николай Ильич** (1880—1948) — член РСДРП с 1901 г.; один из руководителей Ок-

тябрьского восстания в Петрограде, в описываемое время — председатель Высшей военной инспекции РККФ.

<sup>11</sup> **ДОЛГОРУКОВ Павел Дмитриевич** (1866—1927) — князь, в 1918—1919 гг.— председатель ЦК партии кадетов, член Национального центра; в 1927 г. был арестован после нелегального перехода советской границы и расстрелян без суда.

<sup>12</sup> **ОДИНЦОВ Сергей Иванович** (1874—1920) — бывший Генерального штаба генерал-майор; с декабря 1917 г.— на различных должностях военных органов Советской власти, в описываемое время — старший инспектор кавалерии Высшей военной инспекции на Украине.

<sup>13</sup> **ЦЮРУПА Александр Дмитриевич** (1870—1928) — член РСДРП с 1898 г.; в описываемое время — наркомпрод РСФСР.

<sup>14</sup> **ТРОЦКИЙ (Бронштейн) Лев Давидович** (1879—1940) — в социал-демократическом движении с 1897 г., член партии большевиков с 1917 г.; в описываемое время — наркомвоенмор РСФСР; в 1929 г. выслан из СССР, убит в Мексике по заданию НКВД СССР.

<sup>15</sup> **ЧИЧЕРИН Георгий Васильевич** (1872—1936) — до 1918 г. меньшевик; в описываемое время — наркомндел РСФСР.

<sup>16</sup> **ТОМСКИЙ (Ефремов) Михаил Павлович** (1880—1936) — член партии большевиков с 1904 г., в описываемое время — председатель ВЦСПС; в обстановке массовых репрессий покончил с собой.

<sup>17</sup> **НОГИН Виктор Павлович** (1878—1924) — член РСДРП с 1898 г., в описываемое время — замнаркома труда РСФСР.

<sup>18</sup> **БУХАРИН Николай Иванович** (1888—1938) — член партии большевиков с 1906 г., в описываемое время — редактор газеты «Правда»; репрессирован, (ныне — реабилитирован).

<sup>19</sup> **ПОПОВ Тихон Иванович** (1872—1919) — в социал-демократическом движении с 1893 г., с ноября 1917 г.— комиссар—управляющий Московской конторой Госбанка, с апреля 1918 г.—уполномоченный СНК РСФСР по сохранению ценностей Республики, с июня — главный комиссар Народного банка РСФСР. По происхождению он был сыном священника, в 1896 г. закончил историко-филологический факультет Харьковского университета, работал статистиком. Участвовал в Октябрьских боях в Москве.

<sup>20</sup> Речь идет о выступлении Чехословацкого корпуса, сформированного из военнопленных чехов и словаков. После Брестского мира корпус был объявлен автономной частью французской армии и началась подготовка к его отправке в Западную Европу через

Дальний Восток. В результате конфликта с Советским правительством войска корпуса 12(25) мая 1918 г. выступили против большевиков, вскоре были захвачены Челябинск, Пенза, Новониколаевск, Сызрань, Томск, а в июне — Омск, Самара, Златоуст, Красноярск, Владивосток.

<sup>21</sup> **ИОФФЕ Адольф Абрамович** (1883—1927) — в социал-демократическом движении с 90-х гг., в партии большевиков с 1917 г.; в описываемое время — полпред РСФСР в Германии.

<sup>22</sup> **МЕНЖИНСКИЙ Вячеслав Рудольфович** (1874—1934) — член РСДРП с 1902 г., в описываемое время — генеральный консул РСФСР в Берлине. После смерти Ф. Э. Дзержинского (1925 г.) — председатель ОГПУ СССР.

<sup>23</sup> **БЕРЗИН (Берзиньш-Зиемелис) Ян Антонович** (1881—1938) — член РСДРП с 1902 г., в описываемое время — полпред РСФСР в Швейцарии; репрессирован (ныне — реабилитирован).

<sup>24</sup> **Вильгельм II Гогенцоллерн** (1859—1941) — германский император и прусский король в 1888—1918 гг., свергнут Ноябрьской революцией.

<sup>25</sup> **НАТАНСОН Марк Андреевич** (1850—1919) — один из видных народников, один из основателей «Земли и воли», кружка «чайковцев»; с 1905 г. — эсер, в 1917 г. — левый эсер, в 1918 г. организовал группу «революционных коммунистов», действовавшую совместно с большевиками.

<sup>26</sup> **КРАСИН Леонид Борисович** (1870—1926) — в социал-демократическом движении с 1890 г.; в описываемое время — нарком торговли и промышленности РСФСР, член Президиума ВСНХ.

<sup>27</sup> **ВОРОВСКИЙ Вацлав Вацлавович** (1871—1923) — в социал-демократическом движении с 1894 г.; с ноября 1917 г. был полпредом РСФСР в скандинавских странах (Швеция, Дания, Норвегия); убит в Лозанне бывшим офицером-дроздовцем М. Конради.

<sup>28</sup> **МИРБАХ Вильгельм** (1871—1918) — граф, с апреля 1918 г. германский посол в Москве; 6 июля 1918 г. убит левым эсером Я. Г. Блюмкиным.

<sup>29</sup> Английский десант в Архангельск был высажен 2 августа 1918 г., в этот же день в городе произошел переворот под руководством капитана 2 ранга Г. Е. Чаплина и образовано Верховное управление Северной области во главе с народным социалистом Н. В. Чайковским.

<sup>30</sup> **КЕДРОВ Михаил Сергеевич** (1878—1941) — член РСДРП с 1901; в описываемое время замнаркома по военным делам; репрессирован (ныне — реабилитирован).

<sup>31</sup> С сентября 1918 г. М. С. Кедров был начальником Военного отдела ВЧК, с января 1919 г. — начальник Особого отдела ВЧК. В мае 1919 г. он был также назначен особоуполномоченным ВЧК в Вологде (см.: Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918—1923. М., 1990. С. 59—62).

<sup>32</sup> **ГЕККЕР Анатолий Ильич** (1888—1938) — бывший штаб-ротмистр царской армии; командовал отрядом, подавившим антибольшевистское восстание в Ярославле в июле 1918 г.; с августа 1918 г. — командующий Вологодским тыловым районом, затем войсками Котласского района и Северной Двины; репрессирован (ныне реабилитирован).

<sup>33</sup> Речь идет о злодейском убийстве императора Николая II и его семьи в Екатеринбурге с 16-го на 17 июля 1918 г.

<sup>34</sup> **КОЛЧАК Александр Васильевич** (1874—1920) — вице-адмирал императорского флота, в 1917 г. командовал Черноморским флотом; в ноябре 1918 — феврале 1920 гг. — Верховный Правитель России и Верховный Главнокомандующий. Расстрелян по приговору Иркутского ВРК 7 февраля 1920 г.

<sup>35</sup> **ЗИНОВЬЕВ (Радомысльский) Григорий Евсеевич** (1883—1936) — член РСДРП с 1901 г.; в описываемое время — председатель Петроградского совета и председатель СНК Союза коммун Северной области. Осенью 1918 г. Петроград был одним из главных центров массового красного террора.

<sup>36</sup> **ЮДЕНИЧ Николай Николаевич** (1862—1933) — генерал от инфантерии, в 1917 г. был главнокомандующим войсками Кавказского фронта. После прихода к власти большевиков около года находился в Петрограде на нелегальном положении, затем тайно пересек финскую границу для организации Белого движения на северо-западе России. В июне 1919 г. был назначен Колчаком главнокомандующим всеми русскими войсками на Северо-Западном фронте. Умер в эмиграции.

---

# Из документов белогвардейской контрразведки 1919 г.

Публикуемый ниже документ — не художественное произведение и не мемуары. Это — официальный отчет начальника Харьковского центра Разведывательного отделения Штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Однако читается этот, казалось бы, канцелярский документ, как настоящий детектив.

Автор отчета, полковник Двигубский, еще в начале 1918 г. руководил подпольной офицерской организацией в Харькове, затем возглавил отряд офицеров, пробившийся в марте 1918 г. к Добровольческой армии. По заданию контрразведки он через год был отправлен в Екатеринослав, а несколько преданных ему подчиненных — в Харьков, для организации разведывательного центра. Очень скоро, благодаря своим личным качествам и компетентности, а также старым связям с советскими военспецами, он достиг весьма ответственных постов в Красной Армии и не без успеха влиял в нужном для белых направлении на действия большевистского руководства на Украине. Он совершал инспекционные поездки в Одесский округ и в Крым, собирал сведения секретного характера, а с конца апреля 1919 г. возглавил Харьковский разведцентр.

В отчете приводятся интереснейшие сведения о белогвардейском подполье на Украине, о некоторых советских руководителях, оказавшихся под влиянием агентов контрразведки. Особый интерес представляет описание подготовки и проведения авантюристического по сути на-

---

Предисловие, подготовка текста и комментарий В. Г. Бортевского.

ступления красных на Румынию для поддержки Советской Венгрии и проведения в жизнь идеи мировой революции. Умело играя на ослепленности большевистских вождей перспективой установления власти пролетариата во всем мире, используя их дилетантизм в области военного искусства, а также сложные отношения между отдельными функционерами новой власти, Двигубский всеми силами старался весной 1919 г. ослабить натиск советских войск на немногочисленные силы Добровольческой армии в Донецком бассейне. И это, в конечном счете, ему удалось. Несомненный интерес вызовет также освещение в отчете организации деятельности харьковских подпольщиков попытки проведения восстания в городе накануне подхода к нему белых.

Публикуемый документ дает яркое представление как о людях, служивших в белогвардейской контрразведке и участвовавших в антибольшевистской подпольной деятельности, так и о средствах, используемых ими. Перед читателем встает жестокая картина братоубийственной гражданской войны, войны не на жизнь, а на смерть.

Текст отчета публикуется с незначительными сокращениями, обозначаемыми отточием. Старая орфография заменена на современную. Публикация осуществлена по машинописной копии, сохранившейся в фонде Управления делами Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России (из коллекции бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге, ныне — ЦГАОР СССР. Ф.439. Оп.1. Д.108. Л.16—27 об.)

Совершено секретно

## ОТЧЕТ

### о деятельности Харьковского разведывательного центра

Получив приказание образовать в Харькове Разведывательный центр, я к 1 апреля (1919 г.— В.Б.) прибыл в Харьков вместе с прикомандированными к временному мне центру офицерами 4-го Кубанского пластунского батальона поручиком Скрипниковым, поручиком Лапенисом, подпоручиком Шинкаренко, прапорщиком Рыбаком, юнкером Скрипниковым.

Ввиду необходимости вести разведку, получая сведения преимущественно из советских штабов, а с другой стороны — невозможности моего постоянного пребывания в Харькове, где меня знали как активного работника офицерской организации (начальника команды террористов) еще с 1918 года, а также как начальника отряда, составленного мною из харьковских офицеров, с которыми я пробился в Добровольческую армию в марте 1918 года, я, согласно высказанному мною помощнику начальника Разведывательного отделения Генерального штаба полковнику Мельницкому предположению, отправился в город Екатеринослав в штаб 2-й Советской Украинской армии, оставив в Харькове группу офицеров под общим руководством штабс-капитана Сильникова, пополнив ее харьковскими офицерами: штабс-капитаном Бедным, получившим от меня приказание поступить на советскую службу, штабс-капитаном Чепуриным, вольноопределяющимся Порингом, В. Егоровым и П. Егоровым.

Прибыв в штаб 2-й Советской Украинской армии, я обратился к командующему армией штабс-капитану Скачко<sup>1</sup> с требованием принять меня в штаб армии. Штабс-капитан Скачко, бывший адъютант 131-го Тираспольского полка, тип мелкого авантюриста, примазывающегося ко всякой господствующей партии из-за денег и возможности повластвовать. Лично я его знал по офицерскому исполнительному комитету 12-й армии. Во время июльского выступления большевиков<sup>2</sup> я вместе с ним на броневике брал Петропавловскую крепость, причем Скачко присутствовал как представитель исполнительного комитета. Не имея возможности меня арестовать из боязни, что я выдам его антисоветское прошлое, он поневоле принял меня в штаб на должность секретаря для особых поручений, поручив при этом своему личному секретарю Ахметьеву (бывшему гвардейскому офицеру) следить за каждым моим шагом.

Вместе со Скачко, не отпускаявшим меня из-под своего наблюдения, я совершил поездку в Одесский округ и в Крым, собирая при этом сведения разведывательного характера. В Крыму Скачко через Ахметьева пытался отправить меня на тот свет, но благодаря болливости начоперода 2-й армии Грауга, напившегося пьяным, мне удалось этого избежать.

Прибыв со Скачко в Екатеринослав, я 26 апреля послал подпоручика Шинкаренко с очередным донесением в Штаб Главнокомандующего Вооруженными Силами

на Юге России и выехал в Харьков для руководства работой Центра. Ввиду крайне тяжелого положения Донецкого бассейна, я всеми силами старался отвлечь внимание большевиков от него, с каковою целью в советской прессе работниками Центра помещались статьи, в которых трубили о необходимости спасения Советской Венгрии<sup>3</sup>, о походе против западных империалистов, о необходимости наступления на Румынию и Польшу и о выходе на мировую арену. В этом отношении огромную помощь оказывал Центру ныне расстрелянный Харьковской Чрезвычайкой Генерального штаба капитан Плакса—Жданович.

Кроме того, Центром печатались шапирографным способом прокламации против объявляемой мобилизации и распространялись среди собирающихся у комендатуры и воинского начальника мобилизованных. Настроенные антисоветски, мобилизованные отказались идти по казармам, вследствие чего большевики вынуждены были выслать броневик, курсантов и кавалерию. После пулеметного расстрела мобилизованные разбежались, а вечером на вокзале комендантской ротой и отрядом железнодорожной ЧК были пойманы до 300 мобилизованных, стремившихся разъехаться по домам.

Одновременно с этим 3 апреля Центр пытался поднять восстание в караульном полку, где штабс-капитаном Чепуриным и поступившими в караульный полк штабс-капитаном Бедным и поручиком Беляевым были распространены прокламации с призывом не подчиняться комиссародержавию и жидовским чрезвычайным комиссарам, создававшим кошмарные застенки, и требовать отправки сидящих в тылу комиссаров на фронт. После непродолжительного пулеметного обстрела караульный полк сдался, причем поручик Беляев и штабс-капитан Чепурин были арестованы. Обвинение против поручика Беляева было в бездействии власти, и он, просидев почти два месяца, был освобожден за три дня до прихода Добровольческой армии в Харьков. Что же касается штабс-капитана Чепурина, то против него было возбуждено обвинение в том, что он является белогвардейским агентом, распространяющим с целью поднятия вооруженного восстания прокламации. Его дело было передано в Особый отдел при Окрвоенкоме и безусловно грозило расстрелом. Ввиду серьезности обвинения офицерами Центра был устроен его побег, причем штабс-капитану Чепурину пришлось выброситься со второго этажа дома предварительного заключения по Бузуглу

переулку. При падении он сильно разбился, но по выздоровлении с конца апреля продолжал принимать деятельное участие в работе Центра.

Кроме этой работы мною была организована в Харьковской почтово-телеграфной конторе под руководством вольноопределяющегося Поринга и моей сестры Евгении Двигубской группа телеграфных чиновников, находившаяся в непосредственном подчинении Харьковского Центра. Вследствие отсутствия телеграфных агентов в штабах часть из них была взята в штабы и управления и разъехалась по всей Украине. Они, естественно, создали целую телеграфную сеть, находившуюся в распоряжении Центра, и оказывавшую ему незаменимую услугу в деле связи, а в последнее время даже отдания ложных приказов советским частям.

Прибыв к 1 мая снова в Екатеринослав, я пошел на доклад к командующему Украинским фронтом Антонову<sup>4</sup>, заинтересовавшемуся операциями на Маныче. Я был представлен ему по моему настоянию командармом—2 Украины Скачко как подполковник Захаров, отлично знающий положение на Южном фронте, в особенности Царицынском направлении. Антонов приказал мне представить ему письменный доклад с указанием причин неудач советских войск, оперировавших на Манычском направлении. (...) От этого доклада Антонов пришел в дикий восторг. Дело в том, что при борьбе комиссаров друг с другом, при их бесконечных интригах мой доклад, названный Антоновым «обвинительным актом» командующему Южным фронтом Гиттису<sup>5</sup>, дал огромный козырь Антонову в той постоянной борьбе, которую ведут друг с другом «команукр» и «командюг». С этим докладом Антонов помчался к Троцкому<sup>6</sup> и заявил Скачко, что он берет меня в свой штаб. Скачко отчасти обрадовался возможности избавиться от меня, но все же предупредил Антонова, что за мной необходимо основательное наблюдение.

Прибыв в Киев вместе с Антоновым, которому я по дороге высказал свое мнение о необходимости и легкости наступления на Румынию с целью соединения с Советской Венгрией, я получил приказание от Антонова разработать план наступления на Румынию, что и было мною исполнено. (...) Этот план наступления имел не столько оперативную ценность, сколько содержал в себе смелые удары по тылам румынских частей и красивые рассуждения о мировой революции и красном пожаре на Балканах. Эффектный с внешней стороны, он,

естественно, был принят Антоновым, поручившим мне детальную подготовку и разработку операции.

Для наступления на Румынию им (Антоновым—Овсеенко—В. Б.) была оставлена Особая кавалерийская бригада Крюковского, получившая уже приказание отправиться в Донецкий бассейн. Сознвая всю важность появления на Донецком бассейне против малочисленных и разбросанных по станциям железной дороги добровольцев советской кавалерии, я всеми силами отстаивал перед Антоновым необходимость присутствия ее на Западном фронте и участия в Румынской операции.

6 мая согласно приказанию Антонова я выехал в Дубоссары для руководства наступлением 1-й Бессарабской дивизии, Телегульского, Балтского, Приднестровских пехотных полков, Одесского кавалерийского дивизиона и Туземного конного полка. На рассвете 7 мая части Телегульского полка после небольшого артиллерийского обстрела правого берега Днестра переправились через реку и стали преследовать почти не принявших боя французов и румын. Вслед за ними переправились прочие части, занявшие к вечеру Криуляны. Единственными, оказывавшими сопротивление были румынские части 5-го корпуса 10-й дивизии. Занимавшие этот участок французские части бросали оружие и бежали, не оказывая сопротивления, частью сдаваясь в плен.

9 мая красные части подошли на 12 верст к Кишиневу, но мне было приказано обрушиться главными силами на станцию Мирена с целью перерезать железную дорогу Кишинев—Бендеры, что и было выполнено. Для взятия Бендер было выделено 600 человек, которые вопреки всякому моему ожиданию овладели крепостью, взяв в плен около 100 французов. Впоследствии эти пленные были отправлены в Одессу в Комиссию иностранной пропаганды и принимали участие в успокоении поднявшегося среди Одесского гарнизона в 20-х числах мая восстания.

Боясь овладеть Кишиневом, могущим дать большое пополнение в борьбе с румынами большевикам, я двинулся на Былот, Резены и атаковал станцию Злотий в то время, когда со станции Лейпцигской через нее проходили греческие и румынские части, направлявшиеся для выручки Бендер. Неожиданное появление свежих, довольно боевых войск, большие потери при неудачной атаке станции, подействовали угнетающе на красные

части, успевшие нагрузиться награбленным имуществом, в результате чего красноармейцы, стремившиеся скорее вернуться домой, вышли из повиновения командованию и потребовали немедленной отправки домой. Взятие Бендер обратно румынами и бегство оттуда наиболее боеспособных элементов — бессарабцев — завершили начатое разложение.

Несмотря на настоящие политкома группы тов. Рытова, я донес в штаб 3-й Укрармии о невозможности дальше продолжать боевые действия ввиду разложения частей, и, перейдя железную дорогу мимо станции Залит, вывел банды большевиков к Тавручанам и приказал переправляться через Днестр против села Глиное в целях вернуться обратно. Из Балты я донес обо всем происшедшем Антонову, указывая на причину неудач — разложение частей, отсутствие дисциплины и недостаточную работу политкомов, не сумевших удержать массы от грабежей.

После этого я выехал в Каменец—Подольск. Отступающие же советские части бродили на том берегу Днестра еще четыре дня, пока франко-румынские войска собрались с силами, чтобы выбросить совершенно небоеспособные красные части за пределы Бессарабии.

Проезжая в Каменец—Подольск, я 28 мая застал на станции Жмеринка поезд Антонова, которому и сделал подробный доклад о неудачной Румынской операции.

Антонов мне заявил, что все эти неудачи — пустяки в сравнении с теми победами, какие достигнуты дипломатическим путем. Дело в том, что в Киев прибыла делегация от Галицийского временного правительства<sup>7</sup>, которая заявила Антонову следующее. Ввиду того, что согласно постановлению Мирной Международной конференции Галиция должна быть разделена на три части (север со Львовом и Стрыем должен отойти к Польше, юг — к Румынии, а Мармораш—Сигет и запад Галиции — к Чехо-Словакии) Галицийское временное правительство решило обратиться к УССР с предложением передать все галицийские войска в распоряжение командования Украинской республики для борьбы с поляками, чехо-словаками и румынами при условии невмешательства Украинской республики во внутренние галицийские дела. Кроме того, в распоряжение советского командования поступало 6 тыс. вагонов, груженных артиллерией, пулеметами, винтовками, снарядами, патронами и проч. из числа вывезенных с Украины при отступлении петлюровцев и расположенных преиму-

щественно в Тарнопольском уезде и по линии Тарнополь—Волочиск. Численность галицийской армии делегацией исчислялось в 80000 штыков. Это имущество было осмотрено спешно выехавшим в Тарнополь командиром 2-й бригады 2-й Украинской советской дивизии Шмидтом, ожидавшим в Тарнополе приезда Антонова с возвращавшейся делегацией.

Из Проскурова Антонов выехал в Волочиск. Галицийская делегация отправилась в Тарнополь и должна была вернуться в Волочиск с ответом правительства к 12 часам 29 мая.

Прибыв 29 мая в Каменец—Подольск, я с частями Бессарабской особой бригады, 4-й пограничной бригады, Волынской пограничной бригады, Подольской пограничной бригады и Северной пограничной бригады (ныне они расформированы) в 8 часов утра приступил к форсированию Днестра в районе железнодорожного моста по линии Каменец—Ларга. К этому времени демаркационная линия с Галицией проходила не по линии реки Збруч ввиду неудобства занятия позиции на левом берегу Збруча, а в версте восточнее реки Жванец.

Сбив румынское сторожевое охранение в районе петель, образуемых Днестром, и перебросив на тот берег на лодках часть Иванецкого отряда, я одновременно произвел разведку в восточном направлении от Жванца на левом берегу Днестра, где дозоры советских войск были обстреляны галицийскими петлюровскими частями, причем кавалерийский разезд петлюровцев, преследуя дозоры, дошел до развилки старого турецкого замка, что на дороге от Каменца на Устье. Заняв развалины, этот разезд численностью до 20 коней начал обстреливать ружейным и пулеметным огнем обозные бригады.

Немедленно послал донесение Антонову о том, что петлюровско-галицийские части крупными силами перешли в наступление и вышли в тыл переправляющимся частям, что при дальнейшем продвижении в глубь Бессарабии я рискую быть отрезанным от переправ и что при таком положении прежде всего необходимо обеспечить тыл, а потом уже развивать наступление. Поэтому я, отдав приказание переправившимся частям закрепиться на перешейках полуостровов, образуемых течением Днестра, главными силами перехожу в наступление против ударивших мне в тыл петлюровско-галицийских частей с целью отбросить их к первоначальному положению.

Отбросив петлюровцев за реку Жванец, я начал продвижение к реке Збручу, где наткнулся на упорное сопротивление галицийских войск, пытавшихся охватить мой правый фланг со стороны Рыхты. Сообщив о тяжелом положении, в котором находились мои части, я просил поддержать меня переходом в наступление на северных участках, что и было выполнено военкомом Каменца Железновым, перешедшим в наступление со стороны Каменца на Гуково. Под давлением этого отряда противник отошел на Збруч, но «ввиду непрекращавшихся попыток к переходу снова в наступление» (как я донес Антонову) я перешел Збруч и к вечеру занял Борщев. Это наступление вызвало оживленную перестрелку по всему фронту, причем под Волочиским петлюровские части, вообще бывшие не в ладах с англичанами, не пускавшими их в Галицию и предоставившими им лишь восьмиверстную пограничную полосу, перешли в наступление на красные кордонные части, бежавшие вместе с Антоновым, ожидавшим возвращения делегации.

Взбешенный этим наступлением Антонов послал парламентарера с предложением явиться в Проскуров не позже 12 часов дня 30 мая представителям Галицийского правительства, причем, в случае их неявки считает переговоры прерванными. До 13 часов дня 30 мая я продолжал еще боевые действия, причем мои разведки проходили до Пробужна. Тем временем под давлением частей 9-й румынской дивизии, переправившейся через Днестр, красные части были отеснены обратно. Вернувшись в Киев, я узнал о прекращении переговоров с галичанами ввиду неприбытия галицийских парламентареров и о том, что польские войска, двинувшиеся в глубь Галиции, разоружают уставших от войны галичан, распуская их по домам и мобилизуя городское польское население, создают в городах Галиции надежные гарнизоны. Петлюровские части, за исключением атамана Оскилко, перешедшего на сторону поляков, попав в тиски, перешли в наступление на красные части, вылившееся в занятие района Могилев—Подольский, Проскуров—Изяславль.

4 июня я вместе с Антоновым отбыл в Харьков, где должен был делать доклад на совещании в присутствии Троцкого, Аралова<sup>8</sup>; Вацетиса<sup>9</sup>, Антонова, Подвойско-го<sup>10</sup>, Межлаука<sup>11</sup> и Кашкарова по поводу наступления на Румынию. В Харькове я сделал доклад лично Троцкому, в котором указал, что главной причиной не-

удач на Румынском фронте является отсутствие дисциплинированной Красной армии, а есть лишь грабящие народ банды, что Галицийскую операцию провалил из-за своего самолюбия Антонов, желавший разыграть из себя Наполеона, что неудачи на Донецком бассейне вызваны неумелым руководством Антонова, «партизанствующего» и не признающего военных специалистов, и партизанщиной батьки Махно<sup>12</sup>. (...) Троцкий сказал мне, что считает наиболее опасным врагом Совдепии Добровольческую армию, против которой оперирует преимущественно Украинская армия, представляющая собой партизанские банды. Он решил в этот приезд на Южный фронт покончить с партизанщиной, для чего убрать Антонова.

В Харькове я узнал, что ГубЧК арестован прапорщик Рыбак по доносу одного его знакомого, проследившего за ним, и что ему предъявлено обвинение в том, что он — офицер Добровольческой армии, прибывший в распоряжение местного Центра Добровольческой армии, собиравший сведения о советских войсках и подготавливавшийся к отъезду в Екатеринодар. Никаких документов, уличающих его в принадлежности к Добровольческой армии, при нем не найдено. Им был представлен мандат об организации разведывательного отделения 2-й Советской Украинской армии, приготовленный мною следующим способом.

Находясь в штабе армии и постоянно заходя в разведывательное отделение, я приготовил несколько чистых бланков с печатями и штампами отделения, а из исходящего журнала выписывал фамилии советских агентов-разведчиков и номера, за которыми им выданы удостоверения. Отправляя офицеров Центра с донесениями в Екатеринодар, я выдавал им точную копию выданного уже советскому агенту удостоверения. В случае недоразумения, как это и было с поручиком Шинкаренко, он обыкновенно запрашивал по телефону штаб 2-й армии, прося подтвердить подлинность выданного удостоверения. Прапорщик Рыбак, предъявивший им удостоверение на прохождение фронта и не имевший возможности указать, где он жил и чем занимался по эту сторону фронта, вынужден был сказать, что он только что вернулся из командировки.

Через подкупленного часового в Чрезвычайке я получил от Рыбака записку, в которой он сообщал все свои показания на допросах. Несмотря на крайнюю неправдоподобность его показаний, он продолжал наста-

ивать на своем. Тогда к нему стали приводить неведомых типов, очевидно, содержавшихся в Чрезвычайке, которые начали давать самые нелепые показания, обвиняя прапорщика Рыбака в принадлежности к добровольческим организациям. Передав прапорщику Рыбаку записку с указанием, что он должен говорить на допросах, я направился в Чрезвычайку и потребовал от имени Антонова освободить Рыбака.

После долгих пререканий с председателем ЧК тов. Поком и его помощником тов. Циклисом мне было предложено дать письменные показания по этому делу. Сообщив им все, что я послал прапорщику Рыбаку, я потребовал допроса Рыбака, причем Поко обещал мне в случае, если показания совпадут, освободить Рыбака, передав его мне на поруки. Конечно, прапорщик Рыбак подтвердил все, сказанное мною, и должен был быть освобожден. Но в это время один из агентов ЧК узнал меня и сообщил об этом тов. Поку, который немедленно распорядился арестовать меня. Я, достав револьвер, обрушился на Пока с целой обвинительной речью, называя его сумасшедшим, фанатиком, хватающим своих работников и только мешающим общему делу революции. Отдать револьвер я отказался, заявив, что легче от меня получить одну пулю в лоб, чем весь револьвер, и что я не желаю поладить (так в тексте — В. Б.) в застенке ввиду того, что вечером мне предстоит делать доклад Троцкому. Тогда Покровский и Циклис, усадив меня в автомобиль и поместившись с обеих сторон с направленными в меня револьверами, доставили меня на вокзал в поезд Антонова.

Антонов, вообще не переваривавший чрезвычайек, называя их чересчурками, подтвердил, что моя фамилия Захаров, что никогда полковником Добровольческой армии Двигубским я не был, и, несмотря на все уверения Пока и Циклиса, потребовал немедленного освобождения прапорщика Рыбака и доставки его в поезд для доклада разведывательного характера.

Уходя, Циклис, взбешенный неудачей, сказал мне: «Мы дурные, но хитрые; посмотрим, кто окажется хитрее». На что я ответил, что уверен в том, что может быть не скоро, но все же мне, а не ему придется смеяться последним. Сверившись по телефону об освобождении Рыбака, Антонов, не ожидая прибытия в поезд Рыбака, отъехал в Киев.

Во время моего пребывания в Харькове я передал Польской организации, связь с которой я поддерживал

еще с января 1918 г., очень ценные сведения разведывательного характера о положении на Западном фронте, численности войск и политическом настроении на Украине.

Прибыв в Киев в поезде Антонова, причем с собою я взял поручика Скрипникова, пребывание которого в Харькове стало опасным ввиду приказа Ч.К. об его аресте как жившего в одной квартире с Рыбаком и принадлежавшего к той же организации, я выбрал из разведывательного отделения все сведения о Добровольческой армии, уже имевшиеся в штабе, и на основании их подготовил доклад, который впоследствии был передан Рыбаку, прибывшему в Киев через два дня.

В этом докладе были указаны названия частей из числа имевшихся в разведывательном отделении сведений, ближайшие же задачи Добровольческой армии были указаны совершенно ложные. Так, об операции на Донецком фронте говорилось, что генерал Кутепов<sup>13</sup>, командующий Каспийско—Астраханско—Царицынским фронтом, получил приказание по овладению Царицыном не переходить Волги, а закрепиться по линии реки на правом ее берегу и, укрепив водораздел Дона и Волги, стать на Дону, отнюдь не переходя на его левый берег. Что касается операции на Донецком фронте, то в докладе сообщалось, что Добровольческий корпус получил задачу выдвинуться на линию Гришино—Константиновка—Бахмут—с. Крымское, не переходя через нее главными силами, выдвинув кавалерийское сторожевое охранение на линию Славянск—Лиман—Кременное—Старобельск. Дальнейшее наступление на Харьков предприниматься не должно ввиду малочисленности частей Добровольческой армии.

Приехав в Киев, Рыбак подал мой доклад Антонову за своею подписью (под фамилией Якубенко), почти одновременно в штабе Укрфронта было получено из штаба 2-й армии подтверждение, что тов. Якубенко действительно был командирован 9 мая в расположение и приезд его ожидается на днях. В Киеве я должен был встретиться с представителями польской разведки, поддерживающими связь с Киевским центром. Накануне моего свидания с Польским центром я, просматривая бумаги в штабе Укрфронта, наткнулся на документ, из которого было ясно, что польская разведка, по крайней мере некоторые ее члены, поддерживают связь с советской контрразведкой. Доказательством этого служили приложенные к этому документу все те сведения о со-

ветских войсках, которые я дал Харьковской польской организации.

Прибыв на другой день на квартиру, где должно было состояться свидание с польскими представителями, я подвергся нападению двенадцати красноармейцев, окруживших дом. Отстреливаясь, я бежал, причем пришлось выпрыгнуть в окно почти с 3-го этажа.

В тот же день я был вызван по прямому проводу вольноопределяющимся Порингом, сообщившим мне, что 29 мая арестован в Харькове поручик Лапенис, живший в последнее время под фамилией Лосева, и моя сестра, что положение организации крайне тяжелое и что необходим мой приезд. Ответив ему по заранее выработанному коду, что со всеми распоряжениями я пришлю прапорщика Рыбака, я отправил его с очередным донесением в Екатеринодар через Харьков, сказав начальнику разведывательного отделения тов. Прозорову, что отправляю его во 2-ю Украинскую Советскую армию, и дал ему одного немца и одного китайца из интернационального полка провожатыми с приказанием не отдавать его Поку и Циклису, если последними будут снова сделаны попытки его ареста.

1-го июня в 10 с половиной часов вечера я получил вызов к прямому проводу от Поринга, причем последний сообщил мне, что при аресте моей сестры были взяты мои фотографические карточки, что мое дело уже закончено, что в Киев выехал тов. Циклис для доклада Антонову и для производства моего ареста и что мои фотографические карточки заказаны в ста экземплярах на случай рассылки по комендантам железнодорожных станций. Поезд, с которым ехал Циклис, должен был прибыть в Киев в 12 часов ночи.

Приготовив себе и поручику Скрипникову документы, по которым мы командировались с секретным поручением оперативного характера в г. Харьков и ст. Лозовую, мы под фамилиями Радзевича и Серебрякова, а потом переменяя их в Полтаве на Бирюкова и Соколова, прибыли в Харьков 2-го июня, благополучно миновав допрашивавших о цели нашего приезда комиссаров Люботинской кордонной стражи.

Ввиду невозможности пребывания в Харькове на квартирах, так как четырнадцать квартир, имевшихся в распоряжении Центра, были раскрыты большевиками и на каждой из них уже сидели караулившие каждого проходящего часовые, я решил создать небольшой оперативный штаб из поручика Скрипникова, штабс-капи-

тана Чепурина, штабс-капитана Хмелевского и вольноопределяющегося Поринга и, поместившись в одной из оранжерей харьковских садоводов, оттуда руководил дальнейшей работой Центра, направленной на разработку плана и подготовку захвата города внутренним вооруженным выступлением.

В этот период красный террор достиг апогея. На улицах ловили ни в чем не повинных прохожих и только некоторых доводили до чрезвычайек, большинство же расстреливалось на месте. Попавшие же в Чрезвычайку подвергались жестоким пыткам с целью выпытать сведения о Харьковской Добровольческой организации, не чувствовать работу которой они не могли.

Что касается поручика Лапениса, то ему было предъявлено обвинение в том, что он состоял агентом Добровольческой организации в Харькове и выполнял все поручения этого центра.

Моей сестре, Двигубской были предъявлены следующие обвинения: 1. Ее брат полковник Двигубский является начальником Харьковского Добровольческого пункта. 2. Ее квартира служила местом сбора приезжающих отправляющихся на Дон офицеров, которых она снабжала подложными паспортами. 3. Почтовый ящик № 334, записанный на ее имя, служил условным адресатом офицерской организации. 4. В ее распоряжении находилась типография, в которой печатались Добровольческие воззвания.

Допросы ее и поручика Лапениса сопровождались избиениями, причем ввиду полного отрицания вины поручику Лапенису загоняли под ногти гвозди и вырывали зубы, ее же несколько раз выводили на расстрел. Причем солдатам Чрезвычайки был отдан приказ зарядить винтовки на четыре патрона, утопив все под зуб отсечки отражателя, вследствие чего при залпе выстрелов не получалось. Сославшись на осечки, комендант ЧК тов. Судаков, обычно продельвавший эту процедуру, откладывал расстрел до следующего дня.

В день подготовки выступления были сделаны следующие меры. В первую очередь я объединил все организации антибольшевистского характера. Таковых организаций насчитывалось до десяти кроме нескольких офицерских, группировавшихся по районам, из которых самой крупной была организация поручика Куликова, занимавшаяся преимущественно печатанием прокламаций и их распространением. После ареста поручика Куликова, попавшегося на Сумской улице при разброске

прокламаций, эта группа активной работы в Центре почти не принимала.

Кроме этих организаций, в Харькове была еще студенческая группа под командой студента Пинкертонa, занимавшаяся преимущественно печатанием на шапирографе воззваний, прокламаций и приказов Центра. Работа той группы сильно тормозилась отсутствием в моем распоряжении денег, что ставило иногда Центр в безвыходное положение. Собрать же деньги путем обращения к местным капиталистам не представлялось возможным, отчасти из-за боязни.

Среди милиционеров г. Харькова также существовала организация, насчитывавшая до 260 человек, но благодаря антисемитскому настрою милиционеров, при выступлении они наверняка увлеклись бы еврейским погромом, что грозило кроме столкновений с хорошо вооруженными еврейскими дружинами объединением интеллигенции против Центра.

Что касается настроения рабочих масс, то заводы Мельгозе и Всеобщая компания электричества были за Советскую власть главным образом благодаря присутствию большого количества латышей, остальные же были настроены явно антисоветски, в особенности Гельферих—Саде и Паровозостроительный завод, отказавшийся мобилизоваться и не давший говорить Троцкому во время его выступления на этом заводе на митинге. Среди рабочих Паровозостроительного завода имелась своя организация под руководством Наливайко, бывшего члена Союза русского народа, насчитывающая до 350 человек.

Все эти группы были объединены мною. От каждой из них в моем распоряжении имелся один человек для связи, им передавались последние новости с фронта. Всего в случае выступления можно было рассчитывать на 2800 вооруженных человек. Кроме того, штабс-капитан Бедный, поступивший на советскую службу, обещал дать до 30 человек из особого отряда, которым он командовал и который находился последнее время под Мерейфой. При этом он обещал дать 50 кавалерийских пулеметов системы Шоша и до 1000 винтовок.

Через два дня пребывания штаба в оранжерее было раскрыто большевиками, устроившими облаву во время заседания штаба. После короткого столкновения, убив и ранив четырех большевиков, мы без потерь ушли, бросив несколько карт и не имеющих значения документов. После этого штаб был перенесен на хутор в 7-ми вер-

стах от города. Слежка большевиков, почувствовавших в нас главного врага, была настолько хороша, что через день на хутор зашел какой-то тип, заподозренный нами в слежке. При допросе он вынужден был сознаться и даже показал удостоверение Ч.К. После его ликвидации нам удалось поймать в лесу еще двух филеров из ЧК и также их ликвидировать. Через час на хуторе появились еще четыре типа, при завязавшейся перестрелке два из них были убиты, один ранен, а один убежал. Вслед за ними появилось еще около 50 всадников, начавших обстрел хутора из пулеметов. Мы отвечали ружейным огнем. Ввиду малочисленности (нас было всего семь человек) мы решили оставить хутор.

Пробиваясь через лес, вольноопределяющийся Макаров был ранен в ногу, и, не будучи в состоянии идти, продолжал прикрывать наше отступление, отстреливаясь из винтовки. Будучи окружен большевиками, он хотел застрелиться, но в момент выстрела ружейная пуля попала в барабан нагана, легко ранив его в грудь и загнав весь барабан ему в бедро. Он был увезен большевиками и положен под стражей в тюремную больницу.

Той же ночью большевики произвели облаву, оцепив весь лес с хутором, но мы уже покинули хутор и в ту же ночь в количестве 12 человек произвели нападение на тюремную больницу, убив часовых и увезя вольноопределяющегося Макарова. Не имея возможности лечить его на дому из-за постоянных обысков, мы инсценировали нападение на один из домов Сумской улицы и оставили его на улице, причем сторожа должны были показать, что он ранен как случайный прохожий. Он был отвезен в Александровскую больницу, где Privat-доцент Кравцов, предупрежденный нами, скрыл его довольно характерные ранения. При нашем бегстве был убит штабс-капитан Врублевский, а его брат, поручик Врублевский схвачен большевиками и в тот же день расстрелян Чрезвычайкой. Штаб Харьковского центра был снова перенесен, на этот раз в один из склепов городского кладбища.

День вооруженного выступления приближался с подходом частей Добровольческой армии к городу. Для связи с ними мною были посланы прапорщик Врублевский и юнкер Скрипников.

Эвакуация большевиков из Харькова шла полным ходом. Эвакуировались всевозможные штабы, управления, склады, уезжали коммунисты и их семьи с большим ко-

личеством багажа. Вокзал был забит уезжающими, на путях толпились тысячи большевиков, стремящихся оставить город. Мною была назначена группа террористов с целью воспрепятствовать планомерной эвакуации большевиков.

Первый же взрыв 10-ти фунтового пироксилинового заряда, сброшенного с переходного мостика, произвел страшную панику на вокзале. Раздались крики «казаки!», поднялась беспорядочная ружейная стрельба, в результате которой было несколько раненых и убитых, что вызвало приостановку эвакуации почти на час до наступления полного успокоения. Таких вариантов и неожиданных обстрелов эвакуирующихся коммунистов было в разных местах города до 20, причем с нашей стороны, благодаря страшной панике, поднимавшейся каждый раз, потерь не было.

При эвакуации комендантского управления большевиками были найдены четыре знамени 69-го пехотного Рязанского полка, в котором я служил последнее время и которые были спрятаны мною на чердаке комендантского управления. По моему приказанию эти знамена были похищены снова штабс-капитаном Писанко и перепрятаны на чердаке Воронцовских казарм. В настоящее время эти знамена при приезде в Харьков Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России генерала Деникина были переданы ему и в его поезде прибыли в Екатеринодар.

Ввиду непосредственной близости частей Добровольческой армии вооруженное выступление мною было назначено на 9 июня. С этой целью мною было приказано штабс-капитану Белому открыть фронт уводом своего отряда с Меревлянского направления в Харьков, вооружение отряда должно было быть передано в мое распоряжение. Это приказание им было выполнено, причем по дороге его отрядом было устроено поголовное избитие всех встречных евреев и коммунистов, чем его отряд незаметным образом занимался и ранее. Кроме того, он распространил среди частей соседней с ним Башкирской дивизии весть о приказе переброски дивизии в Люботин. Одновременно с этим Центром было послано подложное приказание Башкирской дивизии о переброске ее со станции Меревфа на Люботин. Перерыв связи благодаря порче телефонных проводов отходящим отрядом Бедного не дал возможности Башкирской дивизии проверить подлинность приказа, вследствие чего дивизия перешла в Люботин.

В общих чертах план захвата города сводился к следующему. Собравшись в нагорной части города, в парке, в Сокольниках и на городском кладбище, все вооруженные члены организации, кроме рабочих Паровозостроительного завода, собирающихся на заводе, с рассветом 9 июня нападают последовательно на инженерные казармы, где командный состав был уже предупрежден нами, потом на Чрезвычайную комиссию (Сумская, 82) и дом на улице Чайковского, где находились все заложники, и, освободив их, продолжают движение в глубь города двумя колоннами. Левая колонна, заняв Технологический институт и высоты над рекой Харьков, обеспечивает переправы через реку для отхода из города в случае неудачи в восточном направлении для выхода к Волчанскому тракту, по которому добровольческие части были уже в 8-ми верстах от города. Правая колонна, двигаясь внутрь города, доходит до слияния рек Харьков и Лопань и укрепляется в центральной части города, установив против мостов пулеметы. При подходе к Харьковскому мосту рабочие Паровозостроительного завода выступают в Захарьковской части города при поддержке группы, действующей из Технологического института. Закрепив за собой таким образом почти весь город, отряды организации приступают к операциям против вокзала и Холодной горы, на которой большевики установили артиллерию для обстрела города на случай вооруженного выступления.

На сборные пункты к рассвету 9-го июня прибыли: из 300 рабочих — 280, из 2000 офицеров — 27 (так в тексте — В. Б.). Несмотря на малочисленность прибывших, я все же решил начать выступление, и в 11 часов утра, то есть в момент налета кавалерии Топоркова<sup>14</sup> (1-й Терской дивизии) на парк, когда среди большевиков, стоявших на позиции в этом районе, поднялась паника, напал на Чрезвычайную комиссию на Сумской улице № 82.

Караул Чрезвычайки после требования рабочих освободить арестованных разбежался, и мы приступили к освобождению заключенных, но в это время агенты Чрезвычайки и оставшиеся верными ей красноармейцы, заняв верхний этаж и крышу дома, открыли оружейный огонь по рабочим и стали забрасывать их ручными гранатами. Рабочие отвечали из винтовок и из револьверов и приступили к штурму дома. С поразительным ожесточением были взяты все четыре этажа и выпущено около 45 арестованных, но в это время появился броневик,

противодействовать которому рабочие вследствие отсутствия военных руководителей не могли, и, открыв огонь в упор из пулеметов, заставил рабочих рассеяться по соседним кварталам.

В числе освобожденных была моя сестра, за которой было организовано преследование на автомобиле во главе с судебным следователем Чрезвычайки Шапиро и помощником коменданта Козловым. Настигнув группу рабочих, освободивших ее, на Бассейной улице, они снова пытались арестовать ее, убив двух рабочих; но будучи обстреляны офицерской группой, отступающей по этой же улице, вынуждены были скрыться, бросив автомобиль, захваченный нами.

Что касается поручика Лапениса, то его вместе с поручиком Куликовым и еще четырьмя офицерами вывели из помещения Чрезвычайки для расстрела. В настоящее время труп поручика Лапениса найден среди прочих жертв Чрезвычайки на Чайковской улице, с десятью гвоздями под ногтями и со всеми вырванными зубами.

Ввиду неудачи наступления на город офицерская группа заняла кладбище, где стала ожидать подхода терцев. Будучи обнаруженными красноармейцами, помещавшимися в казармах Артиллерийских курсов (Епархиальное училище), мы вынуждены были в составе 32 человек покинуть кладбище и отойти в парк. Здесь мы узнали, что терцы, совершив налет, отошли от города верст на 20.

После открытия нашего местопребывания в парке мы с боем оставили парк и к наступлению темноты заняли скаковой ипподром. Остаться на нем было немислимо, необходимо было расплыться и рассеяться по городу. Выслав разведку, я узнал, что все улицы перегорожены патрулями и пройти в город будет немислимо. Тогда я решил на последнее средство. Взяв знамя с надписью «Да здравствует Коммунистический Интернационал», развевавшееся над ипподромом, я, выстроив всю команду, с рассветом направился в город по главной улице (Сумской), причем при опросах, зная отзыв и пропуск, мы отвечали, что идет или Особый отряд или отряд особого назначения, или дежурный взвод, или сменившаяся с дежурства застава.

Войдя в центр города, я занял общежитие Университета, согнав в одну комнату всех живших там евреев-коммунистов-студентов, а сам с поручиком Скрипником и вольноопределяющимся В. Егоровым направился

в гостиницу «Лондон», где стоял отряд особого назначения, и, согнав в одну комнату около 80 бывших там красноармейцев, приказал пяти из них седлать для нас коней и запрячь подводу, на которой были уложены захваченные в отряде 27 кавалерийских пулеметов Шоша. Вызвав из Университета остальных офицеров, я со всем отрядом в 30 всадников направился из города с целью пробиться через фронт для соединения с частями Добровольческой армии, заявив представителям всех организаций, что считаю их все организации дутыми, а харьковское офицерство, благодаря тому, что все лучшее уже давно уехало на юг, а оставшееся вследствие шкурности, боязни ответственности в случае неудачи и пассивности — неспособным ни к каким смелым выступлениям. При этом я посоветовал им, если харьковское офицерство еще способно на какую-либо активность, при вступлении в город частей Добровольческой армии, заняв какие-нибудь дома, преимущественно на главных улицах, являющихся наиболее важными артериями при отходе большевиков, начать обстрел отходящих частей, преимущественно артиллерии.

Немедленно за нами была организована погоня в составе броневика «Артем» и 120—130 конных, которая промчалась мимо нас по соседней параллельной улице, увлекшись преследованием случайно проехавших кавалеристов-большевиков. Въехав в лес у Сокольников, что севернее Харькова, мы, благодаря знанию местности, пробрались по небольшим тропинкам в тыл большевикам, занимавшим позицию на высоте села Большая Даниловка, закопав в лесу 17 пулеметов.

Установив в тылу у курсантов и комендантской роты, занимавших эту позицию, 10 пулеметов, я приказал открыть огонь из них, произведя одновременно конную атаку 20 офицеров на один из флангов этой группы. Среди большевиков поднялась невообразимая паника, и в несколько минут они оставили позицию, скрывшись в лесу и бросив на поле боя до 20 убитых и раненых.

Проехав свободно через село, мы присоединились в селе Борщевка к частям 1-й Конной Терской дивизии, освободив по дороге одного пойманного крестьянами села Черкасские Тишки казака, расстреляв при этом местный исполнительный комитет — комбед.

Несмотря на то, что город уже был занят добровольцами<sup>15</sup>, большевики продолжали сидеть под Большой Даниловкой, собираясь уходить на Дергачи—Люботин. Атаковав их в конном строю при поддержке пулеметов,

я сбил их с позиции и обратил в бегство, потеряв при этой атаке четырех убитых и одного раненого.

Войдя в город, я присоединился к частям 3-й пехотной дивизии. После занятия города работа Центра продолжалась в деле контрразведки, причем офицерами Центра были задержаны и препровождены в распоряжение начальника летучего пункта Контрразведывательного отделения генерал-квартирмейстера Штаба Добровольческой армии полковника Щучкина до 300 видных большевиков, оставшихся в Харькове для подпольной работы.

В настоящее время штаб Центра в составе поручика Скрипникова, прапорщика Рыбака, штабс-капитана Писанко, прапорщика Макаренко и прапорщика Врублевского временно прикомандирован к Харьковскому контрразведывательному отделению. Остальные офицеры Центра под командой штабс-капитана Бедного составили кавалерийский отряд в составе двухсот коней, немедленно выступивший на фронт.

Вольноопределяющийся Макаров умер в Александровской больнице от заражения крови в день вступления в город частей Добровольческой армии.

*Начальник Харьковского Центра  
Разведывательного отделения  
Штаба Главнокомандующего  
Вооруженными Силами на Юге России  
Полковник ДВИГУБСКИЙ.*

<sup>1</sup> СКАЧКО Анатолий Евгеньевич (1879—1941) — военспец, бывший капитан (из офицеров военного времени), член партии большевиков с 1917 г.; с февраля 1919 г. командовал Группой войск харьковского направления, в апреле-мае 1919 г. — командующий 2-й Украинской советской армией, позднее служил на Юго-Восточном и Кавказском фронтах; репрессирован (ныне — реабилитирован).

<sup>2</sup> Речь идет о событиях 3—5 июля 1917 г., явившихся результатом очередного кризиса Временного правительства и вылившихся в 500-тысячные демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам!», причем активное участие в событиях принимали и вооруженные военные. В ходе столкновений в эти дни погибло 56 и ранено 560 человек.

<sup>3</sup> Венгерская Советская республика была провозглашена 8(21) марта 1919 г., а уже в апреле столкнулась с интервенцией румынских и чехословацких войск. Советская власть в Венгрии просуществовала до 19 июля (1 августа) 1919 г.

<sup>4</sup> **АНТОНОВ-ОВСЕНКО Владимир Александрович** (1883—1939) — один из наиболее крупных советских руководителей периода Октября и гражданской войны, член партии большевиков с июня 1917 г. (в РСДРП с 1903 г.); в январе-июне 1919 г. командовал Украинским фронтом, был членом Реввоенсовета Республики, Совета обороны УССР, позднее на различного рода административной, политической, дипломатической работе; репрессирован (ныне — реабилитирован).

<sup>5</sup> **ГИТТИС Владимир Михайлович** (1881—1938) — военспец, бывший полковник; в январе-июле 1919 г. командовал войсками Южного фронта, позднее — Западного и Кавказского фронтов, занимал различные командные должности; репрессирован (ныне — реабилитирован).

<sup>6</sup> **ТРОЦКИЙ (Бронштейн) Лев Давидович** (1879—1940) — один из вождей большевистской партии и Советского государства периода гражданской войны, член РСДРП(б) с августа 1917 г. (в социал-демократическом движении с 1897 г.); в 1918—1924 гг. наркомвоенмор и с сентября 1918 г. Председатель Реввоенсовета Республики, член Политбюро ЦК большевиков; позднее — на административно-хозяйственной работе; в 1929 г. выслан из страны; «ликвидирован» в Мексике секретным агентом НКВД СССР.

<sup>7</sup> Речь идет о правительстве Западно-Украинской республики, провозглашенной 19 октября (1 ноября) 1918 г. во Львове и включавшей территорию Восточной Галиции, Буковины и Закарпатья, ранее входившую в состав Австро-Венгрии. Парижская мирная конференция открылась 3(16) января 1919 г. с участием делегации этой республики, однако политическая независимость ее признана так и не была. Более того: конференция 13(26) июня 1919 г. официально уполномочила Польшу на занятие Восточной Галиции.

<sup>8</sup> **АРАЛОВ Семен Иванович** (1880—1969) — военспец, бывший штабс-капитан (из офицеров военного времени), член партии большевиков с 1918 г. (в социал-демократическом движении с 1903 г.), в описываемое время — член Реввоенсовета Республики, военком Полевого штаба РВСР, начальник Разведуправления Полевого штаба; позднее на различных должностях — военных, административных, дипломатических, научной работе.

<sup>9</sup> **ВАЦЕТИС Иоаким Иоакимович** (1873—1938) — военспец, бывший Генерального штаба полковник; в сентябре 1918 — июле 1919 гг. главнокомандующий Вооруженными Силами Республики, затем работал в РВСР, занимался военно-педагогической деятельностью; репрессирован (ныне — реабилитирован).

<sup>10</sup> **ПОДВОЙСКИЙ Николай Ильич** (1880—1948) — один из руководителей Октябрьского восстания в Петрограде; в РСДРП — с 1901 г.; в описываемое время

(до сентября 1919 г.) — член РВСР, председатель Высшей военной инспекции РККА, наркомвоенмор УССР; позднее на различных военно-административных должностях, партийной и советской работе.

<sup>11</sup> **МЕЖЛАУК Валерий Иванович** (1893—1938) — выпускник историко-филологического и юридического факультетов Харьковского университета, член партии большевиков с июля 1917 г. (в революционном движении с 1907 г.); в описываемое время — замнаркома по военным и морским делам УССР, позднее на различных командных, административных и политических должностях; репрессирован (ныне — реабилитирован).

<sup>12</sup> **МАХНО Нестор Иванович** (1889—1934) — один из руководителей крестьянского повстанческого движения периода гражданской войны, анархист. В феврале 1919 г. воинские части Махно вошли в состав 2-й Украинской Советской армии в качестве Заднепровской бригады, а затем 7-й Украинской дивизии, в марте-мае вели бои на участке Марнуполь—Волноваха, а 19 мая, будучи разбиты денikinцами бежали с фронта, выступив через 10 дней против Советской власти, за что 8 июня 1919 г. Махно и его приближенные были объявлены вне закона. В 1920 г. совместные действия с Красной армией против белогвардейцев возобновились. Умер в эмиграции.

<sup>13</sup> **КУТЕПОВ Александр Павлович** (1882—1930) — в 1917 г. полковник лейб-гвардии Преображенского полка, в описываемое время — генерал-лейтенант, командир I-го армейского корпуса Добровольческой армии, включавшего наиболее боеспособные войска; позднее — генерал от инфантерии, видный деятель белой эмиграции, с 1928 г. возглавлял Русский общевоинский союз, был похищен агентами ОГПУ СССР и вывезен на Родину, умер в пути близ Новороссийска.

<sup>14</sup> **ТОПОРКОВ Сергей Александрович** (1880—1931) — в 1917 г. в чине полковника командовал Татарским конным полком «Дикой дивизии». С 1918 г. на различных командных должностях в армиях Деникина и Врангеля, в описываемое время — генерал-майор. Позднее командовал 4-м Кубанским кавалерийским корпусом, сводным кавалерийским корпусом, был произведен в генерал-лейтенанты. Умер в эмиграции.

<sup>15</sup> Заслуга взятия Харькова в значительной степени принадлежала дроздовцам — воинам 2-го Офицерского стрелкового полка 3-й пехотной дивизии генерала Дроздовского. Вскоре после взятия Харькова полк этот был развернут в трехполковую (затем четырехполковую) дивизию, которая в октябре 1919 г. получила наименование 3-я стрелковая генерала Дроздовского дивизия.

---

В. А. ПОССЕ

# От Февраля до Бреста

## ВОСПОМИНАНИЯ

Имя Владимира Александровича Поссе (1864—1940), видного журналиста, издателя, деятеля революционного и кооперативного движений, в начале века с похвалой звучало из уст Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Бунина и других выдающихся современников, а ныне оказалось в забвении. Последнее издание Большой Советской энциклопедии дает биографическую справку лишь о его старшем брате, Константине Александровиче, академике-математике, да и то с ошибочным знаком ударения в фамилии на последний слог, чем придало ей несвойственное французское звучание.<sup>1</sup>

Бароны и графы Поссе известны в Швеции с XIV века. Русская ветвь их генеалогического древа произошла от плененного Петром I шведского офицера и не украшена титулом. Владимир Поссе родился 10 мая 1864 г. в новгородской усадьбе Петровское, между Боровичами и Угловкой, у нынешней железнодорожной станции Корсаковка. Его отец, Александр Федорович Поссе (1827—1867) — инженер, проектировал и строил железные дороги. Александр II за перестройку петербургского Почтамта пожаловал ему орден Св. Станислава 2-й степени с императорской короной. В последний год своей короткой жизни он был боровичским уездным предводителем дворянства. Мать, Елизавета Яковлевна, урожденная Козлянинова (1830—1904) — помещица, потомок петровского арапа А. П. Ганнибала. Младший из шесте-

---

<sup>1</sup> Подготовка текста Н. А. Поссе и В. Ю. Черняева, вступительная статья и комментарий В. Ю. Черняева.

рых детей, В. А. Поссе, с теплотой вспоминал домашнего учителя, студента-медика М. Е. Державина, затем арестованного за пропаганду среди рабочих. Именно он и привил юному дворянину интерес к науке, литературе и чувство неоплатного долга интеллигенции перед народом.

Судьба щедро дарила В. А. Поссе дружбу людей ярких талантов, но затем часто разводила по разные стороны. С отрочества был он близок с П. Б. Струве, чьи два старших брата женились на сестрах Поссе. В гимназии дружил с братьями Храповицкими. Один из них, Алексей, стал для Ф. М. Достоевского прообразом Алеши Карамазова, а в историю вошел митрополитом Антонием, выдающимся деятелем православия, стойким монархистом, почетным членом «Союза русского народа», первым главою эмигрантской Русской православной церкви. В Петербургском университете приятелями были В. В. Водовозов, братья С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, В. В. Смидович (В. Вересаев) и др.

Несправедливость и безнравственность звучали синонимом для народников-семидесятников. От них воспринял В. А. Поссе этическое требование социальной справедливости, веру в грядущий социализм как воплощение абсолютных нравственных принципов, нравственное возвышение народа. 17 ноября 1886 г. он был среди зачинщиков студенческой демонстрации у Волковского кладбища в память Н. А. Добролюбова, а 5 июля 1887 г., за знакомство с А. И. Ульяновым, М. В. Новорусским, братьями Болеславом и Юзефом Пилсудскими, причастными к подготовке убийства Александра III, был изгнан министром просвещения графом И. Д. Деляновым из университета и выслан из столицы без права жительства в университетских городах.<sup>2</sup>

Год спустя В. А. Поссе все же сдал экзамены на кандидата прав, но из-за тяжелой болезни первой жены, Александры Ивановны, решил стать врачом. Учился в Париже, Берне, Иене, Фрейбурге, пешком исходил Европу, печатая в России путевые очерки. Лето и осень 1892 г. он провел в самарской глуши, откуда доктора сбежали после «холерных бунтов». Свою медицинскую практику и жизнь там он описал в книге «На холере».<sup>3</sup> Она принесла литературную известность и похвалы Л. Н. Толстого и А. П. Чехова. Защитив во Фрейбурге докторскую диссертацию, В. А. Поссе стал лечить костромских крестьян и учил их детей, пока не возник конфликт с местными властями и духовенством.



В. А. Поссе с семьей в Лесном. Петроград, сер. 1910-х гг.  
Стоят — В. А. Поссе и сын Владимир, на стуле — жена  
Альма Николаевна, у её ног — сыновья Сергей  
(с петухом в руках) и Петр.  
Фото из архива Н. А. Поссе. Публикуется впервые.

**Переехав в Петербург, он стал пайщиком-учредителем известного книгоиздательского товарищества «Знание», редактором в нем книг по истории и социологии и членом редакций ряда журналов. В «Образовании» он оживил литературный отдел, в «Новом слове» вел иностран-**

ное обозрение и содействовал эволюции журнала от неонародничества к марксизму. За В. А. Поссе там появились П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков и под псевдонимами Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов, В. М. Чернов.

Журналистскую славу В. А. Поссе обрел в «Жизни». Этот журнал он возглавил в 1898 г. негласно, из-за своей политической неблагонадежности.<sup>4</sup> Энергия и завидный дар В. А. Поссе спланировать вокруг себя таланты преобразил занудный журнал для семейного чтения в популярное процветающее издание. Туда перешли марксистские авторы из закрытого цензурой «Нового слова» и печатались А. П. Чехов, И. А. Бунин, Л. Н. Андреев, К. Д. Бальмонт, З. Н. Гиппиус, В. Вересаев, Л. Украинка, Д. Н. Овсянко-Куликовский и в переводе — Г. Гауптман, К. Гамсун, Р. Киплинг и др. Именно В. А. Поссе открыл талант М. Горького, ввел молодого нижегородского писателя в литературные круги столицы, помог издать ему первую книгу.

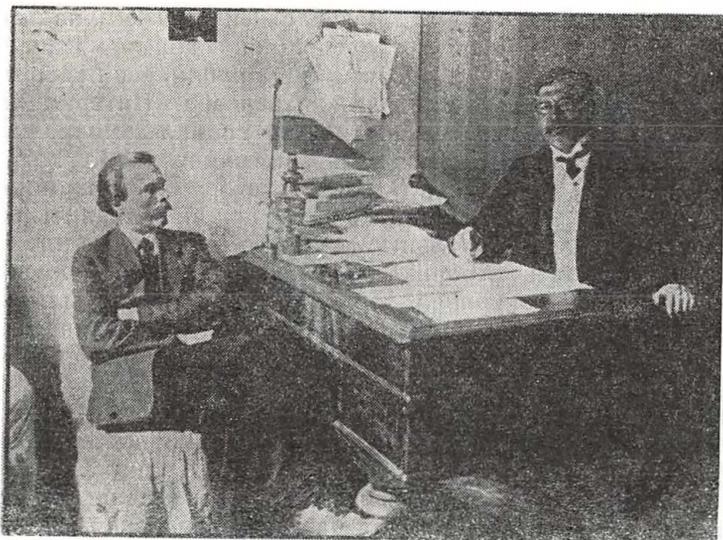
Цензурный меч смертельно сразил «Жизнь» после участия В. А. Поссе, М. Горького, К. Бальмонта и других жизненцев в студенческой демонстрации 4 марта 1901 г. у Казанского собора и в открытом письме протеста против зверского избияния ее полицией и казаками. Отбыв месяц в «Крестах» и Доме предварительного заключения, В. А. Поссе был выслан из столицы и решил эмигрировать, чтобы возродить «Жизнь» на вольном станке.

В Англии вокруг него сложилась Социал-демократическая организация «Жизнь»: В. Д. Бонч-Бруевич, супруги Г. А. и М. А. Куклины, старые жизненцы В. Я. Муринов и М. С. Ермолаев, толстовец князь Д. А. Хилков, один из основателей Латышской СДРП Ф. А. Розин, эсер журналист Д. М. Соскис (Сатурин) и др.<sup>5</sup> С организацией дружески сотрудничали заграничные представители ППС (Польской социалистической партии), Латышской СДРП, Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России «Бунд». Фонд Вольной русской прессы<sup>6</sup> дал свой шрифт, принадлежавший А. И. Герцену. Типография помещалась на окраине Лондона, контора редакции — в Латинском квартале Парижа, под крышей редакции журнала «Ле Мувман Соцьялист». Редактором избрали В. А. Поссе. На деньги Куклиных и А. Д. Высоцкого издали 8 номеров журнала «Жизнь», 12 «Листков Жизни», 20 брошюр. В них печатались члены организации, а также А. Бебель, К. Кауцкий, М. Вит-

тих, Э. Вандервельде, Л. Лагардель и другие западные социалисты; Г. Гауптман предоставил драму «Ткачи», О. Мирбо — рассказы; впервые был опубликован сделанный студентом А. Коцем русский перевод «Интернационала», ставший гимном российской социал-демократии; увидели свет присланные из России сочинения В. Г. Тан-Богораза, С. И. Гусева-Оренбургского, Г. А. Галиной (Эйнерлинг), К. С. Баранцевича и др.; предавались огласке саморазоблачительные секретные документы царизма; помещались «Хроника рабочих волнений и стачек», хроники революционной борьбы в царстве Польском, Латвии, деятельности «Бунда», сведения о политических узниках. С помощью сектантов-штундистов и старообрядцев-некрасовцев по заросшим камышом протокам Дуная и иными путями организация нелегально переправила в Россию более 120 пудов революционной литературы.

Стремление «Жизни» гасить раздор в российской социал-демократии вызывало раздражение групп «Освобождение труда» и «Искра». Г. В. Плеханов тайно науськивал В. И. Ленина третировать «Жизнь», но он не поддался, хотя и считал ее легкомысленной вертушкой. И все же оба плели интригу с целью овладеть деньгами Г. А. Куклина.<sup>7</sup>

В 1902 г. в Женеве Г. В. Плеханов обворожил В. А. Поссе, не ведавшего об интриге, и уговорил стать членом-учредителем Марксистского клуба. Сближение вскоре обернулось отходом В. А. Поссе от социал-демократии. Оттолкнула авторитарность ее российских вождей, их решимость после взятия власти лишить буржуазию избирательных прав, разогнать парламент, если его состав станет помехой, ограничить свободу слова и неприкосновенность личности. Г. В. Плеханов тогда даже сулил, следуя Робеспьеру, соорудить гильотину у Казанского собора для царя и его прислужников.<sup>8</sup> Однако В. А. Поссе видел в пролетарской революции средство нравственного обновления общества на началах свободы, а в Робеспьере — духовного отца Кавеньяка, Тьера и других буржуазных палачей пролетариата, и отвергал террор. Путь революции для него пролегал через неповиновение царской власти, всеобщую стачку рабочих, переход на их сторону армии и уничтожении воинской дисциплины, предоставление прав на национальное самоопределение Финляндии, Польше, Украине, Кавказу вплоть до отделения от России. И путь этот виделся без крови, казней и войн.<sup>9</sup>



В. А. Поссе в редакции журнала «Жизнь для всех». Петроград, середина 1910-х гг.  
Слева писатель А. И. Свирский. Фото из архива Н. А. Поссе.  
Публикуется впервые

Не сумев пустить корни в рабочем движении, «Жизнь» 22 декабря 1902 г. самораспустилась, часть ее влилась в РСДРП. В те трудные для В. А. Поссе дни произошел его разрыв с М. Горьким. Тот еще в России обещал приехать для участия в «Жизни», но потом сообщил, что не хочет «играть в Герцена». <sup>10</sup> А затем В. А. Поссе узнал о своем исключении из товарищества «Знание». Его не удовлетворило оправдательное письмо М. Горького, которого он считал другом, ввел в товарищество без пая, а теперь и свой пай должен был передать его жене, Е. П. Пешковой. 10 лет спустя из-за финансовых разногласий с Горьким порвал и другой учредитель «Знания», К. П. Пятницкий <sup>11</sup>. Время примирило трех бывших друзей, но не возродило их дружбы.

В Женеве В. А. Поссе с Г. А. Куклиным издавали «Библиотеку русского пролетария». Для нее В. А. Поссе перевел на русский язык «Женщину и социализм» А. Бебеля, «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и т. д. «Манифест» вдохновил В. А. Поссе на составление в 1903 г. «Проекта пролетарской программы». Веря, что развитие промышленности и со-

знательной классовой борьбы пролетариата, усиленного интеллигенцией, предопределяет смену капитализма социализмом, он развил собственную концепцию социализма. Она основывалась на идеях К. Маркса и Ф. Энгельса о безтоварном самоуправлении как идеальном будущем и князя П. А. Кропоткина о федерации вольных коммун с полной свободой их членов. Концепция предусматривала упразднение как классов, так и частной собственности на средства и продукты производства и ее передачу общинам, объединенным в федерацию областных и национальных союзов. Товарное производство, имевшее целью прибыль, заменялось общественным, для равного удовлетворения потребностей каждого, с обязательным минимумом труда. Устанавливались равноправие рас, полов, национальностей, вероисповеданий, свобода слова, печати, союзов, неприкосновенность личности и жилища, обязательное обучение в школе физическому и умственному труду. Награды, отличия, титулы отменялись. Брак становился свободным союзом, не требующим узаконения.

В пояснение «Проекта пролетарской программы» В. А. Поссе издал книгу «Теория и практика пролетарского социализма». <sup>12</sup> Ее распространение в России оказалось затруднено: припадением стала левая критика в ней социал-демократизма, а не анархо-коммунистическая утопичность. <sup>13</sup> Социальная утопия как идеология борьбы, хоть и в разной мере, но была присуща всем социалистическим партиям и группам России, и имела опору в той части общества, которая вместе с самодержавием отвергала капитализм.

Усилия большевиков овладеть имуществом Г. А. Кушлина увенчались успехом. В мае 1905 г. Г. А. Кушлин вступил в РСДРП. Все свои деньги, типографию, библиотеку-читальню он передал большевикам, и два года спустя умер в нищете от туберкулеза.

Когда Г. А. Гапон, имевший ореол героя 9 января, с помощью социал-демократов и эсеров снарядил пароход с оружием для питерских рабочих, В. А. Поссе сопровождал его в этой опасной нелегальной поездке. У финляндского берега 26 августа 1905 г. «Джон Графтон» сел на мель и был взорван, рабочим досталась лишь малая доля оружия. Видя авантюризм Гапона, отсутствие у него реальной поддержки в столице, В. А. Поссе вернулся за рубеж. Вскоре царский Манифест 17 октября 1905 г. открыл возможность легальной деятельности в России.

Революция 1905 г. ускорила развитие кооперации как альтернативы капиталистическому производству. Принципом кооперации тогда было насыщение потребностей своих членов, удешевление им жизни, а не выжимание максимальной прибыли. К 1917 г. Россия стала самой кооперативной страной. Идея рабочей кооперации как пути овладения рабочими хозяйственной жизнью России вдохновила В. А. Поссе на создание в Петербурге летом 1906 г. потребительского кооператива «Трудовой союз».<sup>14</sup> Им руководили жизненцы М. С. Ермолаев и М. А. Куклина, синдикалист А. С. Токарев, рабочие А. Е. Карелин, И. К. Кобылянский, П. Е. Королев, меньшевик М. Л. Хейсин, большевики Н. А. Скрыпник и Р. М. Малиновский и др. Последний оказался провокатором. «Трудовой союз» не только наладил булочное производство, снабжение своих членов продуктами, одеждой, обувью, но и дал крышу для деятельности революционных партий. К октябрю 1907 г. в «союзе» было 8,5 тыс. членов, 5 пекарен, 19 лавок, вышло 8 номеров журнала «Трудовой союз» под редакцией В. А. Поссе. Журнал был посвящен кооперации.

Кооператив снижал цены, чем и разъярил торговцев. Они засыпали полицию доносами, и им удалось так вызвать убытки и раздоры. Газета черносотенцев «Русское знамя» обвиняла правление «союза» в стремлении «заменить собою разбойничий Совет рабочих депутатов», который уже был разгромлен, и толкнуть «послушных рабочих на бойню», дабы «кровью и злобой между собою христиан добиться еврейского равноправия».<sup>15</sup> Следователь Охранки Н. Н. Жеденов выявил популярность среди рабочих коммунистических идей В. А. Поссе, лекций, с которыми он ездил по России. Вывод Жеденова гласил: от «Трудового союза» можно ожидать что угодно, «от мирной пропаганды до военного мятежа, вооруженного восстания и отдельных террористических убийств включительно».<sup>16</sup> Конечно, это было профессиональное нагнетание страхов, но министр внутренних дел П. А. Столыпин воспользовался своим правом закрыть без объяснений кооператив.

С декабря 1909 г. В. А. Поссе издавал «Жизнь для всех». В журнале печатались Л. Н. Толстой, Е. Н. Чириков, М. Горький, А. С. Неверов, И. Г. Эренбург, в политическом отделе — М. В. Новорусский, социал-демократы А. П. Пинкевич (Бельский), В. О. Цедербаум (Левицкий), Ф. А. Липкин (Череванин), рабочий отдел вел до своего ареста А. К. Гастев (Зорин), беседы о са-

мообразовании — Н. А. Рубакин, об искусстве — И. Е. Репин. Цензура преследовала печатное слово В. А. Поссе. Арестованы и уничтожены многие номера издаваемой им в 1906—1913 гг. «Библиотеки рабочего». Власть раздражали его статьи, выступления на I Всероссийском кооперативном съезде, I Всероссийском съезде по борьбе с пьянством, II Всероссийском съезде имени Ушинского представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания. Вместе с А. Ф. Кони, Н. О. Лосским, Л. И. Петражицким он преподавал рабочим в Петербургском народном университете.<sup>17</sup>

Оратора В. А. Поссе отличали удачные экскурсии в историю, литературу, философию, этнографию, меткие цитаты, приемы речи, характерные для адвокатов и актеров. Он имел успех у разношерстной публики, особенно у молодежи. Писатель Варлам Шаламов мальчиком слышал лекцию В. А. Поссе «В чем смысл жизни?», и он запомнился как один из праведников XIX столетия: «Поссе был седой краснощекий старик в вельветовой куртке, размахивающий короткими руками над затаившим дыхание залом женской гимназии. Дорог для утверждения добра Поссе предлагал очень много, слишком много для такого юного догматика, каким был я».<sup>18</sup>

За осуждение развязывания мировой войны министр внутренних дел Н. А. Маклаков 29 сентября 1914 г. запретил В. А. Поссе публичные выступления, указав, что тот «допускает восхваление немцев, возбуждает вражду [к] союзникам».<sup>19</sup> Запрет сняли лишь в конце 1916 г.

Февральская революция застигла В. А. Поссе на Урале, за чтением лекций. 1 марта он вернулся в Петроград и, рассчитывая на журналистские связи и личное знакомство с руководителями Петроградского Совета, решил включиться в принятие ими политических решений. Что из этого вышло, читатель узнает из публикуемых нами воспоминаний. Добавим лишь о документах тех дней, бережно хранимых в архиве Н. А. Поссе. Они возвращают к встречам В. А. Поссе в редакции «Известий Петроградского Совета», на Лиговской улице, 111, с уполномоченным Исполкома Совета В. Д. Бонч-Бруевичем, поскольку им составлены и подписаны. Это постоянный пропуск В. А. Поссе в типографию «Известий» от 3 марта и удостоверение № 83 от 7 марта на право беспрепятственного входа в Таврический дворец. Оба документа на бланке «Известий», как и третий, проливающий дополнительный свет на характер поездки В. А. Поссе на юг:

«7 марта 1917

Предъявитель этого удостоверения Владимир Александрович Поссе едет в гор. Харьков для разъяснения гражданам значения революционных событий, низвергнувших Николая II, и для призыва граждан поддерживать Временное Правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов.

Гражданин Поссе везет с собой издания Совета рабочих и солдатских депутатов для распространения их в провинции.

Уполномоченный Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов просит оказать гражданину Поссе содействие в получении билета прямого сообщения до Харькова, в вагоне беспересадочного движения.

Уполномоченный Исполнительного Комитета  
Влад. Бонч-Бруевич».

Весною 1917 г. В. А. Поссе создал «Союз имущественного и трудового равенства» (СИТР), к октябрю именованный также Коммунистической партией. Его программа — это переработанный В. А. Поссе «Проект пролетарской программы» 1903 г. и, как отмечал он, с неизбежными уступками «собственническому предрассудку трудящейся массы»: предлагалось вознаграждение за отчуждаемое имущество. В уставе СИТР целью объявлялась борьба «во имя замены общественного строя насилия и наживы общественным строем братства и радостной жизни всех и каждого.<sup>20</sup> Его членов объединяли коммунистические идеалы и антимилитаристский интернационализм, стремление прекратить войну. Как и большевикам, им свойственны были упрощенные, утопичные представления о возможности выхода России из войны. В. А. Поссе полагал, что одностороннее разоружение России вызовет разоружение во всем мире.<sup>21</sup> Он открыто осуждал оборончество и по терминологии оборонцев являлся пораженцем, считая: «Лучше германский мир, чем английская, американская или японская война». В войне и оборончестве он видел «моральную и физическую гибель русского народа».<sup>22</sup> Это «пораженчество» оттолкнуло от него брата и многих старых знакомых, но сблизило с М. Горьким. «Жизнь для всех» напечатала антивоенное воззвание М. Горького «Несчастные, пожалейте себя!»<sup>23</sup> События 3—5 июля вновь круто развели их пути. Раскрывая прототипов Клима Самгина, М. Горький позд-

нее назвал В. А. Поссе, И. А. Бунина и кадета В. А. Маклакова.<sup>24</sup>

Однако В. А. Поссе не был сторонним наблюдателем хода истории. В июле он выступал в Москве с лекцией «Три значительных человека нашего времени: П. Н. Милюков, А. Ф. Керенский, В. И. Ленин» и вызвал бурное негодование публики, назвав Ленина крупнейшей фигурой современности. Слушательница Р. Вихирева вспоминала: «Тон профессора был серьезный и очень уважительный. Я тогда не осознавала, каким мужественным поступком было в те дни выступление профессора Поссе: ведь Ленин был уже объявлен вне закона и должен был скрываться в подполье».<sup>25</sup> Как и прежде, В. А. Поссе не подстраивался под публику и это, как увидит читатель его воспоминаний, порою едва не кончалось самосудом.

Мемуары, особенно рассчитанные на публикацию, всегда несут отпечаток времени и места создания. В начале 1930-х гг. В. А. Поссе затушевывал преграды, отделявшие его, убежденного коммуниста, от партии большевиков, и не дал внятного объяснения причин, мешавших ему принять в ноябре 1917 г. предложение Л. Д. Троцкого и И. А. Залкинда стать сотрудником Наркомата иностранных дел.

В те дни В. А. Поссе разработал примерный устав артелей и коммун для СИТР, который видел задачу дня в их создании на селе совместно с Всероссийским союзом рабочих и крестьян, чья деятельность — белое пятно в историографии. Для разговора об этом деле В. А. Поссе с начала ноября пытался добиться приема у В. И. Ленина в Смольном. Однако вождь большевиков, по свидетельству одной из его секретарш, Марии Скрыпник, дочери Н. А. Скрыпника, уклонялся от встречи.<sup>26</sup> Она состоялась лишь в апреле 1918 г., уже в Кремле. В. И. Ленин поручил А. И. Рыкову и С. П. Середе изучить проект коммун. В. А. Поссе возглавил Отдел коллективных хозяйств Наркомата земледелия, но после поездки по губерниям и знакомства с местными руководителями земельных комитетов сложил обязанности, заявив, что на этом посту нужен специалист-аграрник. Но истинные причины были глубже. В неопубликованной статье тех дней он писал о всевозможных паразитах, заполнивших советские учреждения, о «новых станových и жандармах, которые, прикрываясь коммунизмом и опираясь на вооруженную силу, истязают трудовую крестьянскую массу».<sup>27</sup>

В августе 1918 г. в вагоне дипломатической миссии

В. А. Поссе уехал на оккупированную немцами Украину. Там, за идеи этического коммунизма он попал в тюрьму при Скоропадском, сидел сначала в Одессе, затем в Полтаве — даже подозревали в нем тайного народного комиссара. В Москву он вернулся в конце 1919 г.

Человек высокой идеи, совершенно чуждый карьерных устремлений, он не стремился извлечь выгоды из своих революционных заслуг и работал в детских домах, читал лекции на Высших кооперативных курсах, «афишные» (платные) лекции и бесплатные в клубах, школах, казармах, выступал на диспутах. Ближайшим помощником, секретарем, организатором лекций стала его жена, Нина Александровна, уроженная Шефтель, дочь видного деятеля Киевской городской думы. «Верю в силу разума, совести и твоей любви», — так в 1920 г. написал он в подарок ей свою книгу «В свете разума и совести». и твоей любви», — так в 1920 г. написал он в подарок ей свою книгу «В свете разума и совести». Хрупкая, красивая девушка, окончившая с золотой медалью классическую гимназию, училась на юридическом факультете Киевского университета, до его закрытия, и курсах художественного слова при Театральном училище. Она воспитывала младших сына и дочь В. А. Поссе и на его лекциях выступала с чтением литературных произведений.

При входе слушатели лекции получали листовку «В. А. Поссе: Советы разума и совести». Вот некоторые из этих советов: «Создавай себе свободу на свободе всех и каждого... Уважай творящих добро, но ни перед кем не преклоняйся, ибо преклонение унижает и тебя, и того, перед кем ты преклоняешься... Напоминай людям, особенно детям, то хорошее, что они сделали, и то радостное, что они пережили, а не вгоняй в их душу, как гвозди, упреки и упоминания о худом и горестном... Трудись в физически, и умственно, стараясь произвести больше, чем ты потребляешь...»

Война, революция и террор обесценили жизнь и притупили нравственное чувство народа. «Революционная этика» большевиков служила интересам классовой борьбы, нацеленной на создание несовершенным человеком совершенного общества. В. А. Поссе, напротив, стремился в несовершенном обществе создать совершенного человека, внушая свойственное передовой российской интеллигенции стремление к абсолютным моральным ценностям, соединявшее разум с совестью для достижения всеобщей справедливости. В идеале видел он двигатель

прогресса: «Без идеала действительность лишь процесс, с идеалом она прогресс», в нем «собраны наиболее здоровые и крепкие элементы действительности, взятые в их дальнейшем развитии». И, «чем ярче свет идеала, тем скорее движется действительность».<sup>28</sup> Соответственно и люди для него делились на нравственных — чья жизнь совпадает с действительностью, безнравственных — отстающих от действительности, и идеалистов — ее опережающих, живущих для будущего и испытывающих муки его рождения.

Таковыми идеалистами были последователи В. А. Поссе. Они создавали в Петрограде, Москве, Воронеже, Киеве, Одессе «Союзы разума и совести» и пытались в своих ячейках осуществлять коммунизм. Но их утопическая энергия не выдерживала испытаний государственного «военного коммунизма» и НЭПа. Ячейки быстро распались.

В 1923 г. питерское издательство «Мысль» выпустило «Воспоминания В. А. Поссе (1905—1917 гг.)». Они охватывали дофевральский период. Официальная реакция была кислой. Рецензент В. Алексеев в журнале «Каторга и ссылка» упрекал В. А. Поссе за то, что он «ко всем относится критически, от всех отгораживается», и угрожающе спрашивал: «С кем он и за кого?»<sup>29</sup>

Зимой 1924 г. в Твери, сидя в гостинице со сломанной ногой, В. А. Поссе поддался на уговоры Нины Александровны продолжить работу над воспоминаниями. Он диктовал ей по памяти. Многие рукописи и документы погибли в огне гражданской войны. Расширенный вариант воспоминаний «Мой жизненный путь: дореволюционный период (1864—1917 гг.)» увидел свет в 1929 г. в издательстве «Земля и фабрика». В предисловии к ней видный большевик и историк революции В. И. Невский писал о В. А. Поссе: «Он много видел и знает. Он много действовал, страдал, любил и ненавидел, он шел вместе с трудящимися, но он шел как типичный русский интеллигент, приемлющий и Толстого и Кропоткина, берущий у Плеханова и у анархистов, поклоняющийся Марксу и его противникам».<sup>30</sup> Горячо приветствовал выход книги меньшевик, историк Б. И. Николаевский, также отметивший в «Каторге и ссылке» стремление В. А. Поссе «любить» в политике многое и многих», его тяготение к анархо-синдикализму и мирному культурно-научному анархизму.<sup>31</sup>

«Искренне радуясь успеху Ваших воспоминаний...» — писал из Лозанны 21 мая 1930 г. Н. А. Рубакин, — Чрез-

вычайно жалею о том, что конца Ваших воспоминаний не появилось». <sup>32</sup> И В. А. Поссе продолжил работу, расширяя панораму событий и лиц, предельно самораскрываясь в личной жизни. В 1933 г. в кооперативном «Издательстве писателей в Ленинграде» вышел первый том книги «Пережитое и продуманное» — «Молодость (1864 — 1894)». Тогда же, по просьбе В. Д. Бонч-Бруевича, директора Института мировой литературы им. М. Горького, В. А. Поссе передал в архив института 237 писем к нему А. П. Чехова, Л. Н. Андреева, Г. Гауптмана и других писателей.

Последние годы жизни В. А. Поссе были отмечены знаками признания его заслуг: с 1930 г. он персональный пенсионер РСФСР, с 1934 г. — СССР, в 1937 г. получил квартиру в Доме специалистов на Лесном проспекте, где соседями стали ученые, художники, артисты, писатели, среди которых старый знакомый А. И. Куприн. Внешне все было благополучно, но прекратились публикации воспоминаний и в 1937 г. — «афишные» лекции, где давно запрещалось даже произносить слово «душа». Слабело здоровье. Последнее выступление состоялось 22 октября 1938 г. по приглашению шахматиста М. М. Ботвинника в Клубе ученых в Лесном на вечере памяти Л. Н. Толстого. В тот год в Минске репрессировали любимого сына В. А. Поссе, Сергея, руководителя местного Истпарта. Он умер в тюрьме от избиений на допросах. Близкие скрыли это от отца, опасаясь за его жизнь. 21 октября 1940 г. Владимир Александрович скончался. Похоронили его на Лютеранском отделении Волковского кладбища, рядом с второй супругой и товарищем по борьбе Альмой Николаевной Борман (сестрой главы Товарищества «Жорж Борман»), умершей в 1919 г.

Восхищение вызывает самоотверженность Нины Александровны Поссе, посвятившей жизнь сохранению памяти мужа. В блокаду Ленинграда она сберегла его рукописи, документы, фотографии, письма, афиши лекций, журналы и книги. В часы воздушной тревоги она уносила в бомбоубежище чемоданчик с ценнейшей частью архива. Были там и письма А. Бебеля, К. Каутского, Н. А. Рубакина. Их она передала в 1958 г. в Институт русской литературы (Пушкинский дом). Ныне Нина Александровна — пенсионер, ветеран Союза театральных деятелей. В этом году ей исполняется 90 лет.

Издательство «Художественная литература» на исходе хрущевской оттепели готовило переиздание первого

тома «Пережитого и продуманного» В. А. Поссе, но в брежневские годы рукопись легла в архив. Читатель не видел полного текста этих воспоминаний, «Литературные портреты» и другие сочинения В. А. Поссе, ярко отразившие тернистый путь российского интеллигента в поисках истины.

Предлагаем вашему вниманию часть неопубликованного второго тома воспоминаний В. А. Поссе «Мой жизненный путь». Его рукопись хранится в личном архиве Н. А. Поссе и представляет собою машинопись с рукописной, чернилами, правкой и вставками, сделанными рукой В. А. Поссе, а также под его диктовку Н. А. Поссе. Большой объем рукописи и ограниченные возможности альманаха вынуждали прибегнуть к сокращениям за счет второстепенных эпизодов, статей В. А. Поссе и программных документов Союза имущественного и трудового равенства, которые в оригинале включены почти полностью, но были уже опубликованы в 1917 г., а также описания событий с чужих слов, грешащие неточностями. Все сокращения не носят тенденциозного смыслового характера и не искажают общее представление о воспоминаниях В. А. Поссе. В публикации все сокращения отмечены знаком (...). Подзаголовок публикации дан нами.

Надеемся, что знакомство читателя с ранее неизвестными воспоминаниями В. А. Поссе расширит представления и знания об участии интеллигенции в революции и поможет возрождению в памяти общества незаслуженно забытого имени.

<sup>1</sup> Некоторые историки журналистики даже ссылаются на отсутствие в Большой советской энциклопедии статьи о В. А. Поссе в доказательство якобы незначительности его личности и деятельности. См.: Карлова Т. С. К. Чуковский — журналист и литературный критик. Казань, 1988. С. 118. Подробнее о К. А. Поссе — примечание «60» к воспоминаниям.

<sup>2</sup> ЦГИАЛ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 7403. Л. 1—4; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Дополнительный т. 2. СПб., 1906. С. 462; Поссе В. А. Мой жизненный путь: дореволюционный период (1864—1917 гг.). М.; Л., 1929. С. 39—44.

<sup>3</sup> На холере. М., 1896. 111 с.

<sup>4</sup> Литературоведы часто приписывают главную роль в «Жизни» М. Горькому, но он не мог ее играть уже потому, что за время издания журнала лишь дважды побывал в Петербурге и пробыл там в общей сложности полтора месяца: 29 сентября — 22 октября 1899 г. и 19 февраля — 8 марта 1901 г. — Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. I. 1888—1907.

М., 1958. С. 246—249, 300—304. Бездоказательны и попытки объяснить закрытие «Жизни» революционной деятельностью М. Горького либо опубликованием в ней его «Песни о Буревестнике». — См. например: Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964. Стлб. 937. «Не та или другая статья повела к каре, а факт ареста многих сотрудников этого журнала в апреле этого года» — Искра. 1901. № 6. Журнал был закрыт 8 июня 1901 г. по решению совещания четырех министров — Д. С. Сипягина, К. П. Победоносцева, Н. В. Муравьева и П. С. Ванновского. — ЦГИА СССР. Ф. 776. Оп. 1. Д. 34. Л. 9—15.

<sup>5</sup> Подробнее см.: Черняев В. Ю. «Хроника рабочих волнений и стачек» нелегального журнала «Жизнь» и ее создатели Г. А. Куклин и В. А. Поссе // Рабочее движение в России 1895—1904 гг. Сб. статей и материалов. М., 1988. С. 170—195.

<sup>6</sup> Фонд Вольной русской прессы основан в 1891 г. в Лондоне С. М. Степняком-Кравчинским, Н. В. Чайковским, Л. Э. Шишко, Ф. В. Волховским и М. Войничем (И. Кильчевским). Издавал и распространял в России сочинения А. И. Герцена, С. М. Степняка-Кравчинского, В. Г. Короленко, Г. В. Плеханова, В. Засулич, переводы К. Маркса и Ф. Энгельса, и многое другое. Выпускал «Летучие листки». В 1901 г. прекратил деятельность.

<sup>7</sup> Ленинский сборник. Т. 3. М.; Л., 1925. С. 440; Там же. Т. 4. С. 212; Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 46. С. 214, 239, 249, 260—261; Черняев В. Ю. «Хроника...» С. 185—187.

<sup>8</sup> Воспоминания В. А. Поссе (1905—1917 гг.). Пг., 1923. Имеется в виду выступление Г. В. Плеханова в женевском зале «Хандверк» 31 октября 1902 г. в прениях по реферату В. И. Ленина «На современные темы. (Отношения с.д. и с.р.)». — Владимир Ильич Ленин. Биограф. хроника. Т. 1. М., 1970. С. 414.

<sup>9</sup> Куклин Г. А. Идеи «Жизни». Страница из истории революционной печати. Женева, 1904. С. 20—23.

<sup>10</sup> Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 28. М., 1954. С. 231.

<sup>11</sup> Подробнее см.: Черняев В. Ю. «Хроника...» С. 177—178, 194.

<sup>12</sup> Поссе В. А. Теория и практика пролетарского социализма. Женева, 1905. 951 с.

<sup>13</sup> «Я сознаю теперь, что в этих предвидениях было много утопического, но моя утопия была утопией коммунистической...» — Поссе В. А. Мой жизненный путь. С. 333.

<sup>14</sup> О деятельности «Трудового союза» см.: ЦГИАЛ. Ф. 569. Оп. 13. Д. 22 г; Поссе В. А. Мой жизненный путь. С. 427—440. Историк анархизма С. Н. Канев считает В. А. Поссе одним из идеологов анархо-синдикализма и видит в «Трудовом союзе» стремление Поссе соединить синдикализм с кооперативным движением. — Канев С. Н. Революция и анархизм. Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840—1917 гг.). М., 1987. С. 233. К. Бал-

дни определяет идеи В. А. Поссе как кооперативный реформизм.— Балдин К. «Трудовой союз» // Ленинградская панорама. 1990. № 8. С. 32. На наш взгляд, деятельность В. А. Поссе в «Трудовом союзе» протекала в развитии идей его «Проекта пролетарской программы» 1903 г.

<sup>15</sup> Русское знамя. 1907. 30 июня.

<sup>16</sup> ЦГИАЛ. Ф. 569. Оп. 13. Д. 22 г. Л. 510. Жеденов Николай Николаевич был не только чиновником Охранного отделения, но и видным черносотенцем: председателем общества «Изучение Иудейского племени», которое заявляло своей целью «всестороннее изучение всех вредных качеств этого племени, его злокачественной религии и внутренних законов»; и издателем газеты «Гроза».

<sup>17</sup> Лейкина - Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 70.

<sup>18</sup> Шаламов В. Четвертая Вологда // Наше наследие. 1988. № 3. С. 60.

<sup>19</sup> Циркулярная телеграмма министра внутренних дел Н. А. Маклакова губернаторам от 29 сентября 1914 г. № 91 // ЦГИАЛ. Ф. 569. Оп. 13. Д. 22а. Л. 88.

<sup>20</sup> Поссе В. А. От капитализма к коммунизму. Пг., 1917. С. 55, 57, 63.

<sup>21</sup> Поссе В. Воевать ли России с Германией // Жизнь для всех. 1917. № 5 (май). С. 609.

<sup>22</sup> Поссе В. Совесть и власть. Война и мир // Там же. № 7—9 (июль-сентябрь). С. 609.

<sup>23</sup> Жизнь для всех. 1917. № 4 (май). С. 531—534.

<sup>24</sup> М. Горький — И. А. Груздеву, 18—19 февраля 1930, Сорренто // Переписка М. Горького. Т. 2. М., 1986. С. 290.

<sup>25</sup> Вихирева Р. Как я училась политграмоте // Комсомольская правда. 1987. 23 октября.

<sup>26</sup> Скрыпник М. Воспоминания об Ильиче (1917—1918). М., 1965. С. 19. Первым поручением В. И. Ленина М. Н. Скрыпник было переговорить по телефону с В. А. Поссе и выяснить, «нет ли тут пустой фантазии». «В его присутствии я свободно вела разговор с Поссе. Присутствие Ильича не стесняло, наоборот, заставляло быстро соображать и деловито ставить вопросы». (Там же. С. 19—20).

<sup>27</sup> Поссе В. А. Четыре пути в коммунистический строй // Архив Н. А. Поссе.

<sup>28</sup> Поссе В. А. Идеалы кооперации. Пг., 1918. С. 3—4.

<sup>29</sup> Каторга и ссылка. 1923. Кн. 7. С. 296.

<sup>30</sup> Поссе В. А. Мой жизненный путь. С. III.

<sup>31</sup> Каторга и ссылка. 1930. Кн. 2(63). С. 194—196.

<sup>32</sup> Архив Н. А. Поссе.

## 1917 ГОД: ОТ ФЕВРАЛЯ ДО БРЕСТА

У «Жизни для всех», основанной мною в 1909 году, были связи с социал-демократическими организациями Петрограда. Один из социал-демократических подпольщиков, живший по паспорту Василия Андреевича Ан-

древа, служил в нашей конторе. В редакцию часто заходили партийные и просто сознательные рабочие. Для нас уже в конце 1916 года было ясно, что революционное выступление петроградского пролетариата неизбежно в ближайшие месяцы. Хотелось знать, как настроена провинция. Воспользовавшись отменой запрещения читать лекции, я в январе 1917 года отправился в лекционную поездку. Прочел несколько лекций в Москве, где мои лекции были под запретом со времени «крамольной» речи на первом кооперативном съезде<sup>1</sup>, т. е. в течение 9 лет. Прочел несколько лекций в Воронеже, а затем отправился на Урал. В Перми присутствовал на кооперативном съезде северо-восточных губерний<sup>2</sup>. На закрытом заседании произнес речь, в которой, в ответ на упреки Петрограду за его оторванность от жизни России, я высказал уверенность, что не сегодня-завтра Петроград перевернет жизнь всей России. Мое предсказание было выслушано с ироническим смехом.

Из Перми поехал в Екатеринбург, где мои лекции устраивала редакция одной из местных газет<sup>3</sup>. Мои первые лекции обратили на себя подозрительное внимание местной власти, и ответственный устроитель их просил меня, чтобы я последнюю лекцию на тему «Душа мужчины», назначенную на 25 февраля, прочел возможно осторожнее, во избежание повторения сарапульской истории<sup>4</sup>.

В Екатеринбург в этот день начали долетать первые неясные слухи о петроградских событиях. Перед лекцией я зашел в аптеку, чтобы купить какое-то лекарство. Аптекарь, бывавший на моих лекциях, отпуская лекарство, таинственным шепотом спросил меня:

— А вы знаете, что творится в вашем Петрограде?

Я давно заметил, что провинциальные аптекари обыкновенно хорошо осведомлены не только о том, что творится в их городе, но и о том, что творится в центре.

Насторожившись, я спросил:

— А что, забастовка?

— Нет, почище. Восстание, а может быть, и революция.

Взволнованный этим сообщением, я отправился читать лекцию. На лекцию явились полицейские и жандармские чины. Но я с ними уже не считался. Во время перерыва, толкаясь среди публики, я заметил, что два жандармских офицера растерянно суетились, бегали к телефону, перешептывались и, сталкиваясь со мной, слегка сгибались, как бы желая поклониться.

Лекцию на тему «Душа мужчины» я обыкновенно заканчивал анализом эволюции Фауста. На этот раз я

с особенным подъемом говорил об ослепленных властителях и о последнем видении Фауста, которое заставило его воскликнуть: «Прекрасное мгновенье, остановись!». Говорил о «свободном народе на свободной земле», где каждый упорно и смелою борьбой «умеет отстоять и жизнь, и свободу».

Лекция закончилась овацией, полицейские и жандармы куда-то скрылись, меня откружила группа молодежи, и мы долго ходили по темным, пустынным улицам Екатеринбургa, делясь надеждами и сомнениями о результатах начавшейся великой борьбы.

Из этой молодежи мне особенно памятна дочь уральского рабочего в одежде сестры милосердия, которую товарищи звали Миркой. Здоровая, румяная, весело улыбающаяся большим ртом с белыми крепкими зубами, она была сама жизнерадостность. Уверяла, что не понимает, как может человек чувствовать себя несчастным, впадать хоть на минуту в уныние. Вся дальнейшая жизнь представлялась ей какой-то праздничной борьбой. Собираясь ехать на фронт, она думала не об ужасах войны, не о муках больных и раненых, а о радости смягчать страдание и будить сознание. Мирка утром 26-го пришла провожать меня на вокзал. И я уезжал с чувством зависти к ее молодости, здоровью, жизнерадостности.

Через несколько месяцев после этого я узнал, что она по дороге на фронт заболела и долго пролежала в одном из киевских госпиталей. После болезни у ней сделался паралич обеих ног, и она двигалась с помощью костылей. В 1920 году я встретился с ней в Москве. Она не только не жаловалась на свою судьбу, но продолжала утверждать, что прекрасное есть жизнь. Но в улыбке ее было что-то скорбное, в больших добрых глазах — затаенная печаль.

Поезд мчался к революционному Петрограду<sup>5</sup>. В Вятке навстречу ему из вокзала неслось громкое ура. Телеграфист читал только что полученную телеграмму о переходе войск на сторону народа. В Вологде наш поезд встретился с поездом, идущим из Петрограда. Я вышел пообедать. Вокзал был переполнен пассажирами двух поездов. Рядом со мной сел какой-то помещик, бежавший из Петрограда в свою деревню. От избытка переживаний ему хотелось говорить и рассказать все, что он видел, но он как будто чего-то боялся, наклонялся ко мне и говорил шепотом:

— Если бы вы знали, какой это ужас! Трещат пуле-

меты, стонут раненые, трамваи не ходят, извозчиков нет, громяхают грузовики с вооруженными людьми. Не поют, а дико кричат, полицейских ловят, убивают, офицеров разоружают. Пожары. Когда мы с женой пробирались по Литейной, таща на салазках свой багаж, пылал Окружной суд. Этого не усмиришь. Монархия погибла. Как-то будет, что-то будет?! Эх, только бы мира не заключали, только бы в кабалу немцам не попасть.

— Эх, только бы мир заключили,— подумал я в ответ на это помещичье описание февральских дней.

После Вологды все пассажиры познакомились и сблизились друг с другом. Началась общая оживленная беседа о великих грозных событиях. Настроение было приподнятое. Не нашлось ни одного человека, который не выражал бы своей радости по поводу краха старой власти. (...) На станции Мга<sup>6</sup> по вагонам прошел отряд солдат с красным флагом и обезоружил ехавших в поезде офицеров. Тут же, на полотне железной дороги, устроен был летучий митинг, на котором один из солдат рассказывал о петроградских событиях, добавив, что темные силы реакции сломлены, но продолжают оказывать сопротивление, так что нужно быть начеку.

В Петрограде в вагон вбежало несколько подростков, предлагая свои услуги донести до квартиры вещи. Ни носильщиков, ни извозчиков не было. Мой чемодан подхватил прыткий мальчуган лет 14—15. Не дожидаясь моих вопросов, он, немножко запинаясь, торопливо стал вырасывать сенсационные новости, перемешивая быль с небылицей. (...)

С вокзала я направился прямо в редакцию<sup>7</sup>. Настроение у моего заместителя Черкасова<sup>8</sup>, сотрудников и служащих было ликующее. В решающие дни наша редакция была одним из сборных пунктов для восставшего народа. В «Жизнь для всех» приходили отогреться и покурить.

Из редакции я направился в Государственную думу, которая была тогда центром революции. К ней двигались войска, перешедшие на сторону народа; сюда же мчались автомобили с арестованными сановниками. Сановников конвоировали матросы, лихо прицепившиеся к автомобилям и грозно направляющие приподнятые револьверы.

В Екатерининской зале<sup>9</sup> гудела серая толпа солдат с винтовками в руках. Представители различных партий агитировали между ними. От умеренных и патриотов солдаты злобно отворачивались. Никакого царя не хо-

тели. «Нам теперь от царей пощады не ждуть, ни к чему нам и царский род щадить»,— отвечали солдаты тем, которые советовали заменить Николая Михаилом. Особенно сочувственно прислушивались к речам о немедленном мире. Интересовались «землей», перейдет ли к крестьянам? Иные записывали каракулями на клочках бумаги особенно полюбившиеся обещания агитаторов.

Среди агитаторов попадались и шептуны, пускавшие ядовитые намеки, что беспорядки устроили германские агенты и жида. Особенно гнусно держался сын «бабушки революции», сотрудник «Биржевки» Н. Н. Брешко-Брешковский, одетый «земгусаром»<sup>10</sup>.

— Стыдитесь! — крикнул я.— Что бы сказала ваша мать, если бы услышала ваши гнусные речи?!

— Моя мать,— ответил он,— была бы на моей стороне против тех, которые, спекулируя на трусости, агитируют за немедленный мир. Я только вчера получил от нее письмо. Она стоит за войну до победного конца.

...В министерском павильоне сидели под стражей бывшие министры, а в какой-то фракционной комнате шли закулисные переговоры о составе Временного правительства. Разнесся слух, что во Временное правительство, составленное из кадетов и октябристов, вступает «вождь революции», председатель Совета рабочих депутатов А. Ф. Керенский<sup>11</sup>. Небольшую группу крайних левых, находившихся в Екатерининском зале, этот слух неприятно взволновал. Они настаивали, чтобы я отправился к Керенскому и постарался отговорить его от этого безрассудного и вредного для революции решения. Керенский числился сотрудником «Жизни для всех», и это мне давало некоторое право в такую историческую минуту попытаться предостеречь его от шага, который я считал ошибочным. Мне тогда казалось, что Совет рабочих и солдатских депутатов должен осуществлять революционную власть, не допуская образования буржуазного правительства из членов Государственной думы. Но Керенский меня не принял. Хотел переговорить с другим «вождем революции» Чхеидзе<sup>12</sup>, но и к нему не был допущен. (...)

2 марта я случайно попал на заседание фракции трудовиков<sup>13</sup>, происходившее на квартире одного из депутатов где-то на Песках<sup>14</sup>. На заседании кроме членов Государственной думы присутствовало несколько видных внепарламентских трудовиков, в том числе мой университетский товарищ В. В. Водовозов<sup>15</sup>, тогда уже почти совершенно глухой. В качестве почетного гостя

фракции был Николай Васильевич Чайковский<sup>16</sup>, только что вернувшийся из поездки в провинцию, высокий красивый старик с густыми длинными, белыми как снег, волосами и такой же бородой, просто, но со вкусом одетый, он напоминал заслуженного профессора, может быть иностранного, а может быть и русского, но если русского, то с европейским именем. Чайковский не создал себе имени ученого, но кого другого, а его не вычеркнешь из истории русского революционного движения. Его имя еще в конце 60-х годов прошлого столетия дало название кружку «чайковцев», поставившему своей задачей нести в народ истинное знание. Кружок состоял из интеллигентов, большинство которых сыграло руководящую роль в различных течениях русского революционного движения. (...) ...Когда началась война, он объявил себя сторонником борьбы с немцами до победного конца. Собирался, несмотря на свои 70 лет, ехать на фронт. Впоследствии он открыто примкнул к лагерю реакции, возглавив контрреволюционное правительство в Архангельске в 1918 году.

На совещании 2 марта Чайковский говорил о необходимости позаботиться о скорейшем обсеменении полей прифронтовой линии. Характера начавшейся революции с жадной мира во что бы то ни стало, революции несомненно социальной, Чайковский совершенно не понимал. Впрочем, такими же непонимающими были и все трудовики, бывшие на этом совещании. Они как дети радовались, что их партия угадала гений и счастливую звезду Керенского, проведя его под своим флагом в члены Государственной думы. Горячо обсуждался вопрос об адресе Керенскому по случаю занятия им поста министра юстиции во Временном правительстве. Я предложил обсудить вопрос о том, какие нужно принять меры для прекращения войны. Я указывал, что продолжение войны с Германией и развитие революции вещи несовместимые.

— Революционный народ,— говорил я,— требует мира. Мира требует огромное большинство солдат. Кто противится этому требованию, тот неминуемо будет сброшен в реакцию с пути победоносной революции.

Меня выслушали отчасти с недоумением, отчасти со сдержанным раздражением. Только на лице полуглуго Водовозова, подбежавшего ко мне и подставившего почти к моему рту свое ухо, я прочел, если не сочувствие моим словам, то во всяком случае понимание, что вопрос о мире необходимо поставить в порядок револю-

ционного дня. Убедившись, что с трудовиками столкнуться невозможно, я ушел с совещания. Вместе со мной ушли еще два-три гостя.

Кажется, на другой день после этого совещания я был на приеме у Александра Сергеевича Зарудного<sup>17</sup>, назначенного товарищем министра юстиции. Пошел я к нему по двум делам: во-первых, по просьбе некоторых толстовцев, выпущенных из тюрьмы, но готовых вернуться туда, если Временное правительство не освободит от воинской повинности тех, совесть которых не смирит с каким бы то ни было убийством; во-вторых, для того, чтобы узнать об участии старшего жандарма на Варшавском вокзале по фамилии Трус и добиться его освобождения, если он жив.

Трус был совершенно исключительный жандарм. Он состоял тайным подписчиком «Жизни для всех» и лично приходил за книжками журнала и приложениями. У этого высокого, совершенно седого старика в жандармском мундире, с грудью, увешанной медалями и крестами, было очень доброе лицо. Он на свои деньги покупал книжки «позанятнее» для арестованных революционеров, оказывал им и другие услуги. «Тяжело мне служить,— говорил он,— но и уходить нельзя. Другого поставят, тот не пожалеет». Об аресте Труса я узнал от одного из амнистированных революционеров, который убедительно просил сделать все возможное для спасения этого жандарма, так как он действительно оказывал арестованным большие услуги.

Зарудный поразил меня своею нервностью. Он, видимо, был недоволен Керенским и тяготился положением и обязанностями товарища министра юстиции. Относительно толстовцев он сказал, что вопрос об освобождении от воинской повинности толстовцев и других сектантов, не приемлющих военной службы, будет вскоре разрешен. О Трусе он не мог мне дать никаких сведений. Я пытался узнать о судьбе Труса другими путями, но тоже безуспешно.

5 марта в актовом зале Политехнического института я прочел первую революционную лекцию на тему «Какова должна быть русская республика?». Огромный актовый зал был переполнен студентами, служащими института, рабочими и просто обывателями. Было и несколько профессоров, в том числе и П. Б. Струве<sup>18</sup>.

Республика должна быть социалистической и федеративной — таково было мое первое положение. Ссылаясь на примеры западноевропейских революций, на-

помятая расстрелы рабочих буржуазией в 1848 году и в 1871 году<sup>19</sup>, я советовал трудящимся не доверять красивым словам либеральной буржуазии о свободе, равенстве и братстве, указывал, что Гучковы и Милюковы не могут быть выразителями интересов рабочих и крестьян. Эта часть моей речи, как мне потом рассказывали, вызвала негодование у присутствующих профессоров. Струве несколько раз выкрикивал: «Это черт знает, что такое!» — и раздраженно вскакивал со своего места. «Успокойтесь, профессор, не волнуйтесь», — говорили ему сидевшие рядом студенты.

Говоря о войне, я подчеркивал необходимость немедленно обратиться ко всем правительствам и народам с предложением приостановить военные действия и созвать международный мирный конгресс. В случае, если бы союзники России отказались от перемирия и созыва мирного конгресса, русский народ, — говорил я, — должен будет заключить сепаратный мир, но без всяких аннексий и контрибуций. Если Вильгельм на это не пойдет, то придется вести против него революционную войну.

В этой части речи я не был вполне искренним, так как в глубине души я желал мира на каких бы то ни было условиях. И когда из глубины зала кто-то негодуя крикнул: «И это говорит друг Толстого!» — я принял этот удар как заслуженный.

Выясняя свое отношение к различным революционным течениям, я заявил, что лучше всех понимают характер революции большевики. Возмущаяся начавшейся тогда клеветнической травлей Ленина, я крикнул: «Да услышит мой голос товарищ Ленин, отделенный от нас окровавленными полями сражений. Во многом в **былые** времена я был с ним не согласен. А теперь я с нетерпением жду его в революционную Россию, и готов протянуть ему по-товарищески руку. Бояться ему нечего. Клевета побьет клеветников».

Лекцию я кончил под гром рукоплесканий. Отвечал на записки. Помню, в одной записке меня спрашивали, как понимать мои слова о том, что при коммунизме, которым должна закончиться русская революция, каждый будет получать по своим потребностям. А если, например, у сапожника будут те же потребности, как у профессора, то неужели они будут получать одинаковые вознаграждения?

— Нет, — ответил я с нескрываемым сарказмом, — сапожник должен будет получать несколько больше про-

фессора, так как труд профессора несомненно приятнее, и этот излишек приятности придется уравновесить уменьшением материальных благ.

Мне захотелось посмеяться над буржуазными профессорами, испуганными революцией. Я отлично знал, что победоносный пролетариат сумеет настоящим образом оценить заслуги ученых и поставит их в несравненно лучшие условия для научной работы, чем буржуазия. Профессоров моя шутка возмутила. Больше всех негодовал П. Б. Струве. (...) Один из профессоров, как мне рассказывали, реагировал на этот мой ответ словами: «Очевидно, Поссе сегодня пьян». Студенты думали иначе, и мне под конец пришлось испытать неприятную честь подбрасывания или качания.

Дня через два после этой лекции я отправился в лекционно-агитационную поездку на юг, в Харьков, Екатеринослав, Симферополь и Севастополь. Получить железнодорожный билет было тогда нелегко, и мне пришлось прибегнуть к содействию В. Д. Бонч-Бруевича<sup>20</sup>, от которого я получил рекомендательное письмо к тогдашнему министру путей сообщения Некрасову<sup>21</sup>.

С Бонч-Бруевичем я встретился еще днем 2 марта в редакции «Известий» Совета рабочих депутатов, которая обосновалась на Лиговке, в редакции газеты «Копейка». В редакции «Известий» Бонч играл большую, если не главную роль. Во всяком случае, именно он организовал техническую сторону дела, причем не забыл, конечно, поставить при входе пулемет для острстки.

У Владимира Дмитриевича, когда я пришел к нему, сидел какой-то казачий офицер, перешедший на сторону революции. Началась оживленная беседа, во время которой получено было сообщение об отречении Николая от престола. Бонч просиял и поздравил по телефону свою жену Веру Михайловну<sup>22</sup> с республикой.

Как раз в это время в комнату вошел бравый солдат с четырьмя Георгиями на груди. Он представился как посланец от главнокомандующего Северного фронта генерала Рузского<sup>23</sup>. Генерал Рузский поручил этому георгиевскому кавалеру пробраться в Петроград и наблюдать, что там делается. В случае, если он убедится, что старая власть окончательно свергнута и все петербургские войска перешли на сторону новой власти, ему поручалось переговорить с представителями этой власти и ознакомиться с их дальнейшими планами и намерениями. Солдат убедился в окончательной победе

восставшего народа и в поисках представителей новой власти натолкнулся на редакцию «Известий» рабочих депутатов, полагая, вероятно, что здесь и Исполнительный комитет.

Бонч-Бруевич, выслушав солдата, написал генералу Рузскому письмо, в котором предлагал ему немедленно и безоговорочно перейти на сторону революционного народа. Письмо было написано резко, в форме приказа. Я посоветовал изменить редакцию, придав письму характер не приказа, а доброго совета. Меня поддержал казачий офицер. Бонч не стал спорить. В измененной редакции письмо было передано георгиевскому кавалеру и он, вскоре выяснилось, быстро доставил его генералу Рузскому. Помнится, в газетах сообщалось, что генерал Рузский все же письмом этим остался очень недоволен.

Перед отъездом в провинцию я выпустил очередной номер «Жизни для всех», большая часть которого была уже отпечатана до революции. Я мог только добавить обращение Временного правительства «К гражданам Российской государства», стихотворение «Песнь рабочих» постоянного поэта «Жизни для всех», писавшего под псевдонимом «Изгнанник»<sup>24</sup>, и несколько слов от редакции. (...)

На Украине и в Крыму я пробыл около двух недель. Мое пребывание там совпало с весной в буквальном и переносном смысле, с весной природы и с весной свободы. Харьков, обычно неприглядный и неопрятный, выглядел помолодевшим и повеселевшим. Светило яркое солнце, по бокам улиц журчали ручейки от потаявшего снега, двигались толпы празднично одетых и празднично настроенных граждан. «Гражданин» только еще начинал вытеснять «господина» и почетно конкурировал с «товарищем». С казенных домов на радость мальчишкам сбрасывались двуглавые орлы и другие эмблемы монархии. Развешивались красные флаги и прикалывались красные бантики. В ресторанах играли, а иногда и пели «Марсельезу», устраивали американские лотереи в пользу пострадавших в борьбе за свободу и т. п. Стали появляться портреты Керенского.

На другой день после моего приезда в Харьков там была устроена демонстрация в честь победоносной революции<sup>25</sup>. По Сумской улице прошли войска, рабочие и просто граждане с красными флагами и плакатами «Да здравствует свобода!», «Да здравствует Учредительное собрание!». Изредка приветствовалась и «Война

до победного конца!». С такими же лозунгами перекинулись через улицу широкие полотнища. Больше всего было призывов в пользу Учредительного собрания. Большевистских лозунгов ни одного. Оркестры играли «Марсельезу». «Интернационала» не слышно. Звуки «Марсельезы» смешивались с веселым звоном колоколов. Митрополит харьковский Антоний Храповицкий<sup>26</sup> приказал звонить в колокола при проходе войск мимо церквей. При проходе рабочих колокола смолкали. Митрополит Антоний хотел «завзвонить» революцию, а затем залить ее елеем, но это ему, как известно, не удалось.

Мои лекции проходили при огромном стечении слушателей<sup>27</sup>. Первую лекцию я прочел в помещении Общественной библиотеки, а вторую пришлось читать в самом большом театре Харькова, который до отказа был набит слушателями, преимущественно рабочими и солдатами. Солдаты заполнили и сцену, так что мне пришлось читать в тесном окружении серых шинелей. Тоже самое было и в Екатеринославе. Наибольший успех имели лекции чисто политические, злободневные: о революции, об Учредительном собрании, о войне. Никто не предполагал в то время, что революция перешагнет через Учредительное собрание. Не предполагал этого и я. Хотя раньше, в 1905 году при составлении пролетарской программы я вычеркнул требование созыва Учредительного собрания.

В лекции об Учредительном собрании я подробно останавливался на том, как его избрать и что оно должно решить. Я высказывался за выборы пропорциональные по спискам, предугадав в точности ту систему, которая после долгих обсуждений была принята комиссией из представителей различных партий. Говоря о задачах Учредительного собрания, я указывал, что они устанавливаются самим Учредительным собранием. «Оно,— говорил я,— имеет право перестроить всю жизнь России не только в политическом, но и в социальном отношении. Очень ошибаются те, которые думают, что Всероссийское Учредительное собрание, порожденное революцией, ограничится установлением формы правления — выбором наследственного монарха или президента. Народной России не надо ни монархов, ни президентов республики. Достаточно избранного сначала Учредительным собранием, а затем собранием законодательным совета министров, которые из своей среды ежегодно выбирают председателя. В Швейцарии нет особого президента республики. Не надо и нам его.

Учредительное собрание решит далее вопрос, быть ли России централизованной демократической республикой вроде Франции с ее всеильной бюрократией и военщиной, или создаст истинно-народную федеративную республику, состоящую из ряда автономных (самоуправляющихся) областей, республику, которую можно назвать свободным союзом самоуправляющихся общин. Как можно больше работы на местах, как можно меньше приказов из центра. Таков девиз истинно-народной союзно-областной республики. Может быть, Учредительное собрание даст свои местные думы Украине, Сибири, Кавказу, Эсто-Лифляндии. Областничество не разобьет Россию, а наоборот, даст ей крепость и лучше всего устранил отрицательные стороны не только централизма, но и национализма.

Наверное, Учредительное собрание займется вопросом и о земле. Мы надеемся, что оно этот вопрос решит обдуманно в смысле объявления всей земли национальной собственностью. Выдвинется, вероятно, и вопрос о трудовой повинности, к которой будут призваны молодые люди обоих полов. Они будут работать в образцовых мастерских и на образцовых общественных фермах. Трудовая повинность постепенно вытеснит повинность военную.

Всероссийское Учредительное собрание займется и нашими отношениями к иностранным державам. Из него раздастся клич к примирению всех народов, к устранению всякого национального гнета, к освобождению не только Бельгии, Сербии, Польши, Армении, но и Индии, Ирландии, Египта, Туниса, Марокко и т. д. Оно призывает весь мир к миру, к миру без вооружений, миру свободного, радостного творчества; оно призывает к истинному братству все народы, всех людей. Оно проложит путь к истинной Свободе, которая несовместна с делением людей на богатых и бедных,— праздных и трудящихся. Да будет так!»

Текст лекции об Учредительном собрании был напечатан в мартовской книжке «Жизни для всех», а затем в большом количестве был выпущен отдельной брошюрой <sup>28</sup>.

В Симферополе мне пришлось выступить с речью в хоральной синагоге. Привел меня в синагогу Аарон Павлович Лурия, редактор «Южных ведомостей» и сотрудник «Жизни для всех» <sup>29</sup>. В синагоге в этот день происходило торжественное молебствие по поводу уравнения евреев во всех правах с христианами <sup>30</sup>. Среди

массы молящихся были слушатели моих лекций. Меня узнали. Расступаясь и слегка подталкивая, как-то незаметно продвинули меня вперед к раввину, который, после приветствия по моему адресу, попросил меня от имени всех присутствующих сказать несколько слов по поводу провозглашения равноправия. Одобрительный гул поддержал эту просьбу. Она была для меня полной неожиданностью, но отказаться я не мог. Какой-то внутренний голос приказал мне говорить и не только от своего имени, но и от имени русского народа.

Говорил я о тех тяжелых обидах, которые веками евреи терпели от тех, кто называли себя православными христианами. Забыть эти обиды трудно, и все же еврейский народ их простит и забудет. А русский народ, прорвавшийся к свободе, поймет теперь, как много ценного, как много прекрасного дал всему человечеству еврейский народ. И будут теперь оба народа — равноправные и равноценные — народами-братьями, народами-друзьями. Вместе они будут бороться за осуществление иедалов Исаяи и Христа. Перекуются мечи на орала, не будет в мире виноватых, не будет вражды, войны, казни, тюрьмы. Свобода сольется с любовью. Прекрасно грядущее, но да будет прекрасно и настоящее! Я был христианином, православным, дворянином. Теперь я только человек, и вы все для меня только человеки, у нас одна мысль, одно чувство, одни слезы, слезы радости и умиления.

Вот слабый намек на то, что я говорил. Моя импровизация была гораздо красочнее, сильнее. Говорил я с подъемом, с волнением. Волновались и слушатели. Мы заражали друг друга. Многие плакали. Когда по окончании своей речи я проходил через расступившуюся толпу, меня согревали лучи любви, исходявшие от этих столь чуждых и столь близких мне людей <sup>31</sup>.

До этого первого и последнего посещения синагоги А. П. Лурия был моим хорошим знакомым, после посещения он стал моим другом. Человек на редкость стойкий, правдивый и отзывчивый на горе каждого.

Появились у меня друзья мне неведомые. На другой день после синагогской речи я гулял по Симферополю задумчивый, рассеянный. Вдруг чувствую, что кто-то сзади кладет руку на мое плечо и целует в щеку. Оборачиваюсь и вижу старого еврея с седой бородой и слезящимися глазами. Смущенно бормочет слова благодарности за мою вчерашнюю речь.

В Севастополе я выступал с речами по два, по три

раза в день<sup>32</sup>. Были лекции, были и митинги. На митингах были почти исключительно матросы. Живой, здоровый, красивый и умный народ! Но у многих матросов здесь в то время отношение к войне было иное, чем у солдат в Петрограде, Харькове и Екатеринославе. У них еще не созрело понимание этой войны как антинародной, несправедливой. Севастопольские матросы были еще против мира во что бы то ни стало. Среди них большим влиянием пользовался матрос Баткин, агитировавший за войну до победного конца<sup>33</sup>. Иные мечтали даже о Дарданеллах. Многие верили в революционность командующего Черноморским флотом Колчака, приказавшего поднять на судах красные флаги<sup>34</sup>. Но чувствовалось, что у матросов это патриотическое настроение может круто повернуться в большевистское.

В своих выступлениях я не агитировал за немедленный мир с Германией, а старался лишь пробудить критическое отношение к доводам «патриотов» и оборонцев. Офицеры мои выступлениями были недовольны. Среди офицеров выделялся подполковник А. И. Верховский, впоследствии военный министр<sup>35</sup>. У него ко мне отношение было, по-видимому, хорошее, но он все же боялся, что я своими словами могу подорвать дисциплину; указал мне на это несколько нервно, но вполне корректно.

Еще до поездки на юг передо мной встал вопрос, оставаться ли мне внепартийным или вступить в социал-демократическую партию, примкнув к ее большевистскому крылу. Тогда я решил вступить в партию и даже написал об этом письмо в редакцию «Известий» Совета рабочих депутатов с просьбой опубликовать его. Выполнить необходимые формальности для вступления в партию я не успел, торопясь в Харьков, где были уже организованы и назначены мои лекции. По возвращении в Петербург и на основании впечатлений, полученных во время поездки и бесед с рабочими, группировавшимися около «Жизни для всех», вынужден был пересмотреть свое решение о вступлении в партию.

В то время под общим названием и общей программой ожесточенно боролся целый ряд враждебных друг другу фракций. Единения не было даже у большевиков. Самое слово социал-демократия было уже достаточно загрязнено и оплевано. Программа устарела. Многие сознательные, революционно настроенные рабочие и солдаты, разделявшие мои общественно-политические взгляды, и слышать не хотели о вступлении в партию

и настаивали на образовании самостоятельной организации с простым, массам понятным названием, в котором до известной степени отражалась бы наша программа. Вот что побудило меня отказаться от вступления в партию и вместе с группой моих единомышленников, по большей части рабочих и солдат, основать Союз имущественного и трудового равенства, или, как он обыкновенно назывался, Союз трудового равенства.

Это решение было принято мною после долгого раздумья. Помню, как раз в дни раздумья я пошел на Мойку в «Правду» с предложением поместить мою заметку о Плеханове. Мне казалось очень полезным в ответ на хвалебные гимны, которые буржуазные газеты пели Плеханову за его патриотизм, за его призывы к войне до победного конца, напомнить то, что говорил Плеханов в 1893 году на Цюрихском конгрессе о грядущей войне между Германией и Россией в союзе с Францией. (...) Восторгаясь интернационализмом немецких социал-демократов, Плеханов видел друзей русской свободы даже в немецкой армии. «Если бы немецкая армия,— объявил он,— перешла наши границы, она бы явилась как освободительница, подобно французам национального конвента, которые сто лет тому назад пришли в Германию и, явившись победителями над государями, принесли свободу народу». Вот эти-то слова Плеханова, взятые мною из протоколов конгресса, я и напоминал в своей заметке <sup>36</sup>.

В редакции «Правды» я застал двух своих добрых знакомых, Демьяна Бедного и Константина Степановича Еремеева <sup>37</sup>. Демьян Бедный, как я уже писал, был сотрудником «Жизни для всех», а с Еремеевым я дружил за границей в годы моей эмиграции. Жил он тогда в Париже под фамилией Медведева со своей женой Ольгой, которая была подругой А. А. Сац <sup>38</sup>. Я часто бывал у Еремеевых в их мансардной комнате с низким потолком, с небольшим полукруглым окном, из которого можно было любоваться панорамой Парижа. Еремеевы в то время крайне нуждались, но не унывали. Для борьбы с мелкими кредиторами (хлебником, молочником и т. д.) им, как они сами рассказывали, приходилось прибегать к военным хитростям. В дни полного безденежья кредиторы в комнату не допускались, несмотря на усиленный стук. В тех случаях, когда одна Ольга была дома и назойливые кредиторы сторожили у дверей, ожидая прихода хозяев, в окно выставлялась метла как предупредительный сигнал и Константин

Степанович продолжал прогуливаться пока метла не исчезала.

Константин Степанович не только дружил со мной, но, как мне казалось, и разделял мои общественно-политические взгляды. По крайней мере в беседах мы не спорили, а подсказывали друг другу. И после революции 1905 года мы сначала встречались и поддерживали хорошие отношения. Еремеевы, между прочим, перевели для «Библиотеки Рабочего» брошюру Малона «Интернационал»<sup>39</sup>. Но еще до начала войны я потерял их из виду. Увидев Еремеева здоровым и веселым, я очень обрадовался. Смотрел он, как и в былые времена, задорно, добродушно, изо рта на белобрысенькую общипанную бородку свешивалась неизменная трубка. Одет он был по военному.

Демьян Бедный и Еремеев моему приходу, видимо, обрадовались и обещали поместить заметку в ближайшем номере. Еремеев доказывал мне, что теперь оставаться вне партийной организации невозможно, и необходимо по всем спорным вопросам выявить свое лицо.

Я ответил, что далеко не все большевики выявили свое лицо, далеко не все большевики по спорным вопросам высказываются так определенно и решительно, как Ленин. Указал также, что до возвращения Ленина в Россию у большевизма не будет ясных и четких ответов на жгучие вопросы, выдвигаемые революцией. Спрашивал, когда вернется Ленин.

И Демьян Бедный, и Еремеев пожимали плечами и отвечали неопределенно. «Союзники не пропустят, а ехать через Германию с разрешения Вильгельма не совсем удобно; неизвестно, как на это посмотрели бы рабочие, не подействует ли на них тот бешеный вой, который подымут не только либералы и радикалы, но и все меньшевики, до интернационалистов включительно». Но все же, как мне показалось, Еремеев и Демьян Бедный склонялись к тому, что при невозможности проехать иным путем придется Ленину ехать через Германию.

Плеханова, как сторонника войны, союзники, конечно, пропустили через свою территорию и доставили в Россию на своем пароходе<sup>40</sup>. Моя заметка в «Правде» появилась под заглавием «К приезду Плеханова». Это название дано было ей редакцией. Большевики были крайне возмущены этою заметкою и в Совете рабочих и солдатских депутатов был сделан по поводу нее запрос, в ответ на который Л. Б. Каменев<sup>41</sup> принес нечто

вроде извинения, заявив, что заметка помещена по оплошности, и что она была лишь отрывком из статьи, посвященной Плеханову, или одной из статей, предназначенных для напечатания в связи с приездом Плеханова. Точно оправдания Каменева я не помню, но таков был его смысл. Плеханов, приехавший, кажется на другой день после напечатания заметки, разумеется, озлился и в ответ разразился в «Единстве», органе плехановцев, резкою статьей против «Правды». Свою позицию на Цюрихском конгрессе он до смешного неудачно старался примирить со своей агитацией за продолжение войны. Он затушевывал тот факт, что за победу России над Германией он стоял с самого начала войны, т. е. и при царизме, а победу царизма с освободительной миссией немецкой армии связать было уже никак невозможно <sup>42</sup>.

Ленин, считая свое непосредственное участие в развитии революции неизменно важнее, чем вой патриотов до Плеханова включительно, проехал через Германию с разрешения германского правительства. (...) Я без колебаний в своих выступлениях оправдывал смелое решение Ленина проехать через Германию и всецело поддерживал его «тезисы» <sup>43</sup>. Но очень многих партийных большевиков тезисы Ленина, предполагавшие полный разрыв с социал-демократией, уничтожение постоянной армии, чиновничества, полиции и братанье с немцами на фронте, очень смутили.

Союз Трудового Равенства организовался еще до приезда Ленина, и мы, сочувствуя тезисам Ленина, не считали, однако, возможным сливаться с большевистской фракцией, пока она признает себя частью Российской Социал-демократической Рабочей Партии и требует от своих членов верности старой программе, принятой на Втором съезде.

Наш Союз принял программу без научного обоснования, но зато от начала до конца понятную каждому рабочему и каждому крестьянину <sup>44</sup>. Одно время рабочие-большевики, вербуя беспартийных в свою большевистскую фракцию, все еще именуемую социал-демократической, пользовались не своей программой, а программой Союза Трудового Равенства. Наша программа с первых же слов брала быка за рога.

Теоретическая часть ее начиналась четырьмя положениями:

1. «Все принадлежит всем».
2. «Право на жизнь, т. е. на развитие своих духовных

и физических сил, стоит выше права на частную собственность».

3. «Каждый, пользующийся плодами общего труда, обязан посильно участвовать в нем».
4. «Никакая власть не должна заставлять человека идти против велений его совести и нарушать нравственные законы, запрещающие убивать, клясться и т. п.»

В практической части на первый план выдвигалось обобществление всех земель, фабрик, заводов, путей сообщения, домов с квартирами для жильцов, складов товаров и пр. Обобществление предполагалось произвести путем прогрессивного поимущественного налога, который оставлял бы бывшим собственникам небольшой пожизненный доход. (...) Не буду подробно излагать Программу нашего Союза, укажу только, что экспроприацию экспроприаторов мы предполагали осуществить путем прогрессивного налога, никому не оставлявшего более 10 000 рублей или равноценного имущества.

Независимо от революционной творческой деятельности, направленной на проведение в жизнь вышеуказанных изменений общественного строя, Союз Имушественного и Трудового Равенства ставил своей целью борьбу с безработицей, продовольственной и жилищной нуждой, с невежеством и суевериями путем организации взаимопомощи. Он принимал меры к возможно безболезненному переходу производства для войны к производству для удовлетворения нужд мирного времени. Он считал также необходимым позаботиться о том, чтобы русские воины, в том числе и находящиеся в плену, инвалиды и семьи убитых и умерших не были обделены при устройстве русской жизни на основах имущественного и трудового равенства.

Всех пролетариев, считающих, что нет свободы, равенства и братства до тех пор, пока существует частная собственность на землю и все другие средства производства, и что теперь наступило время для этой борьбы. Союз звал объединиться в единую организацию. Союз Имушественного и Трудового Равенства предполагал организоваться в виде Союза Союзов. Во главе местных союзов должны были стоять выборные исполнительные комитеты. Весь Союз должен был объединиться Советом, в который входили бы делегаты от местных Союзов по выбору этих последних.

В пояснение к этой программе была издана и в большом количестве распространена брошюра «Как начать жить по новому». Брошюра эта была составлена мною и Львом Гумилевским<sup>45</sup>, ближайшим сотрудником «Жизни для всех». Гумилевский, высокий, худой, смуглый молодой человек негритянского типа, помещал в «Жизни для всех» свои рассказы, всегда интересные по замыслу, но не всегда удачные по исполнению. Он принимал участие как в организации Всероссийского Кооператива Просветительной Самопомощи, так и Союза Трудового Равенства. Начинал как будто с увлечением, но быстро охладевал и отходил в сторону. Во всяком случае, был он человек простой, искренний и несомненно даровитый. Много лет я его уже не видел, но часто вспоминал. Недавно с интересом прочитал его нашумевшую повесть «В Собачьем переулке»<sup>46</sup>.

Большое участие в организации Союза Трудового Равенства принял и П. Г. Черкасов. Но ни один из нас не вошел в Организационный Комитет. Мы хотели, чтоб он состоял исключительно из рабочих от станка и солдат.

Председателем Организационного Комитета был избран С. К. Воронков, до войны редактировавший какую-то газету в Сибири<sup>47</sup>, а с начала войны работавший на одном из петербургских заводов в качестве чернорабочего. Красивый брюнет южного типа, Воронков почему-то напоминал мне Гапона. Было в нем что-то напористое и властное. Прошлое его было несколько туманное. Я никогда не мог хорошенько понять, каким образом он из редактора превратился в чернорабочего, но ничего худого про него я сказать не могу. Никаких колебаний он не проявлял, неуклонно стоял на большевистской позиции, и его вступление в Коммунистическую партию после ликвидации Союза Трудового Равенства было вполне естественно. По отношению ко мне он всегда был хорошим товарищем и оставался таковым, занимая ответственные посты, и я имею основание думать, что он вспоминает нашу совместную работу с хорошим чувством.

Секретарем Организационного Комитета был солдат А. Е. Васильев, принимавший активное участие в Февральской революции. Высокий блондин с глазами на выкате, простоватый, добродушный, был он большим мечтателем и возлагал огромные надежды на сельскохозяйственные коммуны, к организации которых и приступил при первой возможности. Рвался к знанию и в

конце концов поступил в Сельскохозяйственную Академию им. Тимирязева, которую окончил, преодолев много неожиданных трудностей. И он, после ликвидации Союза Трудового Равенства, вступил в Коммунистическую партию.

Из других членов Организационного Комитета вспоминаю как друзей и товарищей рабочих А. В. Александрова, Д. А. Ванькова, И. А. Гусарова, П. П. Прокофьева и солдата артиллериста из Кубанской области Х. П. Левченко.

Интеллигентов в нашем Союзе было очень немного. Тем более обрадовало меня вступление в него моего старого друга доктора, а впоследствии профессора Семена Владимировича Констансова<sup>48</sup>. Я с ним встречался еще в 1905 году у Токарева<sup>49</sup>, и тогда уже мы протянули руки как единомышленники. Но особенно мы сблизились в 1912 году в Забайкальи, где я читал лекции, а Констансов следил за организацией Бактериологического института. Мы тогда собирались поехать вместе в Японию. Констансов, как и я, часто переезжая с места на место, был внимательным слушателем моих публичных лекций не только в Забайкальи, но и в Петербурге, Москве, Симферополе. Таким слушателем я вправе гордиться. Крупный ученый и большой человек революционного темперамента, он приобрел мировую известность открытием рыбного яда. Работая над приготовлением сыворотки как противоядия против заражения этим ядом, он вскрыл безобразия, творившиеся в Институте экспериментальной медицины, любимом детище принца А. П. Ольденбургского<sup>50</sup>. Принц, который сначала покровительствовал Констансову, озлился, но безобразия были все же устранены.

Всегда и всюду Констансов держался смело, высказывал свои убеждения, не считаясь с лицами. С начала революции Семен Владимирович, подобно мне, стал не только говорить, но и действовать, как большевик. Будучи директором Пастеровской станции в Феодосии, он в тоже время руководил борьбой с белыми в качестве председателя революционного комитета. Во главе отряда революционных матросов он пытался отбить Феодосию от белых. Временное торжество белых в Крыму бросило Констансова в тюрьму, и он лишь случайно избежал казни. Из белогвардейского подвала он был освобожден победоносной Красной армией. По окончании гражданской войны он снова отдает все силы бактериологии и борьбе со всевозможными вредоносными микро-

скопическими врагами человеческой жизни. У Констанова глаза несколько косят, но это не мешает им быть зоркими и цепкими, особенно когда они вооружены хорошим микроскопом. Суть, конечно, не в глазах, а в научно-исследовательском пронизательном уме. В 1933 году я с чувством гордости за своего друга прочел в «Известиях» телеграмму с сообщением, что проф. Констанову С. В., работающему в Таджикистане, удалось найти действенное средство для победы над малярией.

Число членов Союза быстро росло. В Первомайской демонстрации 1917 года мы еще не решились выступить самостоятельно, но я все же воспользовался ею для агитации за наш Союз. Мои речи на Марсовом поле выслушивались рабочими и солдатами с большим вниманием и покрывались дружными аплодисментами. На демонстрацию 18 июня мы вышли уже как самостоятельная организация со своим знаменем и своими лозунгами «Все принадлежит всем», «Право на жизнь выше права частной собственности» и т. д.<sup>51</sup>

К этому времени Организационный комитет был заменен постоянным Советом, в который вошло много новых членов. Из них мне особенно памятен рабочий Павел Григорьевич Егоров, с которым я до сих пор поддерживаю дружеские отношения, архитектор Николай Михайлович Проскурнин, убежденный вегетарианец<sup>52</sup>, и бухгалтер Г. В. Безмолодченко. Свою программу мы не рассматривали как нечто незыблемое и на общих собраниях свободно обсуждали ее и постепенно изменяли. Особенно много споров вызвал пункт об имущественном налоге. Незадолго до Октябрьской революции высшая норма вознаграждения за отчуждение имущества и денежных капиталов была понижена до 10 тысяч, а после Октябрьской революции вместо имущественного налога было принято безвозмездное отчуждение. Тогда же поднялся вопрос и об изменении названия нашей организации.

Часть членов, вступивших в Союз в первый период его развития, горячо отстаивала его старое название, другая часть, состоящая главным образом из новых членов, предлагала, чтобы Союз переименовался в Коммунистическую партию. Чтобы примирить обе стороны, было решено принять название Коммунистическая партия, но в скобках всегда ставить Союз Имущественного и Трудового Равенства. Трудовое и имущественное равенство мы как бы считали переводом слова коммунизм,

что, конечно, далеко не точно. Неизменными оставались наши 4 основных положения. Неизменно было и наше отношение к вопросу о войне и мире: мир во что бы то ни стало, мир даже сепаратный, мир даже с уступками Германии и Австрии части территории.

В этом духе я читал лекции, произносил речи на митингах, главным образом в цирке «Модерн», который был своего рода большевистской трибуной. В этом духе я писал и статьи в «Жизни для всех». Меня за это обливали грязью органы всех направлений за исключением большевиков и анархистов. Впрочем, даже П. А. Кропоткин с негодованием говорил С. В. Констансову о моих выступлениях против войны<sup>53</sup>.

Я надеялся, что Февральская революция покончит с войной. Но проходила неделя за неделей, а желанный мир не только не наступал, но как будто все более отдалялся. Мучительно было бессилие против недомыслия патриотов и оборонцев, в руках которых в то время была власть. (...)

К Керенскому я в то время относился крайне отрицательно и беспощадно высмеивал его в лекциях и статьях. Чем выше подымался Керенский, тем злее были мои насмешки. Когда он провозгласил себя верховным главнокомандующим, я сравнил его с Хлестаковым. Вспоминая сказку Салтыкова «Пропала совесть», я говорил: «В настоящее время мало говорят и пишут о пропаже совести, но зато много вопиют о пропаже власти. Вся мудрость обывателей и их газет сводится к следующему: Пропала власть и нет сладу с товарищами, гибнет Россия! Рыщут, ищут твердой власти. Собирают совещания, устраивают всякие выступления и заговоры — все в поисках власти.

А казалось бы, власти больше, чем когда-нибудь. Один Керенский чего стоит? Чем он хуже Николая II? Не хуже, а много лучше! Николай не умел так красиво грозить внутренним врагам «железом и кровью», как это делает Керенский. Не умел Николай и проклинать. А у Керенского редкая речь обходится без возгласа: Да будет проклят тот или иной внутренний враг! С особенным смаком Керенский проклинает тех, кто дерзает говорить о необходимости приступить к мирным переговорам... У Керенского душа поистине проклинающая, а таковой и должна быть душа истинного властителя. Керенский несомненно производит сильное впечатление, особенно на дам, и особенно в качестве верховного главнокомандующего.

У Керенского душа не только проклинаящая, но и артистическая, а это тоже важно для властителя. Недавно в газетах появились воспоминания о Керенском учителя немецкого языка ташкентской гимназии, где учился нынешний верховный главнокомандующий. Немец видимо гордится, что ему пришлось учить такого великого человека. Перечисляя различные достоинства молодого Керенского, учитель указывает и на его сценическое дарование. Будучи гимназистом Керенский с успехом играл на любительской сцене. Особенно удавалась ему роль Хлестакова в «Ревизоре». «Казалось,— пишет учитель,— он был создан для этой роли». (...) Думал ли гимназист Керенский, играя Хлестакова, что близится время, когда его совершенно серьезно будут принимать за верховного главнокомандующего не только знакомые офицеры и хорошенькие актрисы, но и все культурные народы, за исключением Германии с Гинденбургом во главе.

Карьера Керенского головокружительная. Он быстро взвился вверх. Но по какому закону — общественному, моральному или просто физическому? Вверх взвивается все легковесное. Керенский у нас властитель самый большой. Средних и маленьких властителей у нас теперь легион. Вероятно, вследствие продовольственной разрухи не нашлось стада свиней, в которое могли бы переселиться большинство царских бюрократов в момент революционного переворота, и они остались на своих местах в ожидании республиканской пенсии. К старым прибавилось много новых. Беда лишь в том, что народ не слушается ни новых, ни старых властителей. Не власть пропала, пропало повиновение»<sup>54</sup>.

Когда Керенский в середине лета назначил общее наступление<sup>55</sup>, я созвал митинг в том же цирке Чинизелли, где Баткин клялся в верности «доблестным союзникам»<sup>56</sup>. Многие думали, что после вступления во Временное правительство министров-социалистов<sup>57</sup>, я буду агитировать за «победоносную революционную войну», и, конечно, ошиблись. В своем докладе я говорил не о победе России и ее союзников над Германией, а о победе трудящихся над паразитами, о победе социализма над капитализмом. Я доказывал, что первым условием этой победы является заключение мира. Назначение наступления с красными знаменами на врага я считал величайшей и преступнейшей ошибкой. Я предупреждал, что наступление это закончится разгромом, и мое предвидение, как известно, оказалось правильным<sup>58</sup>.

Мне отвечал только что приехавший с фронта офицер, отрекомендовавшийся «старым и убежденным социал-демократом». Величайшей и преступнейшей ошибкой он считал не наступление на фронте, а допущение в тылу таких выступлений, как мое. Такого мнения держались и некоторые из моих хороших знакомых, родных и даже друзей. Е. Н. Чириков<sup>59</sup> прислал мне открытку, в которой писал, чтобы я поспешил вычеркнуть его из списка сотрудников «Жизни для всех», если я сам не догадался сделать это. Мой брат<sup>60</sup> написал мне письмо, в котором упрекал меня за то, что я вместе с большевиками толкаю родину в пропасть, и заявлял, что как ему это ни скорбно, но он после моих призывов в статьях и лекциях к массовому дезертирству **вынужден сказать мне: «Прощай, мы больше встречаться не можем».**

После Октябрьской революции брат осознал свою ошибку и со свойственной ему прямоотой написал мне примирительное письмо и просил меня прийти к нему. Письмо это, к сожалению, не дошло до меня, и я узнал о нем лишь в 1919 году, когда на одной из лекций в Ленинграде ко мне подошла жена брата<sup>61</sup> и спросила, почему я не ответил на его примирительное письмо. Я тотчас пошел к брату, и мы обнялись не только, как братья, но и как друзья. С тех пор мы стали гораздо больше любить и понимать друг друга, чем в годы молодости.

Официальные правители не трогали меня и не чинили никаких препятствий моей противоязычительственной и противовоенной пропаганде и агитации. Но «патриоты» грозили мне расправой. Угрозы меня не пугали, так как с каждым днем росло движение против войны, против Временного правительства, росло число моих друзей и притом друзей хорошо вооруженных.

Правда, в Москве выступать против войны и правительства было рискованней, чем в Петрограде. Помню, на лекции «Властители дум» в театре Корша, когда я стал высмеивать Керенского, часть публики зашумела, раздались негодующие крики, и несколько человек бросились, размахивая кулаками и выкрикивая угрозы, к рампе, но были остановлены моими сторонниками, теми, кто сочувствовал призыву бороться против войны, против правительства Керенского. Лекцию пришлось прервать. После перерыва, когда я начал характеризовать Ленина как последовательного и убежденного революционера, мне долго мешали говорить, но в конце концов успокоились, и я довел лекцию до конца.

Более опасно было мое положение после лекции в помещении московских трезвенников на Малой Бронной. На этой лекции присутствовали несколько храбрых георгиевских кавалеров во французских стальных шлемах. Их возмутило мое утверждение, что немецкий народ также мало виноват в войне, как русский, французский, английский, и что нам следует протянуть немцам руку для примирения. Они вышли на улицу и стали выкрикивать, что у трезвенников «германский шпион призывает к измене». Собралась тысячная толпа, окружила дом трезвенников, которые заперли на засовы двери, и стала требовать выдачи меня и И. М. Трегубова<sup>62</sup>, на которого солдаты указывали тоже как на изменника, так как он поддерживал меня и рассказывал о жестокостях англичан.

Женщины-трезвенницы, или так называемые сестры, хотели нас спрятать в подвале молочной, но мы последовали совету «брата» Аркадия, милого юноши с красивым открытым лицом и с такой же красивой и открытой душой.

— Дорогой брат, Владимир Александрович,— сказал он мне,— не гоже тебе прятаться. Если ты не выйдешь к толпе, она, может быть, ворвется в дом и в ярости убьет тех женщин, которые хотят тебя скрыть. Иди к толпе смело. Пойдет и брат Иван Михайлович. Вы старые люди. Смерть вам не страшна.

Мы вышли на крыльцо. Толпа зловеще гудела. Заметив нас, она на мгновение смолкла и сжалась, как бы готовясь к прыжку. Этим моментом я воспользовался и выкрикнул несколько слов:

— Убить успеете. Сначала правду узнайте. Арестуйте, сведите в милицию, там разберут — коль мы виноваты, убьете.

В ответ раздалось несколько угроз, но в передних рядах заколебались. Послышались голоса:

— Правильно. Надо разобраться. Теперь много понапрасну брешут...

Момента ареста не помню. Но помню, что мы шли по Тверской, окруженные толпой, среди которой высились конные казаки. Морда одной лошади все время толкала меня в голову.

В милиции комиссар, оказавшийся студентом, слушавшим мои лекции, с тревогой посмотрел на толпу, втолкнувшую нас в приемную бывшего Тверского участка.

— В чем вы их обвиняете? — спросил комиссар указчиков в стальных шлемах с Георгием на груди.

— Вот этот,— ткнул меня пальцем один из указчиков,— говорил, что нужно брататься с немцами.

— Ты не еврей? — обратился я к указчику.

— Ну, вот еще выдумал! Я тебе дам еврея!

— Так ты, может быть, татарин?

— Ах, чтоб тебя. Я русский, крещеный, крест ношу.

— Значит, ты христианин. Евангелие читал?

— Чево зубы заговариваешь?!

— Если читал, то должен помнить, что Христос не велел ни с кем воевать, велел любить даже врагов.

— Что за чертовщину ты мелешь? Этак, и немцев нам надо любить, а не бить. Гражданин комиссар, что он тут брешет?

— Нет, не брешет,— сказал комиссар.— В Евангелии действительно сказано, что надо любить врагов.

— Ну, видно, вы все за одно! Пушай по вашему. Но он, окромя того, кричал: Долой правительство!

— Этого я, положим, не говорил.

— Ну, ты помолчи. Довольно уж языком трепал. Небось и Керенского не ругал?

Вмешался комиссар:

— А он говорил, какое правительство нужно сбросить?

— Нет, он вообще о правительстве неладно выражался.

— А вы в свое время не кричали: долой Николая? Или, может, вы хотите, чтобы Николай снова вернулся? Он ведь был самое настоящее правительство.

— Нет, Николая мы не хотим.

— А почему же нужно непременно желать Керенского? Может быть, ему кажется, что найдется кто-нибудь еще лучше Керенского.

— Ну, с вами не сговоришься. Мы — народ темный, а вы обученные.

— Что же делать с этими двумя гражданами? Задержать их или отпустить?

— Ну, черт с ними! Отпустить.

Когда мы проходили через поредевшую и успокоившуюся толпу, какая-то высокая худая женщина, повязанная черным платком, приблизив свое лицо к моему и строго посмотрев мне в глаза, убежденно воскликнула: «Безумец!»

«Безумцем» в это время был и Горький. Он, как и я, мучился ужасами войны и жаждал мира во что бы то ни стало. Ужас, вызванный военным безумием, Горький особенно ярко выразил в своем воззвании «Несча-

стные, пожалейте себя!» Это воззвание было помещено в его газете «Новая Жизнь» и перепечатано в майской книжке «Жизни для всех»<sup>63</sup> перед моей статьей «Война. Революция. Анархия»<sup>64</sup>. (...)

За период с марта по июль я виделся с Горьким только два раза. Был у него на дому и заходил к нему в редакцию «Новой Жизни», которую он тогда издавал<sup>65</sup>. У себя дома Горький был со мною прост и мил, но все же чувствовалась некоторая натянутость наших отношений, так как мы все время были на людях. В редакции «Новой Жизни» мне удалось побыть с Горьким наедине. Горький выглядел тогда озабоченным, измученным.

— Что, плохо себя чувствуешь? — спросил я.

— Вот где сидит у меня эта политика, — очень искренне и убежденно сказал Горький, указав пальцем на горло<sup>66</sup>.

Потом посмотрел на меня так же любовно и нежно, как смотрел в былые времена, и сказал:

— Состарились мы с тобою, дядя. Стариками стали.

И как-то сразу, невольно, мы вспомнили нашу молодость, наши былые радости, печали, надежды...

— Хорошо было, — сказал я.

— А ведь и правда, хорошо было, — согласился Горький, и лицо его осветилось детской улыбкой. Как-то по-мальчишески схватил он меня за плечи и повалил на диван.

— Эх, бросил бы ты всю эту политику, — сказал я, — взял бы котомку на спину и пошел бы по Руси набираться новых впечатлений.

Ничего не ответил Горький.

Я думал, что с этих пор наша дружба с Горьким станет возрождаться. Но Июльские дни нас снова отдалили друг от друга. Я всецело стоял на стороне большевиков, а Горький сделал крутой поворот вправо и начал писать «Несвоевременные мысли», предостерегая рабочих от «авантюризма» Ленина<sup>67</sup>. (...)

4 июля с утра возобновились демонстрации<sup>68</sup>. Движение уменьшилось в своем размахе, но обострилось в своих проявлениях. По городу разезжали грузовики, оцетинившиеся штыками и пулеметами, с большевистскими плакатами. Происходили перестрелки, были убитые и раненые. Вечером в цирке «Модерн»<sup>69</sup> собрались рабочие с Петроградской и Выборгской сторон, ожидая выступления вождей большевизма. Но никто не явил-

ся. Тогда они послали делегацию в редакцию «Жизни для всех» с просьбой, чтобы я приехал в цирк «Модерн» и дал бы указания, что делать дальше. В редакции в это время проходило совещание Совета Союза трудового равенства, в котором принимал участие и я. Было решено, что мне выступать в цирке «Модерн» не следует, а нужно отправиться во фракцию большевиков и выяснить, каковы их намерения, а затем действовать в соответствии с их указаниями.

Мы отправились к Таврическому дворцу. Со мной, по обыкновению, был и Бибка<sup>70</sup>. Перед дворцом в темноте колыхалась толпа солдат, которых старался успокоить и образумить меньшевик Войтинский<sup>71</sup>. У входа стоял караул, начальник которого, после долгих пререканий, пропустил только меня и Воронкова.

Мы отправились в комнату, занимаемую фракцией большевиков. В середине комнаты, у стола, опершись головой на руку, сидел Ленин<sup>72</sup>. В глубине комнаты несколько человек в военной форме о чем-то спорили. Увидя нас, один из военных спросил, что нам нужно. Я ответил, что мы — представители Союза Трудового Равенства и желали бы переговорить с представителями фракции большевиков о совместных действиях.

В качестве официального представителя большевиков к нам подошел бывший член IV Государственной думы Г. И. Петровский<sup>73</sup>, заводской рабочий по профессии, но с виду похожий на интеллигентного труженика, учителя или врача. С Петровским мы обменялись несколькими словами о текущем моменте.

Я в нервном тоне высказал свое удивление, что фракция большевиков оставляет в данный момент рабочих и солдат без своего руководства, и те мечутся, не зная, что предпринять. Следует или дать сигнал к настоящему вооруженному восстанию и к захвату власти не Советами, которые этого не хотят, а революционным пролетариатом, т. е. большевиками, или решительно призвать к прекращению демонстрации и полному усмирению.

Один из товарищей в военной защитной форме подержал меня, соглашаясь, что неопределенности должен быть немедленно положен конец. Петровский ответил, что наше заявление будет принято во внимание, но он сам ничего определенного сказать не может, так как недавно вернулся из Сибири и еще недостаточно ориентировался в происходящих событиях.

Ленин во время нашей беседы поднялся со своего

места и пересел на кресло вглубь комнаты. К нему подошел Воронков и спросил:

— Товарищ, чем вы живете в данную минуту?

Ленин поднял голову, внимательно посмотрел на Воронкова и с чуть заметной усмешкой раздельно сказал:

— Я живу ожиданием.

Эти слова чрезвычайно характерны для великого стратега революции, он умел жить ожиданием, чтобы в нужный момент напасть на врага стремительно и сокрушительно.

В комнату ворвался какой-то юный большевик и, волнуясь, стал рассказывать, какую превосходную речь только что закончила Маруся Спиридонова, требуя от Центрального (Исполнительного — В. Ч.) Комитета, чтобы он объявил себя Революционным правительством <sup>74</sup>.

Не добившись определенных указаний, мы ушли, предварительно передав Петровскому программу нашего Союза.

5 июля движение круто пошло на убыль, а 6-го в Петрограде все стихло. Временное правительство торжествовало победу. Началось разоружение крамольных войск, прежде всего Первого пулеметного полка <sup>75</sup>. Издан был приказ об аресте Ленина и Зиновьева. В оправдание этого приказа были пущены в ход фальшивые документы и лживые свидетельства, на основании которых Ленин и Зиновьев обвинялись в сношениях с германскими властями и в государственной измене. Ленин и Зиновьев успели уйти в подполье, и поиски их, в которых горячее участие принимали юнкера, оказались тщетными <sup>76</sup>. В Мустамяках на даче Бонч-Бруевича вместо Ленина был арестован Стеклов-Нахамкис, который энергично отрекался от большевизма <sup>77</sup>.

Троцкий от большевизма не отрекался и напечатал в газетах открытое письмо Временному правительству, в котором солидаризировался с Лениным и заявлял, что если Ленин привлекается к судебной ответственности, то следует привлечь к ответственности и его, Троцкого. В письме он указывал свой адрес. Троцкий был арестован. Арестованы были также А. В. Луначарский, А. М. Коллонтай, Л. Б. Каменев, Ф. Раскольников и др. <sup>78</sup>.

На петроградских рабочих фальшивки и лжесвидетельства произвели некоторое впечатление, и это, главным образом, потому, что «патриоты» и оборонцы умело использовали уход в подполье Ленина и Зиновьева. И печатно, и устно они твердили:

— Если бы Ленин и Зиновьев были невиновны, то им нечего было бы скрываться от суда.

Письмо Ленина и Зиновьева с протестом против распространяемой о них клеветы напечатала только горьковская «Новая Жизнь», но и она сопроводила его двусмысленным редакционным примечанием: мы, мол, воздерживаемся от высказывания своего мнения до расследования выдвинутого обвинения избранной для этого комиссией<sup>79</sup>. В защиту большевиков «Новая Жизнь» не сказала ни одного слова, а Горький гневно обрушился на участников вооруженной демонстрации 3 и 4 июля. Статья Горького, с моей точки зрения, была до такой степени возмутительна, что я не мог спокойно дочитать ее до конца. Помню только, что и в этой статье он блеснул своими художественными парадоксами, сравнив большевистские вооруженные грузовики с ошетинившимися свиньями<sup>80</sup>.

На фабриках и заводах рабочие-большевики подверглись преследованиям не только со стороны администрации, но и со стороны беспартийных, меньшевистских и эсеровских товарищей. Ко мне приходили рабочие-большевики, лично мне совершенно незнакомые, и спрашивали не соглашусь ли я взять на себя инициативу переговоров с вождями меньшевиков и эсеров для прекращения травли рабочих, участвовавших в демонстрациях 3 и 4 июля. Я от этого отказался, считая такие переговоры унижительными для большевизма.

Моя задача была иной. По моей инициативе был организован митинг в одном из кино на Мурынском проспекте<sup>81</sup>, и я выступил на этом митинге с горячей защитой Ленина, доказывая, что отдаться в руки врагов с его стороны было бы не смелостью, а глупостью. Он бы, вероятно, был уничтожен, и этим был бы нанесен тяжелый удар революции. «Ленин не бежал,— говорил я,— а ушел в подполье, чтоб оттуда подготовить восстание, которое положит конец войне».

Меня сначала прерывали негодующими возгласами, но в конце концов я овладел вниманием аудитории, состоявшей почти исключительно из рабочих, и мое выступление было покрыто шумными аплодисментами. С таким же докладом я выступил и на собрании членов нашего Союза.

В середине июля я отправился в агитационную поездку по России. Мои лекции и речи во время этой поездки были выяснением идей большевизма и протестом не только против войны, но и против смертной казни.

13 июля Временное правительство, объявившее себя правительством спасения революции, единогласно ввело смертную казнь для солдат, не желающих сражаться<sup>82</sup>, т. е. участвовать в массовом убийстве. И это несмотря на то, что Керенский, объявляя в марте 1917 года об отмене смертной казни, клялся, что она никогда не будет вновь введена.

Меня особенно поразило и огорчило, что за введение смертной казни голосовал И. Г. Церетели<sup>83</sup>, к которому в то время я относился не без большого уважения. Я восторгался его блестящими речами во второй Государственной думе, его сокрушительными атаками на политику Столыпина-вешателя. Я знал, что он не захотел скрыться от суда, хотя это было ему легко, и держал себя на суде с большим достоинством, спокойно выслушав приговор, пославший его на каторгу. Даже враги уважали его. Пуришкевич<sup>84</sup> говорил: «Церетели можно ненавидеть, но нельзя не уважать». И этот человек высказывается за разоружение петроградских рабочих и голосует за введение на фронте смертной казни!

«Общественную жизнь» для шестой книжки «Жизни для всех» мне пришлось писать как раз в день опубликования постановления о смертной казни. «Если бы до этого страшного дня,— писал я,— дожил Лев Николаевич, то он, наверное, обратился бы к Правительству спасения революции с просьбой, чтобы его расстреляли первым. Но он просил бы, чтобы министры не заставляли солдат быть палачами, а расстреляли бы его собственноручно. И перед взводом маленьких деспотов с винтовками в руках спокойно стоял бы старец со свободной, божественной душой и повторял бы слова Иоанна Богослова: «Братие, любите друг друга!». Толстой был бы расстрелян во имя спасения революции. (...) В страшное время мы живем. Никогда еще пропасть между народом и правительством не была так ужасающе велика, как ныне. Никогда еще «образование» привилегированных классов не было так враждебно просвещению, истинно-христианскому просвещению трудящегося народа, как ныне. Издевательством звучит лозунг «Свобода, равенство и братство!». Нищета, насилие и лицемерие — вот чем движется современная государственная жизнь с ее войсками и казнями, с ее лицемерными фразами о «земле и воле»<sup>85</sup>.

В этом духе я произнес речь в Сормове перед многотысячной толпой рабочих. Говорить пришлось с крыши

заводской школы. Сормово считалось тогда одной из цитаделей меньшевизма. Рабочие-большевики советовали мне говорить поосторожнее и помягче. Но я знал, что перед рабочими нельзя вилить, а надо резать правду-матку, говорить то, что думаешь, резко отделяя «добро» от «зла». Так я и говорил. Речь моя была прослушана с большим вниманием. Аплодисменты прогремели дружно. Товарищи, организовавшие мое выступление, радовались моему успеху больше меня и очень просили осесть в Сормове для чтения лекций и систематической пропаганды, но я не мог, конечно, променять Петроград на Сормово.

Прочитав ряд лекций в Нижнем Новгороде, я направился в Казань. В Казани я прочел две лекции перед аудиторией буржуазно-интеллигентской, настроенной к большевикам очень отрицательно. В лекции на тему «Властители дум», опровергая измышления буржуазных газет о бегстве Ленина в Германию к «своему другу Вильгельму», я сказал: «Ленин гораздо ближе не только к Петрограду, но и к власти, чем думают клеветники: не пройдет и шести месяцев, как он будет возглавлять рабоче-крестьянское правительство, и не временное, а постоянное».

В ответ раздалось шиканье, и часть публики шумно встала со своих мест и демонстративно вышла из зала. Но это было все же меньшинство. Большинство дослушало лекцию до конца. Некоторых она заставила задуматься и, уходя после лекции, они бормотали: «Так вот что такое, этот Ленин...»

Прочсть лекции рабочим и солдатам не удалось. Помешали взрывы артиллерийских снарядов и запасов менелита. Взрывы, напомиавшие ураганную канонаду, длились более 12 часов. Казалось, город обстреливают какие-то чудовищные не пулеметы, а бомбометы. Катящийся грохот подготовлял взрывы, потрясающие весь город. Выбивались оконные рамы, и улицы покрывались разбитым стеклом. Трамвай, вначале пытавшиеся ходить, подпрыгивали и слетали с рельс. Жители в панике бежали на Арское поле. Многие падали. Из большой гостиницы «Франция» на Воскресенской улице, где я остановился, бежали не только постояльцы, но и вся прислуга до швейцара включительно. Остались кроме меня еще два офицера. Мне почему-то не было страшно, хотя раза два подбросило не только мебель в моей комнате, но и меня самого. Бежавшие опасались, что волна взрывов докатится до пороховых погребов или

складов на Пороховом заводе и тогда «вся Казань взлетит на воздух»<sup>86</sup>.

На другой день рассказывали, что спас Казань один из инженеров Порохового завода, с опасностью для жизни пробравшийся до какого-то предохранительного крана и заливший пороховые погреба водой. Ему будто бы оторвало руку<sup>87</sup>. Говорили также, что взрывы произведены германскими шпионами. Город был объявлен на военном положении. Обычная жизнь приостановилась, было не до лекций. С большим трудом добился я пропуска для выезда и отправился на пароходе в Пермь.

Читал лекции не только в самой Перми, но и в Мотовилихе на Пушечном заводе<sup>88</sup>. Для прочтения лекции потребовалось разрешение директора завода. Директором оказался старый инженер, человек, по-видимому, очень добродушный и мягкотелый. Моему предложению прочесть рабочим лекцию о «войне и революции» он обрадовался и, принимая меня за кадета, советовал не слишком ругать большевиков.

— Удивительная вещь! — говорил он. — У вас в Петрограде большевики потерпели полное поражение, Ленин бежал, газеты пишут о банкротстве большевизма, а у нас как раз теперь рабочие начинают интересоваться большевизмом и сочувствовать ему<sup>89</sup>.

После Октябрьской революции этот добродушный человек был расстрелян. Рабочие, рассказывавшие мне об этом расстреле в 1922 г., добавляли:

— Зря расстреляли. Дельный был директор, и нас не обижал.

Из отношения слушателей к моей лекции я убедился, что директор был прав. Настроение у мотовилихских рабочих было определено большевистское.

Из Перми я проехал в Ярославль и Кострому, а затем вернулся в Петроград. Петроградские большевики к тому времени оправились и, руководимые из подполья Лениным, превосходно использовали Корниловский мятеж<sup>90</sup>. Становясь на защиту революции против Корнилова, большевики не вступали в соглашение с Керенским. Напротив, они доказывали, что выступление Корнилова вызвано слабостью Керенского и его колебаниями между революцией и контрреволюцией (...)

Керенский, испугавшись диктатуры Корнилова, которая поглотила бы его, как зубастая щука ерша, качнулся влево. Троцкий, Луначарский и другие большевики были выпущены на свободу<sup>91</sup>, Россия — провозглаше-

на республикой, было создано так называемое Демократическое совещание, затем Предпарламент и т. д.<sup>92</sup>. Но большевики пользовались всем этим, чтобы доказать рабочим массам необходимость диктатуры пролетариата, которая одна только может остановить войну и двинуть вперед революцию. Они завоевали большинство в Петроградском и Московском Советах, они заняли стратегические пункты, необходимые для успешного восстания. Крейсер «Аврора», подошедший к Петрограду для защиты его от Корнилова, в действительности держал под угрозой Керенского<sup>93</sup>.

О свержении правительства Керенского на митингах говорилось совершенно открыто. Троцкий в одной из своих речей в цирке «Модерн» прямо заявил, что против железа, которым грозит Керенский, у большевиков есть сталь. «Мы готовимся,— говорил он,— к свержению Временного правительства, мы говорим об этом открыто, и, однако, арестовать нас не смеют, потому что масса за нами».

Влияние Союза Трудового Равенства после неудачного мятежа Корнилова значительно возросло. Вступали все новые и новые члены, большей частью большевики с анархическим уклоном. Многие из них приняли активное участие в Октябрьской революции.

Победу большевиков мы приветствовали с энтузиазмом. Декреты о мире и земле соответствовали нашим самым смелым ожиданиям<sup>94</sup>. Мы понимали, что Октябрьская революция переломила мировую историю. Обыватели этого не понимали. Да не только обыватели. Вначале не поняли значение Октябрьской революции меньшевики, эсеры и даже многие из большевиков. На Невском 26-го было оживленно, но не тревожно.

— Ну что ж, опять новое правительство! — Поздравляем! — Нам не привыкать! — Не долго продержится! — Без хлеба далеко не уедешь!

Такими репликами обменивались при встречах знакомые обыватели. В интеллигентских кругах спорили, как долго продержатся у власти большевики. Чаще всего почему-то назначались три недели. Совсем иное настроение было в революционных низах.

Близкий друг и сотрудник «Жизни для всех» Н. А. Афиногенов (Н. Степной), член ЦИКа от солдат<sup>95</sup>, не только ярко, но и прямо вдохновенно выявил настроение делегатов на историческом заседании Второго съезда Советов 26 октября 1917 г. «Заседание открывается...— писал он в «Жизни для всех»,— Мы в зале...

Это историческое заседание, в котором люди плакали от радости, в котором, как в храме молитвы, мысль человека первый раз так гордо взвилась и стала вплотную ясной, как солнечный свет пред всеми наяву, так что многие не выдержали, побежали от света, как люди, привыкшие к потемкам. Было залито кличем-песнью Интернационала... Мною это никогда не забудется. Все, что было лучшего у меня в жизни, только сейчас в этом заседании в первый раз выявилось предо мною: да вот она какая правда-то, настоящая. Невольно слышался вздох... речь-мысль, идея воплощалась в жизнь. (...)»<sup>96</sup>.

26 октября на митинге в цирке «Модерн» я произнес горячую речь о значении пролетарской революции и закончил ее возгласом: «Да здравствует товарищ Ленин!» Этот возглас был подхвачен тысячной толпой. Меня солдаты и рабочие вынесли с митинга на руках<sup>97</sup>.

На другой день на митинге, созванном Союзом Трудового Равенства в одной из зал на Выборгской стороне, была принята составленная мною резолюция, предлагавшая Совету Народных Комиссаров немедленно принять меры к заключению перемирия и к обмену пленными.

В наш Союз входили радиотелеграфисты, и они немедленно передали резолюцию по радио «всем, всем, всем». В ответ со всех военных фронтов полетели сочувственные ответы. По словам наших товарищей радиотелеграфистов, никогда раньше ни одна радиотелеграмма не вызывала такого радостного единодушия фронтовых радиостанций, как та. Она была понята, как выражение воли всего петроградского пролетариата и петроградского гарнизона.

Совет нашего Союза постановил предложить новому ЦИКу и Совнаркому свое сотрудничество в деле ликвидации войны и в строительстве свободной трудовой жизни. Вести переговоры поручено было мне. Я отправился в Смольный к Ленину. Но Ленина как раз в это время в Смольном не было. Мне предложили переговорить с Троцким.

— Между Лениным и Троцким теперь полное единодушие, и слово Троцкого так же авторитетно, как Ленина,— говорила мне женщина средних лет, вероятно старая большевичка, провожая в комнату Троцкого.

Троцкий встретил меня очень приветливо. На его бледном лице сквозь усталость просвечивала радость одержанной победы. Не без гордости показал он мне бра-

унинг, перешедший к нему от разоруженного Михаила Романова <sup>98</sup>.

Сотрудничество Союза Трудового Равенства он предложил начать моей работой в Комиссариате Иностранных дел.

— Приходите и прямо принимайтесь за работу. Берите дело, которое вам больше по душе,— сказал он мне.

Я сказал, что мне хотелось бы взять на себя заботы о военнопленных, как наших, так и воюющих с нами государств, и подготовить их обмен.

— Ну и прекрасно! — решил Троцкий.

4 ноября курьер Наркоминдела принес мне письмо от заместителя Троцкого т. Залкинда <sup>99</sup>.

«По предложению Народного Комиссара,— писал Залкинд,— прошу Вас прибыть в б. Министерство Иностранных Дел сегодня к 5 час. (Малый подъезд, Дворцовая площадь).

С тов. прив. Т. Залкинд».

Я пошел в надежде увидеть самого Троцкого и в беседе с ним выяснить характер разногласий в среде ЦК большевиков, и в зависимости от того, что скажет Троцкий, согласиться или не согласиться работать в Наркоминделе. Троцкого в Комиссариате не было, и я заявил Залкинду, что я не могу приступить к работе, пока не уясню себе причину раскола ЦК.

На другой день в газетах появилось сообщение, что Народные Комиссары Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович, Рязанов, Дербышев сложили с себя звание Народных Комиссаров, и что из состава ЦК большевиков вышли Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин <sup>100</sup>. Не помню, были ли опубликованы в газетах мотивы, побудившие названных товарищей к такому решительному шагу, но во всяком случае я тем или другим путем узнал, что раскол произошел по вопросу о свободе печати и привлечении в состав правительства членов всех советских партий, т. е. меньшевиков и эсеров.

Ушедшие товарищи стояли за свободу печати и за необходимость образования социалистического правительства из всех советских партий. Им казалось, что чисто большевистское правительство может удержаться только средствами политического террора, а это поведет, по их мнению, «к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к восстановлению безответственного режима и к разгрому революции и страны» <sup>101</sup>.

Одновременно в «Новой Жизни» было напечатано письмо Луначарского, заявлявшего о сложении с себя обязанностей Наркома Просвещения. Свое решение Луначарский мотивировал тем, что в Москве во время происходивших там боев артиллерийским огнем разрушены художественные памятники старины, в том числе храм Василия Блаженного<sup>102</sup>.

Кризис, как известно, продолжался всего несколько дней, враждующие стороны пришли к соглашению, и организовался новый Совнарком, в состав которого кроме большевиков вошли левые эсеры.

14 ноября ко мне вновь явился курьер Наркоминдела и передал второе письмо тов. Залкинда.

«Уважаемый тов. Поссе,— писал Залкинд,— в виду изменившейся политической конъюнктуры позвольте еще раз обратиться к Вам с запросом относительно Вашего согласия работать по вопросу о военнопленных...»

Мне очень хотелось приняться за работу, но я считал необходимым предварительно переговорить не только с Троцким, но и с Лениным об их отношении к способам ликвидации войны. Я мог согласиться работать в Наркоминделе только при условии ликвидации войны во что бы то ни стало, даже в том случае, если немцы потребуют контрибуции и аннексии. Так называемую революционную войну я считал гибелью для революции. Между тем некоторые заявления Ленина давали думать, что он сторонник революционной войны, если немцы не согласятся на справедливый мир.

Все это я высказал Залкинду. Он ответил мне, что, по его мнению, мир будет заключен, так как Ленин не боится отступать от тех или других своих заявлений, раз этих отступлений требует интерес пролетариата:

— Я знаю Владимира Ильича 12 лет и могу вас уверить, что нет в мире большего оппортуниста, как он.

Меня эти слова несколько смуглили. Я возразил, что к ленинской тактике слово оппортунизм, имеющее очень неприятный привкус, совершенно не подходит.

Мы сговорились, что Залкинд постарается мне устроить в ближайшие дни свидание с Лениным и Троцким, и если это удастся, то известит меня. Но я никакого извещения не получил, и таким образом отпал вопрос о моей работе в Наркоминделе<sup>103</sup>.

Как свободный гражданин, я продолжал работать в «Жизни для всех» и в Союзе Трудового Равенства, принимая участие и в Союзе Рабочих и Крестьян, образо-

вавшемся незадолго до Октябрьской революции. Союз Рабочих и Крестьян, претендовавший быть всероссийским, выбрал себе лозунг: «Машина — крестьянину, хлеб — рабочему». Он задавался целью не только установить деловую смычку между городом и деревней, но и вообще перевести весь хозяйственный аппарат страны с капиталистических рельс на социалистические. Он, как гласила одна из резолюций делегатского собрания Союза 16 января 1918 г., желая быть «силой и волей крестьянина и рабочего во всех отраслях жизни страны», «требовал права непосредственного проведения в жизнь организованного всеобщего свободного труда», прежде всего права товарообмена и мобилизации технических сил. Один из отделов Союза ставил своей целью «при помощи обмена сельскохозяйственных машин и орудий, тканей, металлов и пр. на хлеб, рыбу, масло, мясо, овощи и пр., организовать общественное питание в городах».

Правление Союза состояло из полунинтеллигентных рабочих, крестьян и матросов. Председательствовал Н. Щукин<sup>104</sup>. С нашим Союзом Трудового Равенства Союз Рабочих и Крестьян был связан если не общностью, то сходством преследуемых целей, однородностью социального состава членов и одинаково сочувственным отношением к Октябрьской революции, открывающей путь к коммунизму, который может быть осуществлен в ближайшие годы.

Дружеская связь у Союза Рабочих и Крестьян была и с Кооперативом просветительной помощи «Жизнь для всех». Сотрудники «Жизни для всех» писали в органе Союза Рабочих и Крестьян «Вольном плуге»<sup>105</sup>. Я писал передовые статьи. У меня сохранился только один номер «Вольного Плуга» от 1 января 1918 г. В нем помещена моя статья «Революционная справедливость». Она была пояснением одного из основных начал Союза Трудового Равенства — «Право на жизнь выше права частной собственности». Своими статьями в «Вольном Плуге» я идеологически связывал оба союза.

«За собственность, — писал я в статье «Революционная справедливость», — борются контрреволюционеры, за жизнь — революционеры. Право на жизнь, право на развитие всех своих физических и духовных сил, право на радостное пользование всеми благами природы, это великое право побеждает право собственности, жалкое, жестокое право хитрых хищников безгранично пользоваться не только вещами, но телами и душами труже-

ников, ограбленных на законном основании. (...) Великий русский поэт Н. А. Некрасов еще сорок лет тому назад приравнивал «честные спекуляции» к разбою и указывал, что «сплошь да рядом — видит Бог! — лежат в основе состоянья два-три фальшивых завещанья, убийство, кража и поджог!»

Революционная справедливость — это устранение права собственности во имя права на жизнь. Революционная справедливость — это уничтожение убийств, грабежей и поджогов, уничтожение во имя свободного труда на свободной земле. Если восторжествует у нас истинно пролетарская революция, то не будет у нас богатых, но будет неслыханное и невиданное до сих пор богатство всей страны, т. е. богатство всего народа. Всевозможные акции, облигации, векселя, да и кредитки, как царские, так и керенские, пойдут на обон в квартирах модных поэтов и художников, желающих жить оригинально. Вместе с тем исчезнет деление людей на хозяев и работников, кулаков и бедняков, кредиторов и должников, начальников и подчиненных. Что же останется? Останется кормилица земля с ее волшебными силами света и тепла, останутся наши крепкие мускулы, трепещущие в радостном ожидании свободного труда, останутся наши светлые головы с могучей мыслью, создающей вечность и бесконечность, поднимающей жизнь человеческую все выше и выше по ступеням вселенского разума и вселенской радости. Привет тебе, революционная справедливость, привет тебе, грядущая жизнь в свободных общинах, где у всех трудящихся единая душа, единое сердце, сердце не ведающее ни злости, ни мести!»<sup>106</sup>

При выборах в Учредительное собрание Союз Трудового Равенства выступил с особым списком, составленным из членов обоих Союзов. На собрании, созванном для составления списка, кандидаты были выбраны по жребию, причем в жеребьевке принимали участие исключительно рабочие от станка, а также солдаты и матросы из крестьянской среды. Таким образом, в нашем списке не было ни одного интеллигента. Порядок кандидатов установлен был также жребием, и на первое место попал рядовой артиллерийского парка Саенко, из крестьян Кубанской области. Председатель правления Союза Рабочих и Крестьян Щукин оказался на последнем месте, чем, видимо, был очень недоволен. Человек он был властный и честолюбивый.

Список был зарегистрирован и опубликован, но не-

задолго до выборов Совет нашего Союза, фактически большевистский, решил отказаться от поддержки своего списка и голосовать за список большевиков. Об этом были оповещены все районы. Решение Совета о голосовании за список большевиков я, по поручению Совета, обосновал на одном из митингов в цирке «Модерн». Присутствующие на митинге большевики ответили мне овацией.

Формально аннулировать наш список было уже нельзя, и хотя мы все голосовали за список большевиков, все же наш Рабоче-Крестьянский список собрал свыше 5000 голосов и прошел впереди списка меньшевиков <sup>107</sup>.

При выборах в Петроградскую Центральную городскую думу, происходивших уже после разгона Учредительного собрания, наш Союз выступил со своим списком, во главе которого по настойчивому желанию товарищей был поставлен я. Список собрал достаточное число голосов, и я оказался избранным в гласные Городской думы <sup>108</sup>.

Придя в Думу в то время, когда фракция большевиков в одной из комнат Думы обсуждала при закрытых дверях порядок дня и намечала кандидатов в городские головы, председатели и т. д., я в зале заседаний занял на левой стороне крайнее место. Появившиеся в зале после окончания фракционного собрания большевики были этим очень недовольны и настойчиво требовали, чтобы я пересел на правую сторону, но я свое место все же отстоял. Большевистского единогласия я не нарушал и голосовал за всех кандидатов, выставленных фракцией, и прежде всего за М. И. Калинина, предложенного в городские головы. На последующие заседания я не ходил. Их, впрочем, было очень немного, так как очень скоро Дума была упразднена, как учреждение ненужное при существовании Петросовета <sup>109</sup>.

За мирными переговорами в Брест-Литовске мы следили с лихорадочным интересом, опасаясь их срыва <sup>110</sup>. У меня в это время было два «я». Одно «я» стояло за подписание мира даже на тех грабительских условиях, которые выставляла немецкая делегация. Другое «я», «я» анархическое, было за прекращение войны без подписания «похабного мира», как в то время называли мир, продиктованный немцами. Голоса обоих «я» слышались в моей статье «Бог и дьявол Русской революции» в январском номере «Жизни для всех» за 1918 год, но голос второго «я» звучал громче и определеннее. Я окончил эту статью 15 января, в самый разгар

Брест-Литовского поединка между Троцким и фон-Кюльманом.

«Революция побеждает войну<sup>111</sup>, — писал я. Конечно, далеко не все те, которые стоят за мир, повинуются слову разума, совести и любви; несомненно, что идейные революционеры связывают вопрос мира с торжеством всеобщей справедливости и всеобщего братства. К сожалению, души их отчасти в прошлом, и они до сих пор, по крайней мере, решали вопрос о мире недостаточно определенно, недостаточно, сказал бы я, революционно. Они слишком много хлопочут об условиях, на которых должен быть заключен мир. (...) Революционеры волея-неволей становятся дипломатами, которые, надеясь выторговать выгодные условия мира, могут проторговать революцию. Представители русского революционного народа, предлагая реакционным правительствам перемирие и мир, должны были заранее знать, что дипломатов ни в чем убедить нельзя. Следовало просто спросить, на каких условиях правительства воюющих с нами держав согласны заключить мир. И, узнав эти условия, или подчиниться им, или, обратившись ко всем народам с объяснением, почему на таких условиях революционная Россия не может заключить мира, заявить, что, тем не менее, она воевать не будет, что солдаты ее покинут окопы, вернуться к мирным занятиям; что германцы и их союзники, двинувшись вперед, встретят мирное, трудящееся население, а не штыки и пулеметы. Это был бы акт истинно революционный. Этим русские революционеры добились бы того, о чем они мечтают с февральских дней — превращения русской революции в революцию мировую.

Такова моя вера, и эта вера иная, чем та вера, которая побуждала Керенского толкать солдат на июньское наступление, и эта вера иная, чем та, которая заставляет Троцкого ловить на противоречиях прусского статс-секретаря фон-Кюльмана и прусского генерала Гофмана.

Может быть, Вильгельму, Гинденбургу и Макензену удалось бы двинуть свои войска через опустевшие русские окопы, но то был бы путь не к порабощению России, а к освобождению Германии и всего мира от капитализма и неразрывно связанного с ним милитаризма. Прекращая войну, Россия, если судьбами ее будут руководить последовательные социалисты, планомерно организует социалистический строй, несовместимый с милитаризмом. Надо прямо и определенно сказать, что

социалистической России не нужно войска, не нужно вооружения. Пусть все солдаты превратятся в вольных тружеников на вольных полях и в вольных мастерских.

Чем скорее это произойдет, тем лучше для всех и прежде всего для тех граждан, которые именуются солдатами. Быть солдатом — не почет, а несчастье! Зачем трудящихся делить на рабочих, солдат и крестьян? В социалистической или коммунистической России не должно быть такого деления. Все — граждане, все работают и все на равных правах пользуются благами природы и продуктами совместного труда. Никакой революционной или социалистической армии после торжества социализма не нужно. Не нужно ее и для торжества социализма. Всеобщее разоружение подрывает власть капитализма гораздо сильнее, чем всеобщее вооружение».

Троцкий, как известно, в конце концов поступил именно так, как советовало мое второе «я», которое, конечно, выражало настроение многих солдат и рабочих<sup>112</sup>. Немецкие власти были сначала ошеломлены отказом от войны и от подписания мира. Но после недолгого оцепенения приказали войскам двинуться по направлению Петрограда<sup>113</sup>.

Союз Трудового Равенства решил принять самое активное участие в обороне Петрограда. Я лично считал более последовательным выйти навстречу немецким войскам без оружия, с огромными агитационными плакатами, на которых по-немецки солдаты приглашались бы к братанию с русскими рабочими и крестьянами, не считающими их врагами. Я приступил уж к формированию такого отряда, как сделалось известным, что ЦК большевиков по настоянию Ленина решил подписать мир на условиях, предлагаемых Германией. Германское правительство изменило теперь условия к худшему, и тем не менее мирный договор был подписан без обсуждений и возражений<sup>114</sup>. Лениным, таким образом, выбрана была первая из выставленных мною возможных альтернатив, и я понял, что это самое разумное.

В целом ряде докладов я горячо отстаивал решение подписать Брест-Литовский мирный договор, и то сочувствие, которое встречали мои доводы со стороны рабочих и солдат, убеждало меня, что позиция левых коммунистов и левых эсеров, стоявших за революционную войну, не имеет опоры в массах.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> 16 апреля 1908 на I Всероссийском кооперативном съезде в Москве В. А. Поссе сделал доклад «Задачи кооперации вообще и в частности в России». Дежурный полицейский чиновник требовал от председателя съезда профессора А. С. Постникова остановить оратора и запретить ему изложение программ нелегальных партий. Это сделано не было и В. А. Поссе полагал, что этим вызвано преждевременное закрытие съезда.— Русское слово. 1908. 17 апреля; Поссе В. А. Мой жизненный путь. М.; Л., 1929. С. 436—437.

<sup>2</sup> 19—22 февраля 1917 г. в Перми заседало Собрание уполномоченных Северо-Восточного союза потребителей обществ, а 17—19 февраля в городском театре В. А. Поссе читал лекции «Вечно-человеческое», «Душа женщины», «Основы здоровой и красивой жизни: от действительности к идеалу».— Пермская жизнь. 1917. 17—19 февраля.

<sup>3</sup> 23—25 февраля в музыкальном училище Екатеринбурга В. А. Поссе прочел лекции «Душа женщины», «Счастье и смысл жизни», «Душа мужчины».— Уральская жизнь. 1917. 23—25 февраля.

<sup>4</sup> За антивоенные лекции в Сарапуле «О Германии и немцах» и «Наши союзники» вятский губернатор подверг В. А. Поссе административному взысканию, а министр внутренних дел Н. А. Маклаков запретил В. А. Поссе публичные выступления.

<sup>5</sup> В Петроград В. А. Поссе выехал 26 февраля и прибыл 1 марта.

<sup>6</sup> Мга — железнодорожная станция в 32 км. от Петрограда.

<sup>7</sup> Редакция и контора «Жизни для всех» помещались недалеко от Николаевского вокзала, на улице Жуковского, 22, квартира 14. Здесь же вскоре разместился Оргкомитет Всероссийского кооператива просветительной самопомощи «Жизнь для всех» и Союз имущественного и трудового равенства.

<sup>8</sup> **ЧЕРКАСОВ Пантелей Григорьевич** — потомственный почетный гражданин, журналист, автор политических статей в «Жизни для всех», с сентября 1917 г. редактор журнала; член правления кооператива «Жизнь для всех».

<sup>9</sup> Екатерининский зал — самый большой в Таврическом дворе белоколонный зал-галерея перед залом Государственной думы, ставшем в 1917 г. местом заседаний Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

<sup>10</sup> **БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ Николай Николаевич** (1874—1943) — сын «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской, плодовитый бульварный журналист, писатель, киносценарист, художественный критик. Печатался в «Биржевых ведомостях», «Ниве», «Синем журнале» и др. С 1920 г. в эмиграции, где опубликовал еще более 30 романов. Служил в орга-

нах фашистской пропаганды, погиб при бомбежке Берлина.

Земгусарами были прозваны служащие Земгора (Главного по снабжению армии комитета Всероссийского земского и городского союзов), действовавшего с июля 1915 г. по март 1918 г. Посредничая в выполнении военных заказов в промышленности, Земгор являлся влиятельным политическим центром торгово-промышленной буржуазии.

<sup>11</sup> **КЕРЕНСКИЙ Александр Федорович** (1881—1970) — адвокат, эсер, защитник на политических процессах, председатель фракции трудовиков IV Гос. думы, с лета 1916 г. генеральный секретарь масонского Верховного Совета Великого Востока народов России, с 27 февраля 1917 г. член Временного комитета Гос. думы (ВКГД) и товарищ (заместитель) председателя Петроградского Совета, с 2 марта министр юстиции и генерал-прокурор, 5 мая — 1 сентября военный и морской министр, 8 июля — 25 октября глава правительства и с 30 августа также верховный главнокомандующий. С 1918 г. эмигрант.

<sup>12</sup> **ЧХЕИДЗЕ Николай (Карло) Семенович** (1864—1926) — один из основателей грузинской социал-демократии, член масонского Верховного Совета, председатель фракции меньшевиков IV Гос. думы. В 1917 г. член ВКГД, 27 февраля — 31 августа председатель Петроградского Совета, 16 июня — 25 октября председатель ЦИК Советов. В 1918 г. председатель Закавказского сейма с правами президента республики, 1919—1921 гг. глава правительства и председатель Учредительного собрания Грузии. Покончил самоубийством во Франции.

<sup>13</sup> Трудовая группа возникла в 1906 г. как зачаток легальной крестьянской партии из интеллигентно-народников и крестьян депутатов Гос. думы. Выступала за демократические свободы, парламентское народовластие, национализацию помещичьей земли, 8-часовой рабочий день. На V съезде в апреле 1917 г. провозгласила себя социалистической партией, в июне объединилась с народными социалистами в Трудовую народно-социалистическую партию, требовавшую созыва Учредительного собрания и национального самоопределения в рамках единой демократической республики России.

<sup>14</sup> Песками питерцы называли кварталы вдоль Суворовского проспекта, возникшие на песчаных морских отложениях. В 1917 г. — Рождественский район, где находились Таврический дворец и Смольный.

<sup>15</sup> **ВОДОВОЗОВ Василий Васильевич** (1864—1933) — юрист, экономист, публицист-народник, сторонник создания надклассовой партии трудящихся. В 1906—1917 гг. член Трудовой группы, входил в ее ЦК. В первую мировую войну — «пораженец», сторонник немедленного заключения мира. Покончил с собою в эмиграции.

<sup>16</sup> **ЧАЙКОВСКИЙ** Николай Васильевич (1850—1926) — участник студенческого кружка «чайковцев», открывшего хождение в народ. В 1874—1907 гг. в эмиграции, с 1904 г. эсер. По возвращении провел год в Петропавловской крепости, порвал с эсерами, стал легальным кооперативным деятелем и видным мasonом. В первую мировую войну организатор продовольственной помощи фронту, уполномоченный Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов, президент Императорского Вольно-экономического общества. В 1917 г. — «дедушка русской революции», член Исполкомов Петроградского Совета Р. и С. Д. и Всероссийского Совета крестьянских депутатов, ЦК Трудовой народно-социалистической партии, борец с большевизмом. С августа 1918 г. глава правительства Северной области, в феврале—марте 1920 г. член Южнорусского правительства. Эмигрант.

<sup>17</sup> **ЗАРУДНЫЙ** Александр Сергеевич (1863—1934) — юрист, защитник по делу Петербургского Совета 1905—1906 гг. и на других политических процессах. В 1913 г. добился оправдания В. А. Поссе, обвиненного в кощунстве за публикацию в «Жизни для всех» статей Л. Н. Толстого, и стал юрисконсультom журнала. С марта 1917 г. до весны 1918 г. народный социалист. В 1917 г. в марте — апреле товарищ министра юстиции, 23 июля — 27 августа министр юстиции. Позднее преподавал в вузах Ленинграда.

<sup>18</sup> **СТРУВЕ** Петр Бернгардович (1870—1944) — экономист, историк, философ, теоретик «легального марксизма» и кадетской партии. В 1917 г. профессор Политехнического института, в апреле директор 2-го департамента МИД, с П. Н. Милюковым ушел в отставку; с 13 мая академик (исключен в 1928 г.); редактор журналов «Русская мысль» и «Русская свобода»; участник Гос. совещания и Предпарламента. Организатор Белого движения, входил в правительства Деникина и Врангеля. Эмигрант.

<sup>19</sup> Имеется в виду подавление Июньского восстания рабочих Парижа 1848 г. и Парижской коммуны 1871 г.

<sup>20</sup> **БОНЧ-БРУЕВИЧ** Владимир Дмитриевич (1873—1955) — в 1902—1903 гг. член социал-демократической организации «Жизнь», с 1903 г. большевик. В 1910—1918 гг. глава легального издательства РСДРП «Жизнь и знание». В 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета, в дни Февральской революции с вооруженной группой занял типографию «Газеты-копейки» и наладил выпуск газеты «Известия Петроградского Совета», в марте—апреле один из ее редакторов, в июле—августе член редакции большевистской газеты «Рабочий и солдат». С ноября 1917 г. по октябрь 1920 г. управляющий делами СНК. Позднее на научной работе.

<sup>21</sup> **НЕКРАСОВ** Николай Виссарионович (1879—1940) — крайне левый член ЦК кадетов, с июля 1917 г. в Радикально-демократической партии. Член масонского Верховного Совета. Товарищ пред-

седателя IV Гос. Думы. В 1917 г. член ВКГД, 2 марта — 2 июля министр путей сообщений, затем министр без портфеля, 24 июля — 26 августа товарищ министра-председателя (заместитель А. Ф. Керенского) и министр финансов, в сентябре — октябре генерал-губернатор Финляндии. Позднее работал в кооперации, преподавал. В 1930 г. репрессирован, отличился на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Погиб в заключении.

<sup>22</sup> **ВЕЛИЧКИНА Вера Михайловна** (1869—1918) — врач, участница организации «Кизнь», с 1903 г. большиевичка. В 1905 г. работала в Петербургском Совете рабочих депутатов. В 1917 г. до мая секретарь редакции «Известий Петроградского Совета», затем член редакции большевистского журнала «Работница» и бюро Рождественского райкома большевиков. В 1918 г. работала в наркоматах просвещения и здравоохранения. Неоднократно лечила В. И. Ленина.

<sup>23</sup> **РУЗСКИЙ Николай Владимирович** (1854—1918) — генерал от инфантерии, из рода Лермонтовых. 1 августа 1916 г. — 25 апреля 1917 г. главнокомандующий Северным фронтом (в рукописи В. А. Поссе ошибочно — Северо-Западным). Не обладая даром полководца, не гнушался для карьеры обращаться к Гр. Распутину. Убеджал Николая II отречься от престола и отказался послать войска на подавление революции, о чем вскоре горько сожалел. После отставки лечился в Минеральных водах. Взят большевиками в 1918 г. в заложники и убит по приговору революционной тройки.

<sup>24</sup> **ИЗГНАННИК** — псевдоним **ОХОТИНА Николая Семеновича** (р. 1885), поэта и прозаика.

<sup>25</sup> В Празднике революции, в Харькове, 16 марта 1917 г. участвовали 300 тыс. человек, из них 100 тыс. в шествии, длившемся с 11 до 17 часов. Солдаты торжественно присягнули Временному правительству. Во главе их шла машина с военным комиссаром и комендантом гарнизона князем Тархан-Моуравовым. За ними шествовали рабочие, группа освобожденных политзаключенных, учащиеся и замыкала «инородческая команда». Преобладали лозунги с призывом к войне до победы, «Когда войска подошли к Николаевской церквп, раздался торжественный звон, проводивший всю процессию». — Южный край. 1917. 18 марта.

<sup>26</sup> **АНТОНИЙ**, в миру **ХРАПОВИЦКИЙ Алексей Павлович** (1863—1936) — в 1914—1917 гг. архиепископ Харьковский и Ахтырский. Уволен Временным правительством на покой в Валаамский монастырь, но в августе восстановлен Всероссийским поместным собором. Кандидат в патриархи Возведен патриархом Тихоном в митрополиты, с мая 1918 г. митрополит Киевский. Эмигрировал в Сербию, где в 1921 г. возглавил Карловацкий раскол Русской православной церкви, первый глава ее эмигрантской части.

<sup>27</sup> В Харькове В. А. Поссе читал лекции 9—15 марта. Лекция «Революция, Учредительное собрание, рес-

публика» прочитана им дважды, 14 и 15 марта в Большом театре.— Южный край. 1917. 14, 15 марта.

<sup>28</sup> Поссе В. А. Учредительное собрание. Пг., 1917. 8 с.

<sup>29</sup> **ЛУРИЯ** Аарон Павлович — инженер-технолог, в 1897 г. основал социал-демократическую группу «Рабочее знамя», был заключен в Петропавловскую крепость и сослан в Сибирь. В 1915 г. вышел из РСДРП, в 1917 г. народный социалист. После бегства Врангеля из Крыма оказался среди тысяч безвинно расстрелянных чекистами в Севастополе.— Мельгунов С. П. Красный террор в России. М., 1990. С. 69. Газета «Южные ведомости» выходила в Симферополе с 1906 г. В марте 1917 г. ее редактором значился С. Е. Бычков.

<sup>30</sup> Вечером 23 марта Симферопольская еврейская община собралась в хоральной синагоге по случаю издания Временным правительством постановления от 20 марта об отмене вероисповедных и национальных ограничений. После песнопений и благодарственных молитв выступили духовный раввин Кречмер, общественный раввин С. С. Видершайн, А. Б. Дерман, В. А. Поссе, А. П. Лурия. Все, кроме Поссе, призывали к отражению внешнего врага. Община направила приветственную телеграмму Временному правительству.

<sup>31</sup> «Сильное впечатление произвело прочувственное слово литератора В. А. Поссе, обратившегося к братьям-евреям от имени русского народа. В. А. Поссе просил простить темным русским людям нанесенные ими обиды и дружно идти с русским народом к общей цели — благу родины, которую евреи всегда любили». В ответной речи А. П. Лурия сказал, что «евреев угнетал не русский народ, а узурпаторы прав русского народа, кощунственно прикрывавшиеся его именем... Русский же народ был всегда правдолюбив и, получая свободу, единым взмахом покончил с национальными и вероисповедными ограничениями». — Южные ведомости. 1917. 25 марта.

<sup>32</sup> В Севастополе 25 и 26 марта в зимнем помещении городского общественного собрания В. А. Поссе читал лекцию «Об Учредительном собрании и революции».

<sup>33</sup> **БАТКИН Федор** (в рукописи В. А. Поссе ошибочно — Бабкин) — эсер, бывший студент Петроградского Технологического института. После февральской революции поступил вольноопределяющимся на Черноморский флот, где стал известным митинговым оратором, агитировал за наступление на фронте. В составе делегации Черноморского флота в мае посетил Петроград, затем ездил по Западному фронту. Позднее участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода ген. Л. Г. Корнилова, работал в Ростовском осведомительном агитационном отделе Добровольческой армии. Эмигрировав, в Константинополе организовывал тараканьи бега.

<sup>34</sup> В этом В. А. Поссе не был исключением. 26 марта он предложил слушателям лекции приветствовать

вице-адмирала А. В. Колчака, «что было и исполнено в тот же день». — Крымский вестник. 1917. 29 марта.

**КОЛЧАК Александр Васильевич** (1874—1920) — флотоводец, полярный исследователь, гидрограф, военно-морской теоретик, мастер минного дела, один из вождей Белого движения. За отличие в Русско-Японскую войну награжден золотым именным оружием. Инициатор создания Морского Генерального штаба. В первую мировую войну организовал надежную минную защиту морского пути в Петроград. С 28 июня 1916 г. вице-адмирал, командующий Черноморским флотом. 6 июня 1917 г. отстранен от должности делегатским собранием матросов, солдат и рабочих Севастополя. Не желая сдать свое золотое оружие, сломал и бросил в море. В Петрограде вошел в конспиративный контрольно-революционный «Республиканский центр», наметивший его в диктаторы. Желая избавиться себя от этой опасности, Временное правительство 28 июня постановило командировать Колчака в США в составе специальной морской миссии, для постановки минного дела на американском флоте. В октябре 1918 г. прибыл из-за границы в Омск, 4 ноября назначен военным и морским министром Директории, в ночь на 18 ноября организовал военный переворот, став верховным главнокомандующим и объявив себя верховным правителем Российского государства, установил жестокую диктатуру. После разгрома его войск, выдан иностранными интервентами 15 января 1920 г. Иркутскому ВРК и 7 февраля расстрелян.

<sup>35</sup> **ВЕРХОВСКИЙ Александр Иванович** (1886—1938) — участник Русско-Японской, первой мировой и гражданской войн. В 1917 г. подполковник, начальник Черноморской дивизии, с 3 июля полковник, командующий войсками Московского военного округа, руководил усмирением революционных выступлений солдат Н. Новгорода и Твери, при мятеже ген. Л. Г. Корнилова поддержал Временное правительство, с 30 августа генерал-майор Генштаба и военный министр, сторонник выхода России из войны и демобилизации армии, поэтому 20 октября вышел в отставку. В 1918 г. арестован ВЧК, затем мобилизован в Красную армию. В 1922 г. военный эксперт на Генуэзской конференции, преподавал в Военной академии РККА, с 1936 г. комкор. Репрессирован.

<sup>36</sup> К приезду Плеханова. Справка // Правда. 1917. 1 апреля. Автор не указан. Слова Г. В. Плеханова на Цюрихском конгрессе Интернационала 1893 г. в этой заметке изложены так: «Если бы немецкие войска перешли нашу границу, то они перешли бы как освободители, подобно тому, как 100 лет тому назад французы национального конвента пришли в Германию, чтобы, победив государей, дать народу свободу».

<sup>37</sup> **ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ** — Придворов Ефим Алексеевич (1883—1945) — поэт-большевик, печатался в «Жизни для всех». В 1917 г. заведовал в Центральном Военно-промышленном комитете Отделом по обес-

печению промышленных предприятий рабочим составом и входил в Главный комитет по отсрочкам от призыва в армию. После октября 1917 г. ведущий большевистский поэт-агитатор. В середине 30-х гг. впал в немилость у Сталина, был исключен из партии.

**ЕРЕМЕЕВ Константин Степанович** (1874—1931) — член РСДРП с 1896 г., большевик, литератор, псевдонимы: дядя Костя, князь Курбский, М. Медведев и др. Бежав в 1904 г. из ссылки за границу, познакомился с В. А. Поссе. В 1917 г. член Бюро ЦК РСДРП(б), сотрудник «Правды» и «Солдатской правды», один из организаторов Октябрьского восстания в Петрограде, участник гражданской войны. Первый редактор журнала «Крокодил».

<sup>38</sup> **САЦ Александра Александровна** — медик, переводчица, участница организации «Жизнь», переправляла нелегальную литературу в Россию, друг В. А. Поссе.

<sup>39</sup> Малон Б. Интернационал, его история и принципы. Перевод с французского, с предисловием В. А. Поссе. Б. м., 1907. 56 с.

<sup>40</sup> Г. В. Плеханов приехал из Сан-Ремо окружным путем через Англию, Северное море, Финляндию и ночью 31 марта торжественно встречен на Финляндском вокзале. Страстный сторонник победы над Германией. Критиковал меньшевиков-руководителей Петроградского Совета как «полуленинцев» и не вошел в его состав.

<sup>41</sup> **КАМЕНЕВ (Розенфельд) Лев Борисович** (1883—1936) — член РСДРП с 1901 г., один из руководителей партии большевиков. В 1917 г. член ЦК, один из редакторов «Правды», член Исполкома Петроградского Совета и ЦИК Советов, на более умеренной позиции, чем Ленин. После Июльских событий сидел в «Крестах», противник вооруженного взятия власти, но участвовал в Октябрьском восстании большевиков. 27 октября — 8 ноября первый большевистский председатель ВЦИК Советов, оставил пост как сторонник включения в правительство меньшевиков и эсеров. Член Политбюро ЦК РСДРП(б) в октябре 1917 г. и в 1919—1925 гг. Председатель Моссовета в 1918—1926 гг. и одновременно с 1922 г. заместитель председателя СНК В. И. Ленина с 1923 г. первый директор Института Ленина, с 1924 г. председатель Совета труда и обороны. Был в оппозиции Троцкому, затем Сталину, отстранен от власти. Репрессирован.

<sup>42</sup> В ответной статье «Война народов и научный социализм» Г. В. Плеханов обвинил «Правду» в неправде и так разъяснял свою позицию: «Я действительно говорил это, но под немецкими войсками я понимал германцев, социал-демократическую армию, которая, покончив с Гогенцоллернами и с другими немецкими государями, двинулась бы против Романовых, чтобы обеспечить свой тыл от возможного нападения и с их стороны. Если бы это предположение осуществ-

вилось в течение настоящей войны, то я повторил бы то же самое. Но теперь произошло нечто прямо противоположное. Русская армия покончила с Романовыми и воюет с войсками Гогенцоллернов. Немцам остается вести себя по отношению к ней так же, как вели они себя по отношению к войскам французского конвента. Если они этого не делают, то единственно поэтому, что теперь они являются не революционерами а империалистами и шовинистами».— Единство. 1917. 5 апреля.

<sup>43</sup> Тезисы «О задачах пролетариата в данной революции» В. И. Ленин огласил 4 апреля 1917 г. в Таврическом дворце на собраниях большевиков и участников Всероссийского совещания Советов, 6 апреля на заседании Бюро ЦК РСДРП(б). Опубликованы 7 апреля в «Правде». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 113—118). Тезисы намечали курс на разрыв с социал-демократизмом и парламентаризмом, на низложение Временного правительства и осуществление социалистической революции, создание Коминтерна, переименование РСДРП(б) в Коммунистическую партию. Тезисы враждебно встречены меньшевиками, а среди большевиков вызвали дискуссию и сначала не были приняты. Л. Б. Каменев и другие большевики считали курс Ленина слишком рискованным и оторванным от реальной действительности. На Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) 24—29 апреля В. И. Ленин добился принятия своего курса.

<sup>44</sup> Программа и устав Союза имущественного и трудового равенства в кн.: Поссе В. А. От капитализма к коммунизму. Пг, 1917. С. 52—61.

<sup>45</sup> **ГУМИЛЕВСКИЙ Лев Иванович** (1890—1976) — советский писатель. В 1917—1918 гг. постоянный автор журнала «Жизнь для всех», секретарь Оргкомитета Всероссийского кооператива просветительной самопомощи «Жизнь для всех», автор и в феврале-марте 1918 г. ответственный редактор еженедельника «Вольный плуг».

<sup>46</sup> Повесть Л. Гумилевского «Собачий переулоч» опубликована в 1927 г. и вызвала дискуссию о морали советской молодежи.

<sup>47</sup> **ВОРОНКОВ Сергей Клементьевич** — в 1910 г. редактор газеты «Омский вестник» и журнала «Сибирская строка», в 1912 г. редактор-издатель газет «Сибирская неделя» и «Ишимский край» (закрыта цензурой), в 1913 г. редактор-издатель газеты «Ишимская степь».

<sup>48</sup> **КОНСТАНСОВ Семен Владимирович** (1869—?) — доктор медицины, первым выделил возбудитель ботулизма из красной рыбы, вызвавшей отравления, и создал антитоксическую сыворотку против рыбного яда; автор исследований о бубонной чуме, о холере, вызванной бактериями виноградного сока, об организации санитарного надзора на Черноморском

торговом флоте; публиковал отчеты о деятельности Феодосийской Пастеровской станции при Бактериологической лаборатории Феодосийского карантина.

<sup>49</sup> **ТОКАРЕВ Александр Сергеевич** (1874—1943?) — экономист, публицист (псевдонимы: Бакурцев, Недров), кооператор. Член питерского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», противник ленинской «Искры» (партийные клички: Вышибайло, Леший), вызвал раскол Петербургской организации РСДРП, создав Комитет рабочей организации. В 1903—1905 гг. в заключении. Позднее синдикалист и последователь В. А. Поссе, участник «Трудового союза». После октября 1917 г. на советской и хозяйственной работе.

<sup>50</sup> **ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ Александр Петрович**, принц (1844—1933) — правнук Павла I, генерал-адъютант и генерал от инфантерии. Участник Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. Приобрел известность как организатор и попечитель Института экспериментальной медицины, Общества трезвости, Народного дома императора Николая II в Петербурге, первых черноморских курортов Кавказа, покровитель ученых-медиков И. П. Павлова и др. В 1914—1917 гг. верховный начальник военно-санитарной и эвакуационной части. Эмигрант.

<sup>51</sup> Впервые легально Первое мая праздновалось в Петрограде 18 апреля (1 мая н. ст.) 1917 г. Марсово поле стало одним из мест митингов. С грузовиков, служивших трибунами, выступали руководители Петроградского Совета, социалистических партий и групп. 18 июня в Петрограде прошла Июньская Всероссийская демонстрация с участием полумиллиона питерцев. На ней преобладали большевистские лозунги отставки «10 министров-капиталистов» из коалиционного кабинета и передачи всей государственной власти Советам, т. е. создания социалистического правительства. Это была последняя мирная революционная демонстрация 1917 г. в Петрограде.

<sup>52</sup> **ПРОСКУРНИН Николай Михайлович** (1861—1942) — художник-архитектор, строил в Петербурге, Москве, Риге и других городах. В 1917 г. являлся также товарищем председателя совета Петроградского вегетарианского общества и врачебно-гимнастического заведения «Спорт и гигиена». Умер в блокаду Ленинграда.

<sup>53</sup> В. А. Поссе разделял некоторые взгляды кн. П. А. Кропоткина, выдающегося теоретика анархизма, и с 1900 г. был с ним в товарищеских отношениях. В ночь с 30 на 31 мая 1917 г., после 40-летней эмиграции, кн. П. А. Кропоткин вернулся в Петроград и с антантофильских позиций осудил антивоенную деятельность большевцев и анархистов.

<sup>54</sup> Поссе В. Совесть и власть. Война и мир // Жизнь для всех. 1917. № 7—9 (июль-сентябрь). С 816—818. Далее в статье говорится: «Под видом власти ищут повиновения. Нет его. Почему нет? А потому, что в народе пробуждается совесть. Где совесть,

там нет повиновения внешней власти с ее узаконенными злодействами вроде войны и смертной казни. (...) ...Он еще верит хитрым и бессовестным фарисеям и книжникам. Затуманивают они его совесть словами о «гибели отечества», «национальном позоре», «священной собственности», «государственном творчестве» и пр. Но близится время, когда поймет народ, что выше отечества — братство людей, независимо от их национальности, что предложение мира честнее продолжения мировой бойни, что право на жизнь выше права частной собственности». — Там же. С. 818—819.

<sup>55</sup> Наступление началось 16 июня мощной артиллерийской подготовкой на Юго-Западном фронте, который должен был нанести главный удар. 16 июня корпуса ударной группы начали атаку неприятельских позиций, заняв к полудню первую и местами вторую и третью линии окопов врага. В Петрограде о наступлении стало известно 19 июня.

<sup>56</sup> Цирк Чинизелли — первый стационарный цирк в России, построен в 1876—1878 гг. по заказу антрепренера Г. Чинизелли в центре Петербурга на правом берегу Фонтанки (ныне Ленинградский цирк). 6 мая 1917 г. здесь состоялся митинг в честь делегации Черноморского флота. На нем выступили Ф. Баткин, Е. К. Брешко-Брешковская, А. Ф. Керенский, Э. Вандервельде, дипломаты Антанты и США и др. О митинге см.: Поссе В. Воспоминания (1905—1917 гг.). Пг., 1923. С. 138—140.

<sup>57</sup> Первый коалиционный кабинет Временного правительства сформирован 5 мая 1917 г. 10 министерских мест в нем получили буржуазные либералы и 6 мест — социалисты (меньшевики, эсеры, народный социалист и трудовик). Отставка министров-кадетов 2 июля и министра-председателя кн. Г. Е. Львова 7 июля вызвала глубокий правительственный кризис. 24 июля был сформирован второй коалиционный кабинет под председательством А. Ф. Керенского.

<sup>58</sup> 14 июля по приказу А. Ф. Керенского неудачное наступление на фронтах было прекращено. 24 июля германские войска атаковали русские и румынскую армию. Ожесточенные бои продолжались до 30 июля. Неприятель захватил Галицию. Потери русской армии превышали 150 тыс. человек.

<sup>59</sup> **ЧИРИКОВ Евгений Николаевич** (1864—1932) — известный русский писатель. С 1890-х гг. печатался у В. А. Поссе. В 1917 г. оборонец, с 1920 г. эмигрант.

<sup>60</sup> **ПОССЕ Константин Александрович** (1847—1928) — старший брат В. А. Поссе, выдающийся математик, профессор Петербургского университета, с 3 декабря 1916 г. почетный член Академии наук. Его учебник не раз переиздавался в советские годы. В 1917 г. член оргкомитета Свободной ассоциации по развитию и распространению положительных наук. До 1921 г. преподавал в вузах. Умер в глубокой бедности, почти ослепший, в Доме престарелых ученых Ленинграда.

<sup>61</sup> Жена К. А. Поссе, Эмилия Ивановна (урожденная Поссе), была также двоюродной сестрой братьев. Умерла раньше мужа, в 1920-е гг.

<sup>62</sup> **ТРЕГУБОВ Иван Михайлович** (1858—1931) — толстовец, исследователь сектантства. В. А. Поссе познакомился с ним в 1901 г. в Англии: «Небольшой и неуклюжий, с прямыми, длинными седеющими волосами, с широкой редкой бородой, в стальных очках, вдавленных в широкий нос, походил он на какого-нибудь старообрядческого начетчика».—Поссе В. А. Мой жизненный путь. С. 257.

<sup>63</sup> В этой статье М. Горький писал: «Третий год мы живем в кровавом кошмаре и — озверели, обезумели, искусство возбуждает жажду крови, убийства, разрушения; наука изнасилована милитаризмом, покорно служит массовому уничтожению людей. Эта война — самоубийство Европы! Подумайте,— сколько здорового, прекрасно мыслящего мозга выплеснуто на грязную землю за время этой войны, сколько остановилось чутких сердец! (...) Не будем искать виновных в стороне от самих себя, скажем горькую правду: все мы виноваты в этом преступлении, все и каждый. (...) Речь идет не о миллиардах рублей, а о миллионах жизней, бессмысленно истребляемых чудовищем Жадности и Глупости».— Жизнь для всех. 1917. № 4 (май). С. 533—534.

<sup>64</sup> Поссе В. Война. Революция. Анархия // Жизнь для всех. 1917. № 4. С. 535—544.

<sup>65</sup> Новая Жизнь. Общественно-литературная социал-демократическая газета. Издавалась в Петрограде с 18 апреля 1917 г. по инициативе группы внефракционных социал-демократов-интернационалистов. М. Горький был одним из редакторов газеты. В редакцию входили также Н. Н. Суханов (Гиммер), В. А. Строев (Десницкий), Б. В. Авилов, В. А. Базаров (Руднев) и др. Издателем был А. Н. Серебров (Тихонов). Газета давала на своих страницах возможность печататься большевикам, хотя и осуждала их тактику. Октябрьскую революцию встретила враждебно. В июне 1918 г. закрыта большевиками.

<sup>66</sup> Н. Н. Суханов вспоминал, что М. Горький являлся полным хозяином «Новой Жизни», распоряжался ее ресурсами, но не определял лица газеты. Более того, он недоволен был ее направлением. «Горький не желал политики, не переносил ее в таких дозах. Он требовал культуры, быта, общих горизонтов, философии, истории». «В те времена я не помню его в хорошем настроении. Он не любил «Новой Жизни».— Суханов Ник. Записки о революции. Кн. 4. Первая коалиция против революции (6 мая — 8 июля 1917). Берлин — Пб.— М., 1922. С. 179, 183.

<sup>67</sup> Цикл статей «Несвоевременные мысли» М. Горький публиковал в «Новой Жизни» как передовицы с 20 апреля 1917 г. до ее закрытия. О роли вождей

большевиков в вооруженной демонстрации 3—4 июля с требованием взятия Советами всей власти М. Горький писал: «Я не намерен оправдывать авантюристов, мне ненавистны и противны люди, возбуждающие темные инстинкты масс, как бы не были солидны в прошлом их заслуги перед Россией. Я думаю, что германская провокация событий 4 июля — дело возможное, но я должен сказать, что злая радость, обнаруженная некоторыми людьми, после событий 4-го, — тоже крайне подозрительна». — Новая Жизнь. 1917. 14 июля. Осуждение большевиков, однако, не означало поворота М. Горького вправо, он сам подвергся травле в буржуазной печати за интернационализм и левизну.

<sup>68</sup> 3 июля Петроград узнал об уходе министров-кадетов из правительства. По инициативе анархистов-коммунистов и левачки настроенных большевиков 1-й пулеметный полк увлек за собою на вооруженную демонстрацию против правительства, за взятие власти Советами, революционные части гарнизона и рабочих Путиловского и других заводов. Демонстранты заняли Петропавловскую крепость и окружили Таврический дворец, где заседало руководство Советов. 4 июля, с прибывшими из Кронштадта моряками, демонстранты составляли уже полмиллиона человек. Произошли столкновения между ними и верными Временному правительству войсками. Правые экстремисты обстреливали демонстрантов с крыш. 56 человек было убито и 650 ранено. Аналогичные демонстрации начались по всей стране, но руководство Советов отказалось взять на себя всю полноту государственной власти и сформировать другое правительство.

<sup>69</sup> Цирк «Модерн» — деревянный цирк в начале Кронверкского проспекта, рядом с особняком М. Ф. Кшесинской. Открыт в 1909 г. Вместал до 5 тыс. зрителей. Дешевизна билетов и бедность интерьера снижали ему репутацию простонародного, в отличие от цирка Чинизелли. С марта 1917 г. — место революционных митингов. После пожара в 1919 г. разобран на дрова.

<sup>70</sup> **БЕБКА** — **Поссе Сергей Владимирович** (1901—1940) — сын В. А. Поссе и А. Н. Борман. Родился в Англии, поэтому в семье его звали Бебка — от английского «бэби». В конце 1917—1918 гг. член бюро учащихся большевиков Петрограда. Позднее член ЦКК Компартии Белоруссии и глава Белорусского Истпарта. В 1938 г. репрессирован.

<sup>71</sup> **ВОЙТИНСКИЙ Владимир Савельевич** (1885—1960) — член РСДРП с 1905 г., большевик, в 1906—1907 гг. председатель Петербургского Совета безработных, затем в тюрьме и ссылке в Сибири. С апреля 1917 г. меньшевик-оборонец, член Исполкома Петроградского Совета и член редакции «Известий Петроградского Совета», в августе-сентябре правительственный комиссар 12 армии и Северного фронта,

в конце октября участник похода Керенского-Краснова на Петроград, посажен большевиками в Петропавловскую крепость. После эмиграции в 1921 г. в Германию и затем в США стал известным экономистом.

<sup>72</sup> События 3 июля застали В. И. Ленина в Финляндии, где он скрывался на даче В. Д. Бонч-Бруевича с 28 июня, поскольку в Петрограде возникла угроза для его жизни. Утром 4 июля, по вызову ЦК РСДРП(б), В. И. Ленин вернулся в Петроград (см.: Черняев В. Пять дней в Нейволе // Белые ночи: Очерки. Зарисовки. Воспоминания. Документы. Л., 1985. С. 41—64). Совещание большевиков под руководством В. И. Ленина в Таврическом дворце в ночь с 4 на 5 июля постановило прекратить демонстрации.

<sup>73</sup> **ПЕТРОВСКИЙ Григорий Иванович** (1878—1958) — член РСДРП с 1897 г., председатель фракции большевиков IV Гос. думы, сослан с нею в ноябре 1914 г. в Сибирь. С конца июня 1917 г. митинговый оратор в Петрограде, затем в Екатеринославе. Ноябрь 1917—1919 гг. нарком внутренних дел. В 1919—1939 гг. председатель Всеукраинского ЦИК Советов (Верховного Совета УССР) и с декабря 1922 г. один из четырех председателей ЦИК СССР, с 1938 г. заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР. В марте 1939 г. отстранен Сталиным со всех постов, но репрессирован не был.

<sup>74</sup> **СПИРИДОНОВА Мария Александровна** (1884—1941) — вождь левых эсеров. За убийство тамбовского вице-губернатора, усмирителя крестьян, в 1906 — марте 1917 гг. на сибирской каторге. 4 июля 1917 г. на заседании руководства Советов в Таврическом дворце поддержала предложение Ю. О. Мартова о формировании правительства с преобладанием представителей Советов, но оно не было принято. После октября 1917 г. член Президиума ВЦИК Советов и товарищ председателя ЦК левых эсеров. Противница Брестского мира и превращения власти Советов во власть РКП(б). После Мятежа левых эсеров 6 июля 1918 г. неоднократно репрессирована. 3 октября 1941 г. расстреляна в Орловской тюрьме вместе с другими видными деятелями революции.

<sup>75</sup> Военские части Петроградского гарнизона, являвшиеся участницами революционного выступления 3—4 июля, были полностью либо частично расформированы. Главный застрельщик их выступления 1-й пулеметный полк был разоружен, 45 пулеметчиков арестованы. Для внешнего эффекта эту акцию провели 8 июля на Дворцовой площади. Из 19 тыс. пулеметчиков после расформирования полка осталась лишь 1 тыс. человек. В дни выступления ген. Л. Г. Корнилова они охраняли резиденцию Временного правительства Зимний дворец, а в октябре — штаб восставших большевиков Смольный. В феврале 1918 г. они сопровождали поезд, перевозивший золотой запас Госбанка из Петрограда в Москву.

<sup>76</sup> Решение об аресте В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и Л. Д. Троцкого Временное правительство приняло в 2 часа утра 7 июля. И сразу же на квартиру М. Т. Елизарова на Широкой улице, где были прописаны В. И. Ленин и Н. К. Крупская, выехал вооруженный отряд для обыска и ареста. В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев скрылись в подполье, а Л. Б. Каменев и Л. Д. Троцкий заявили в ЦИК Советов о своем согласии отдаться в руки властей, если ЦИК Советов санкционирует их арест.

<sup>77</sup> **СТЕКЛОВ (Нахамкис) Юрий Михайлович** (1873—1941) — в революционном движении с 1893 г., большевик. После Февральской революции член Исполкома Петроградского Совета, отошел от большевиков на позиции революционного оборончества, но поддерживал их по многим вопросам и за это подвергался травле. Ночью 7 июля вызванный Стекловым А. Ф. Керенский дважды предотвратил его арест и расправу над ним со стороны врывавшихся в его квартиру военных. На другой день Стеклов уехал на дачу в Финляндию, в деревню Нейволу, и 10 июля был арестован там отрядом юнкеров, разыскивавших В. И. Ленина, и со связанными руками на грузовике доставлен в Петроград, где вскоре был освобожден. К октябрю 1917 г. вновь в рядах большевиков, участник их восстания, стал редактором «Известий ВЦИК», членом Президиума ВЦИК. Позднее на журналистской, административной и научной работе. Пал жертвой сталинских репрессий.

<sup>78</sup> Л. Б. Каменев арестован 9 июля. Ф. Ф. Раскольников сдался властям 13 июля. В тот же день в Торнео, на шведской границе арестована А. М. Коллонтай, возвращавшаяся из Стокгольма, где она была во время событий 3—4 июля. Л. Д. Троцкий 10 июля опубликовал письмо Временному правительству о своей полной солидарности с В. И. Лениным, Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым. 23 июля А. В. Луначарский и Л. Д. Троцкий также были арестованы. Всех их заключили в Петроградскую одиночную тюрьму «Кресты».

<sup>79</sup> 11 июня «Новая Жизнь» поместила на третьей странице «Письмо в редакцию» за подписями: «Н. Ленин, Г. Зиновьев, Ю. Каменев». К письму дано примечание: «От Ред.: Помещая настоящее письмо, мы воздерживаемся от всяких комментариев в надежде, что Следственная Комиссия скоро вынесет по этому делу свое окончательное мнение». «Письмо в редакцию «Новой Жизни» включено в Полное собрание сочинений В. И. Ленина — Т. 34. С. 6—7. Подписи Зиновьева и Каменева в нем отсутствуют, не воспроизведено и примечание газеты.

<sup>80</sup> «На всю жизнь останутся в памяти отвратительные картины безумия, охватившего Петроград днем 4-го июля. Вот, ошестинясь винтовками и пулеметами, мчится, точно бешеная свинья, грузовик автомобиль,

тесно набитый разношерстными представителями «революционной армии», среди них стоит встрепанный юноша и орет истерически:

— Социальная революция, товарищи!» — Горький М. Несвоевременные мысли // Новая Жизнь. 1917. 14 июля.

<sup>81</sup> На Муринском проспекте, в Лесном, было два кинематографа: «Электро-театр» в доме 31 и «Новый театр» в доме 61.

<sup>82</sup> Постановление о введении в отношении военнослужащих смертной казни через расстрел и об учреждении военно-революционных судов было принято Временным правительством 12 июля 1917 г. по требованиям ген. Л. Г. Корнилова, ген. В. Н. Клембовского, правительственных комиссаров Б. В. Савинкова, М. М. Филоненко, В. П. Гобечиа, которых поддержал верховный главнокомандующий ген. А. А. Брусилов.

<sup>83</sup> **ЦЕРЕТЕЛИ Ираклий Георгиевич** (1881—1959) — меньшевик. После разгона П. А. Столыпиным 3 июня 1907 г. II Гос. думы, как член ее социал-демократической фракции, осужден, 6 лет провел в камере-одиночке, затем сослан под Иркутск. В 1917 г. вождь блока оборонцев меньшевиков и эсеров в Петроградском Совете, 5 мая — 23 июля министр почт и телеграфов, 16 июня — 25 октября товарищ председателя ЦИК Советов, сторонник жесткой политики в отношении большевиков. Участник Учредительных собраний России и Грузии. Представлял меньшевистское правительство Грузии за рубежом. С 1948 г. в США.

<sup>84</sup> **ПУРИШКЕВИЧ Владимир Митрофанович** (1870—1920) — бессарабский помещик, депутат II, III, IV Гос. дум — фракция правых. 1904—1906 гг. — товарищ председателя «Союза русского народа», в 1907 г. создал свою черносотенную организацию «Палата Михаила Архангела». В первую мировую войну уполномоченный Красного креста на фронте. Один из убийц Г. Распутина. В 1914—1917 гг. возглавлял монархическое «Общество Русской Государственной карты после победоносной войны», замешанное в подготовке Корниловского мятежа. Преследовался Временным правительством и большевиками. Участник Белого движения.

<sup>85</sup> Поссе В. Общественная жизнь. К третьей годовщине мировой войны // Жизнь для всех. 1917. № 6. С. 754.

<sup>86</sup> Днем 14 августа на железнодорожной станции Пороховая, в предместьи Казани, воспламенились вагоны с селитрой и от них начали взрываться артиллерийские снаряды, приготовленные к отправке на фронт. Пожар охватил пороховые погреба, артиллерийские склады с миллионом снарядов, баки с нефтью, Пороховой завод. Снаряды сами разлетались, попадая в слободы на окраине Казани, которую охватила паника. 15 августа пожар продолжался, и в Казани ввели во-

енное положение (отменено 17 августа). От катастрофы пострадали слободы Адмиралтейская, Б. и М. Игумновы, Ягодная и др.; дотла сгорели химический завод П. К. Ушкова, несколько кожевенных заводов, значительно пострадали другие предприятия, погибли 12 тыс. пулемстов. На вероятность спланированной акции противника указывали пожары и взрывы заводов в других городах: в Петрограде 11 августа, на Охте,— пороховые заводы с запасами артиллерийских снарядов, 16 августа— завод «Вестингауз»; в Москве 18 августа— Прохоровская мануфактура. Буржуазная пресса высказывала подозрения также в адрес большевиков, а советские историки — контрреволюционеров-корниловцев. Катастрофа 14—15 августа в Казани была особо выделена в приказе участника Корниловского мятежа, командующего 3-м кавалерийским корпусом, генерал-лейтенанта А. М. Крымова от 29 августа с объяснением причин выступления корпуса на Петроград для наведения порядка.

<sup>87</sup> Этот подвиг совершил директор Порохового завода генерал-лейтенант Всеволод Всеволодович Лукницкий. Когда 14 августа возник пожар, он приказал остановить машины и затопить водой мастерские, чтобы избежать взрыва завода, губельного для Казани. Рабочие в испуге разбежались, и он действовал сам. Залетевшим снарядом ему оторвало руку. Лишь через два часа истекавшего кровью генерала доставили в лазарет, и ночью он скончался. Казань торжественно хоронила своего спасителя 17 августа в ограде церкви Порохового завода.— Волжско-Камская речь. 1917. 17—20 августа.

<sup>88</sup> Мотовилиха (Мотовилихинский завод) — поселок в 4 верстах северо-восточнее Перми. В нем был крупнейший тогда на Урале казенный оружейный завод — «Пермские пушечные заводы». Создан в 1871 г., ныне Пермский машиностроительный завод им. В. И. Ленина. В 1917 г. на нем насчитывалось 19 тыс. рабочих.

<sup>89</sup> Влияние большевиков в Мотовилихе было сильнее, чем в Перми. Еще 7 мая мотовилихинцы начали бойкот буржуазной прессы. За июль — октябрь число большевиков среди них увеличилось с 1600 до 2600.

<sup>90</sup> Корниловский мятеж — попытка государственного переворота под началом верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова с целью установления военной диктатуры. 25 августа он двинул войска на Петроград, требуя отставки Временного правительства и приезда А. Ф. Керенского в Ставку. Ударной силой этих войск был 3-й конный корпус генерала А. М. Крымова (см. примечание 86). Ему поручалось войти в Петроград и разогнать Советы депутатов. Солидарные с мятежниками министры-кадеты 27 августа вышли в отставку. Керенский объявил Корнилова мятежником и отстранил от должности. К 30 августа движение войск Корнилова остановлено и 31

августа объявлено о ликвидации мятежа. А. М. Крымов застрелился. Л. Г. Корнилов, А. С. Лукомский, А. И. Деникин и другие генералы были арестованы. Эти события дали импульс к массовой большевизации Советов.

<sup>91</sup> Л. Б. Каменев освобожден из «Крестов» 4 августа, Л. Д. Троцкий — 4 сентября. После победы большевиков на перевыборах Петроградского Совета Л. Д. Троцкий 25 сентября избран председателем (сменил Н. С. Чхеидзе) и в октябре возглавлял Петроградский ВРК — штаб восстания большевиков против Временного правительства.

<sup>92</sup> 1 сентября 1917 г. Временное правительство провозгласило Россию республикой. Для укрепления авторитета правительства ЦИК Советов созвал 14—22 сентября в Петрограде Всероссийское Демократическое совещание. Уполномоченными на него кооператив «Жизнь для всех» избрал В. А. Поссе и К. Н. Боженко. Демократическое совещание выделило из своего состава представителей всех фракций и групп, пропорционально численности, во Временный Совет Российской республики (Предпарламент) — совещательный орган при Временном правительстве, который заседал в Марининском дворце 7—25 октября и был разогнан большевиками.

<sup>93</sup> Крейсер «Аврора» в первую мировую войну входил в 2-ю бригаду крейсеров, был приписан к Гельсингфорсу и охранял устье Финского залива. С 25 октября 1916 г. по 28 ноября 1917 г. крейсер был на ремонте в Петрограде. Ремонт затянулся из-за нехватки нужных сортов стали. В дни Корниловского мятежа сводная рота авроровцев охраняла Временное правительство в Зимнем дворце. 25 октября холостой выстрел «Авроры» стал сигналом к штурму дворца большевиками.

<sup>94</sup> «Жизнь для всех» приветствовала работу II Всероссийского съезда Советов и опубликовала декреты о мире и земле: 1917. № 10—12. С. 944—950.

<sup>95</sup> **АФИНОГЕНОВ Николай Александрович** (псевдоним Н. Степной) (1878—1947) — железнодорожный служащий, участник революции 1905—1907 гг. в Томске. В первую мировую войну солдат 3-й особой бригады во Франции. Делегат I и II Всероссийских съездов Советов. Автор книг «Этапы Великой русской революции» (1918), «Белые рабы. Воспоминания о французском фронте» (1925), «Томский костер: 1905 г.» (1925) и др. Отец драматурга Александра Афиногенова.

<sup>96</sup> Степной Н. Октябрьские дни // Жизнь для всех. 1917. № 10—12. С. 941. Отточия автора.

<sup>97</sup> Об этом выступлении В. А. Поссе в цирке «Модерн» вспоминал участник II съезда Советов прапорщик Иван Бодяшкин: Бодяшкин И. X. Из недавнего прошлого // Утро страны Советов. Л., 1988. С. 68.

<sup>98</sup> Л. Д. Троцкий, после отражения неудачного похода Керенского-Краснова на Петроград, приехал для ареста ген. П. Н. Краснова в Гатчину. Там же, в частном доме, после отречения от престола, жил младший брат Николая II, великий князь Михаил Александрович (1878—1918). Необоснованно подозревая его в причастности к походу, Л. Д. Троцкий арестовал великого князя и отобрал браунинг. В день встречи В. А. Поссе с Л. Д. Троцким великий князь находился еще под стражей в Смольном. 13 ноября Петроградский ВРК разрешил ему вернуться в Гатчину. В феврале 1918 г. его выслали в Пермь. Там, в ночь на 13 июня, он был похищен рабочими Мотовилихи и по решению их Совета застрелен в лесу.

<sup>99</sup> **ЗАЛКИНД Иван Абрамович** (1885—1928) — член РСДРП с 1903 г., большевик, 17 раз подвергался аресту. Партийные клички: Ваня-книжник, Ваня-теоретик. Окончил Сорбонну, доктор биологии. Участник Октябрьского восстания. С ноября 1917 г. до мая 1918 г. заместитель наркома иностранных дел. Л. Д. Троцкий вспоминал, что заботы по наркомату «целиком предоставил» И. А. Залкинду и матросу Н. Г. Маркину.—Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 214.—И. А. Залкинд формировал первый состав сотрудников НКВД, публиковал секретные дипломатические документы царского и Временного правительств, редактировал газету «Факел» для немецких военнопленных. Позднее дипломат.

<sup>100</sup> Смятение В. А. Поссе вызвал первый кризис Советского правительства. Под давлением Викжеля (Исполкома Всероссийского союза железнодорожных рабочих и служащих) делегация ЦК большевиков во главе с Л. Б. Каменевым вела 30—31 октября переговоры с меньшевиками и эсерами о формировании правительства из представителей всех социалистических партий, от большевиков до народных социалистов. Большевикам предъявили требования отказа от власти Советов, неучастия в правительстве «персональных виновников Октябрьского переворота Ленина и Троцкого», выдвижение в министры-председатели вождей эсеров В. И. Чернова или Н. Д. Авксентьева и т. д. Тогда члены ЦК В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, А. А. Иоффе, А. С. Бубнов, Г. Я. Сокольников и М. К. Муранов потребовали разрыва переговоров. Несогласные с ними Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, В. П. Милютин, Г. Е. Зиновьев и В. П. Ногин 4 ноября заявили о выходе из ЦК, в отставку ушли и наркомы торговли и промышленности В. П. Ногин, внутренних дел А. И. Рыков, земледелия В. П. Милютин, продовольствия А. И. Теодорович. К ним присоединились Д. Б. Рязанов, комиссары по делам печати Н. И. Дербышев, государственных типографий С. В. Арбузов, Красной гвардии К. К. Юрнев, заведующие отделами комиссариата труда Г. Ф. Федоров и Ю. Ларин (М. А. Лурье). Их поддержал, но остался на пос-

ту нарком труда А. Г. Шляпников. 8 ноября Л. Б. Каменева сняли с поста председателя ВЦИК Советов и заменили Я. М. Свердловым.— См.: Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917— февраль 1918. М., 1958. С. 133—145.— Позднее В. И. Ленин писал: «Через несколько недель— самое большее через несколько месяцев— все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты».— Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 417.

<sup>101</sup> В. А. Поссе цитирует заявление В. П. Ногина, А. И. Рыкова и других наркомов на заседании ВЦИК 4 ноября о своей отставке.— Известия ЦИК и Петроградского Совета. 1917. 5 ноября; Протоколы... С. 136.

<sup>102</sup> **ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич** (1875—1933) — большевик, 26 октября 1917 г.— 1929 г. нарком просвещения. Потрясенный слухами о разрушениях в Москве в дни борьбы большевиков за власть, подал 2 ноября 1917 г. в отставку.— Новая Жизнь. 1917. 3 ноября.— СНК его отставку не принял. После беседы с В. И. Лениным Луначарский переменял решение. Его попытка отставки не была связана с событиями первого кризиса Советского правительства.

<sup>103</sup> По воспоминаниям И. А. Залкинда, В. А. Поссе все же работал в конце 1917 г. в одной из подкомиссий НКВД.— Залкинд И.А. НКВД в семнадцатом году // Утро страны Советов. С. 202.

<sup>104</sup> Вероятно: Щукин Николай Семенович — машинист портовой электростанции Кронштадта, с июня 1917 г. член Исполкома Кронштадтского Совета.

<sup>105</sup> «Вольный плуг» — еженедельная «народная» газета Всероссийского союза рабочих и крестьян». Выходила в Петрограде в январе-марте 1918 г. Редактор № 6 за 6 марта — Л. И. Гумилевский.

<sup>106</sup> Поссе В. Революционная справедливость // Вольный плуг. 1918. № 3. С. 2.

<sup>107</sup> Список Независимого союза рабочих и крестьян, о котором пишет В. А. Поссе, на выборах во Всероссийское Учредительное собрание по Петроградскому столичному округу собрал 4 942 голоса (0,5% всех голосов). Это было меньше, чем у меньшевиков-интернационалистов — 10 507 голосов, чем у меньшевиков-оборонцев — 17 427 голосов, но больше, чем у плехановского «Единства» — 1 823 голоса. Все они не набрали достаточно голосов для получения места в Учредительном собрании. По Петроградскому округу 6 мест получили большевики (424 024 голоса — 45%), 4 места — кадеты (246 506 голосов — 26,2%), 2 места — эсеры (152 230 голосов — 16,6%).— Подробные см.: Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976. Таблица 1 — между С. 356 и 357.

<sup>108</sup> 16 ноября В. И. Ленин подписал Декрет СНК о роспуске Петроградской городской думы как утратившей «всякое политическое доверие». Из 200 мест в ней большевики занимали 67, эсеры — 75, меньшевики — 8, кадеты — 42, а остальные места — другие не-большевистские партии и группы. Гласные думы не подчинились декрету и угрожали забастовкой городской и продовольственной управ. ВРК послал в думу вооруженный отряд моряков во главе с И. П. Флеровским, разогнавший гласных. На выборах 27—28 ноября из 200 мест большевики получили 188, левые эсеры — 10, правые эсеры — 1, Союз имушественного и трудового равенства — 1 (В. А. Поссе). Других партий и групп в Городской думе больше не было.

<sup>109</sup> Первое заседание Городской думы 30 ноября избрало её председателем А. И. Винокурова, городским головою М. И. Калинина (оба большевики). 23 января 1918 г., по предложению М. И. Калинина, Петроградский Совет принял декрет о превращении Городской думы в отдел Петроградского Совета, о роспуске районных дум и передаче функций местного самоуправления районным Советам.

<sup>110</sup> Главы делегаций РСФСР Л. Д. Троцкий и Германии статс-секретарь Р. фон-Кюльман 17(30) января — 28 января (10 февраля) 1918 г. вели в Брест-Литовске переговоры о мире. Троцкий условился с Лениным сознательно затягивать переговоры, но не выполнил его директивы в случае ультиматума Германии подписать мир.

Рихард фон-Кюльман (1873—1943) — германский статс-секретарь в 1917—1918 гг. Хотя он значился главою делегации Германии на Брестских переговорах, фактически ею руководил генерал Макс Гофман (1869—1927) — с сентября 1916 г. начальник германского Ген. штаба.

<sup>111</sup> Начало этой цитаты в журнальной статье В. А. Поссе звучит иначе по смыслу: «Величие русской революции именно в том, что первым её лозунгом был мир и этому лозунгу она остается верна. Мир от Бога, война от Дьявола. И Бог настолько побеждает Дьявола, насколько революция побеждает войну». — Жизнь для всех. 1918. № 1. С. 51—52.

<sup>112</sup> Когда делегация Германии взяла ультимативный тон, Л. Д. Троцкий заявил, что РСФСР мира не подписывает, но войну прекращает и армию демобилизует. Расчет сохранить этим шагом перемирие не оправдался.

<sup>113</sup> 18 февраля 1918 г. германские и австрийские войска начали наступление по всей линии фронта от Балтийского моря до Карпат. 25 февраля пали Псков и Ревель, 3 марта бои шли уже под Нарвой, угрожая Петрограду.

<sup>114</sup> 23 февраля 1918 г. ЦК РСДРП(б) и в ночь на 24 февраля ВЦИК и СНК приняли новые, более тяж-

кие условия мира. 3 марта делегация РСФСР (председатель Г. Я. Сокольников) подписала мирный договор с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Он включал как аннексию (от России отторгалось около миллиона квадратных километров территории), так и контрибуцию (выплату Германии 6 миллиардов марок). Ноябрьская революция в Германии позволила РСФСР расторгнуть 13 ноября 1918 г. этот позорный договор.

---

# Ленинградские масоны и ОГПУ

(ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ,  
ВЕЩЕСТВЕННЫЕ  
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА)

В 1990 г. в ответ на официальный запрос Педагогического института им. А. И. Герцена Управление КГБ СССР по Ленинграду и Ленинградской области предоставило автору этих строк ксерокопии некоторых документов из так называемого «масонского дела», возбужденного в январе 1926 г. Ленинградским ОГПУ против Генерального секретаря «Генеральной ложи Астрея» Автономного русского масонства Бориса Викторовича Кириченко-Астромова, руководителей «Автономного Ордена мартинистов Строгого восточного послушания» Григория Оттовича Мебеса<sup>1</sup> и Марии Альфредовны Нестеровой<sup>2</sup>, а также руководителей и членов других оккультных организаций Ленинграда. До сих пор вся информация о ленинградских масонах ограничивалась двумя фельетонами, опубликованными в 1928 г. в «Ленинградской правде»<sup>3</sup> и «Красной газете»<sup>4</sup>. Долгие годы фактическая закрытость масонской темы для советских историков и подозрительный характер появления этих статей, явно инспирированных ОГПУ, привели к тому, что из исследователей только В. Я. Бегун рискнул обратиться к этому мутному источнику, повторив вслед за ним в своей книге все его ошибки и несуразности<sup>5</sup>.

Публикация ряда документов, относящихся к деятельности ленинградских масонов, призвана положить первый камень в основание источниковой базы опубликованного и доступного для исследователей материала по этой теме. Не случаен и выбор публикуемых документов. Предпочтение было отдано тем из них, которые проли-

---

Подготовка текста, вступительная статья и комментарии  
В. С. Брачева.

вают свет на одну из политически острых и научно значимых тем советского периода русской истории: ОГПУ и масоны, масонская доктрина и коммунизм. Речь идет о документах и материалах, относящихся к деятельности «Автономного русского масонства» (1922—1925 гг.). Создатель этой организации Б. В. Астромов родился в 1883 году в городе Богучаре Воронежской губернии в обедневшей дворянской семье.<sup>6</sup> В 1905 г. он уезжает в Италию, где у него жил двоюродный дядя, настоятель католического монастыря, и поступает на юридический факультет в городе Генуя. Здесь же, в 1909 г. произошло его посвящение во Всемирное Братство (Ложка «Авзония», принадлежавшая к «Великому Востоку Италии»). Возвратившись в 1912 г. в Россию, Б. В. Астромов вступает затем в 1918 г. в Орден мартинистов — организацию, которая была основана в 1910 году в России известным оккультистом Ч. И. Чинским и являлась первое время филиалом французского Ордена (основан в 1760 г.), штаб-квартира которого находилась в Париже. В 1912 г. генеральный инспектор петербургских мартинистов Г. О. Мебес объявил о своей автономии и с этого времени возглавляемая им организация прочно занимает ведущее положение среди оккультных групп Петрограда-Ленинграда, представлявших собой в отличие от так называемого политического или «кадетского» масонства, связанного с Великим Востоком Франции, эзотерическую ветвь мирового братства. Задача, которую ставил перед собой Орден, заключалась в том, чтобы укрепившись в чистом символизме и наладив «планомерную подготовку будущих адептов Высшей Магии и Герметизма», стать надежной «опорой и источником обновления правоверного масонства».<sup>7</sup> В основе учения мартинистов лежит оккультизм — особое направление религиозно-философской мысли, стремящееся к познанию Божества интуитивным путем, путем психических переживаний, связанных с проникновением в потусторонний мир и общение с его сущностями.

Официально декларируемая цель мартинистов состояла в том, чтобы всеми имевшимися в их распоряжении средствами, исключая насилие, «способствовать физическому, нравственному и духовному усовершенствованию человечества». Главное же средство в достижении этой цели они видели в личном примере, в «духовно-нравственном подъеме своих членов», что обеспечивалось их неустанными поисками «духовного» сближения с Божеством в лице Искупителя.<sup>8</sup>

Первые контакты Б. В. Астромова с руководителем петербургских мартинистов приходятся на конец 1917 г., а уже в августе 1919 г., благодаря поддержке Г. О. Мебеса он становится Генеральным секретарем (инспектором) «Автономного Ордена мартинистов» в Петрограде. Тем не менее положение Б. В. Астромова среди мартинистов не было прочным. Дело в том, что, хотя Г. О. Мебес являлся руководителем Ордена, все практическое руководство осуществлялось его женой М. А. Нестеровой. В сложившемся семейном дуэте «Мебес—Нестерова» фигура честолюбивого и склонного к разного рода авантюрам Генерального секретаря была явно лишней, тем более, что «Путанные,— по словам Г. О. Мебеса,— романы» Б. В. Астромова изрядно начинали надоедать Учителю. Поводом для разрыва послужило закрытие в 1921 г. Г. О. Мебесом возглавляемой Б. В. Астромовым (мастер стула) ложи «Кубический камень», т. к. он, по его мнению, не справился с возложенными на него обязанностями и в силу неприемлемости для Учителей (т. е. Мебеса и Нестеровой) «его этики и его принципиальных подходов к делу» вынужден был покинуть Орден. Это не помешало ему открыть из отколовшихся от Ордена «братьев» свою собственную независимую от Г. О. Мебеса ложу «Три северные звезды». Одновременно с этим в том же 1921 г. Б. В. Астромов предпринимает энергичные усилия, направленные на объединение под своей эгидой и других масонских лож Петербурга: «Пылающего льва» (мастер стула Б. П. Дризен), «Дельфина» (мастер стула М. М. Петров), наместный мастер А. Н. Вольский,<sup>9</sup> «Золотой колос» (наместные мастера П. А. Башмакова и О. Е. Иванова-Нагорнова). И хотя состав этих лож был крайне малочисленным и существовали они в основном на бумаге, т. к. представляли собой только «президиумы на случай привлечения новых членов», это дало основание честолюбивому Б. В. Астромову объявить в 1922 г. о создании новой независимой от мартинистов организации «Автономное русское масонство» во главе с «Генеральной ложей Астрея». Великим мастером «Генеральной ложи Астрея» стал бывший директор императорских театров престарелый В. А. Теляковский — единственный из оставшихся в то время в России из членов работавшей до революции под таким же названием масонской ложи.<sup>10</sup> После смерти В. А. Теляковского в 1924 г. его обязанности исполнял сам Б. В. Астромов.

В 1920-е годы Б. В. Астромов проявлял большой интерес к истории вольных каменщиков. 15 июня 1923 г. состоялась его публичная лекция на эту тему в помещении б. Петершуле, в которой он без обиняков заявил, что «завезенное Петром Великим из Голландии масонство так прочно укоренилось в определенных слоях русского общества, что с XVIII века оно стало синонимом интеллигентности». <sup>11</sup>

В конце концов честолюбие толкнуло Б. В. Астромова на опасные игры. Летом 1925 г. он предложил ОГПУ сотрудничество в обмен на терпимость властей к «Автономному русскому масонству». Но недоверие коммунистов к масонам преодолеть не удалось. Выяснив все что нужно, органы арестовали Астромова и иже с ним. Дело ленинградских масонов было передано на рассмотрение особого совещания при коллегии ОГПУ. В обвинительном заключении было отмечено, что являясь активными членами масонской организации, обвиняемые (21 человек), «пользуясь суеверием рядовых членов, занимались мошенничеством и вымогательством материальных средств для своей праздной жизни», а также организацией «явных прионов разврата, в каковых путем психического воздействия производилось насилие над женщинами в половом отношении в извращенных формах». Кроме того, серьезным обвинением, выдвинутым против масонов, было и то, что они «вербовали в свою организацию не только лиц из буржуазного слоя, но и трудовые массы», вследствие чего их дальнейшее пребывание в пределах Ленинграда и других промышленных городах СССР было признано безусловно нежелательным».

18 июня 1926 г. постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ Б. В. Астромов и его коллеги из других оккультных групп были осуждены к высылке в отдаленные местности страны, главным образом в Коми край и Нарым. Наиболее суровые наказания — 3 года концлагерей — понесли Б. В. Астромов, Г. О. Мебес, В. Ф. Гредингер, С. Д. Ларионов и А. В. Клименко. Дальнейшая судьба их, к сожалению, неизвестна. Немногим больше мы знаем и о Б. В. Астромове, который, после отбытия срока наказания (по амнистии 1927 г. оно было сокращено ему на одну четверть) совершенно неожиданно постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 24 августа 1928 г. был выслан в Сибирь сроком на три года.

Официальная версия Б. В. Астромова о целях и характере «Автономного русского масонства» достаточно полно изложена в его показаниях следователям ОГПУ (см. публикуемый документ № 1). Дополнением к ней могут служить публикуемые документы, относящиеся к внутренней деятельности «Автономного русского масонства»: Обращение к Великому Архитектору Вселенной (документ № 2) и масонская клятва (документ № 3). Особый интерес представляет обширный доклад, представленный Б. В. Астромовым в августе 1925 г. в ОГПУ в Москву, посвященный возможному сотрудничеству возглавляемой им организации с правительством (см. публикуемый документ № 4). Шаги Б. В. Астромова, направленные на постепенную ликвидацию «Автономного русского масонства», отражают публикуемые документы №№ 5, 6, 7. Последней отчаянной попыткой Б. В. Астромова заинтересовать правительство перспективой сотрудничества с масонством явилось его письмо к Сталину от 11 февраля 1926 г. (см. документ № 8).

Публикуемые документы засвидетельствованы подписями Б. В. Астромова и его коллег, а в ряде случаев и печатью «Генеральной ложи Астрея». Заголовки принадлежат публикатору. Некоторое отступление от хронологического принципа расположения материала вызвано стремлением публикатора дать более ясное представление о существе дела. Мелкие исправления ошибок, опечаток и описок специально не оговариваются.

Следует подчеркнуть, что данной публикацией отнюдь не исчерпывается содержимое как «масонского дела» 1926 г., так и различных других материалов о масонских организациях, хранящихся до сих пор в органах КГБ СССР. Можно только догадываться о ценности документов дела «Братства истинного служения» (Ленинград, 1927 г.), дела Г. И. Бокия (Москва, 1937 г.) или же протоколов допросов известного масона Н. В. Некрасова, проводившихся в 20—30-е гг. Судебно-следственные материалы являются сложным и противоречивым источником и только в сопоставлении с другими документами они смогут расширить наши знания по рассматриваемой теме.

<sup>1</sup> Мебес фон Григорий Оттонович. Родился в 1868 г. в г. Риге. Окончил физико-математический факультет С.-Петербургского университета. Председатель Графологического общества (1912 г.). В 1910—1912 гг.— Генеральный инспектор, с 1912 по 1925 гг.— глава Ордена мартинистов в Петрограде — Ленинграде. Накануне ареста — учитель математики в II совтрудошколе г. Ленинграда.

<sup>2</sup> Нестерова Мария Альфредовна. Родилась в 1878 г. Дочь одного из компаньонов фирмы «Эрлингер» в Москве. В годы первой мировой войны поселилась в Петрограде, где основала «Общество чистого знания». Жена Г. О. Мебеса. Накануне ареста — учительница одной из ленинградских школ.

<sup>3</sup> Галиматья. // Ленинградская правда. 1928. 5 января. С. 2.

<sup>4</sup> Тень от ноля (Масоны в Ленинграде) // Красная газета. 1928. 15 июня (веч. вып.). С. 3.

<sup>5</sup> Бегун В. Я. Рассказы о «детях вдовы». Минск, 1986. С. 107—108.

<sup>6</sup> Здесь и в дальнейшем автор широко использует материалы архива Управления КГБ СССР по Ленинграду и Ленинградской области.

<sup>7</sup> Орден мартинистов. С предисловием д-ра Папюса. СПб. 1910. С. 13.

<sup>8</sup> Там же. С. 15—17.

<sup>9</sup> Заслуживает внимания, что в 1925 г. А. Н. Вольский вышел из масонства и вступил в ряды ВКП(б). Дальнейшая судьба его неизвестна.

<sup>10</sup> «Астрейя» — в дореволюционной России одна из наиболее престижных масонских лож Послушания Великой ложи Франции, работавшая в 1906—1911 гг. в Москве.

<sup>11</sup> Масоны (на лекции д-ра Б. В. Астромова) // Красная газета. 1923. 16 июня. веч. вып. С. 2.

## № 1. ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА Б. В. АСТРОМОВА 4/II — 1926<sup>1</sup>

В. (опрос): Какие цели преследовало масонство, организуемое Вами (Автономное Русское масонство) и какие задачи себе ставило?

О. (ответ): Во-первых, самосовершенствование и самодисциплинирование каждого человека, вступающего в масонство, путем развития в нем следующих качеств: А) Для ученической степени: I — молчание обо всем том, что он узнает в ложе или о ложе, II — послушание своему непосредственному руководителю (т. е. безуслов-

ное выполнение всех без исключений его поручений),  
III — верность данному слову.

в) Для товарищеской степени:

IV — Непокоримое мужество, т. е. развитие в себе смелости, находчивости, твердости.

V — Щедролюбие, т. е. воспитание в себе доброго желания по мере сил помогать ближнему.

с) Для мастерской степени:

VI — Любовь к человечеству, т. е. уничтожение в себе сословных, национальных и племенных предрассудков.

VII — Любовь или не боязнь смерти, что достигалось культивированием веры в перевоплощение, в бессмертие души.

Во-вторых, масонство ставило целью подготовку достойных членов на служение обществу. Программа служения обществу изложена в заглавном листе поданного мной доклада.

Практическая подготовка руководителями вступающих членов велась по тетрадам и катехизисам соответствующих трех степеней. Порядок прохождения тетрадей был следующим:

#### Ученическая степень:

1. Краткий катехизис русского масона из 22 вопросов.
2. Катехизис из 3 вопросов, спрашиваемых при посвящении.
3. Полный катехизис. Даваемые
4. Объяснение ученического ковра. после
5. Тайные знаки, слова, прикосновения. посвящения

#### Товарищеская степень:

1. Краткий из 3 вопросов катехизис, спрашиваемый при вторичном посвящении.
2. Изъяснение товарищеского ковра. После
3. Знаки, слова, прикосновения. вторичного
4. Полный катехизис товарищеской степени. посвящения

#### Мастерская степень:

1. Жизнеописание Адонирамово.
2. Полный катехизис мастерской степени. Дается
3. Изъяснение ковра мастерской степени. после
4. Вопросы к товарищу, посвящаемому в третьего мастера. посвящения
5. Тайные знаки, слова, прикосновения.

Кроме того, для посвящения в ученическую степень необходимо: знать 5 арканов по «Энциклопедии оккультизма», Г. О. М.<sup>2</sup> и представить письменную работу о своих 4 кабаллистических животных.

Для посвящения в товарищескую степень необходимо знать еще 3 следующих аркана и подать письменную работу о своих 7 планетах.

Для посвящения в мастерскую степень нужно прочесть еще 5 следующих арканов и подать письменную работу о распределении в себе 3 планов, т. е. физического: астрального, т. е. души с ее страстями и эмоциями и ментального плана с его идеями.

После прочтения краткого начального катехизиса (перед посвящением) вступающий член обязуется представлять мистическую (т. е. представить свои искания в области масонства) краткую автобиографию.

Член ложи, для которого были неприемлемы те или иные этические требования, предъявляемые к нему, имел право заявить об этом, свободно выйти из ложи, причем он обязывался при этом только обетом молчания обо всем, что он знал. Никаких репрессий, ввиду его открытого заявления, к нему со стороны ложи не применялись.

В. Как реагировала ложа, если ушедший член не исполнял обета молчания?

О. Относилась к нему с презрением и переставала иметь с ним всякое общение.

В. Для чего существовали слова, знаки и прикосновения в ложе?

О. Во-первых, это старинный обычай, когда эти внешние знаки служили для распознавания между собой вольных каменщиков, а во-вторых, они позволяли по первому знаку узнавать, какой степени данный масон одного с ним Ордена. Опознавательные знаки и проходные слова в различных Орденах различны, прикосновение же ученической и товарищеской степеней варьируются в различных Орденах, а мастерское прикосновение почти везде общее.

В. Как производятся процессы посвящения?

О. Для ученической и товарищеской степени ритуал посвящения общий (одинаковый), в товарищеской степени лишь число путешествий с 3 увеличивается до 5, в мастерской степени ритуал посвящения особый, причем посвящаемый кладется в гроб и символически пере-

живает смерть. Кроме того, при посвящении масону сообщается особая походка, соответствующая каждой степени, которую он обязан продемонстрировать, когда его об этом спросят старшие масоны (смотрите архив — ритуалы посвящения).

В. Зачем применялись посвящения и какой смысл и значение они имеют?

О. Посвящение — это традиционный пережиток старины и своей декоративностью они действуют на психику посвящаемого и помогают ему расшифровать некоторые масонские символы.

За последнее время ритуал посвящения все более и более упрощается.

В. Были ли в ложе членские взносы или иные, их размеры и формы расходования?

О. Были установлены членские взносы по одному рублю с человека в месяц, но они почти никем не платились ввиду стесненного положения большинства членов. Были, кроме того, вступительные взносы при каждом посвящении: 2 руб. при ученическом, 4 руб. — при товарищеском и 6 руб. — при мастерских посвящениях, которые шли на покупку замши для фартуков, перчаток, лент и других знаков, которые каждой степени полагались и выдавались на руки посвящаемому. Отчет о расходовании средств велся в каждой ложе мастером стула или назначаемым им казначеем согласно особому уставу. В частности, по ложе «3-х Северных Звезд» и позднее, по ложе «Кубического камня» ввиду малочисленности состава и нерегулярности поступаемых взносов, которых не хватало даже для оплаты помещения ложи, письменного отчета не велось.

В. Что побудило Вас выдавать диплом гр. Кюн Р. А. на открытие масонской ложи в Нью-Йорке?

О. Дипломы о присвоении ему степени выдаются только мастерам. Ученики же и товарищи, если они выезжали в другой город, получали просто удостоверение о своей степени, чтобы там пристать к существующей ложе. Патенты на открытие ложи выдавались только членам Генеральной ложи, если они об этом заявляли. За диплом взималась плата в размере его технической стоимости. В частности, Кюну был выдан диплом по его инициативе.

В. Выдавались ли Вами еще кому-либо дипломы на открытие лож?

О. Мною выдан, кроме Кюна, еще диплом, вернее,

патент, на открытие лож гр. Полисадову Сергею Владимировичу <sup>3</sup> в Москве и никому больше.

Патенты подписываются обычно 3 членами Генеральной ложи своими посвященными именами на древнееврейском языке. В частности, диплом Кюна был подписан больше чем 3 подписями и вызвал к нему недоверие (подписи древнееврейскими буквами), как к агенту большевиков, тем более что сам Кюн — еврей. Патент Кюна содержал подписи Великого мастера Теляковского (посвященному имя Sarruach) и двух великих надзирателей, великого обрядоначальника, казначейщика или оратора и Генерального секретаря (см. архив: фотография этого диплома).

Патент Полисадову также содержит много подписей, в частности, подпись Теляковского <sup>4</sup>.

В. В чем конкретно заключалось обвинение Вас младшими братьями по смешиванию мистики с эротикой?

О. В том, что будто я, пользуясь своим положением руководителя, старался учениц совратить к сожителю с собой. Фактически это место не имело, так за последнее время я совершенно отказался от учениц. Кроме того, меня обвинили в том, что, пользуясь авторитетом руководителя, я заставил одну ученицу (причем, имени не называли), вступить со мной в противоестественные половые отношения. Фактически это также не имело место.

В. Как масонство смотрит на половые отношения и семью?

О. Прежде всего, масонство не требует церковного брака, представляя это желанием сторон, но оно требует: 1) Чтобы масон не ухаживал за женой масона. Он может жениться на ней каким угодно способом, но муж масон обязан быть извещен об этом. 2). Не разведясь со своей женой (или не разъехавшись с ней), масон не имеет права заключать новый брачный договор, в каком бы то ни было виде (регистрация, церковный брак или торжественное взаимное обещание перед пятиконечной звездой, что называется мистическим браком).

За нарушение этих двух условий масон карается исключением из ордена на определенный срок и поражением в правах.

За такое нарушение в 1924 г. масон Гредингер был исключен на год из ордена и на два года был поражен

в правах. А масон Снопков был уволен в бессрочный отпуск, что равносильно совершенному исключению.

В. Как масонство смотрит на религию?

О. Масонство стоит вне религий. Оно не признает личного бога, а признает лишь Непознаваемую Первопричину или Абсолют, под именем великого архитектора Вселенной. Каждый масон может принадлежать к любой религии, и это является делом его личной совести. В некоторых ложах вступительные клятвы произносятся над книгой с чистыми листами, на которых подразумеваются верования данного человека.

В. Взаимоотношения масонства с политикой?

О. Всякие разговоры о политике в ложе запрещаются, и масона не спрашивают о его политических убеждениях. Вступающему в масонство предъявляются требования незапятнанного прошлого в смысле этики и морали, а также в смысле гражданском (несостояние под судом и наказанием). Им запрещается участие в противоправительственных заговорах против своей страны.

В. Было ли связано Русское Автономное масонство с заграничными или другими Орденами в СССР?

О. С заграничными масонствами Р. (усское) А. (вторичное) М. (асонство) не связано и никаких взаимоотношений с ними не имеет. У меня лично никаких связей с заграничными масонами в смысле переписки с ними и взаимного осведомления не имеется. Персонально знаю и знаком с масонами:

в Англии с викарием Ломбарт(ом) (масон 30 степени). Познакомился с ним в 1913—14 году (примерно), когда он был в Петербурге, а когда он уехал в Англию, точно не знаю.

В Америке знаю Кюна Р. А. Около двух месяцев назад послал ему заказное с обратной распиской письмо с вложенным киносценарием, и до сих пор никакого ответа от него не имею. Полагаю, что он переехал из Нью-Йорка в другой город.

Во Франции знаю Освальда Вирта, имеющего собственную ложу философско-алхимического направления. Познакомился с ним в бытность мою во Франции в период 1911—12 года. Живет он в Париже.

В Италии знаю масона — профессора Туринского университета Ахилла Лория. Познакомился в бытность мою в Туринском университете.

С другими масонскими орденами в СССР Автономное русское масонство не имеет связей. Лично же я знаю руководителя Ордена Мартинистов и часть членов этого ордена.

В: Закрыв протоколом ложу «Petra cubica» и написав заявление о своем выходе из масонства, предпринимали ли Вы какие-либо шаги по организации новой ложи и намерены ли в дальнейшем работать по организации масонских лож?

О: Не предпринимал и не собираюсь предпринимать, так как решил совершенно порвать с масонством, какого бы толка оно ни было, и заняться исключительно личной оккультной работой.

Вспомнил, что в 1921 г. или 1922 г. я через посредство уехавшей на родину в Лондон англичанки Сиверс Ольги Эсперовны послал приветственное письмо Ломбарту, но ответа от него так и не получил.

Из иностранных масонов я ни с кем не переписывался и не переписываюсь с 1914 г. Переписку с Кюном во внимание не принимаю, так как он принадлежит к Русскому Автономному масонству. Переписка с ним была довольно оживленная в 1923 году, т. к. он сообщал о своих неудачах в смысле устройства на работу и о подозрительном отношении к нему американского масонства. В 1924 году я получил от него несколько писем с вырезками из нью-йоркских газет о брачных похождениях одного общего знакомого некоего Линского.

В: Не пытались ли Вы через Кюна осуществить связь или соподчинение с каким-либо иностранным масонством?

О: Не пытался и считаю это неприемлемым и несоответствующим конструкции Автономного масонства.

В: Имеете ли Вы самостоятельные труды по масонству?

О: Подготовлена у меня к печати брошюра (4—5 печатных листов) «Искатели Истины», которая является переработкой моей публичной лекции, прочтенной в 1924 году в здании б. «Петершуле»<sup>5</sup>.

В: Что побудило Вас читать эту лекцию?

О: Мне предложил прочесть эту лекцию о масонстве представитель лекционного бюро гр. Алапин и уплатил за нее два миллиарда. Значит, это относится к 23 г., ко времени непостоянной валюты, а не к 24 г.<sup>6</sup>

Вышеизложенное записано со слов моих правильно, в чем и расписываюсь.

## № 2. МОЛИТВА, ОБРАЩЕННАЯ К ВЕЛИКОМУ АРХИТЕКТОРУ ВСЕЛЕННОЙ. ВЕЛИКАЯ ЛОЖА «АСТРЕЯ».

Автономное русское масонство <sup>7</sup>.

В. А. В. (Великий Архитектор Вселенной). Услышь нас.

Мы ошибаемся мыслью, словом и делом — прости нас.

Мы слабы сердцем, душой и умом — укрепи нас.

Научи нас молитве, сливающейся с Божеством.

Научи нас Вере, творящей чудеса.

Научи нас Любви, обнимающей все сущее.

Научи нас радостной жертве во Имя Твое.

В. А. В. Прости ошибки всем братьям нашим.

Пролей мир в души всяк братьев наших.

Озари эманациями Любви Твоя все существа земные.

Озари благословением Твоим все живущее во всех сферах и планах Вселенной.

Озари Светом Твоим все ступени Мистической Лестницы, от ступени Падших Ангелов и до ступени Светлых Учителей.

В... А... В... Да будет над нами Воля Твоя.

## № 3. МАСОНСКАЯ КЛЯТВА ЛОЖИ «ТРИ СЕВЕРНЫЕ ЗВЕЗДЫ»

Автономное русское масонство, 1924 г. <sup>8</sup>

Перед книгою Старого... и Нового... Заветов, перед сим Оружием, символизирующим Элементы человеческой деятельности КЛЯНУСЬ сознанием Целесообразности своей жизни свято чтить Авторитет Высших Цепей, видимо или невидимо для меня проявляющихся в Масонстве, и точно исполнять веления своего Мастера Стула, облеченного во власти этими Цепями.

Если когда изменю сей клятве, то да буду наказан: угрызениями Совести, собственным презрением и сим оружием, над коим Присягу произношу; да войдет оно острием в сердце мое, да истребит всех мне любезных и да остановится эволюция моя.

#### № 4. РОССИЙСКОЕ АВТОНОМНОЕ МАСОНСТВО <sup>9</sup>

В современной России масонству не уделяется почти никакого внимания и только изредка промелькнет отзыв о нем, как о мелкобуржуазном направлении. Это и не удивительно — мало кто из теперешних деятелей вообще слышал о существовании масонства, а из тех, кто знает о нем, почти никто не знаком с его целями, стремлениями и идеологией. Между тем, все это далеко не безинтересно для правительства СССР. И если кто-либо вдумается в сущность этой вековой ассоциации, то он придет к неоспоримому выводу, что считать масонство врагом коммунизма вообще и Советской власти, в частности, совершенно не приходится. Практичнее было бы выработать какой-либо *modus vivendi*, использовать масонство в качестве лишнего фактора в тот промежуточный период государственного капитализма, который мы сейчас переживаем.

Тем более перед лицом деятельно-организованного воинствующего клерикализма, когда необходимо учитывать две силы противоположного лагеря, даже стоящие вне марксизма.

Всякая дальновидная власть во время своего строительства должна не только разрушать оставшиеся в наследие от старого организма группировки, но и попытаться захватить их тем или другим способом, приспособив на служение своему государственному плану. Конечно, для этого нужно ближе и глубже познакомиться с этими организациями (в данном случае я говорю об Автономном Русском масонстве), чтобы не смешивать их с другими, похожими на них внешне — и различными внутренне — группировками.

Тогда эпитет «мелко-буржуазный», всецело приложенный к политическому западному масонству, не будет приклеиваться к русскому. Известно, что среда влияет не только на отдельные личности, но и на целые коллективы. Русское масонство, запрещенное при царском режиме, жило на «нелегальном положении» в то время, как западное масонство свободно развивалось и даже захватило в свои руки власть (например, во Франции и в Италии). В России масонство поневоле должно было уйти в подполье, внутри себя, и, одевшись как бы сектой (вроде «толстовства»), заняться философскими проблемами или удариться в мистицизм (главным образом московская ветвь русского масонства).

Здесь я касаюсь только Автономного Русского ма-

сонства, преемственно развивавшегося от екатерининского или александровского, но не так называемого «кадетского» масонства, пересаженного к нам в начале XX века из Франции и всецело воспринявшего его идеологию. Кадетские ложи, легально существовавшие во время Керенского, шли тем же путем, что и французские собратья, и, несомненно, если бы керенщина продержалась дольше, вылились бы в политическую партию. Достаточно напомнить, что весь кабинет министров, вместе с КЕРЕНСКИМ<sup>10</sup>, МИЛЮКОВЫМ<sup>11</sup>, МАКЛАКОВЫМ<sup>12</sup>, НЕКРАСОВЫМ<sup>13</sup> и другими масонами, подчиненными Великому Востоку Франции и плясавшими под дудку французского посла масона г. Нуланса<sup>14</sup>. (Так в тексте — В. Б.).

Так что же сближает Автономное Русское масонство с коммунизмом? Прежде всего — пятиконечная звезда, являющаяся малым гербом СССР и принятая в Красной Армии. Эта звезда — весьма почитаема в масонстве, как символ гармонично развитой человеческой личности, победившей свои страсти и нейтрализовавшей крайности добра и зла.

Дальше, коммунизм на своем знамени начертал: **ВСЕОБЩЕЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И БРАТСТВО УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ**. Русские масоны тоже призывают к такому братству, называя себя гражданами мира — и в этом заключается новое сходство между указанными двумя направлениями.

Наконец, стремясь к установлению равенства воспитания и жизненных условий, масонство ничем не отличается от коммунизма, ставящего себе те же задачи, причем лозунг коммунизма об УНИЧТОЖЕНИИ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ встречает полный отклик в масонстве, которое также (правда, по другим соображениям) — против частной собственности, развивающей излишний эгоизм и другие инстинкты, которые привязывают людей к жизни.

Затем намечается разница между масонством и коммунизмом, заключающаяся в различных способах проведения своих идей. В то время, как коммунизм для осуществления своей программы считает действительно необходимой борьбу классов и диктатуру пролетариата, масонство идет к тому же самому путем добровольного отказа членов Общества Вольных Каменщиков от своих прав и привилегий — чему яркие примеры мы видим в истории: достаточно вспомнить декабристов, а из Французской Революции — принца Филиппа Орлеанского,

отказавшегося от своих прав королевского принца и принявшего имя Филиппа Эгалите, т. е. Филиппа Равного; герцога Лозена, одного из вождей революционной армии французского Конвента и т. п. Отлично понимая, что добровольный отказ от своих классовых преимуществ предполагает глубокое осознание несправедливости существующего распределения ценностей, русское масонство прежде всего требует от своих сочленов нравственной культуры, работы над шлифовкой своего собственного характера, после чего деятельность Вольного Каменщика должна быть направлена не на свое личное благо или благо отдельных людей: будь то его семья или нация, а на все человечество в целом. Отказ от эгоизма — вот в чем заключается эволюционный путь. Он не исключает революционный. Наоборот, они дополняют друг друга, подобно тому, как зеленый цвет есть дополнительный к красному, мужчина — к женщине, тепло — к холоду и т. д. Только тогда тот или другой процесс может правильно и успешно развиваться, когда в нем участвуют оба эти фактора.

Как первую попавшую под руку иллюстрацию, насколько русское масонство влияло на своих сочленов в смысле аполитичности, укажу на то, что ни один из русских масонов не саботировал после низвержения Временного правительства. Даже такие крупные бюрократы, как бывший министр ТИМИРЯЗЕВ<sup>15</sup> и бывший директор театров ТЕЛЯКОВСКИЙ не только не принимали участия в забастовке, но и других старались отговорить от нее. Например, известное всем выступление ТИМИРЯЗЕВА в ноябре 1917 года на Всероссийском съезде промышленности и торговли. Насколько лояльно до своей смерти служили они Советской власти видно из того, что похороны ТИМИРЯЗЕВА были приняты на свой счет государством, а Теляковский до самой смерти (октябрь 1924 г.) получал персональную пенсию по назначению Совнаркома. А ведь они могли подобно КОНОВАЛОВУ<sup>16</sup> и компании сбежать за границу и прекрасно там устроиться, а не таскать с Октябрьского вокзала на улицу Красных Зорь на своих 65-летних плечах пуды гнилого картофеля, как это делал в мрачное время блокады покойный ТЕЛЯКОВСКИЙ.

Далее не все люди смогут из-под палки менять овою убеждения да и вообще одно принуждение — плохой воспитатель.

Еще Наполеон I говорил, что на штыки можно опереться, но спать на них нельзя. Каждое насилие, каждый

удар, в силу неизбежности закона мирового равновесия, должны в конце концов повлечь за собой контрудар и чем сильнее будет напряжение первого, тем резче скажется действие второго — ибо угол отражения всегда равен углу падения.

Если же известные идеи проводятся теми, кто их глубоко прочувствовал, исповедует их и готов всем пожертвовать для их осуществления, то такая работа, конечно, окажется плодотворной.

Итак, преследуя одни и те же цели, признавая справедливыми и подлежащими проведению в жизнь одни и те же воззрения, коммунизм и Р (русское) масонство совершенно не должны подозрительно смотреть друг на друга, наоборот, пути их параллельны и ведут к одной вершине<sup>17</sup>. Только путь российского масонства, это путь медленной и интеллектуальной работы, путь тихой сапы. Путь коммунизма стремительный — это штурм. Но ведь штурму предшествует длительная инженерная подготовка, и плох тот стратег, который откажется от сапер. Своей деятельностью русское масонство незаметно, но неуклонно разъедает буржуазию, требуя, чтобы она отказалась от своего классового эгоизма, чем значительно облегчается работа коммунизма. Русское масонство идет от отдельных личностей к массам, тогда как коммунизм идет от масс к отдельным личностям. Это фигурально можно было бы сравнить с пешеходом (масонство) и автомобилем (коммунизм). Дорога и цель их одни, на дороге они друг другу не мешают, так как автомобиль не сможет взять в свою карету всех. И пешеход тоже доберется «до Киева». А по теории оккультизма и пешеход и автомобиль все равно к конечной цели придут одновременно. Эта блестящая цель — обращение человечества в единую братскую семью — все равно будет достигнута лишь тогда, когда все люди проникнутся альтруизмом\*.

Наблюдая безвыездно 7 лет коммунизм, масоны теперь видят, что это здоровая сила, способная не только на разрушение, но и на создание. Только слепой, не желающий видеть, не замечает, что по всей стране началось строительство, появились зеленые ростки и заживают раны, нанесенные гражданской войной и разными интервенциями. В такое время преступно стоять в стороне, не принимая участия по мере сил в этой об-

---

\* Мы верим вместе с Джек Лондоном, что «духовные радости и альтруизм придут на смену грязному обжорству наших дней».

щей созидательной работе. Участвуя в ней, можно будет быстрее добиться того, что на старомасонском языке зовется «Златым Астрейным Веком», то есть равных условий жизни для всех угнетенных, соединенных дружбой, братством и взаимным уважением. Поэтому русское масонство по своей идеологии аполитично, т. е. оно не стремится, что является главной приманкой для западноевропейского масонства, к захвату власти.

Благодаря своей умозрительности, это для него мелко. Оно развивается в своих членах скорее пассивность, так что те жизнесозерцают, но не жизнедействуют. Сейчас оно аполитично более чем когда-либо, так как Соввласть добилась предела его политических чаяний — союза свободных народностей. Остается территориально и практически закрепить это.

В силу этого, связь с заграничным масонством, безусловно, опасна, так как она заставляет служить чужим, часто враждебным и почти всегда неизвестным нам целям, так что политиканство, если бы такое проявилось в рядах русского масонства, мы считаем явлением болезненным, уродливым и отклонением от нашего устава. С этим нужно беспощадно бороться и пресекать его, подобно тому, как хирург отсекает гангренозные органы ради спасения всего субъекта. Вот почему русское масонство в 1815 году оторвалось от насадившего его английского и объявило себя совершенно автономным (мартинизм это сделал в 1912 году).

Кроме того, русское масонство давно изжило и переросло христианство, бог которого, создав людей, предписывает им утешение в себе всего того, что составляет красоту и радость жизни. И чем больше мучает и тепзает себя человек, тем больше радуется отец его небесный. Будучи «всеблагим», он за грехи и ошибки, сделанные в течение 60—70 лет жизни, заставляет людей вечно страдать в «геенне огненной». Будучи «всемогущим», он разрешает «дьяволу» свободно властвовать над людьми, и если последние изнемогают в неравной борьбе с сильнейшим противником, — они оказываются осужденными на те же вечные муки\*.

\* Основатель монизма венский проф. Эрнест Геккель говорит: «если человек хочет жить в правильно организованном обществе и чувствовать в нем себя хорошо, он должен заботиться не только о своем собственном счастье, но также и о счастье той общины (или государства), к которой он принадлежит, и о тех близких, которые входят в этот Социальный Союз. Человек должен знать, что их благополучие, их страдание — его страдание».

Таким образом, по теории монизма эгоизм и альтруизм име-

ют одинаковое право на существование. Моральная равноценность любви к себе и любви к ближнему есть краеугольный камень мистической философии.

Масонская мораль идет дальше. Она учит, что даже здоровый эгоизм личности тормозит духовную ее эволюцию, устремляя взгляд человека исключительно на земные блага жизни.

Идеал, к которому стремится философское масонство, есть самопожертвование — прекрасно иллюстрирует это Розенкрейцерский Пеликан, кормящий собственной кровью и мясом своих детенышей. Что может быть выше и чище разумной материнской любви к своим птенцам!

Будучи «всесправедным», он допускает покаяние детей за грехи родителей и т. д. и т. д.

Вот во что выродилось когда-то революционное христианство.

Но без морали и нравственности не может жить ни один народ.

«Наша революция основана на справедливости,— писал Робеспьер своим избирателям,— а потому все клонящееся к ослаблению в народе нравственного чувства — контрреволюционно».

Видя, что христианство весьма дискредитировано в широких массах, и боясь, что от этого пострадает народная нравственность и увеличится преступность и хулиганство, многие русские масоны с надеждой сейчас смотрят на ленинизм, как на несущий своего рода новую мораль и пришедший на смену христианству.

Восточные народы, в частности китайцы, уже и так приняли ленинизм. Поэтому ленинизм, совершив революцию форм, должен для своего упрочения совершить еще революцию нравов.

Мне могут возразить, что эволюционный путь слишком длинен и долог. В мировой истории, где роль играют не годы и десятилетия, а века и тысячелетия — достижения измеряются не временем, а своею крепостью. Поэтому раз стремления коммунизма совпадают в общих чертах с стремлениями русского масонства, раз и тот и другой ясно отдают себе отчет в том, что вредно и недопустимо в современной жизни, и раз в их тактике нет антагонизма — им, казалось бы, возможно работать параллельно, ибо, повторяю, масонство своим путем приобретает многих твердых, убежденных и верных людей, работающих по своему внутреннему сознанию не за страх, а за совесть и при том, из числа интеллигенции, сотрудничество с которой для коммунизма будет весьма полезно, тем более что эта область, где чистому коммунизму труднее всего приобрести себе искренних сторонников. Ведь убеждать людей нужно, исходя из их классового самосознания, применяясь к их психике, иначе не будет успеха.

Не надо забывать, что революционный путь своими стремительностью и натиском выбрасывает много здоровых элементов, приемлющих коммунизм и пригодных для советского строительства, но просто не поспевающих за темпом революции.

Под знаменем масонства они могли бы быть объединены к использованию.

Интересно в данном случае проследить различие нашей психологии и психологии так называемых белогвардейцев всех оттенков, оторвавшихся от родной почвы и обивающих пороги иностранных «благодетелей». В то время, как мы радуемся каждому новому успеху, приветствуем каждый шаг на пути к восстановлению народного хозяйства,— те со скрежетом зубным встречают малейшее улучшение, происходящее здесь у нас в СССР.

Может быть, некоторые глубокомысленные политики назовут нас попутчиками — пусть так, не надо бояться слов. Но мы попутчики до последней остановки — то есть до чистого коммунизма, и наша мечта — чтобы эта станция скорее наступила и чтобы скорей закончился период «государственного капитализма».

Сейчас мы переживаем исторический момент: мы стоим на грани двух рас. Белая дряхлеющая раса, после 12-тысячелетнего периода существования в 2000 году сменяется желтой расой (последней из нашего четвертного цикла). Она во главе с Китаем, переживающим ныне свою первую организованную революцию (наш 1905 г.), поднимет весь 900-миллионный Восток и даст толчок для выхода его на мировую арену. Белая раса, конечно, будет еще существовать, но главенствующую роль играть не будет, как в настоящее время сошла на второстепенное, чтобы не сказать более, место ранее господствовавшая черная раса, или как постепенно вымирает предшествовавшая нашей раса красная. А ведь каждая из них жила многие тысячи лет и имела высокую культуру, различные тайны которой до сих пор не раскрыты — например, неизвестен состав искусственных драгоценных камней, ни способ хранения мертвых тел в течение сотен и тысяч лет, ни состав цемента, скрепляющего египетские пирамиды, ни непосредственный способ притяжения электричества из воздуха и многие другие.

И вот, готовясь уступить место и первенство нашим младшим братьям — желтой расе, мы должны не бороться с ними, скупно цепляясь за наши достижения, а должны готовить им благодатную почву для расцвета и продолжения нашего дела — эволюции прогресса всего человечества.

Вместе с тем, идея индивидуализма, должна, конечно, умереть при свете коллективизма, эксплуатация и насилие уйти в вечность всеобщего счастья, прогресса и братства.

И пусть западное политиканствующее масонство, потерявшее ключи к своей науке и живущее на задворках парламентаризма, защищает белую расу и разделяет с ней общую судьбу.

Русское автономное масонство, по духу чуждое западному, должно идти вместе с коммунизмом к новому светлому будущему — Всемирному Союзу всех угнетенных народов.

Практически в чем же может выразиться работа Авт. (оного) Русск. (ого) масонства по перемагничиванию русской интеллигенции?

Ничего не предрешая, мы считаем, что прежде всего должно быть устранено недоверие Советской власти к Русскому масонству, недоверие, повторяем, основанное на недоразумении, вызванном малой осведомленностью власти о духе, и, пожалуй, даже о физиономии Русского масонства. Только тогда возможны положительные результаты.

Лояльное отношение Авт. (оного) Русск. (ого) масонства к Сов. власти (что можно доказать многими примерами), дает, казалось бы, право на такое доверие, результатом чего должно быть мирное существование масонских лож. Ведь существует же Крестинтерн рядом с С(ельско)-хоз(яйственными) Союдами, примыкающими к платформе II Интернационала. Почему не может существовать русское «красное масонство» в СССР, как противовес «политическому» масонству Запада.

Конечно, масоны не претендуют на открытую легализацию, т. к. это будет скорее вредно, чем полезно, для их работы. И тогда смогут обвинить в «чекизме» или «рептильности», что непременно оттолкнет от масонства русскую интеллигенцию. Роль масонств

ва, главным образом, заключается в том, чтобы убедить лучшую часть ее в «закономерности» переживаемых событий, а следовательно, в неизбежности их. Успехи биофизики все более подтверждают учение древности о том, что человек со дня своего рождения, находится под воздействием вполне закономерных мощных космических биофизических факторов.

Здесь реальная работа Автономного Русского масонства выразится прежде всего в укреплении в правосознании русской интеллигенции прежде всего идей интернационализма и коммунизма, а также в борьбе с клерикализмом. Антиклерикализм является одним из лозунгов Вольного Каменщичества, призывающего своих членов с первых шагов их деятельности к беспощадной борьбе с суевериями, предрассудками и прочими условностями жизни. Между тем, неудовлетворенная склонность русского интеллигента к метафизике и философствованию может толкнуть его в церковь, где он легко рискует стать добычей иезуитов или лиц, склонных к политиканству.

Нам скажут, что в руках у Советской власти есть карательный аппарат. Верно. Но вряд ли входит в ее задачи плодить «мучеников религии» (с точки зрения Запада) и тем заострять оружие своих зарубежных врагов.

Какие же гарантии Русское масонство может представить власти в том, что в своих ложах оно не будет заниматься анти-советской агитацией.

Сошлемся на историю. В 1818 г. гроссмейстер Великой Автономной ложи «Астрея» Мусин-Пушкин — Брюс передал генерал-прокурору Вязмитинову списки лож своего Союза и все ритуалы, по которым велись работы. Почему же сейчас, в 1925 г., масоны не смогли бы сообщить Власти то же самое?

Итак, можно было бы предложить следующий *modus vivendi*

А) Советская власть терпит существование масонских лож и ячеек, входящих в Союз Генеральной ложи «Астрея», не преследуя ее членов за их принадлежность к Союзу.

Б) Генеральная Ложа «Астрея», в свою очередь, согласно своему уложению 5815 (1815)<sup>18</sup> года обязуется не иметь никаких тайн от правительства СССР и не находиться в связи или союзе ни с одним иностранным Востоком или иностранным масонским орденом.

**П Р И М Е Ч А Н И Е:** Генеральная Ложа «Астрея» гарантирует кроме того, пробуждение в своих членах миролюбия и отказа от участия в политических авантюрах, как на территории Республики, так и вне ее возникающих.

Автономное Русское масонство лояльно выполнит эти обязанности и тем более охотно, что они вытекают из его программы, которая сейчас почти полностью осуществляется Конституцией СССР.

Если это не соответствует видам Советского правительства или если гарантии не считаются достаточными, ему стоит по примеру царского правительства запретить существование масонства, чтобы ложи закрылись и прекратили свою деятельность.

15. VIII. 25

Генеральный Секретарь Великой Ложи «Астреи» Д-р Б. Астромов. (Управляющий мастер ложи «Кубического Камня» на Востоке Ленинграда)

Зам. ген. секретаря «Великой ложи «Астрея» (Управляющий мастер ложи «Гармония» на Востоке Москвы) С. Полсадов.

**№ 5. ПОСТАНОВЛЕНИЕ  
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛОЖИ «АСТРЕЯ»**

22 октября 1925 г.<sup>19</sup>

Заслушав доклады Генерального Секретаря и его заместителя о результатах переговоров с правительством СССР о дальнейшей деятельности Автономного русского масонства и убедившись в неизменном недоверии сов. власти к этой деятельности, недоверии, вытекающим из непризнания ею за эволюционным направлением права на параллельное его существование с направлением революционным, а также будучи лояльной по отношению к существующей власти и не желая становиться на путь противодействия ее политике, что являлось бы не согласным с уставом Автономного масонства, Генеральная ложа «Астрея» постановляет:

а) прекратить всякую проповедь вольно-каменщических идей;

б) сократить до минимума принятие в свою среду новых профанов — как несвоевременное, впредь до изменения взглядов Правительства на Автономное русское масонство;

в) копию сего постановления прочесть в малых ложах и передать по назначению.

Ген. секретарь доктор Б. В. Астромов  
Зам. Генерального секретаря С. В. Полисадов  
Член Генеральной ложи М. Севастьянов

**№ 6. ПИСЬМО Б. В. АСТРОМОВА  
ЧЛЕНАМ ЛОЖИ «КУБИЧЕСКОГО КАМНЯ»**

10.XII—1925 г.<sup>20</sup>

Брожение среди членов малой ложи «Кубического Камня», обнаружившее их недисциплинированность и негармоничность — необходимые условия для продуктивной работы — заставляют нас в развитие постановления Генеральной Ложы «Астрея» от 22 октября 1925 года закрыть и распустить означенную ложу «Кубического Камня», обязав участников ее лишь обетом молчания.

Мастер Стула Кубического Камня на  
Востоке Ленинграда Ергоаш

Скрепил:

Помета: Сей Указ был прочтен

**№ 7. ПИСЬМО Б. В. АСТРОМОВА  
ВЕЛИКОЙ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛОЖЕ «АСТРЕЯ»  
12.XII—1925 г. <sup>21</sup>**

Дорогие друзья!

Меня гнетет отсутствие людского материала, годного воспринять всечеловеческие идеалы Российского Автономного масонства.

Кроме того, внимательно наблюдая в течение последних лет нашу жизнь, я пришел к заключению, что скорейший выход России из экономического и политического тупика, изолированности — возможен лишь при полном единстве живых сил, участвующих или могущих участвовать в социалистическом строительстве. Такое единство действия, умение «хотеть и мочь» сейчас есть, по-моему, только у Р. К. П., поэтому участие в иных фракциях или группировках, хотя бы преследующих общее с коммунизмом идеалы, но расходящихся с ними в тактике — нежелательны и даже вредны. Ввиду сего я слагаю с себя звание члена Генеральной Ложи «Астрея» и Генерального Секретаря и ухожу в частную личную жизнь.

Ephroach (in protanis д-р Б. Астромов)

**№ 8. ПИСЬМО И. В. СТАЛИНУ**

тов. Сталин! <sup>22</sup>

Обращаюсь к вам, как к одному из руководителей Советской политики и Секретарю Центрального Ком. (итета) В.К.П.(б).

10 января с. г. <sup>23</sup> я сложил с себя звание Генерального Секретаря и члена Генеральной ложи «Астрея» Автономного Русского масонства, развязал себе руки, возвратив свободу действия и лишив возможности в будущем ком.-нибудь обвинить меня в некорректном отношении к Автономному Русскому масонству. Моя же политическая ориентация никого из масонов не касается и дело моей совести.

Таким образом, я могу совершенно независимо разговаривать с Вами.

В поданном в авг. м. пршл. года вместе с управляющим мастером московской ложи «Гармония» ПОЛИСАДОВЫМ докладе наблюдающему органу СССР о возможности совместной деятельности Авт.(ономного) рус(ского) мас.(онства) и коммунизма была вскользь

брошена фраза: «красное масонство свободно могло бы существовать рядом с буржуазным — ведь существует же Профинтерн и Коминтерн рядом с рабочими и крестьянскими союзами, примыкающими к Амстердамскому соглашению»<sup>24</sup>.

Теперь я хочу указать на красное масонство не только как на объединение коммунистически мыслящих, но как на форму и маскировку, которую мог бы принять Коминтерн. Ни для кого не секрет, что Коминтерн (негласное московское правительство и штаб мировой революции как его называют на Западе) является главным камнем преткновения для заключения соглашений с Англией, Францией и Америкой, и следовательно задерживается экономическое возрождение СССР.

Между тем, если бы Коминтерн был перелицован по образцу масонства, т. е. принял бы его внешние формы (конечно, упростив и видоизменив многое), ни Лига Наций, ни кто другой, ничего не осмелились бы возразить против его существования, как масонской организации. Особенно Франция и Америка, где имеются целые ложи с социалистическим большинством и где правительство большею частью состоит тоже из масонов (напр. Президент ТАФТ, не бывший раньше масоном, сейчас же по избрании был посвящен в масоны).

Принятие Коминтерном масонской личины — совсем несложно и коснется лишь внешности. Каждая национальная секция его могла бы образовать отдельную ложу — мастерскую, а представители их (президиум) сформировали бы генеральную ложу.

Я удивляюсь, как рабоче-крестьянскому правительству раньше не пришло в голову воспользоваться этой старо-рабочей, профессиональной организацией, захваченной буржуазией. Конечно, реформировав ее и очистив ее, согласно духу и заветам ленинизма (ведь позаимствовали же рабочие организации идею скаутизма и завели у себя отряды пионеров). Тем более, что Соввласть уже взяла масонские символы: пятикон. (ечную) звезду, молоток и серп.

Наконец, сама пропаганда ленинизма, благодаря масонской конспирации и дисциплине, могла бы вестись успешнее, особенно в странах Востока, где так склонны ко всему таинственному.

Все, что я здесь пишу, только отдельные мысли, не обработанные и не детализированные.

Мне хотелось бы этими строками лишь дать толчок, пробудить Вашу творческую созидательную мысль.

А может быть, это Вас заинтересует. Тогда я готов служить своими знаниями и опытом в этой области, в качестве советчика-консультанта или как Вы найдете удобным.

11.II.1926 г. Б. Генеральный Секретарь  
Генеральной Ложи «Астрейя» (Д-р Астромов)  
Мой адрес: Ленинград, ДПЗ, V Отдел.

<sup>1</sup> Текст написан от руки и заверен собственноручной подписью Б. В. Астромова.

<sup>2</sup> Курс энциклопедии оккультизма, читанный Г. О. М. в 1911—1912 ак. году в г. Петербурге. Вып. 1—2. СПб., 1912 г. Под инициалами Г. О. М. скрывался руководитель Ордена мартинистов в России «черный» оккультист Григорий Оттонович Мебес.

<sup>3</sup> По делу ленинградских масонов Сергей Владимирович Полисадов привлечен не был. В Автономном Русском масонстве он занимал должность заместителя Генерального секретаря. Каким-либо сведениям о его дальнейшей судьбе выявить не удалось.

<sup>4</sup> **ТЕЛЯКОВСКИЙ Владимир Аркадьевич** (1861—1924). Директор петербургских императорских театров (с 1901 г.).

<sup>5</sup> Сохранилось оглавление этой брошюры (см.: отдел рукописей (далее — ОР) Музея истории религии в Ленинграде. Коллекция II, Оп. 2. Л. 1—1—об. Еще раньше, в декабре 1923 года, Б. В. Астромовым была написана статья «Парижская коммуна и масоны», в которой он попытался поставить под сомнение популярный в то время в стране тезис о «мелкобуржуазных тенденциях масонства», использовав для этой цели манифест парижских франкмасонов «К товарищам масонам Франции и всего мира» 1871 года в защиту парижских коммунаров. Этот документ, заканчивавшийся призывом «Да здравствует федеративная коммуна Франции с Парижской коммуной во главе!», дает, как полагал Б. В. Астромов, все основания для того, чтобы «золотыми письменами снять на скрижалях истории человечества» (ОР Музея истории религии в Ленинграде. Колл. II. Оп. 2. № 1. Лл. 1—3). Напечатать эту любопытную статью ему, к сожалению, не удалось. Продолжая работать над этой темой, Б. В. Астромов подготовил книгу по истории масонства «Искатели истины», предисловие к которой согласился написать известный масон Н. А. Морозов (Шлиссельбургский), принадлежавший к «Великому Востоку народов России». Свою работу Б. В. Астромов посвятил «подростающему поколению свободной России» (ОР Музея истории религии в Ленинграде. Колл. II. Оп. II. № 2. Л. 3).

<sup>6</sup> Лекция состоялась 15 июня 1923 г. См.: Масыны. На лекции д-ра Б. В. Астромова // Красная газета. 1923. 16 июня. Веч. вып.

<sup>7</sup> Текст от руки. В заглавии «ORDO ABCNAO 3 St. :.: N :.:» В правом верхнем углу: «Collection D—R B. As'tromow».

<sup>8</sup> Текст от руки, сверху изображение треугольника с пятиконечной звездой внутри и надпись: *Astrea Rutepica in Or :.: Petr. :.:* Внизу — изображение черепа со скрещенными костями.

<sup>9</sup> Публикуется по машинописной копии, переданной Б. В. Астровым в ленинградское ОГПУ для сведения. Текст удостоверен подписями Б. В. Астромова, его заместителя С. В. Полисадова и печатью Великой ложи «Астрей».

<sup>10</sup> **КЕРЕНСКИЙ Александр Федорович** (1881—1970). Юрист. С марта 1917 г. эсер. Министр юстиции, военный и морской министр, министр-председатель (премьер-министр Временного правительства России (с 8(21) июля 1917 г.)). В 1912 г. принят в ложу «Малая Медведица», принадлежавшую к «Великому Востоку народов России».

<sup>11</sup> **МИЛЮКОВ Павел Николаевич** (1859—1943). Историк, публицист. Лидер кадетской фракции в Государственной Думе. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства России. Принадлежность П. Н. Милюкова к Всемирному Братству отвергается исследователями (См.: Берберова Н. Н. Люди и ложи. // Вопросы литературы. 1990. № 1. С. 165).

<sup>12</sup> **МАКЛАКОВ Василий Алексеевич** (1869—1957). Кадет. Член юридического совета при Временном правительстве. В июле 1917 г. назначен послом России во Франции. Массон, принадлежавший к «Великому Востоку народов России».

<sup>13</sup> **НЕКРАСОВ Николай Виссарионович** (1879—1940). Кадет. Министр путей сообщения, министр финансов Временного правительства. Один из секретарей «Верховного Совета народов России».

<sup>14</sup> **НУЛАНС Жозеф**. Посол Франции в России в 1917 г. Массон, принадлежавший в «Великому Востоку Франции».

<sup>15</sup> **ТИМИРЯЗЕВ Василий Иванович** (1849—1919). Министр торговли и промышленности (1905—1906, 1909), член Государственного совета (1906—1917). Председатель Англо-русской торговой палаты.

<sup>16</sup> **КОНОВАЛОВ Александр Иванович** (1875—1948). Крупный фабрикант. Один из лидеров фракции прогрессистов в Думе. Министр торговли и промышленности Временного правительства, заместитель премьер-министра А. Ф. Керенского. Умер в эмиграции.

<sup>17</sup> Указания на близость целей большевиков с це-

лями, которые ставит перед собой Всемирное Братство — не новы. «Все принципы, все методы, которые большевики применяют для разрушения России, очень близки к масонским», — писал в этой связи в 1932 г. председатель Архиерейского Собора Русской православной церкви за рубежом митрополит Антоний. Одним словом, «ученики подражают своим учителям», — отмечал он. (Николаевский Б. И. Русские масоны и революция: Terra, 1990. С. 177). Аналогичные мысли развивал и известный исследователь истории масонства В. Ф. Иванов. «Международное масонство и социализм — дети одной темной силы. Цель масонства и социализма одна. Они только временно расходились в методах действий», — отмечал он. (См.: Иванов В. Ф. Тайная дипломатия. Харбин, 1937. С. 128). Ценность рассуждений Б. В. Астромова на эту тему заключается в том, что с проповедью близости большевизма и масонства выступает масон, причем масон далеко не рядовой. О широком распространении такого рода взглядов свидетельствуют воспоминания В. П. Зубова. «Мой соседом по камере, — вспоминает он о своем пребывании в московской Бутырской тюрьме в 1922 г. — был француз. Он утверждал, что он масон. Так как большевики тоже масоны, то его тотчас освободят, лишь на «верхах» узнают, что он арестован». (См.: Зубов В. П. Страдные годы России. Мюнхен, 1968. С. 124). К сожалению, В. П. Зубов ничего не сообщает о дальнейшей судьбе этого «масона».

<sup>18</sup> Попытки Б. В. Астромова связать свою ложу с деятельностью русских лож александровского и даже екатерининского времени несостоятельны. Подлинной причиной такого рода пассажей было желание отвести подозрения в самодетельном характере своей организации. Не случайно «братья» и «сестры» упрекали Б. В. Астромова в том, что, выйдя из Ордена мартинистов, он не имел права открывать новых лож. Это, однако, не так, поскольку Б. В. Астромов сохранял за собой все масонские степени и связанные с этим права. (Он был посвящен в 4-ю мартинистскую степень равную 30-й масонской, что давало ему право посвящения в младшие степени). Обстоятельство это было подтверждено по требованию Б. В. Астромова Г. О. Месом.

<sup>19</sup> Писано от руки. Документ удостоверен собственноручными подписями Б. В. Астромова, С. В. Полсадова и М. М. Севастьянова. Справа от подписи — посвячительные имена членов Генеральной ложи «Астрей», написанные древнееврейскими буквами. Напротив двух последних посвячительных имен подписи отсутствуют. В правом нижнем углу плохо сохранившийся оттиск печати Генеральной ложи «Астрей», на котором читается имя «Адоннрам».

<sup>20</sup> Текст от руки, почерком Б. В. Астромова. Подписан посвячительным именем Б. В. Астромова. «Ефрор». Отсутствие подписи напротив пометы: «скрепи!» и приписка Б. В. Астромова: «Сей указ был прочтен»

указывают на то, что в данном случае мы имеем дело с копией указа, написанного задним числом.

<sup>21</sup> Текст от руки, почерком Б. В. Астромова. Внизу собственноручная подпись Б. В. Астромова. В правом нижнем углу печать Генеральной ложи «Астрея».

<sup>22</sup> Машинопись. Внизу собственноручная подпись: «Д-р Б. В. Астромов». Приписка: «Мой адрес: Ленинград. ДПЗ, V отдел» и помета: «11.11.26» сделаны Б. В. Астромовым от руки. Очевидно, что перед нами одна из копий этого документа.

<sup>23</sup> Б. В. Астромов ошибается. Это произошло 12 декабря 1925 г. (см. публикуемый документ № 7).

<sup>24</sup> Такой фразы в августовском докладе Б. В. Астромова 1925 г. нет, хотя общий смысл его предложения передан им верно (см. публикуемый документ № 4).

---

Н. П. ПОЛТОРАЦКИЙ

## «За Россию и Свободу...»

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА  
БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ<sup>1</sup>

От редакции

14 октября 1990 г. в Ленинграде во время своей первой поездки в Россию скоропостижно скончался от сердечного приступа Николай Петрович Полторацкий — известный ученый, крупный специалист по истории русской философии и религиозной мысли. Он родился в Константинополе, рос в Болгарии, Германии, Франции, докторскую степень получил в Сорбонне. С 1955 г. Н. П. Полторацкий жил и работал в США: преподавал в военной школе в Монтерее (Калифорния), в Бруклинском колледже (Нью-Йорк), руководил русской программой Мичиганского университета, был помощником директора Института советоведения при Миддльберийском колледже (Вермонт), а более двадцати последних лет — профессором Питтсбургского университета. Перу Николая Петровича принадлежат многочисленные статьи, несколько книг и брошюр, он редактировал ряд коллективных трудов. В 1988—1989 гг. в американском издательстве «Эрмитаж» вышло в свет два объемистых сборника статей Н. П. Полторацкого: «Россия и революция. Русская религиозно-философская и национально-политическая мысль XX века» и «Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение».

Статья об идеологической платформе Белого движения — последняя законченная работа Н. П. Полторацкого, он мечтал о возможности ее издания на Родине. Публикуемый материал (компьютерная распечатка с авторской рукописной правкой) был передан в редакцию «Русского прошлого» вашингтонцем Владимиром Николаевичем Бутковым, близким другом, единомышленником и коллегой Николая Петровича Полторацкого.

## БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

Свержение Временного правительства и захват власти большевиками в октябре/ноябре 1917 г. сразу же породили в России гражданскую войну, которая в европейской части страны продолжалась до ноября 1920 г., а в азиатской — до октября 1922 г. Первым — и до завершения этого этапа главным — проявлением российской оппозиции было Белое движение. Оно началось немедленно после октябрьского переворота, 2/15 ноября 1917 г. в Ростове и Новочеркасске на Дону, где бывший начальник штаба, а затем верховный главнокомандующий Русской армии ген. Михаил Васильевич Алексеев поднял знамя борьбы за честь и свободу России и создал так называемую Алексеевскую организацию. К нему присоединились бежавшие из заключения в Быхове генералы Корнилов, Деникин, Марков, Романовский и другие (через несколько месяцев с Румынского фронта пришел со своим отрядом Дроздовский), а также несколько сот офицеров, солдат, казаков, юнкеров, кадетов, студентов и гимназистов, сестер милосердия. Генералы Алексеев, Корнилов (другой бывший начальник штаба и верховный главнокомандующий Русской армии) и Каледин (первый выборной атаман Войска Донского) образovali первое белое правительство — под названием Донской Гражданский Совет.

Южный фронт борьбы против большевиков, укрепившихся в центре страны, просуществовал в неизмерно трудных условиях три года. Он не был единственным фронтом. Через полгода после возникновения Алексеевской организации, на Востоке России подняли восстание чехословаки; созданный в результате переворота адмирала Колчака в ноябре 1918 г. восточный фронт Белого движения продержался год и три месяца (до 7 февраля 1920 г.) Через девять месяцев после захвата власти Лениным, в Архангельске высадился английский десант. Это привело к созданию северного фронта Белого движения, возглавленного ген. Миллером и действовавшего в течение почти одного года с половиной (август 1918 — февраль 1920). Через одиннадцать месяцев после установления коммунистического строя, немцы наконец разрешили вербовку русских добровольцев в Пскове, и новосозданный северо-западный фронт Белого движения, под руководством ген. Юденича, действовал более года (октябрь 1918 — декабрь 1919 г.)<sup>2</sup>.

Таким образом, из четырех фронтов Белого движения, южный фронт был первым — и, в европейской части страны, продержался дольше всех остальных. Он был наиболее важным и в других отношениях. Правда, одно время казалось, что все антибольшевистское движение будет возглавляться адм. Колчаком, принявшим звание Верховного правителя — и признанным в качестве такового также руководством южного и северо-западного белых фронтов. Однако адм. Колчак был вскоре предан своими чешскими и западными союзниками и казнен большевиками.

Положение на южном фронте белой борьбы было также трагическим — и именно так воспринималось с самого начала основоположником этого фронта. Но столь же отчетливо сознавалась и нравственная и государственная необходимость в создании и существовании Белого движения. Уходя из Ростова на юг в первый, «Ледяной» поход зимой 1918 г., ген. Алексеев сказал: «Мы уходим в степи. Можем вернуться, если будет милость Божия. Но нужно зажечь свечеч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы»<sup>3</sup>.

Судьба была, однако, немилосердна и к рядовой массе белых, и к ее возглавлению. Жертвы в количественно неравных боях с большевиками были огромные. Что касается руководителей, то вскоре после создания южного фронта Белого движения покончил с собой не вынесший наступившего на Дону развала атаман Каледин, скончался от перенапряжения сил престарелый ген. Алексеев, пали в бою генералы Корнилов и Марков, умер от ран ген. Дроздовский.

Каждый из этих военачальников внес в общий облик Белого движения какие-то, в некоторых случаях, очень важные, дополнительные черты, но для суждения об идейно-политической платформе этого движения наибольшее значение имеет то, что было внесено в нее генералами Деникиным и Врангелем.

## ГЕН. А. И. ДЕНИКИН

С сентября 1918 г. по апрель 1920 г. во главе Белого движения на юге России стоял один из его первых организаторов и военачальников, ген. Антон Иванович Деникин (1872—1947). Профессиональный военный, он — в вопросах политических и административных — опирался на Особое Совещание, представлявшее по своему составу различные политические тенденции<sup>4</sup>.

Как это признает и сам ген. Деникин «Программы положительного государственного строительства у нас (у белых) поначалу не было»<sup>5</sup>. И, несмотря на всякого рода давление со стороны, в 1918 г. и в начале 1919 г. правительство ген. Деникина последовательно воздерживалось от объявления конкретной политической программы. Однако общая политическая и идеологическая платформа у Белого движения все же была, и выражалась ген. Деникиным неоднократно. Сам он в этом отношении особо выделял два своих публичных выступления, в Ставрополе и на открытии Кубанской Чрезвычайной Рады. Тексты этих выступлений и служили основой для открытой пропаганды, политических обсуждений и официальных представлений иностранным державам.

В своей речи 26 августа 1918 г., при первом посещении Ставрополя, ген. Деникин сказал:

«Добровольческая армия поставила себе задачей воссоздание Единой Великодержавной России. Отсюда — ропот центробежных сил и местных больных честолюбий.

Добровольческая армия не может, хотя бы и временно, идти в кабалу к иноземцам и тем более набрасывать цепи на будущий вольный ход российского корабля. Отсюда — ропот и угрозы извне.

Добровольческая армия, свершая свой крестный путь, желает опираться на все государственно-мыслящие круги населения. Она не может стать орудием какой-либо политической партии или общественной организации. Тогда она не была бы Русской Государственной Армией. Отсюда — неудовольствие нетерпимых и политическая борьба вокруг имени армии. Но если в рядах армии и живут определенные традиции, она не станет никогда палачом чужой мысли и совести. Она прямо и честно говорит: будьте вы правыми, будьте вы левыми — но любите нашу истерзанную Родину и помогите нам спасти ее.

Точно так же, обрушиваясь всей силой своей против растлителей народной души и расхитителей народного достояния, Добровольческая армия чужда социальной и классовой борьбы. В той тяжелой болезненной обстановке, в которой мы живем, когда от России остались лишь лоскутья, не время решать социальные проблемы. И не могут части русской державы строить русскую жизнь каждая по-своему.

Поэтому те чины Добровольческой армии, на кото-

рых судьба возложила тяжелое бремя управления, отнюдь не будут ломать основное законодательство. Их роль — создать лишь такую обстановку, в которой можно бы (sic!) сносно, терпимо жить и дышать до тех пор, пока Всероссийские законодательные учреждения, представляющие разум и совесть народа русского, не направят жизнь его по новому руслу — к свету и правде»<sup>6</sup>.

Еще более декларативный характер имела большая речь ген. Деникина на торжественном открытии Кубанской Чрезвычайной Рады 1 ноября 1918 г.<sup>7</sup> В этой речи ген. Деникин, отмечая первую годовщину основания Добровольческой армии, напомнил присутствующим о тяжелых испытаниях, лишениях и жертвах, выпавших на долю добровольцев, и о том верховном идеале, который вдохновлял их на эти жертвы:

«Добровольцы шли в жару и стужу, переносили невероятные лишения, гибли тысячами... Шли бескорыстно: деревянный крест или жизнь калеки — были уделом большинства.

И только одна заветная мысль, одна яркая надежда, одно желание одухотворяло их — спасти Россию»<sup>8</sup>.

Переходя к тому прискорбному положению вещей, с которым Добровольческой армии и ее возглавлению приходилось иметь дело теперь, и к возникающим перед всеми общими задачами, ген. Деникин сказал далее:

«Не должно быть Армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единая Русская Армия, с единым фронтом, единым командованием, облеченным полной мощью и ответственным лишь перед русским народом в лице его будущей законной верховной власти.

(...) нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть»<sup>9</sup>.

Продолжая свою речь, ген. Деникин подчеркнул сознательный отказ Белого движения от выставления какого-либо партийного флага и твердое исповедание принципа непредрешенчества, — при соблюдении единства страны, но и с учетом стремления окраин, и казачества, в частности, к широкой автономии.

«Такое единение всех государственных образований и всех государственно мыслящих русских людей, — сказал ген. Деникин, — тем более возможно, что Добровольческая Армия, ведя борьбу за самое бытие России, не преследует никаких реакционных целей и не предпринимает ни формы будущего образа правления, ни да-

же тех путей, какими русский народ объявит свою волю. От нас требуют партийного флага. Но разве трехцветное знамя Великодержавной России не выше всех партийных флагов? Разве вы не видите, как в кровавых боях, изо дня в день, под этим знаменем самоотверженно борются «за Русь святую», умирают и побеждают доблестные воины Добровольческой армии? Единение возможно и потому, что Добровольческая Армия признает необходимость и теперь, и в будущем самой широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта»<sup>10</sup>.

В добавление к принципу единства всех сил в борьбе против большевизма, единства власти и единства страны, ген. Деникин подчеркнул также принцип верности соглашениям и договорам с западными союзниками. Такого принципа Добровольческая армия всегда придерживалась, несмотря на внешнее и внутреннее давление, толкавшее ее к отказу от верности западным демократиям.

Немного позже, в телеграмме С. Д. Сазонову от 2 января 1919 г., которая предназначалась для западных союзников, ген. Деникин так в сжатой форме сформулировал политическую платформу Белого движения: «Мы боремся за самое бытие России, не преследуем никаких реакционных целей, не поддерживаем интересов какой-либо одной политической партии и не покровительствуем никакому отдельному сословию. Мы не предрешаем ни будущего государственного устройства, ни путей и способов, коими русский народ объявит свою волю»<sup>11</sup>.

Изучая и анализируя впоследствии весь этот период российской смуты, ген. Деникин писал, что, вопреки мнению тех лиц, которые видели в его «непредрешениях» лишь маскировку, скрывающую его подлинные побуждения и намерения, самая платформа непредрешения была в такой же степени результатом его личного убеждения, как и прямой исторической необходимости. За исключением сепаратистов и федералистов, все остальные участники антибольшевистской борьбы могли оставаться в общих рядах, только исходя из нескольких основных посылок, а именно: «Борьба с большевизмом до конца», «Великая, Единая и Неделимая», «автономии и самоопределения», «политические свободы». По словам ген. Деникина, глубокий трагизм тогдашнего положения заключался в том, что Белое движение бы-

ло движением коалиционным, состоящим из органически несродных элементов. Можно было пойти сообща до Москвы, исходя из указанных общих предпосылок и идя под трехцветным национальным флагом. Всякие же попытки уточнить решение отдельных вопросов грозили полным развалом с таким трудом сложившейся коалиции военных и общественных сил.

Не было единомыслия не только в вопросах аграрном и рабочем, но даже в таком вопросе, как отношение к Учредительному Собранию. Военные и правые круги относились с презрением к «учредилке» и «учредилковцам». Но и в политически либеральных кругах положительное отношение к Учредительному Собранию в то время сильно поколебалось. Такой столп русского либерализма, как П. Н. Милюков, и тот, на кадетском съезде в Екатеринодаре, заявил: «Я против предрешения как форм, так и способов создания новой власти. Идея народовластия и свободного волеизъявления народов более чем поколеблена... Необходима крайняя осторожность по отношению к Учред. Собранию»<sup>12</sup>. Сложным, неодинаковым было отношение в политических кругах к идее Учредительного Собрания и позже, когда была сделана попытка создать более широкий общественный фронт — на заседании представителей Совета Государственного объединения, Национального центра, Союза Возрождения России и бюро Советов объединенных земств и городов Юга России. Пока общественно-политические деятели спорили и «искали путей, чтобы обойти не то острые углы взаимных отношений, не то друг друга,— продолжает ген. Деникин,— в Армии эти трения находили также отклик, но гораздо более элементарный: одни проливали кровь, не мудрствуя лукаво, другие заявляли:

— Мы за «учредилку» умирать не будем..

Поэтому,— заканчивает Деникин,— я призывал Армию бороться просто за Россию»<sup>13</sup>.

Однако на ген. Деникина продолжали оказывать давление, требуя большей определенности, как сами участники коалиции, так и представители русского Политического Совещания в Париже, и екатеринодарские представители иностранных держав, в особенности английский представитель ген. Бриггс. Наконец, 10 апреля 1919 г. была составлена и послана английскому, французскому и американскому представителям нота, подписанная ген. Деникиным и всеми членами Особого Совещания, во главе с его председателем ген. Драгомиро-

вым. Цели, преследуемые командованием вооруженных сил Юга России в его борьбе против советской власти и в его государственном строительстве, были сформулированы в виде следующих семи пунктов:

«1. Уничтожение большевистской анархии и водворение в стране правового порядка.

2. Восстановление могущественной единой, неделимой России.

3. Созыв Народного Собрания на основах всеобщего избирательного права.

4. Проведение децентрализации власти путем установления областной автономии и широкого местного самоуправления.

5. Гарантия полной гражданской свободы и свободы вероисповедания.

6. Немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения.

7. Немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации их государством и капиталом»<sup>14</sup>.

Хотя эта декларация ген. Деникина была навеяна проектом декларации, предложенным ген. Бриггсом и известным, по-видимому, также французским и американским представителям<sup>15</sup>, комментируя проект Бриггса, Деникин пишет, что «По существу почти все положения того проекта были приемлемы и в той или другой форме объявлялись (белым) командованием; но внесение в проект «Национального Собрания» шло значительно дальше «непредрешения»... И то обстоятельство, что оно не возбудило протеста в правом секторе Ос.(обого) Сов.(ещания), означало уже большой сдвиг»<sup>16</sup>.

Это был, действительно, значительный шаг вперед: официально объявлялось твердое намерение белого правительства ген. Деникина положительно решить земельный и рабочий вопросы, водворить в стране правовой порядок, гарантирующий гражданские свободы, в том числе свободу совести, созвать законодательное Народное Собрание на демократической основе, и при сохранении территориального единства России, в то же время децентрализовать систему власти, введя областную автономию и широкое местное самоуправление.

Правда, сам ген. Деникин считал впоследствии, что эта декларация вряд ли имела какое-либо влияние на изменение международного положения Юга России; «В отечественных же политических кругах она не удовлетворила никого»<sup>17</sup>. Но несомненно, что нужда в такой

декларации была большая, в особенности учитывая обвинения в реакционности, часто выдвигавшиеся против правительства ген. Деникина.

Еще ранее в своем многотомном исследовании ген. Деникин, категорически отвергая все подобные обвинения, сочувственно приводил мнение одного весьма видного участника Особого Совещания (не называя его по имени, но отмечая, что он правый и военный). По словам этого участника, неудача Белого движения объясняется в первую очередь причинами отнюдь не социального и политического характера: «Что касается того, какие течения преобладали в утвержденных главнокомандующим (ген. Деникиным) решениях Особого совещания — это вопрос спорный. Впрочем, это и не существенно. Дело не в правой или левой политике, а в том, что мы совершенно не справились с тылом»<sup>18</sup>. Ген. Деникин, со своей стороны, считал впоследствии, что в 1919 г. «Создавался понемногу политический тупик, из которого могли вывести только победы Армии»<sup>19</sup>.

Но выводящей из тупика решающей военной победы добиться не удалось. После первоначальных больших успехов в предпринятом ген. Деникиным наступлении на Москву, произошло великое отступление на фронте и развал тыла Белой армии. Ряд политических совещаний завершился решением ген. Деникина ввести военную диктатуру. Четырнадцатого декабря 1919 г. в Таганроге он представил Особому Совещанию новую политическую платформу («наказ»), состоящую из 11 пунктов<sup>20</sup>, из которых главными были первые четыре:

1. «Единая, Великая, Неделимая Россия. Защита веры. Установление порядка. Восстановление производительных сил страны и народного хозяйства. Поднятие производительности труда.

2. Борьба с большевизмом до конца.

3. Военная диктатура. Всякое давление политических партий отменить, всякое противодействие власти — и справа, и слева — карать.

Вопрос о форме правления — дело будущего. Русский народ создаст верховную власть без давления и без навязывания.

Единение с народом.

Скорейшее соединение с казачеством путем создания Южнорусской власти, отнюдь не растрачивая при этом прав общегосударственной власти.

Привлечение к русской государственности Закавказья.

4. Внешняя политика — только национальная русская.

Невзирая на возникающие иногда колебания в русском вопросе у союзников — идти с ними. Ибо другая комбинация морально недопустима и реально неосуществима.

Славянское единение.

За помощь — ни пяди русской земли» <sup>21</sup>.

У правительства ген. Деникина оставалось к этому времени всего несколько месяцев жизни, и эта новая политическая платформа породила скорее отрицательную, а не положительную реакцию. Вообще же, об идейно-политической платформе Белого движения в его деникинский период правильнее судить по более ранним формулировкам этой платформы, — когда правительство Деникина действовало еще в более «нормальных условиях».

Впоследствии в своих «Очерках Русской Смуты» ген. Деникин не раз возвращался к многим из тех упреков, которые раздавались в годы гражданской войны и после нее по адресу его внешней и внутренней политики.

Что касается внешней политики, т. е. прежде всего отношений с западными союзниками Белой армии, то Деникин объяснил свое поведение в те годы следующим образом: «С первых же дней русская политика держав Согласия приняла характер двойственный, неопределенный и побуждала меня к особой осторожности. Во всяком случае никогда за все время моего правления и командования на Юге России, я не давал державам Согласия ни письменно, ни устно никаких политических, территориальных и экономических обязательств за счет России. Во всех сношениях с их представителями я проводил тот взгляд, что помощь нам является их моральной обязанностью и вытекает из их же собственных интересов» <sup>22</sup>.

На упреки в отсутствии гибкости и порывающей с прошлым инициативности также и в области внутренней политики Деникин отвечал, что «уклонение от радикальной ломки государственного и социального строя, с предоставлением этой работы будущим правомочным органам народной воли» <sup>23</sup> не было только его личной позицией, как бы навязанной им всему белому движению в период его власти. «Историк отметит, — пишет Деникин, — что эта идея являлась господствующей в течение 1917—1920 годов среди российских политических

группировок, составляя наиболее слабое и уязвимое место всех правительств и правителей, ставя их в неизмеримо более трудное положение, чем то, в котором была советская власть, объявившая себя хозяином русской жизни и ломающая ее беспощадно и безоглядно. С различными оттенками, но одинаково по существу эта идея нашла отражение в актах Временного правительства<sup>24</sup>, в «Корниловской программе», в программах «центров», в «Грамоте ко всем народам России» Уфимской директории, в декларациях адмирала Колчака. Обоснование этой идеи было до крайности простым и ясным и казалось неопровержимым»<sup>25</sup>.

В свете последующих событий ген. Деникин должен был, по существу, признать, что строить всю свою идейно-политическую программу на одной лишь идее борьбы с национальными бедствиями и сохранения единства России (что выразилось в знаменитом лозунге «Великая, Единая и Неделимая») было ошибкой. «Мы не учли элемента времени и степени напора народной стихии. Правители стремились к «неумолимой прозе», народ хотел еще «поэзии» демагогических лозунгов. Правители желали приостановить временное течение жизни в создавшихся берегах, покуда некая высшая власть не расчистит новое русло, а жизнь бурно рвалась из берегов, разрушая плотины и сметая гребцов и кормчих»<sup>26</sup>.

Ген. Деникин признал впоследствии и то, что платформа непредершения в той крайней форме, в которой он ее формулировал еще в ставропольской речи 1918 г. и затем неуклонно отстаивал, не пользовалась всеобщей поддержкой участников Белого движения. Поставив открыто вопрос, «отражала ли она (программа Деникина и те положения, которые из нее вытекали) действительно идеологию добровольчества?», ген. Деникин тут же ответил: «Далеко не всего», и пояснил: «Во всяком случае, я убежденно и искренно выразил в ней свои взгляды, стараясь внушить их борющимся и правящим»<sup>27</sup>.

Ген. Деникин был заслуженным и опытным боевым генералом, пламенным патриотом, человеком большой личной честности, с сильным чувством долга и ответственности. Ему недоставало, однако, политических и дипломатических качеств, необходимых для возглавления военного, политического и идеологического движения в условиях невиданной по размаху революции и гражданской войны и очень сложных международных и внутрироссийских отношений.

## ГЕН. П. Н. ВРАНГЕЛЬ

С приходом к власти в начале апреля 1920 г. ген. барона Петра Николаевича Врангеля (1878—1928) во главе Белого движения встал человек, обладавший именно теми военными и государственно-политическими свойствами, которые требовались необычными условиями того времени. В кратчайший срок ген. Врангель превратил разложившуюся было армию в боевую силу, навел порядок в тылу, наладил отношения с казаками, установил гражданское управление на территории, находящейся под его властью, провел важнейшую земельную реформу, ввел волостное земство и осуществил или наметил к осуществлению ряд других давно назревших реформ.

Ген. Врангель публично формулировал свои политические и идеологические принципы неоднократно. Наиболее жгато он сделал это в официальном «Воззвании» к населению, датированном 20 мая 1920 г.:

«Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение международной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.»<sup>28</sup>

Одновременно с этим «Воззванием» Врангель, в качестве Правителя и Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России, подписал приказ, в котором, извещая население, что «Русская армия идет освобождать от красной нечисти родную землю», сообщал также, что он подписал закон о введении самоуправления в сельских районах и восстановлении правовых учреждений в освобождаемых армией областях. Он указал, что кроме того, земля — как казенная, так и частновладельческая — будет передаваться волостными земствами тем, кто на ней трудится. Он призывал к защите

родины и к мирному труду и обещал прощение всем заблудшим, которые к нему присоединятся. Прося у Бога помощи, он заявлял:

«Народу — земля и воля в устройении государства.  
Земля — волею народа поставленный хозяин»<sup>29</sup>.

Это четкое новое направление во внутренней политике белого правительства было поддержано соответствующими внешнеполитическими начинаниями и представлениями. Так, 7/20 июня П. Б. Струве, который возглавлял у Врангеля Отдел внешних сношений, направил председателю Совета министров Франции А. Мильерану письмо, в котором изложил три главных принципа внутренней и внешней политики ген. Врангеля:

1. Захват крестьянами поместных земель, во всех случаях, когда он фактически имел место, должен быть признан. Вышеуказанное составляет отправной пункт для широкой аграрной реформы, долженствующей обеспечить крестьянам, обрабатывающим землю, владение ею на правах полной собственности. Таким образом, аграрная революция, происшедшая в пользу крестьян, будет легализована и поведет к установлению аграрного строя, основанного на принципе частной собственности, несомненно отвечающего чаяниям крестьян.

2. Будущая организация России должна быть основана на договоре, заключенном между политическими новообразованиями, фактически существующими. Воссоединение различных частей России, в настоящее время разьединенной, в широкую федерацию, должно быть основано на свободно заключенном договоре, исходящем из общности интересов, и, в первую голову, экономических потребностей. Такая политика ни в коем случае не старается добиться объединения силой.

3. Каковы бы ни были в будущем взаимоотношения различных частей России, в настоящее время разделенной, политическая организация их территорий и конструкция их федеративного союза должна быть основана на свободном волеизъявлении населения, через посредство представительных собраний, избираемых на демократических основах»<sup>30</sup>.

Остановившись подробно на вопросе о том, как именно могла бы быть прекращена гражданская война в России, Струве в заключительной части своего письма указал на то, что Врангель и его правительство вполне понимают настроение крестьянского большинства русского населения, которое не желает ни восстановления

старого порядка, ни установления коммунистической тирании. «Дать удовлетворение потребностям крестьянского населения, оздоровить моральную жизнь страны, восстановить экономическую жизнь, объединить все элементы порядка — вот цели, которые себе поставил Главнокомандующий Вооруженными силами на юге России и достижение которых, по его мнению, выведет Россию из состояния анархии, в которое ее ввергнул коммунистический режим, сделавший из нее опытное поле для чудовищных социальных экспериментов, неслыханных доселе в истории»<sup>31</sup>.

Через месяц после этого письма Струве, ген. Врангель приказом от 26 июня 1920 г. потребовал от всех правительственных учреждений «водворить законность, охранить свободу и безопасность мирных граждан и дать населению земельный порядок и самоуправление»<sup>32</sup>. Считая, что правительственная политика, основанная на таких началах, не нуждается в сугубо пропагандистских акциях, ибо о власти должны судить прежде всего по ее действиям, ген. Врангель решил упразднить все специальные военные и гражданские организации политического осведомления и пропаганды — прежде всего дискредитировавший себя Осваг, а дела о печати сосредоточить в ведении начальника гражданского управления. За короткий срок времени был проведен и ряд других мер, преследующих ту же общую цель — введения свободы и порядка, основанных на законе.

Вопрос о состоянии печати на подвластной ему территории давно уже серьезно беспокоил Врангеля. Он был низкого мнения об очень многих служащих Освага («Ни опыта, ни определенных твердых убеждений в большинстве случаев у этих лиц не было»<sup>33</sup>). После упразднения политической части штаба и передачи отдела печати в ведение начальника гражданского управления, работники этого отдела влились в существующие органы печати. В рядах журналистов и на постах цензоров оказалось, таким образом, много прежних служащих Освага. Печать в целом представлялась Врангелю «типично мелко провинциальной»<sup>34</sup>. Из этой серой массы он выделялся только одну солидную газету — «Великую Россию», которая издавалась под редакцией В. М. Левитского, при участии Н. Н. Львова, Н. Н. Чешева и В. В. Шульгина.

Пятого июля 1920 г. в «Великой России» была напечатана беседа ген. Врангеля с представителем этой га-

зеты Н. Н. Чебышевым. По словам самого Врангеля, беседа имела «декларативный характер»<sup>35</sup>, а потому заслуживает того, чтобы на ней остановиться более подробно.

Беседа была посвящена четырем важным вопросам того времени: общей платформе Белого движения, вопросу с форме верховной власти, еврейскому вопросу и вопросу взаимоотношений России и Европы.

На вопрос о том, за что борются белые, Врангель ответил: «мы боремся за свободу... По ту сторону нашего фронта, на севере, царит произвол, угнетение, рабство. Можно держаться самых разнообразных взглядов на желательность того или иного государственного строя, можно быть крайним республиканцем, социалистом, даже марксистом, и все-таки признавать так называемую советскую республику образцом самого невыгодного, зловещего деспотизма, под гнетом которого погибает и Россия и даже ее новый, якобы господствующий, класс пролетариата, придавленный к земле, как и все остальное население. (...) Гнездо реакции в Москве. Там сидят поработители, трактующие народ как стадо. Только слепота и недобросовестность могут считать нас реакционерами. Мы боремся за раскрепощение народа от ига, какого он не видел в самые мрачные времена своей истории»<sup>36</sup>.

Врангель перешел затем к вопросу о монархии, республике и диктатуре. Как уже упоминалось, в «Воззвании» ген. Врангеля от 20 мая 1920 г., в котором он в предельно сжатой и энергичной форме изложил свою идейно-политическую платформу, в числе тех принципов, за которые борются белые, значилось: «чтобы русский народ сам выбрал бы себе Х о з я и н а»<sup>37</sup>. То обстоятельство, что слово «Хозяин» было напечатано вразрядку, дало повод левым кругам обвинять Врангеля в том, что под хозяином он разумел царя, а правым кругам — что он имел в виду самого себя, в качестве верховного правителя или диктатора. Оба толкования были продиктованы, конечно, сугубо политической предубежденностью. Как это видно из приведенного выше полного текста «Воззвания» и из сопутствующего ему приказа, речь шла о хозяине, которого поставит у власти русский народ — в результате свободного выражения народной воли. Таким образом, сам народ признавался хозяином своей судьбы. Так именно Врангель и сказал Чебышеву: «Хозяин» — это сам русский народ. Как он захочет, так и должна устроиться страна. Если

он пожелает иметь монарха, Россия будет монархией. Если он признает полезной для себя республику — будет республика. Но дайте народу возможность выразить свои желания без чрезвычайек и без наведенных на него пулеметов. Большевики разогнали учредительное собрание, рассадили по тюрьмам, убили некоторых его членов. Большевики боятся всякого правильного законного представительства, в котором может вылиться воля народа. А мы стремимся установить минимальный порядок, при котором народ бы мог, если пожелает, свободно собраться и свободно выразить свою волю. Мои личные вкусы не имеют никакого значения. С минуты принятия на себя власти я отрешился в своей официальной деятельности от личных влечений к тому или другому порядку. Я беспрекословно подчиняюсь голосу русской земли».

Переходя к еврейскому вопросу, ген. Врангель признал, что в народных массах в последнее время «действительно замечается обострение ненависти к евреям», но связывал эти новейшие проявления антиеврейских настроений с существованием того, что он назвал гнойником большевизма. «Народ не разбирается, кто виноват. Он видит евреев-комиссаров, евреев-коммунистов и не останавливается на том, что это часть еврейского населения, может быть, оторвавшаяся от другой части еврейства, не разделяющего коммунистических учений и отвергающего советскую власть». И далее: «Наблюдаемое в последнее время обострение вражды народа к еврейству, быть может, один из показателей того, насколько народ далек от коммунизма, с которым он склонен ошибочно отождествлять все еврейство. С оживлением деятельности большевицкой власти в известной местности там растут и противоеврейские течения». Врангель тут же осудил всякую антисемитскую агитацию и соответствующие ей действия и подтвердил свою решимость энергично с ними бороться: «Всякое погромное движение, всякую агитацию в этом направлении я считаю государственным бедствием и буду с ним бороться всеми имеющимися у меня средствами»<sup>39</sup>. Вообще же, сказал Врангель, еврейский вопрос может быть разрешен лишь в условиях правового государства, ведомого сильной центральной властью. «Еврейский вопрос, вопрос тысячелетий, больной, трудный, он может быть разрешен временем и мерами общественного оздоровления, но исключительно при наличии крепкой, опирающейся на закон и реальную силу, государственной власти. В

стране, где анархия и произвол, где неприкосновенность личности и собственности ставится ни во что, открыт простор для насильственных выступлений одной части населения против другой»<sup>40</sup>.

Еще в начале своей беседы с Н. Н. Чебышевым Врангель коснулся и вопроса о взаимоотношениях России и Европы. Он отметил, что «В Европе долгое время не понимали, но теперь, по-видимому, уже начинают понимать то, что мы ясно сознаем: все мировое значение нашей домашней распри. Если наши жертвы пропадут даром, то европейскому обществу, европейской демократии придется самим встать на вооруженную защиту своих культурных и политических завоеваний против окрыленного успехом врага цивилизации»<sup>41</sup>.

Переходя в заключительной части своей беседы к вопросу России и Европы уже специально, Врангель сказал, что пока в России существует большевизм, Европа никогда не будет знать нормального политического и экономического существования. «Пока в России не установится настоящая государственная власть любого настроения, но такая, которая будет основана на освященных вековыми исканиями человеческой мысли началах законности, обеспеченности личных и имущественных прав, на началах уважения к международным обязательствам, в Европе никогда не наступит ни мира, ни улучшения экономических условий. Невозможно будет заключить ни одного мало-мальски прочного международного соглашения, ни о чем как следует договориться»<sup>42</sup>.

Поскольку в различных европейских центрах, в особенности в Лондоне, шли настойчивые разговоры о необходимости прекратить помощь белым и положить конец гражданской войне в России, Врангель еще раз разъяснил свою позицию в этом вопросе. «Я,— сказал Врангель Чебышеву,— всей душой жажду прекращения гражданской войны. Каждая капля пролитой русской крови отзывается болью в моем сердце. Но борьба неизбежна, пока сознание не прояснилось, пока люди не поймут, что они борются против себя, против своих прав на самоопределение, что они совершают над собой бессмысленный акт политического самоубийства. (...) История когда-нибудь оценит самоотречение и труды горсти русских людей в Крыму, которые в полном одиночестве на последнем клочке русской земли боролись за устои счастья человеческого, за отдаленные очаги европейской культуры. Дело русской армии в Крыму —

великое освободительное движение. Это священная война за свободу и право»<sup>43</sup>.

Для осуществления своей идейно-политической программы Врангель нуждался прежде всего во времени. Но время было не на стороне белых. Успехи большевиков в войне против Польши еще больше укрепили британское правительство в лице Ллойд Джорджа и его сотрудников в их давнишней склонности идти на соглашение с Лениным. Англичане оказывали давление на Польшу, чтобы она заключила мир с большевиками, и на Врангеля — чтобы он прекратил всякую вооруженную борьбу. Итальянцы тоже склонялись к компромиссу с Лениным. Только Франция, поддерживавшая Польшу и признававшая *de facto* правительство ген. Врангеля, а также Соединенные Штаты оставались еще верны своей прежней политике поддержки Белого движения.

В конце августа (начале сентября по н. с.) 1920 г. контр-адмирал Н. А. МакКолли, бывший специальным представителем американского Государственного департамента в России, задал в письменной форме по указанию своего правительства восемь вопросов правительству Врангеля с целью уточнить общую политику белых. Он получил немедленный ответ на все восемь вопросов (которые тут не воспроизводятся по недостатку места<sup>44</sup> и потому, что их содержание ясно проступает из ответов на них). Ввиду особого значения этого ответного документа для понимания идейной и политической платформы Врангелевского правительства, приводим русский текст ответа полностью, дословно:

Доверительно.

1. Генерал Врангель неоднократно заявлял, что его цель состоит в предоставлении возможности русскому народу самому свободно выразить свою волю касательно будущей формы правления в России. Он еще раз подтверждает свое намерение установить условия, позволяющие созыв Национального Собрания, избранного на основах всеобщего избирательного права и посредством которого будет установлена форма правления в новой России.

2. Генерал Врангель не имеет ни малейшего намерения навязывать России форму правления, действующую без народного представительства и лишенную общественной поддержки.

3. Толкование недавних деклараций генерала Врангеля в том смысле, что он не полагает восстановление в России законности и свободы делом исключительно во-

енным,— совершенно справедливо. Вся совокупность уже осуществленных реформ, наоборот, указывает на то, что генерал Врангель придает первенствующее значение работе по восстановлению государства и удовлетворению потребностей крестьян, составляющих значительное большинство народонаселения России. Именно с этой целью, имея в виду способствовать мирному развитию созидательных усилий правительства, генерал Врангель воздерживается от расширения территории, занятой его войсками, но старается упрочить целость политического и экономического центра, созданного на территории как занятой Русской армией, так и казаками, с которыми он находится в тесном союзе. Сохранение этого здорового ядра совершенно необходимо, дабы оно могло служить центром притяжения, вокруг которого бы свободно собирались и развивались все усилия русского народа, направленные к национальному возрождению.

4. Сведения о реформах, предпринятых правительством генерала Врангеля по установлению волостных земств и по проведению аграрной реформы, вполне совпадают с действительностью. Первая из этих реформ передает власть на местах, а также заботы о местных и экономических интересах самому населению, которое и будет осуществлять эту власть посредством своих свободно избранных органов. Закон о волостных земствах в скором времени будет дополнен законом о земствах уездных. Оба эти закона будут служить основой для установления более общего представительного учреждения. Аграрная реформа имеет целью радикально разрешить аграрный вопрос и включает в себя законный переход, путем выкупа, всех годных к обработке земель в руки обрабатывающих их крестьян; земли эти передаются им в собственность, имея в виду создать в будущем сильный класс мелких земельных собственников, что вполне отвечает стремлениям русского крестьянина.

5. Число беженцев, нашедших у генерала Врангеля убежище от большевиков, очень значительно: оно превышает 500 000 для одного Крыма. Необходимо прибавить сюда еще примерно такое же число для беженцев, разбросанных по Ближнему Востоку, Египту и Европе. Главную часть беженцев составляют старики, женщины и дети. Все они так или иначе пользуются поддержкой и помощью со стороны правительства юга России. В случае, если бы неприкосновенность территории юга России была бы гарантирована, генерал Врангель считал бы

своим долгом облегчить беженцам возвращение на родину, дабы позволить им приступить к продуктивной работе. Контингенты беженцев составлены из самых разнообразных элементов. Они принадлежат ко всем классам общества, одинаково признавшим для себя невозможным переносить большевицкую тиранию.

6. Генерал Врангель полагает, что возглавляемое им правительство остается единственным хранителем идеи национального возрождения и восстановления единства России. В то же время он признает, что только правительство, установленное после разрешения национальным собранием вопроса о форме правления, сможет заключать договоры, затрагивающие суверенные права русского народа и распоряжаться национальным достоинством.

7. Политическая декларация, сделанная недавно правительством Северо-Американских С. Ш., совершенно совпадает с политической программой генерала Врангеля, как в части, касающейся вопроса о сохранении единства и неприкосновенности русской территории, так и в вопросе о Польше. Генерал Врангель уже раньше считал своим долгом выразить по этому поводу свою живейшую признательность федеральному правительству.

8. Генерал Врангель полагает, что иностранные державы, знакомясь с его работой на деле, а не посредством устных деклараций, могли бы убедиться, что ничто не оправдывает опасений о том, что дело правительства юга России могло бы выродиться в военную авантюру или в политическую реакцию. Что касается первого опасения, то генерал Врангель напоминает, что он готов был прекратить гражданскую войну как только им получены были бы сведения о действительных гарантиях неприкосновенности его территории, а также территорий казачьих и как только русский народ, стонущий под большевистским ярмом, получил бы возможность свободно высказать свою волю. С своей стороны генерал Врангель готов предоставить населению занятой им территории возможность свободно высказать свои пожелания, будучи твердо уверен, что население ни в коем случае не выскажется за советскую власть.

Что касается его лично, то генерал Врангель уже открыто заявил, что его цель состоит в установлении для народа возможности высказать свободно свою волю и что он, генерал Врангель, не колеблясь, подчинится суверенному голосу русского народа.

Севастополь, 24 августа (6 сентября) 1920 года <sup>45</sup>.

Такова была идейно-политическая позиция Врангелевского правительства по важнейшим вопросам того времени. К несчастью для России и к несчастью для всего мира, исторический ход событий был слишком стремителен, а великое множество людей слишком ослеплены и утомлены. Польша и новосозданные прибалтийские республики прекратили вооруженную борьбу против большевиков. Это позволило большевистскому руководству перебросить освободившиеся огромные силы на юг, против Врангеля,— что в свою очередь привело к отступлению и эвакуации армии ген. Врангеля и большой массы гражданских лиц в Турцию в ноябре 1920 года.

## ПЛАТФОРМА И ДУХ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Идейно-политическая платформа Белого движения и ее врангелевской редакции одновременно и сходна с платформой этого движения в ее деникинской редакции, и отличается от нее. Сходство в конечной цели, расхождение — в основном упоре, в путях и методах достижения стоявшей перед белыми вождями цели.

И Деникин, и Врангель были по своей идейно-политической установке непредрежденцами. Однако непредрешение Деникина было поначалу неподвижным и всеобъемлющим: оно относилось к форме будущей верховной власти, к структуре и составу будущего российского государства и к основным социально-экономическим вопросам, включая и важнейшие вопросы — аграрный и рабочий. Деникин не считал себя вправе что-либо существенно менять или ломать в том порядке вещей, который достался ему от недавнего прошлого. Он полагал возможным — и даже просто необходимым в тогдашних условиях — отложить решение всех кардинальных вопросов на будущее, когда в России будет установлен нормальный правопорядок и законная власть. Он хотел ограничиться программой-минимумом: «За Россию!» Но эта программа-минимум, в известном противоречии с общим принципом непредрежденчества, была одновременно расширена до политически гораздо более сложной формулы: «Великая, Единая, Неделимая».

Практически, под давлением непрерывно меняющейся реальной обстановки, «Великая, Единая, Неделимая» становилась постепенно все менее определяющей формулой деникинской политики. (Хотя официально, декларативно, этой формулой открывается даже послед-

няя приведенная тут платформа — «наказ» ген. Деникина от 14 декабря 1919 г.) Со временем было приступлено к решению аграрного и рабочего вопросов; признан принцип широкой местной автономии и децентрализации власти; принята идея созыва Народного Собрания, как верховного выразителя народной воли. От непредреждения нетронутым остался по-существу только один пункт: форма верховной власти, т. е. быть ли России монархией или республикой. Эволюция ген. Деникина была медленной и запоздалой, его идейно-политическая платформа не отвечающей в нужной мере динамике революции и гражданской войны.

Совершенно иным, подлинно динамическим и творческим, был подход ген. Врангеля. От общей платформы непредреждения уцелело лишь то, что относилось к форме будущей верховной власти. Врангель сразу же провозгласил русский народ хозяином русской земли; принял идею федеративной структуры государства, с признанием реально существующих новых государственных образований, с широкой автономией и местным самоуправлением; приступил к немедленному решению рабочего и аграрного вопросов, с принятием социальных последствий революции — вплоть до легализации захваченной крестьянами земли и передачи земли в полную собственность тем, кто на ней трудится. и т. д.

При всех различиях, связанных с различием натур, дарований и взглядов этих двух вождей Белого движения, было, однако и то общее, что их объединяло и что определяло все существо Белого движения. Этим общим была борьба:

— за Россию, за ее спасение (деникинское; «я призывал Армию бороться просто за Россию»; врангелевское: «Помогите мне, русские люди, спасти Родину»),

— за свободу, право и правопорядок,

— за все иные высшие духовные ценности (вера, Церковь и народные святыни — Святая Русь, любовь к ближнему — а не ненависть к так наз. классовым врагам, общечеловеческие и общекультурные ценности, честь, исполнение долга, самопожертвование).

Таким образом, то, что объединяло этих двух (и всех других) вождей Белого движения, было гораздо глубже и — для истории и перед лицом вечности — гораздо важнее того, что их разъединяло.

Это общее и можно назвать духом Белого движения. При всем значении тех или иных принципов, положенных

в основу известной идеологической платформы, в конечном счете вдохновляет эту платформу и решает дело именно дух, духовная сторона данного явления.

Для понимания духа Белого движения, помимо официальных идейно-политических платформ, необходимо поэтому обратиться также к музыке (в особенности вокальной, песенной <sup>46</sup>) и к поэзии того времени.

Общее настроение, которое руководило белыми добровольцами, было ярко выражено, в частности, в популярной добровольческой песне:

Русь наводнили  
Чуждые силы;  
Честь опозорена,  
Храм осквернили.

Смело мы в бой пойдем  
За Русь Святую  
И, как один, прольем  
Кровь молодую.

И еще — в известной песне корниловцев:

За Россию и свободу,  
Если в бой зовут.  
То корниловцы и в воду  
И в огонь пойдут.

. . . . .

Мы былого не жалеем,  
Царь нам не кумир.  
Мы одну мечту лелеем —  
Дать России мир.

Это и был тот дух, которым питались психологическая и идейная платформа Белого движения, с ее главными принципами: Россия, ее святыни, честь, свобода, правопорядок единств и мирное развитие.

Никто так художественно ярко не выразил духа и значения Белого движения — в его связи с понятиями веры, чести, долга и жертвы, — как Марина Цветаева, чьи стихи 1917—1921 гг. составили целый сборник, «Лебединый стан». Многие хотели бы процитировать из этого замечательного сборника. Приведем тут полностью хотя бы первые две части стихотворения «Дон».

## I

Белая гвардия, путь твой высок:  
Черному дулу — грудь и висок.  
Божье да белое твое дело:  
Белое тело твое — в песок.

Не лебедей это в небе стая:  
Белогвардейская рать святая  
Белым видением тает, тает...

Старого мира — последний сон:  
Молодость — Доблесть — Вандея — Дон.

## 2

Кто уцелел — умрет, кто мертв — воспрянет.  
И вот потомки, вспомнив старину:  
— Где были вы? — Вопрос как громом грянет,  
Ответ как громом грянет: — На Дону!

— Что делали? — Да принимали муки,  
Потом устали и легли на сон.  
И в словаре задумчивые внуки  
За словом: долг напишут слово: Дон.<sup>47</sup>

Бессмертие подвига белых и связь этого подвига с защитой духовных ценностей подчеркнуты в заключительных словах третьей части этого стихотворения:

Перекрестясь на последний храм  
Белогвардейская рать — векам.<sup>48</sup>

Будем верить, что и оскверненные и разрушенные храмы будут восстановлены, и завещанный векам самоотреченный патриотический подвиг белогвардейской рати будет навсегда вписан в славные страницы российской истории.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак:

Белое движение было реакцией духовно здоровых сил страны на национальное, государственное, политическое и культурное разложение и падение, связанное с революцией и насильственным захватом власти большевиками-ленинцами, развязавшими в России гражданскую войну.

Политические и идеологические настроения и идеи вождей и рядовых участников Белого движения были столь же разнообразны, как и их социальное происхождение. (Ген. Врангель был аристократ, барон, но отец ген. Деникина был до тридцатилетнего возраста крепостным крестьянином, а ген. Корнилов был сыном простого казака, отставного хорунжего-сибиряка). Изображать это движение в качестве движения помещичье-бур-

жуазного и стремящегося к реставрации монархии и старого режима вообще — значит или демагогически искажать действительное положение вещей, или заблуждаться, или, наконец, выдавать часть за целое. К тому же, такой подход опровергается и представителями русского крайне-правого, реакционного или партийно-монархического лагеря, которые всегда утверждали (и продолжают утверждать), что основатель движения ген. Алексеев был республиканцем и что главная причина поражения Белого движения заключалась в отказе его вождей поднять монархическое знамя и выдвинуть монархическую программу. Впрочем, сложный политический облик Белого движения и его руководства признается теперь иногда даже советскими историками. Так, например, недавно вышедшая советская энциклопедия гражданской войны упоминает о том, что первое белое правительство, созданное в Новочеркасске на Дону, было коалиционным и включало также представителей левого фланга тогдашнего политического спектра — в лице конституционных демократов (кадетов), социалистов и социал-революционеров.<sup>49</sup>

Белое движение было первым — и до настоящего времени все еще главным — этапом в истории антибольшевистской борьбы.

Белые воины были в точном смысле слова первопроходниками не только России, но и всего человечества в борьбе против величайшего зла XX века — большевизма-коммунизма.

Независимо от внешней, вооруженной неудачи этого движения, относительно его подлинного духа, чаяний, целей и свершений никаких сомнений не должно быть, в особенности касательно его первой и последней фаз. При всех его недостатках, ошибках и прегрешениях, по своему существу это было идеалистическое и героическое движение, боровшееся за самое бытие, честь и возрождение России, за ее религиозные, культурные и исторические ценности и за торжество в России свободы, права и правопорядка.

В ряду духовных ценностей, вдохновлявших белых, совершенно особое место занимало понятие чести. Но не только в личном плане, у лучших представителей этого движения, а и шире. Как неоднократно отмечалось, если бы Россия тогда не ответила Белым движением на революцию и насильственный захват власти большевиками, честь России и русского народа была бы погублена, они были бы обесчещены навсегда. Честь эта была

спасена тем, что среди массового развала и духовного онемения из самых различных слоев народа сразу же выдвинулось героическое и жертвенное меньшинство, готовое до смерти отстаивать не эгоистически-личные или классово-корыстные материальные интересы, а сверхлические религиозные, патриотические, государственные и культурные ценности.

Основное течение Белого движения всегда было плюреалистическим и никогда не представляло никакой опасности, грозящей России введением какого бы то ни было политического и идеологического монизма. Напротив, Белое движение активно и беззаветно боролось за ликвидацию того политического, идеологического и экономического монизма, той коммунистической диктатуры (в перспективе диктатуры тоталитарной), которая была установлена Лениным и его сподручными в центре страны — и уже тогда стремилась распространиться на всю Россию и на весь остальной мир («мировая революция!»).

Общая идейно-политическая платформа Белого движения — в особенности в ее врангелевской редакции — так же актуальна теперь, как она была актуальна и семьдесят лет тому назад:

**«За Россию и свободу!»**

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. В основе этой статьи — первая часть моего английского доклада-статьи: Nikolai P. Poltoratzky. *Would the Victory of the «Russian Party» Preserve Political and Ideological monism? (Political — Ideological Platforms of the «Russian Party») // The Soviet Union and the Challenge of the Future. Vol. 3: Ideology, Culture and Nationality.* / Ed. by a. Shtromas and Morton a. Kaplan. N. Y. 1989. Pp. 92—138.

В настоящем, русском варианте первого раздела этой главы, посвященного Белому движению, английский текст перестроен и существенно дополнен.

2. Лампе А. А. Пути верных. Сб. статей.— Париж, 1960. С. 17—19, 28, 72.

3. Там же. С. 19.

4. Название этому органу управления было дано В. В. Шульгиным, который составил и перечень необходимых отделов. Окончательно разработал и отредактировал «Положение об Особом Совещании» ген. А. М. Драгомиров, который с 10 августа 1918 г. состоял «помощником Верховного Руководителя» — ген. Алексева. (В тех случаях, когда в статье указывается только одна дата, она приводится по старому стилю, который тогда еще оставался в силе на юге России).

«Положение» было утверждено ген. Алексеевым 18 августа. Особому Совещанию подчинялись следующие отделы: государственного устройства, внутренних дел, дипломатически-агитационный, финансовый, торговли и промышленности, продовольствия и снабжения земледелия, путей сообщения, юстиции, народного просвещения и контроля. Этот зачаточный орган гражданского управления создавался очень медленно. Первоначально председателем Особого Совещания был Верховный Руководитель Добровольческой Армии ген. М. В. Алексеев (1857—1918). После его смерти, наступившей 25 сентября, председателем стал ген. А. И. Деникин, принявший звание Главнокомандующего и объединивший в одних руках власть военного командования и гражданского управления. Впоследствии — дольше всех — председателем Особого Совещания был ген. А. М. Драгомиров, а после него ген. А. С. Лукомский.— См. об этом: Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. Белое движение и борьба добровольческой армии. Май — октябрь 1918 года.— Берлин, 1924. С. 260—265.

5. Там же. С. 262.

6. Там же.

7. Текст этой речи приводится в кн.: Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 4.— Берлин, 1925. С. 45—48. Ген. Деникин прямо называет эту речь «декларацией Добровольческой власти» (С. 45) и указывает, что хотя речь была составлена лично им, она «отражала всецело и взгляды «Особого Совещания» во главе с ген. Драгомировым (прим. 3 на с. 45).

8. Там же. С. 45.

9. Там же. С. 47.

10. Там же.

11. Там же. С. 210. Прим. 1.

12. Там же. С. 211.

13. Там же. Подчеркнуто мною. Во всех других, специально не оговоренных, случаях подчеркивания принадлежат цитируемым авторам.

14. Там же. Прим. 2 на с. 215—216.

15. См.: Там же. Прим. 1 на с. 215.

16. Там же. С. 215.

17. Там же.

18. Там же. С. 210.

19. Там же. С. 216.

20. Полный текст этого «наказа» см. в т. 5 «Очерков» ген. Деникина. С. 280—281.

21. Там же. С. 280. Первые четыре пункта этого документа приводятся в несколько иной форме, также в кн.: General Baron Peter N. Wrangel, «Always with Honor», With a Foreword by Herbert Hoover, New York, Robert Speller & Sons, 1957, p. 120.

22. Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 4. С. 42.

23. Там же. Т. 3. С. 263.

24. Сноска ген. Деникина: Не взирая на объявление России республикой и согласие на автономию Украины.— Там же. С. 263.

25. Там же. Такое умонастроение господствовало, по словам ген. Деникина, в широких кругах русского общества еще до большевистского переворота в октябре 1917 г. В подтверждение своей мысли ген. Деникин сослался тут на статьи двух политически противоположных органов печати того времени, либеральной газеты «Речь» и радикальной газеты «День». Газета «Речь», в передовой статье от 23 сентября 1917 г. писала, в частности: «Справиться с национальными бедствиями, сохранить единство России — вот вся программа. Если бы ее удалось осуществить — это была бы величайшая заслуга перед родиной и перед революцией, которая только этим путем и может быть спасена» (С. 263).

26. Там же. С. 263.

27. Там же.

28. «Белое дело»: Летопись Белой Борьбы. Материалы, собранные и разработанные бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и светлейшим князем А. П. Ливеном. / Под ред. А. А. фон-Лампе. — Берлин, 1928. Т. VI С. 76. Тт. V и VI «Белого Дела» целиком посвящены «Запискам» ген. Врангеля. В 1969 г. оба тома были переизданы под названием «Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля». Переиздание надо всячески приветствовать, но нельзя не упомянуть одного важного обстоятельства: сам Врангель считал, что именно эти «записки» (о борьбе, которая еще продолжается), а не «воспоминания» (о чем-то уже завершённом).

29. Там же. Т. VI. С. 92. Этот приказ (3226), подписанный в Севастополе 20 мая 1920 г., был опубликован 25-го, из-за задержки с печатанием приказа о земельной реформе. В дальнейшем все ссылки на «Записки» относятся к этому же, шестому тому «Белого Дела».

30. Там же. С. 107—108.

31. Там же. С. 109.

32. Там же. С. 118 (приказ 3372)

33. Там же. С. 122.

34. Там же.

35. Там же.

36. Там же. С. 123.

37. Там же. С. 76.

38. Там же. С. 123.

39. Перед тем Врангель упомянул в своих «Записках» об одном конкретном эпизоде этого рода. «В газете монархического направления «Русская правда», издававшейся в Севастополе, появился целый ряд статей определенно погромного характера (...). Я тогда же отдал приказ, объявив выговор цензору, и закрыл газету» (С. 122).

40. Все цитаты в этом абзаце — отсюда же, со С. 124.

41. Там же. С. 123.

42. Там же. С. 124.

43. Там же. С. 124.

44. Английский текст письма адмирала Мак Колли (?) воспроизведен на С. 165—166 «Записок» ген.

Врангеля, русский перевод письма — на С. 166—167. И в русском, и в английском («Always with Honor») изданиях «Записок» фамилия адм. Н. А. McCully приводится как MacCully; в русском тексте — через дефис: Мак-Колли. В некрологе адмирала, появившемся в газете «New York Times», его фамилия была напечатана именно так: McCully.

45. Там же. С. 168—169.

46. См.: Песенник российского воина. / Сост. Валентин Н. Мантулин. Т. I—II. — Нью-Йорк. 1970—1985.

47. Цветаева М. Лебединый стан. Стихи 1917—1921 гг. Приготовил к печати Г. П. Струве. Без ук. м. и., 1957. С. 27—28. Ко второй части стихотворения «Дон» указана авторская дата: 17-го марта 1918 г. и сделано примечание редактора сборника; «Сбоку приписка М. И. Цветаевой: NB! мои любимые» (стихи).

48. Там же. С. 29. Примечание М. И. Цветаевой к этой, 3-ей части стихотворения «Дон»: «Москва. Благовещение 1918 г.— дни разгрома Дона».

49. См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. / Гл. ред. С. С. Хромов.— М., 1983. С. 200.

---

## КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПУБЛИКАТОРАХ

**БОРТНЕВСКИЙ Виктор Георгиевич** — род. в 1954 г., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории советского общества Ленинградского государственного университета. Автор статей и документальных публикаций по различным проблемам истории России XIX—первой половины XX в., специализируется преимущественно по истории гражданской войны и русской эмиграции.

**БРАЧЕВ Виктор Степанович** — род. в 1947 г., кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории СССР Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Автор работ по источниковедению и истории России XVIII—первой трети XX в.

**ВАРУСТИНА Елена Львовна** — род. в 1958 г., кандидат исторических наук, научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Специализируется в области источниковедения истории России начала XX в.

**ПОССЕ Нина Александровна** — род. в 1901 г., ветеран Союза театральных деятелей СССР, пенсионер, вдова В. А. Поссе.

**СМОЛИН Анатолий Васильевич** — род. в 1947 г., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Автор работ по источниковедению и истории гражданской войны в России.

**ЧЕРНЯЕВ Владимир Юрьевич** — род. в 1945 г., кандидат исторических наук, научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Автор статей и документальных публикаций по различным проблемам истории России начала XX в., специализируется преимущественно по истории российских революций.

## CONTENTS

### TO OUR READERS

**Hoover Institution Archives (USA):** A. P. Balk. The Last Days of Tsarist Petrograd.

**The former Russian emigre historical archives in Prague:** E. N. Geacintov. The Tragedy of the Russian Army in 1917; A. A. Borman. Moscow — 1918 (Notes of a White Agent in the Kremlin); Documents fo the White Counterintelligence Service, 1919.

**Private archives:** V. A. Posse. From the February to the Brest (Memoirs).

**KGB archives:** Leningrad Freemasons and the OGPU (Interrogation Protocols and Material Proofs).

**Political thought of the Russian emigration:** N. P. Poltoratsky. The Ideological Platform of the White Movement.

## SOMMAIRE

### A NOS LECTEURS

**Archives de l'Institution Hoover (USA):** A. P. Balk, Les derniers jours de Petrograd tsariste.

**Archives historiques de l'emigration russe a Prague:** E. N. Geacintov, La tragedie de l'armee russe in 1917; A. A. Borman, Moscou—1918 (Notes d'un agent secret blanc au Kremlin); Documents des service de contre-espionnage des armees blanches.

**Archives personnelles:** V. A. Posse, De fevrier a Brest (Memoires).

**Archives du KGB:** Les francs-macons a Leningrad et l'OGPU (Proces — verbaux d'interrogatoires et preuves materielles).

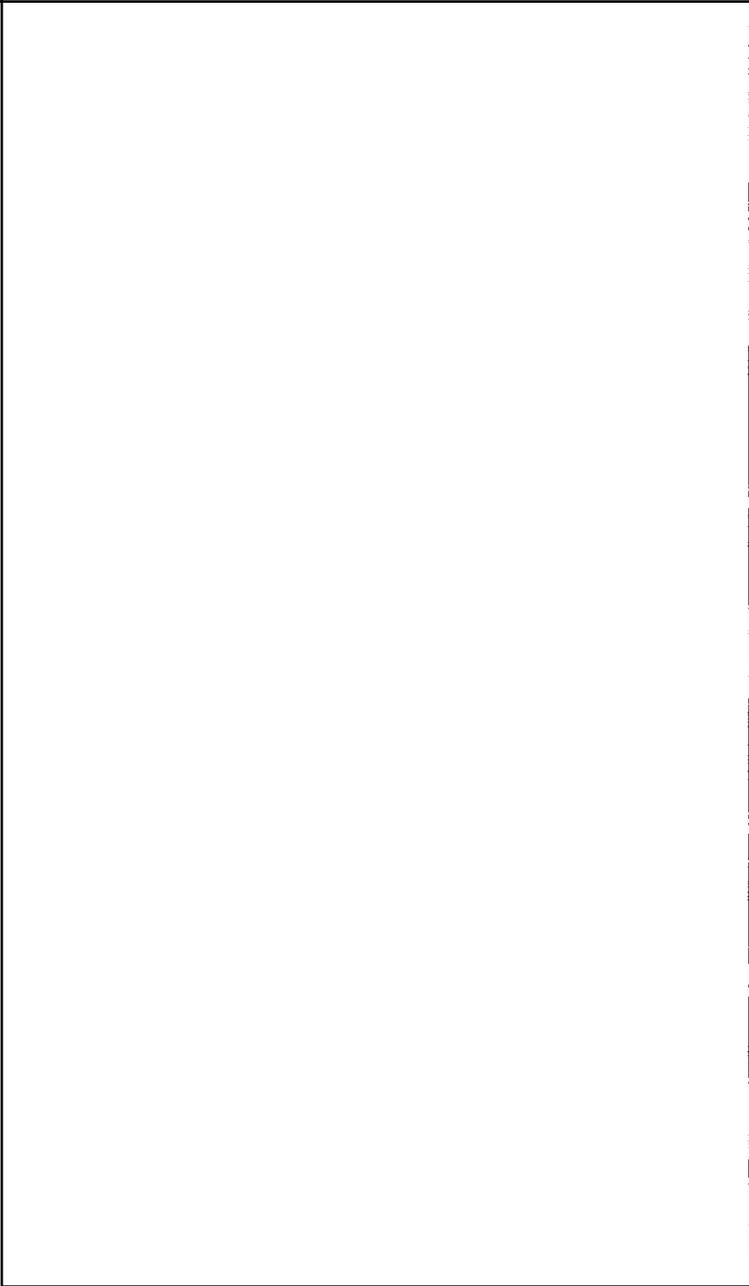
**La pensee politique de l'emigration russe:** N. P. Poltoratsky, La plate-forme ideologique du mouvement blanc.

Технический редактор *И. Д. Висоцук*

Сдано в набор 10.04.1991 г. Подписано к печати 13.05.91 г.  
Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага офс. № 1. Печать высокая.  
Усл.-печ. л. 16,38. Усл. кр.-отт. 16,59. Уч.-изд. л. 18,04.  
Тираж 23 000 экз. Зак. 1—146. Цена 5 р. 60 к.

Филиал «Свелен» совместного советско-австрийско-американского предприятия «Свенас». 194156, Ленинград, Сердобольская, 1

Отпечатано в полнграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины (МДС) «Молодь». Адрес полнграфкомбината: 254119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.



В следующих выпусках:

*неизвестные документы о С. Ю. Витте, Св. Иоанне Кронштадтском, Г. А. Гапо-не и других известных деятелях России; воспоминания и переписка Генерально-го штаба полковника П. В. Колтышева о походе отряда М. Г. Дроздовского, о ген. А. И. Деникине и о своем заклю-чении в нацистском концлагере; дневник унтер-офицера Алексеевского полка А. Судоплатова; агентурные материалы белогвардейской контрразведки и секретные сводки де-никинского Освага; новые материалы о Кронштадтском мя-теже 1921 г. и других событиях; документы по истории русской куль-туры; записки известного в Русском Зару-бежье художника-иконописца отца Киприана. Один из выпусков альманаха будет пол-ностью состоять из материалов, собран-ных Обществом Ревнителеев русской истории (Париж).*



*Выпуски историко-документального альма-наха «Русское прошлое» можно получить на-ложенным платежом, заказав по адресу:*

*197345. Ленинград, ул. Петрозаводская, 7. Магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига».*